

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. Ломоносова

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Майсак Тимур Анатольевич

**ТИПОЛОГИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ
КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ
И ГЛАГОЛАМИ ПОЗИЦИИ**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научные руководители —
доктор филологических наук,
профессор **А. Е. Кибрик**;
доктор филологических наук,
доцент **В. А. Плунгян**

Специальность: **10.02.20** —
“Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание”

Москва – 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ.....	6
ОБОЗНАЧЕНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРИМЕРОВ.....	10
ВВЕДЕНИЕ. СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ.....	12
В.1. ТЕОРИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ К НАЧАЛУ XXI ВЕКА.....	13
В.2. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОЦЕССА ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ.....	16
ГЛАВА 1. ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ И ГЛАГОЛЫ ПОЗИЦИИ КАК ЛЕКСИЧЕСКИЕ КЛАССЫ И КАК ИСТОЧНИКИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ.....	24
1.1. ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ.....	24
1.1.1. <i>Определение и основные свойства источников</i>	24
1.1.2. <i>Концептуальные свойства исходных единиц</i>	27
1.1.3. <i>Формальные свойства исходных единиц</i>	31
1.1.4. <i>Почему важно изучать источники грамматикализации</i>	34
1.2. ЗАДАЧИ НАСТОЯЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	38
1.3. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ.....	39
1.3.1. <i>Глаголы движения как лексический класс</i>	39
1.3.1.1. <i>Общая семантическая характеристика</i>	39
1.3.1.2. <i>Изучение лексической семантики глаголов движения</i>	42
1.3.1.3. <i>Изучение грамматикализации глаголов движения</i>	43
1.3.2. <i>Глаголы позиции как лексический класс</i>	43
1.3.2.1. <i>Общая семантическая характеристика</i>	43
1.3.2.2. <i>Изучение лексической семантики глаголов позиции</i>	45
1.3.2.3. <i>Изучение грамматикализации глаголов позиции</i>	47
1.4. МЕТОДОЛОГИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ И ПОЗИЦИИ.....	48
1.4.1. <i>Метод исследования и поиск данных</i>	48
1.4.1.1. <i>Идентификация “исходных глаголов”</i>	48
1.4.1.2. <i>Идентификация “грамматикализованных конструкций”</i>	49
1.4.1.3. <i>Источники языкового материала</i>	53
1.4.2. <i>Языковая выборка</i>	55
1.4.2.1. <i>Общие проблемы составления типологической выборки</i>	55
1.4.2.2. <i>Рассматриваемые языки</i>	57
ГЛАВА 2. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ.....	60
2.1. ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛИ ГЛАГОЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ.....	60
2.2. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ИДТИ/УХОДИТЬ.....	66
2.2.1. <i>Будущее время, проспектив</i>	66
2.2.1.1. <i>Языки с “ИДТИ-будущим”</i>	66
2.2.1.2. <i>Будущее время или проспектив?</i>	70
2.2.2. <i>Имперфективные значения</i>	72
2.2.3. <i>Перфектив, прошедшее время, перфект</i>	77
2.2.4. <i>Инхоативное значение</i>	80
2.2.5. <i>Императивные значения</i>	82
2.2.6. <i>Пассивная конструкция</i>	84
2.2.7. <i>Модальные значения</i>	85
2.2.8. <i>Целевое значение</i>	88
2.2.9. <i>Следование событий во времени</i>	89
2.2.10. <i>Модификатор именной группы, аффикс существительного</i>	90
2.2.11. <i>Периферийные пути грамматикализации</i>	91
2.2.11.1. <i>Пространственная и временная дистанция</i>	91
2.2.11.2. <i>ИДТИ/УХОДИТЬ при указании на временной отрезок</i>	91
2.2.11.3. <i>Вопросительность, эмпфаза</i>	92
2.2.11.4. <i>Сравнение</i>	92

2.2.11.5. Дезидеративное значение.....	92
2.2.11.6. Модификатор числительного	93
2.2.11.7. Словообразовательный суффикс глагола	93
2.2.11.8. Классифицирующий вспомогательный глагол	93
2.3. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ПРИХОДИТЬ	93
2.3.1. Будущее время, проспектив	93
2.3.2. Имперфективные значения	97
2.3.3. Перфект, прошедшее время, перфектив.....	102
2.3.4. Наступление нового состояния, инхоатив	103
2.3.5. Модальные значения: возможность, необходимость	106
2.3.6. Императивные значения	109
2.3.7. Пассивная конструкция.....	111
2.3.8. Оформление целевого придаточного	112
2.3.9. Следование событий во времени	113
2.3.10. Модификатор именной группы	113
2.3.11. Периферийные пути грамматикализации.....	114
2.3.11.1. Рефактивное значение	114
2.3.11.2. Бенефактив	115
2.3.11.3. Дезидеративное значение.....	116
2.3.11.4. Кунктатив ('еще не')	117
2.3.11.5. ПРИХОДИТЬ при указании на временной отрезок.....	117
2.3.11.6. Приближенная оценка	117
2.3.11.7. Каузатив	118
2.3.11.8. Предикатная анафора	118
2.3.11.9. Сочинительный союз.....	118
2.4. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ХОДИТЬ	118
2.4.1. Имперфективные значения.....	119
2.4.2. Периферийные пути грамматикализации.....	122
2.4.2.1. Проспективное значение.....	122
2.4.2.2. Императивные значения	122
2.4.2.3. Пространственный показатель	123
2.5. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ВХОДИТЬ	123
2.5.1. Инхоативное значение.....	123
2.5.2. Модификатор именной группы	124
2.5.3. Периферийные пути грамматикализации.....	124
2.5.3.1. Видо-временной показатель	124
2.5.3.2. Следование во времени	124
2.6. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ВЫХОДИТЬ	125
2.6.1. Перфективное значение	125
2.6.2. Периферийные пути грамматикализации.....	126
2.6.2.1. Инхоативное значение	126
2.6.2.2. Модификатор именной группы	126
2.6.2.3. Модальные значения	127
2.6.2.4. Близкое прошедшее время.....	127
2.6.2.5. Быстрое осуществление действия.....	127
2.6.2.6. Перемещение участника относительно агенса	127
2.7. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ПОДНИМАТЬСЯ	127
2.7.1. Инхоативное значение.....	128
2.7.2. Периферийные пути грамматикализации.....	129
2.7.2.1. Пространственный показатель	129
2.7.2.2. Перфективное значение	129
2.7.2.3. Континуативное значение.....	129
2.7.2.4. Императивное значение	129
2.7.2.5. Показатель сравнения	129
2.8. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ СПУСКАТЬСЯ	129
2.8.1. Интенсивное, аттенуативное, континуативное значение	130
2.8.2. Периферийные пути грамматикализации.....	131
2.8.2.1. Пространственный показатель	131
2.8.2.2. Показатель сравнения	131
2.8.2.3. Интенциональное значение	131
2.8.2.4. Императивное значение	131
2.9. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ПРОХОДИТЬ / ПЕРЕХОДИТЬ	131
2.9.1. Сравнительная конструкция	131

2.9.2. Комитативный способ действия.....	133
2.9.3. Экспериментальное значение.....	133
2.9.4. Модификатор именной группы.....	134
2.9.5. Периферийные пути грамматикализации.....	134
2.9.5.1. Перфективное значение.....	134
2.9.5.2. Трансформативное значение.....	134
2.9.5.3. Оптатив.....	135
2.10. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ВОЗВРАЩАТЬСЯ.....	135
2.10.1. Рефактивное значение.....	135
2.10.2. Пространственный показатель.....	137
2.10.3. Периферийные пути грамматикализации.....	137
2.10.3.1. Рефлексив.....	137
2.10.3.2. Показатель противоречия ожиданиям.....	138
2.10.3.3. Показатель отрицания.....	138
2.10.3.4. Показатель сравнения.....	138
2.10.3.5. Прохибитив.....	138
2.10.3.6. Будущее время.....	139
2.11. ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ И “АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРФЕКТИВ”.....	139
2.11.1. Системы аналитических перфективаторов.....	139
2.11.1.1. Индоарийский вариант.....	140
2.11.1.2. Дравидийский вариант.....	142
2.11.1.3. Тюркский вариант.....	143
2.11.1.4. Сино-тибетский вариант.....	146
2.11.1.5. Тайский вариант.....	147
2.11.1.6. Аустроазиатский вариант.....	147
2.11.1.7. Нахско-дагестанский вариант.....	149
2.11.2. Типологические особенности “аналитической перфективации”.....	150
2.12. УДВОЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ.....	152
2.12.1. Множественная ситуация: альтернатив, итератив.....	152
2.12.2. Симметричность ролей: реципрок.....	153
ГЛАВА 3. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ПОЗИЦИИ.....	154
3.1. ГЛАГОЛЫ ПОЗИЦИИ В БЫТИЙНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ.....	154
3.1.1. Обзор языков с “бытийным” использованием позиционных глаголов.....	155
3.1.2. Случаи превращения позиционного глагола в бытийный.....	157
3.1.3. Немаркированность одного из глаголов позиции в бытийном употреблении.....	158
3.1.4. Грамматикализация глагола позиции vs. бытийного глагола.....	159
3.2. ГЛАГОЛЫ ПОЗИЦИИ В ИМПЕРФЕКТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ.....	161
3.3. ГЛАГОЛЫ ПОЗИЦИИ И “ПОЗИЦИОННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ”.....	164
3.4. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ СТОЯТЬ.....	165
3.4.1. Имперфективные значения, результатив.....	165
3.4.2. Периферийные пути грамматикализации.....	167
3.4.2.1. Инхоативное значение.....	168
3.4.2.2. Проспектив.....	168
3.4.2.3. Словообразовательный модификатор глагола.....	168
3.4.2.4. Пространственный показатель.....	168
3.4.2.5. Заглазное прошедшее время.....	169
3.4.2.6. Перфективное значение.....	169
3.4.2.7. Императивное значение.....	169
3.4.2.8. Следование событий.....	169
3.5. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ СИДЕТЬ.....	170
3.5.1. Имперфективные значения.....	170
3.5.2. Периферийные пути грамматикализации.....	172
3.5.2.1. Пространственный показатель.....	172
3.5.2.2. Инхоативное значение.....	172
3.5.2.3. Императивные значения.....	172
3.5.2.4. Перфективный модификатор, внезапность, негативная оценка ситуации.....	172
3.5.2.5. Перфектное значение.....	173
3.5.2.6. Модальные значения.....	173
3.5.2.7. Кунктатив (“все еще”).....	173
3.6. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ЛЕЖАТЬ.....	173
3.6.1. Имперфективные значения, результатив.....	173
3.6.2. Периферийные пути грамматикализации.....	175

3.6.2.1. Прошедшее время.....	175
3.6.2.2. Словообразовательный модификатор глагола.....	175
3.6.2.3. Перфективное значение.....	175

ГЛАВА 4. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ И ПОЗИЦИИ..... 176

4.1. РЕЗУЛЬТАТЫ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ И ПОЗИЦИИ: ОБЩИЙ ОБЗОР КАТЕГОРИЙ.....	176
4.1.1. <i>Темпоральные значения</i>	178
4.1.1.1. Будущее время.....	179
4.1.1.1.1. Типология грамматикализации будущего времени.....	179
4.1.1.1.2. Осмысление исходного значения.....	183
4.1.1.2. Настоящее время.....	185
4.1.1.3. Прошедшее время.....	185
4.1.1.4. Следование во времени.....	187
4.1.1.5. Глаголы движения и модель временных отношений.....	188
4.1.2. <i>Аспектуальные значения</i>	190
4.1.2.1. Имперфективные значения.....	191
4.1.2.1.1. Типы выражаемых имперфективных значений.....	191
4.1.2.1.2. Осмысление исходного значения.....	193
4.1.2.2. Перфективность.....	195
4.1.2.3. Фазовые значения.....	202
4.1.2.4. Множественность ситуаций.....	205
4.1.2.5. Интенсивность.....	206
4.1.3. <i>Модальные значения</i>	206
4.1.3.1. Императивные значения.....	207
4.1.3.2. Возможность и необходимость.....	208
4.1.3.3. Другие модальные значения.....	210
4.1.4. <i>Синтаксические показатели</i>	211
4.1.4.1. Рольевые отношения.....	211
4.1.4.2. Сравнительная конструкция.....	212
4.1.4.3. Целевое зависимое и другие показатели цели.....	213
4.1.4.4. Модификаторы именной группы.....	215
4.1.5. <i>Прочие случаи</i>	217
4.2. ВЫВОДЫ И ОБОБЩЕНИЯ.....	219
4.2.1. <i>Распространенность явления в языках мира</i>	219
4.2.2. <i>Некоторые закономерности грамматикализации глаголов движения и позиции</i>	221
4.2.2.1. Общее число путей грамматикализации для разных глаголов.....	221
4.2.2.2. Частота различных случаев грамматикализации для разных глаголов.....	225
4.2.2.3. Частотность путей грамматикализации.....	227
4.2.2.3.1. Глаголы движения и позиции как две группы источников.....	227
4.2.2.3.2. Разброс итоговых значений для конкретных глаголов.....	228
4.2.2.3.3. Частота путей грамматикализации для конкретных глаголов.....	229
Глаголы движения (кроме ХОДИТЬ).....	229
Глаголы позиции и ХОДИТЬ.....	230
4.2.2.3.4. Ареальные и генетические закономерности грамматикализации.....	230
4.2.3. <i>Соотношение источников и результатов грамматикализации</i>	231
4.2.3.1. Разные источники — одинаковые результаты.....	232
4.2.3.2. Один источник — противоположные результаты.....	234
4.2.4. <i>Объяснимы ли пути грамматикализации глаголов движения и позиции?</i>	235
4.2.4.1. Почему грамматикализуются глаголы движения и позиции.....	236
4.2.4.2. Почему глаголам движения и позиции свойственны именно такие пути грамматикализации.....	237
4.2.4.3. Почему глагол движения или позиции (не)грамматикализовался в данном языке.....	241
4.2.5. <i>Полнота решения поставленной задачи</i>	242
4.2.5.1. Существуют ли другие пути грамматикализации глаголов движения и позиции?.....	243
4.2.5.2. Каких путей грамматикализации глаголов движения и позиции не существует?.....	244
4.2.5.3. Возможна ли грамматикализация других глаголов движения и позиции?.....	245

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 247

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ГЕНЕТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ..... 250

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ..... 261

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. КАТАЛОГ ПУТЕЙ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ И ПОЗИЦИИ.....	266
БИБЛИОГРАФИЯ.....	272

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Настоящая работа посвящена исследованию возможных **путей грамматикализации** конструкций с глаголами движения и глаголами позиции, т.е. путей превращения этих конструкций в грамматические показатели. На материале 11-ти **глаголов движения** (передающих такие смыслы, как 'идти', 'уходить', 'приходить', 'входить', 'выходить', 'подниматься', 'спускаться', 'ходить', 'возвращаться', 'переходить', 'проходить') и 3-х **глаголов позиции** (передающих смыслы 'стоять', 'сидеть', 'лежать') рассматриваются отмечаемые в языках мира значения, возникающие у конструкций с этими глаголами в ходе их грамматикализации, дается объяснение механизмов переосмысления исходных пространственных значений этих конструкций, характеризуется соотношение этих конструкций с другими известными источниками рассматриваемых грамматических категорий.

Актуальность темы исследования. В последние десятилетия для теоретической лингвистики характерен перенос исследовательских интересов от чисто описательного подхода при анализе *синхронных* состояний языка к подходу, направленному на поиск *диахронических* закономерностей развития грамматики и преследующему в первую очередь объяснительные цели. В целом функционально-диахроническая перспектива значительно увеличивает объяснительную силу лингвистической теории, что особенно четко проявляется в типологических исследованиях: "регулярно воспроизводимые закономерности языковой эволюции... предоставляют нам тот уровень, на котором не сравнимые иным образом языки становятся сравнимыми" [Bybee et al. 1994: 4]. В данной работе функционально-диахронический подход используется при рассмотрении одной частной проблемы эволюции грамматики — а именно, для выявления и объяснения возможных путей грамматикализации исходных конструкций с глаголами движения и позиции. В работе изучается актуальный для современной теории грамматикализации вопрос о механизмах семантических изменений в ходе развития грамматических показателей из лексических источников. В частности, обсуждается важность учета исходного значения всей конструкции, вступающей на путь грамматикализации, в целом (т.е. как лексической семантики вспомогательного глагола, так и его грамматической формы, а также формы смыслового глагола). Обнаруженные закономерности демонстрируют преимущества функционального и диахронического подхода к анализу языковых данных, и могут рассматриваться как вклад в уточнение принципов и методов типологического исследования эволюции грамматических показателей.

Глаголы движения и позиции исходно описывают различные типы пространственного перемещения или расположения объектов; к рассмотрению в работе привлекались те конкретно-языковые глаголы, которые выражают один или несколько смыслов из выделенного набора. Избранные объектом диссертационной работы конструкции с глаголами движения и позиции принадлежат к числу типологически наиболее распространенных диахронических источников грамматических показателей. В генетически и ареально независимых языках грамматикализация конструкций с этими глаголами осуществляется по ограниченному (хотя и достаточно большому для некоторых глаголов) набору путей семантического развития; большая часть результатов этого развития связана со значениями основных категорий глагола (вид, время, модальность, залог и актантная деривация, а также пространственная ориентация).

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предлагается исчерпывающая характеристика возможных путей грамматикализации выбранных для рассмотрения глаголов движения и позиции на материале большого количества языков мира. В этом исследовании рассматривается также проблема объяснения обнаруженных путей семантического развития этих конструкций; имеются и статистические обобщения

ния, показывающие частотность грамматикализации разных глаголов, а также частотность различных путей грамматикализации каждого из глаголов.

Работа изначально задумывалась как эмпирическое исследование, основной целью которого должно явиться выявление всех возможных (точнее, зафиксированных в репрезентативной выборке языков) путей превращения некоторой группы лексем — глаголов движения и позиции — в грамматические показатели. Такова чисто “таксономическая” цель данной работы. При такой постановке проблемы оказывается, однако, что многие результаты грамматикализации разных глаголов совпадают; соответственно, возникает вопрос о том, что именно (помимо исходного лексического значения глагола) определяет “судьбу” грамматикализуемого показателя. Выходом является рассмотрение в качестве источников не просто некоторых лексем, а конструкций целиком (с учетом лексической семантики вспомогательного глагола, его грамматической формы, а также определенного типа формы смыслового глагола). Поэтому вторая, “объяснительная”, цель работы заключается в выяснении мотивации именно таких путей семантического развития источника и в определении того, в каких именно условиях данные пути возможны. Таким образом, более общей целью работы является уточнение методики анализа и объяснения путей грамматикализации лексических источников.

Указанные цели обусловили следующие конкретные задачи исследования:

◇ определить представленные в языках мира пути грамматикализации каждого из выбранных для рассмотрения лексических источников;

◇ выявить для каждого типа случаев условия, в которых данный путь развития мог быть мотивирован (т.е. определить, на основе каких именно исходных лексических и грамматических компонентов значения развивалось новое значение);

◇ сформулировать приблизительные статистические закономерности путей грамматикализации для каждого из рассмотренных исходных глаголов.

Теоретически значимые результаты исследования. На материале значительного числа генетически и ареально разнородных языков показано, какие типы грамматических показателей могут возникать из конструкций с глаголами движения и позиции. Бульшая часть результатов этого развития связана со значениями основных категорий глагола (вид, время, модальность, залог и актантная деривация, пространственная ориентация). В целом же, данное исследование подробно характеризует механизмы развития грамматических категорий, которые действуют в естественном языке, и расширяет наши представления о тех связях, которые устанавливают говорящие между более простыми и конкретными понятиями (связанными с перемещением и расположением в пространстве) и более сложными и обобщенными грамматическими значениями.

В работе наглядно продемонстрированы преимущества функционально-типологического и диахронического подходов к анализу языковых явлений. На многочисленных примерах показана также важность учета целиком всей исходной структуры (“конструкции”), подвергающейся грамматикализации. В связи с рассмотрением путей грамматикализации глаголов движения и позиции в работе затронут и ряд актуальных для современной грамматической типологии проблем взаимодействия и диахронического развития некоторых категорий (время vs. аспектуальность, аспектуальность vs. акциональность) и ряда частных значений (будущее время, имперфективность, перфективность и др.). Для ряда конкретно-языковых примеров обсуждаются и предлагаются новые, более адекватные интерпретации существующих грамматических явлений.

Практическое значение исследования. Полученные данные о возможных путях грамматикализации глаголов движения и позиции могут найти применение при написании грамматик и создании словарей различного типа, в исследованиях по грамматической семантике и теории грамматикализации, а также в ходе полевых исследований неизученных и малоизученных языков. Кроме того, эти данные могут быть использованы в

сравнительно-историческом языкознании при формулировании гипотез о реконструкции тех или иных грамматических показателей.

Материалом настоящей работы послужили данные порядка 400 языков, представляющих все существующие языковые семьи и ареалы, а также изолированные и контактные языки. Все упоминаемые в работе языки с указанием их генетической принадлежности приведены в Приложении. Основным источником данных по этим языкам явились описательные грамматики (полные грамматики были исследованы по крайней мере для 200 языков). Другим источником послужили более частные работы по конкретным языковым явлениям в конкретных языках, а также общие типологические исследования по грамматикализации и грамматической семантике. Данные по некоторым языкам получены при анализе текстов на этих языках, а также при консультации с носителями языков.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы излагались на Ломоносовских чтениях в МГУ (1998 г.), Первой, Второй и Третьей международных зимних типологических школах (1998, 2000, 2002 гг.), заседании Московского Типологического Общества (2001 г.), были представлены в виде публикаций на международных конференциях “Диалог’98” (1998 г.) и “Linguistic Typology On-line” (1999 г.), а также отражены в других публикациях. Работа обсуждалась на заседании кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложений. Во **Введении** дается общая характеристика функционально-типологического подхода к изучению языковых явлений, а также обсуждаются основные положения современной теории грамматикализации. В **главе 1** обсуждаются материал и задачи исследования, а также методы решения этих задач: дается обоснование выбора исходных глаголов и их общая характеристика, описывается языковая выборка и методы поиска данных, и т.д. **Глава 2** посвящена подробному обзору путей грамматикализации конструкций с глаголами движения: для каждого из выбранных для рассмотрения глаголов разбираются возможные пути развития, причем для каждого из путей приводятся примеры из различных языков, подробно обсуждается итоговое значение, уточняется структура исходных конструкций. Специальный раздел посвящен также системам “аналитической перфективации”, в которых глаголы движения играют важную роль. **Глава 3** посвящена путям грамматикализации глаголов позиции. Все эти глаголы с точки зрения результатов грамматикализации образуют весьма однородную группу: основным путем развития для них является превращение в имперфективный показатель (или акциональный модификатор дуративного типа); отдельно рассматривается также функционирование глаголов позиции в качестве эквивалентов бытийных глаголов. В **главе 4** обсуждаются общие закономерности грамматикализации глаголов движения и позиции. В первом разделе все выявленные пути обобщаются уже не по исходным глаголам, а по итоговым категориям (вид, время, модальность, актантная структура и пр.): показывается, какую роль занимают среди известных источников этих категорий именно глаголы движения и позиции, а также обсуждаются возможные объяснения путей семантического развития. Во втором разделе делаются статистические обобщения по поводу частотности случаев грамматикализации различных глаголов, приводятся приблизительные оценки частотности разных путей грамматикализации для каждого глагола, а также рассматривается теоретическая проблема предсказуемости процессов грамматикализации. В **Заключении** кратко резюмируются полученные в работе результаты и намечаются возможные пути дальнейших исследований в этой области. **Библиография** включает более 500 наименований отечественных и зарубежных работ. В **Приложении 1** дан полный список упоминаемых в работе языков с указанием их генетической принадлежности, в **Приложении 2** приводится алфавитный указатель языков (с отсылками

к разделам работы), в **Приложении 3** имеется полный список разбираемых в работе путей грамматикализации (в едином формате).

Обозначения и представление примеров

Пронумерованные примеры (их более 150 в работе, иногда под одним номером объединяется несколько предложений) даются отдельным абзацем и сопровождаются поморфемным разбором (гlossированием) и переводом, как “литературным”, так и – в скобках – буквальным переводом той формы, в которой имеется интересующий нас показатель. Номер при примере состоит из номера главы и номера собственно примера в этой главе (напр., “(2.57)” = “пример 57 в главе 2”). Наиболее простые примеры (обычно словосочетания, реже целые фразы) приводятся в самом тексте абзаца курсивом и сопровождаются только переводом, в т.ч. буквальным (например, ‘выздоровливает’ = “выздоровливая идёт”).

Транскрипция во всех случаях дается по источнику; попыток унификации транскрипционных обозначений (в т.ч. для одного языка, если разные источники использовали разные типы транскрипций), не делалось. В строке транскрипции, как и в строке морфемного разбора, полужирным выделяется показатель, восходящий к глаголу движения или позиции.

Обозначения в строке морфемного разбора для примеров, снабженных таким разбором в источнике, обычно сохранены без изменений; в некоторых случаях мы позволили себе унификацию обозначений, а также опущение глосс, не влияющих существенно на интерпретацию интересующей нас формы (например, упрощенное glossирование именных словоформ в примерах, где нас интересовала форма глагола). Не glossируются примеры из славянских, романских и английского языков.

Переводы слов в строке морфемного разбора, а также примеров, заимствованных не из русскоязычных работ (и некоторых примеров из европейских языков), принадлежат автору, который несет ответственность за возможные неточности. В ряде случаев в скобках дополнительно указывается исходный перевод на языке описания.

В работе используются следующие основные сокращения:

Глагольные категории:

инф. / деепр. / прич. = инфинитив / деепричастие / причастие
CB / HCB = совершенный / несовершенный вид (в русском языке)
1 / 2 / 3 = лицо
I / II / III ... = именной класс
M / F / N = мужской, женский, средний род
SG / PL = единственное, множественное число
CONV / INF / PART = деепричастие или герундий / инфинитив / причастие
PST / PRS / FUT = прошедшее / настоящее / будущее время
PF / IPF = перфектив / имперфектив (вид)
DUR, PROG = дуратив, прогрессив (вид)
STAT = показатель статива
NEG = отрицание
IND, REAL = реальное наклонение
IRR, CONJ = ирреальное наклонение
COND = условное наклонение
IMP = императив
OBLIG = долженствование
EXPER = общефактическое значение
SUB = показатель зависимого предложения

REL = показатель относительного предложения
PRV = преверб
PTC = частица

Именные категории:

ART / DEF / IND = артикль / определенный/неопределенный артикль
ABS = абсолютив
ACC / OBJ = аккузатив
DAT = датив
ERG = эргатив
GEN = генитив
INSTR = инструменталис
LOC = локатив
POSS = посессив

Прочие сокращения, взятые из источников примеров, не существенны для понимания структуры примеров.

При записи значения конструкций используются также следующие обозначения: Р = ситуация, А = свойство, V = глагол, Т = момент времени.

Природу грамматических категорий можно гораздо лучше понять с точки зрения источников, из которых они развиваются, а не конечного результата, к которому они приходят после длительного процесса грамматикализации.

М. Хаспельмат [Haspelmath 1989: 303]

ВВЕДЕНИЕ.

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Настоящее исследование путей грамматикализации глаголов движения и позиции выполнено в русле так называемого “функционально-типологическо-го” подхода к языковым явлениям и опирается на основные идеи современной теории грамматикализации.

Типологический подход к описанию языковых явлений направлен на выявление закономерностей, которые могут быть обнаружены в результате межъязыкового сопоставления; зарождение этого подхода связывают обычно с именем выдающегося американского лингвиста Дж. Гринберга (1915–2001) и его работами начиная с 60-х гг. XX века. В современной западной лингвистике это направление (называемое также “гринберговским”) представлено прежде всего такими учеными, как Т. Гивон, П. Хоппер, С. Томпсон, У. Чейф, Б. Комри, Дж. Байби, У. Крофт и др. (некоторые идеи этих лингвистов будут обсуждаться далее в тексте работы). В нашей стране типологические исследования также имеют давнюю традицию и охватывают самый широкий круг явлений различных уровней языка (фонетика и фонология, морфология и синтаксис, семантика и дискурсивная структура); см. прежде всего работы Г. А. Климова, А. А. Холодовича, В. П. Неद्याлкова, В. С. Храковского, А. Е. Кибрика, И. Ш. Козинского и др.

Можно сказать, что для всей современной (“постструктуралистской”) лингвистики в целом характерна ориентация на поиск объяснения языковых явлений, а не на чисто дескриптивную деятельность. Среди приверженцев разных теоретических направлений существуют, однако, определенные отличия в оценке того, в чем именно должно заключаться объяснение, в каких терминах оно должно формулироваться. Одним из наиболее влиятельных подходов к объяснению языковых фактов является в настоящее время **функциональный подход** (см. обзор современного западного функционализма [Кибрик, Плунгян 1997]). Основным тезисом функционализма является необходимость объяснять языковые формы их функциями: предполагается, что языковая форма в основе своей является не автономной, а мотивированной теми функциями, которые присущи языку (гипотеза о “функциональной мотивированности языка”, ср. [Кибрик 1992: 25, 33]). (При этом внутри функционального направления имеются как сторонники более умеренного понимания мотивированности, так и приверженцы радикального подхода, согласно которому любая грамматическая форма является мотивированной дискурсивными факторами.) Представители же подхода, обычно противопоставляемого функционализму (условно говоря, “хомскианского”, или “формального”), пытаются ответить на вопрос, в чем состоит знание языка, исходя из постулата о врожденности этого знания (т.е. языковой компетенции, “competence”) и его независимости от отдельных употреблений языковых форм в конкретных случаях (т.е. языковой деятельности, “performance”).

Для функционалистов важны прежде всего такие объяснительные принципы, как дискурсивная мотивация — чтобы установить, почему грамматическая структу-

ра устроена именно таким образом, необходимо понять, как и зачем она используется в обычном дискурсе, — а также *диахроническая мотивация*: чтобы понять, почему в языке обнаруживается именно такое явление, нужно взглянуть на его происхождение.

За последние 20 лет исследования диахронических закономерностей эволюции грамматического строя выделились в самостоятельное направление, “**теорию грамматикализации**”. Поскольку настоящее исследование посвящено типологическим закономерностям процессов грамматикализации, это направление характеризуется ниже более подробно.

В.1. Теория грамматикализации к началу XXI века

Мимо проблемы эволюции грамматики — как грамматического строя языка в целом, так и конкретных показателей в конкретных языках — так или иначе не может пройти ни один исследователь, интересующийся языком в диахроническом аспекте. Поэтому фактически о явлении грамматикализации лингвисты думали и писали на протяжении многих веков, по крайней мере — задолго до появления самого термина “грамматикализация” (*grammaticalisation*), который впервые использовал Антуан Мейе в статье “Эволюция грамматических форм” 1912 года [Meillet 1912]¹.

Довольно подробные очерки истории теоретических исследований в области грамматикализации содержатся в работах [Lehmann 1995 (1982): ch. 1; Heine et al. 1991b: ch. 1.2; Hopper, Traugott 1993: ch. 2], авторы которых относят зарождение интереса к развитию грамматики к работам языковедов XIX века — А. Шлегеля, В. фон Гумбольдта, Г. Габеленца и др. (у П. Хоппера и Э. Траугот), либо к еще более ранним работам философов XVIII века — Э. Кондильяка и Дж. Хорн Тука (у Х. Лемана), или даже к рассуждениям китайских средневековых писателей о “полных” и “пустых” словах (у Б. Хайне и его коллег). Непосредственными предшественниками современной теоретической парадигмы можно назвать таких лингвистов второй половины XX века, как Е. Курилович, Э. Бенвенист, Т. Гивон и др.

Современный этап изучения процесса грамматикализации, или этап разработки собственно теории грамматикализации, продолжается последние 20 лет, а началом этого этапа обычно считают публикацию книги немецкого лингвиста Христиана Лемана “Размышления о грамматикализации” [Lehmann 1995 (1982)]. Эта книга была издана в 1982 г. малым тиражом в одном из выпусков трудов Кёльнского проекта по типологии и языковым универсалиям (“*Arbeiten des K ulner Universalien-Projekts*”) и переиздана только в 1995 г., однако все это время продолжала оставаться едва ли не наиболее авторитетной работой по данной проблеме. В 1984 г. была опубликована другая влиятельная работа в рамках того же проекта, “Грамматикализация и синтаксические изменения в африканских языках” Бернда Хайне и М. Рей [Heine, Reh 1984]. В обеих книгах представлены развернутые характеристики языковых изменений в процессе грамматикализации — как формальных, так и семантических — на материале языков различных типов (у Лемана в основном европейских, у Хайне и Рей африканских, хотя

¹ Мейе говорит о двух процессах создания грамматических форм: это образование по аналогии с другими, уже существующими формами, и “переход самостоятельного слова на роль грамматического элемента”; только этот последний случай приводит к появлению принципиально новых грамматических показателей, не существовавших ранее, его-то Мейе и называет придуманным им термином “грамматикализация” [Meillet 1912: 133].

учитываются и данные многих других языков)². Среди наиболее фундаментальных последующих работ в рамках Кёльнского проекта необходимо отметить монографию Б. Хайне и его единомышленников “Грамматикализация: концептуальный подход” [Heine et al. 1991b], в которой излагается “концептуальный”, или “когнитивный” подход к грамматикализации (с основным вниманием на происходящие в ходе развития грамматических показателей семантические изменения, в первую очередь метафорический перенос); книгу Б. Хайне, специально посвященную рассмотрению свойств вспомогательных глаголов в рамках его теории грамматикализации [Heine 1993], а также коллективный труд “Концептуальные изменения: лексикон процессов грамматикализации” [Heine et al. 1993], являющийся своего рода словарем-справочником по засвидетельствованным в языках мира путям развития грамматических значений (см. об этой книге подробнее 1.1.4).

В 1993 г. в кембриджской серии учебных пособий была опубликована книга “Грамматикализация” [Nopper, Traugott 1993], вобравшая в себя, в частности, основные идеи двух других крупных теоретиков — П. Хоппера и Э. Траугот. (Другие работы П. Хоппера посвящены прежде всего обсуждению дискурсивной природы грамматических явлений (например, частей речи или видо-временных значений), а Э. Траугот рассматривает проблемы семантических изменений в ходе грамматикализации.) Отметим также обширный (1000-страничный) “Словарь по грамматикализации” [Lessau 1994], включающий в себя статьи по основным понятиям этого направления, — это работа не только компилятивного, но и критического характера, суммирующая основные теоретические достижения в рамках теории грамматикализации за 15 лет ее наиболее интенсивного развития.

Другое направление в рамках теории грамматикализации связано с именами Дж. Байби и Э. Даля (говорят также о “подходе Байби–Даля”). Их типологические исследования позволили сформулировать основные формальные и семантические свойства грамматических показателей в языках мира, выделить основные типы наиболее регулярно выражаемых в языках мира грамматических значений (на примере глагольных категорий), а также определить диахронические пути их развития. Основные положения данного подхода изложены в статье “Создание видо-временных систем в языках мира” [Bybee, Dahl 1989]; в 1994 г. была опубликована имевшая значительный резонанс книга “Эволюция грамматики: время, вид, модальность в языках мира” Дж. Байби и ее коллег [Bybee et al. 1994] — крупнейшее на сегодняшний день систематическое исследование типологии диахронического развития категорий глагола, в котором подробно рассматриваются и теоретические аспекты процесса грамматикализации. К данному направлению примыкают также работы М. Хаспельмата, посвященные синхронной и диахронической характеристике ряда грамматических категорий глагола в типологическом плане: [Haspelmath 1989; 1990; 1998] и др.

Среди огромного количества статей по грамматикализации отметим прежде всего собранные в следующие три сборника: “Подходы к грамматикализации” [Traugott, Heine (eds.) 1991], “Перспективы грамматикализации” [Pagliuca (ed.) 1994] и “Пределы грамматикализации” [Giacalone Ramat, Nopper (eds.) 1998], из которых двухтомник 1991 г. является наиболее влиятельным (в частности, упоминавшиеся выше монографии Б. Хайне и др. (1991 г.) и П. Хоппера и Э. Траугот (1993 г.) в значительной своей части основаны именно на работах из этого сборника).

Именно указанные выше авторы и работы прежде всего представляют, по нашему мнению, “современную теорию грамматикализации”. В определенном смысле, о единой

² Краткий обзор идей представителей Кёльнского проекта см. также в [Сумбатова 1994: гл. 1; Плунгян 1998б: 357-360].

“теории” говорить можно лишь условно, поскольку имеется скорее несколько подходов разных исследователей, в центре внимания которых находятся различные стороны этого процесса. Тем не менее, всех перечисленных авторов объединяет интерес к функциональным механизмам грамматики и диахронической перспективе анализа материала, а также к поиску объяснений грамматической эволюции, связанных с особенностями использования языка в реальной ситуации общения.

В нашей стране типологическое изучение процессов грамматикализации и их теоретическое осмысление в качестве специальной задачи практически не ставилось (по крайней мере до последнего времени); знаменательно, что в “Лингвистическом энциклопедическом словаре” [ЛЭС 1990] отдельной статьи “грамматикализация” нет вообще (при том, что есть, например, статья “лексикализация”), а всего на нескольких сотнях страниц имеется лишь 6 упоминаний данного термина. При этом сам термин “грамматикализация”, по нашим наблюдениям, употреблялся в советских работах по лингвистике (как описательных грамматиках, так и работах общетеоретического характера) по крайней мере с конца 50-х годов, причем в 60-х годах уже достаточно часто (иногда, как в сборнике [Жирмунский, Суник (ред.) 1965], использовался термин “грамматизация”). К сожалению, из зарубежных работ по данной теме на русском языке публиковались разве что некоторые статьи Е. Куриловича, в т.ч. его работа 1962 года, в которой кратко характеризуется противопоставлению грамматикализации и лексикализации — в частности, о грамматикализации говорится как о “развитии более древних правил с более узкой сферой действия” [Курилович 1965: 413].

Было бы неверно думать, однако, что о явлениях, связанных с грамматикализацией, в отечественном языкознании никто не писал. Проблемы диахронической типологии разрабатывались в советском языкознании такими учеными, как И. И. Мещанинов, С. Д. Кацнельсон, Б. А. Серебренников, М. М. Гухман, Г. А. Климов и др. Так, М. М. Гухман пишет о необходимости “выявления и изучения узуальных однонаправленных процессов”, происходящих в языках, не связанных генетическим родством или принадлежностью одному ареалу [Гухман 1981: 14, 45] (под “узуальностью”, видимо, понимается частая встречаемость таких процессов в языках мира). Проблеме языковых изменений, и в значительной степени именно грамматикализации, посвящена книга Б. А. Серебренникова “Вероятностные обоснования в компаративистике” 1964 г. — под “вероятностными обоснованиями” понимается фактически “вскрытие и объяснение явлений прошлого, фактов истории языка” на основе всего “более или менее типичного, закономерно повторяющегося или закономерно связанного в языковой системе” [Серебренников 1974: 49 и сл.]. В книге приводится огромное количество сведений о возможных путях развития ряда категорий (сс. 158-276), достаточно подробно разбираются, например, пути возникновения форм будущего времени и пассива. Основной задачей автора в этой книге явилось, по его словам, выявление так называемых “фреквенталий”, т.е. однотипных явлений или процессов, “проявляющихся с достаточно высокой степенью частотности в различных языках мира” [Серебренников 1974: 52-53].

Однако, при наличии описаний многочисленных примеров процессов грамматикализации (которые можно найти также в любой “исторической грамматике” русского или др. языка), не существовало серьезной попытки теоретического осмысления данного феномена, отсутствовала именно научная теория грамматикализации. Ее развитие происходит в последние годы прежде всего под влиянием упоминавшихся выше ключевых западных работ.

В.2. Основные характеристики процесса грамматикализации

Грамматикализация является сложным и многосторонним процессом, и в зависимости от теоретических установок исследователя ее можно рассматривать как в широкой, так и в более узкой перспективе. Так, один из авторов белорусской коллективной монографии “Общее языкознание” Б. Ю. Норман пишет, что грамматикализация представляет собой “процесс, при котором значение какого-то языкового элемента, слова или морфемы, меняет свой статус: из лексического оно становится грамматическим” [Супрун (ред.) 1983: 240-241]. Это классическое понимание процесса грамматикализации восходит непосредственно к работам Антуана Мейе; сам Мейе не дал точного определения введенного им термина, но в целом охарактеризовал грамматикализацию как “приобретение грамматического статуса словом, бывшим до этого автономным (*l'attribution du caractere grammatical a un mot jadis autonome*)” [Meillet 1912: 131]. Это определение охватывает наиболее очевидные примеры диахронических изменений типа превращения существительного в показатель падежа или глагола в видо-временной аффикс. С другой стороны, очевидно, что эволюция грамматики не прекращается и с переходом некоторой единицы из “области лексического” в “область грамматического”: среди грамматических показателей есть такие, которые являются грамматическими в большей степени (например, аффиксы) или в меньшей (например, предлоги или вспомогательные глаголы). Уже став грамматическим, показатель не прекращает развиваться и претерпевает дальнейшие (формальные и семантические) изменения.³

Все эти соображения отражены в более широком определении грамматикализации, которое в настоящее время является практически общепринятым; впервые его сформулировал в таком виде Ежи Курилович в статье 1965 года “Эволюция грамматических категорий” (отметим параллелизм этого названия и названия классической работы Мейе). Курилович пишет, что “грамматикализация состоит в расширении сферы употребления (*range*) морфемы, получающей из лексического грамматический статус или из менее грамматического более грамматический (например, из словообразовательного словоизменяемый)” [Kurjowicz 1965: 69]. Итак, грамматикализация представляет собой, в более общем виде, процесс, в ходе которого нечто становится в большей степени грамматическим.

В самом же общем виде грамматикализация является процессом создания грамматических категорий, грамматической системы языка (ср. [Traugott, Heine 1991: 1]). Этот процесс не обязательно должен сводиться к эволюции бывших лексических единиц. Так, фиксация порядка слов в языке приводит к тому, что этот порядок сам по себе начинает выражать определенные грамматические отношения; в этом смысле порядок слов также “грамматикализуется” — он начинает характеризоваться уже не в терминах чисто прагматических правил (как, например, в целом в латыни или в русском языке), а в терминах грамматических отношений (как, например, в английском или многих изолирующих языках).

Тем самым, наиболее простое определение грамматикализации является и наиболее интуитивно очевидным: грамматикализация — это процесс, в результате которого нечто становится частью грамматики.

В англоязычной литературе разные авторы в качестве тождественных по значению терминов употребляют как более длинный *grammaticalization*, так и более краткий *grammaticization* (обычно в американских работах), иногда также *grammatization*; в целом, первый термин ис-

³ В 1.1.3 ниже обсуждается еще одно уточнение к “узкому” определению грамматикализации: дело в том, что грамматикализации подвергаются не собственно слова или лексемы, а определенные конструкции.

пользуется чаще других, хотя он признается менее удачным из-за неоднозначности исходного слова *grammatical*, которое может значить как ‘грамматический’, так и ‘грамматичный’ (грамматикализация же — это именно превращение в нечто более грамматическое, т.е. более относящееся к грамматике, но не в нечто “грамматичное”, т.е. соответствующее языковым правилам). Иногда для обозначения грамматикализации используются и более специфические (и не всегда корректные) термины, например, *desemanticization* ‘десемантизация’ или *resemanticization* ‘ресемантизация’ (последний чаще во франкоязычных работах, ср. [Bourdin 1992]), а также *sedimentation* ‘седиментация (образование осадка)’, ср. [Kuteva 1999] и т.п.

Ниже мы будем рассматривать грамматикализацию в ее наиболее распространенном понимании, как процесс развития от менее к более грамматическому. О каждом конкретном случае эволюции некоторой единицы в сторону грамматического будем говорить, как это обычно и делается, как о **пути грамматикализации** (*grammaticalization path*); в работах Б. Хайне часто используется также близкое понятие “канал грамматикализации” (*channel of grammaticalization*), см. [Heine et al. 1991b: 221-222] и др.

Грамматикализация представляет собой, строго говоря, не единый процесс, а совокупность взаимосвязанных процессов, действующих на разных уровнях: семантическом, морфосинтаксическом, фонетическом и т.п. Ср. известное определение грамматикализации как “эволюции, в ходе которой языковые единицы теряют семантическую сложность, прагматическую значимость, синтаксическую свободу и фонетический материал, соответственно” [Heine, Reh 1984: 15].

Семантически грамматикализуемая конструкция проходит длительный путь от сочетания с богатым лексическим значением до показателя с достаточно обобщенным и (часто) абстрактным значением. Этот путь развития часто характеризуется как семантическая генерализация, которая сопровождается расширением контекстов употребления показателя (так наз. “экспансия”). Иногда говорят также, что в ходе этого процесса определенные компоненты значения утрачиваются, т.е. можно говорить о “семантической редукции” (ср. параллельное понятие “фонетической редукции”, которой также подвергаются грамматикализуемые элементы).

Одним из явлений, сопровождающих грамматикализацию, является увеличение частотности, которое продолжается и после приобретения грамматического статуса. Высокая частотность грамматических показателей частично связана с их семантической обобщенностью, которая позволяет им выступать в широком круге контекстов, но она связана также и с использованием показателей там, где их семантический вклад по сути избыточен. Это означает, что они начинают употребляться не только в случаях, где передаваемое ими значение абсолютно необходимо, но и во всех ситуациях, когда их значение совместимо со значением контекста или с намерением говорящего (так, прошедшее время в русском или английском языке употребляется не только там, где оно вносит новую информацию о том, что ситуация происходила в прошлом, но и там, где эта информация уже содержится, т.е. выражена эксплицитно или подразумевается контекстом). Как только показатель начинает использоваться во всех подходящих по значению контекстах, даже в случае их избыточности, т.е. его наличие становится обязательным (происходит так наз. “облигатори-фикация”), то значимым становится и отсутствие такого показателя. Так, при грамматикализации показателя прошедшего времени он начинает употребляться как в не избыточных, так и в избыточных ситуациях, в связи с чем случаи его отсутствия будут интерпретироваться как передающие значение, отличное от прошедшего времени.

Обычно считается, что семантические изменения, сопровождающие грамматикализацию, в целом не отличаются от семантических изменений другого рода (т.е. имеющих место и в лексике), ср. [Sweetser 1988: 400-401; Hopper 1991: 19] и пр. В белорусской

коллективной монографии “Общее языкознание” Н. Б. Мечковская пишет, что грамматикализация — это, в сущности, “развитие тех же лексико-семантических тенденций, но уже на качественно ином уровне — на уровне обязательной категориальной семантики. Именно в этом смысл популярного афоризма: *В грамматике нет ничего такого, что не содержалось бы раньше в лексике*” [Супрун (ред.) 1983: 387]. Это означает, что специфических для грамматикализации механизмов развития значений может и не оказаться; но вместе с тем, в процессе грамматикализации встречаются не все возможные способы семантических изменений, а лишь их часть. Так, если в лексике наблюдаются как случаи расширения (генерализации) значения, так и его сужения (ср., например, сужение в случаях англ. *queen* ‘женщина’ > ‘королева’, *hound* ‘собака’ > ‘охотничья собака’ и т.п.), то в грамматике встречаются только примеры расширения [Hopper, Traugott 1993: 97-98], ср. также [Heine et al. 1991b: 43-44].

Аналогичным образом, относительно класса грамматических значений иногда делают вывод о том, что невозможно установить какие-либо свойства, которыми обладал бы только этот класс; вместе с тем, свойства грамматических значений являются лишь подмножеством свойств неграмматических значений. Так, Л. Талми отмечает, что грамматическим категориям свойственно быть только “топологическими”, т.е. выражать не абсолютные, а относительные значения параметров (таких, как размер, протяженность, интервал, количество, форма и т.п.), тогда как неграмматические могут быть как топологическими, так и абсолютными [Талми 1999: 96-98]. Более подробное обсуждение разграничения грамматического/неграмматического см. в 1.4.1.2.

Механизмы семантических изменений при грамматикализации изучены пока недостаточно, и зачастую одни и те же примеры изменений объясняются разными исследователями действием разных механизмов. Достаточно убедительной представляется точка зрения Дж. Байби и ее коллег, которые выделяют несколько основных механизмов семантических изменений (метафора, логический вывод, генерализация и др.), указывая на то, что каждый из них действует в особых условиях и, что важно, характерен для определенного этапа грамматикализации [Bybee et al. 1994: ch. 8].

Метафора иногда признается основным (или даже единственным) механизмом семантического изменения при грамматикализации (наиболее характерна эта позиция для подхода Б. Хайне и его коллег, а также для Э. Свитсер). Как считается, языковые формы, служащие для выражения грамматических понятий, создаются по принципу “использование старых средств для новой функции”. В соответствии с этим принципом, более конкретные понятия используются, чтобы при их помощи объяснять и описывать менее конкретные явления (или, в другой формулировке, некоторые более четко структурированные области берутся за основу при концептуализации менее четко структурированных областей): так, нефизический опыт представляется в терминах физического, время в пространственных терминах, причина во временных, а абстрактные отношения в терминах физических процессов или пространственных отношений. В таких случаях говорят обычно о процессе “концептуальной манипуляции” (*conceptual manipulation*), имеющим творческую (“креативную”) природу [Heine et al. 1991b: 30-32].

Вместе с тем, говорить о том, что именно метафорический перенос задействован в ходе некоторого изменения значения, можно далеко не всегда. Метафорический перенос характерен главным образом для ранних этапов грамматикализации, т.е. для тех этапов, которые в наибольшей степени близки изменениям в лексике. Возможно даже, действие метафоры во многих случаях следует отнести не к собственно начальному этапу грамматикализации, а к предшествующему этапу: так, нельзя отрицать, что в основе имевшего место во многих языках мира превращения обозначений частей тела (‘голова’, ‘спина’, ‘живот’ и т.п.) в пространственные показатели (‘на’, ‘сзади’, ‘в’ и пр.) лежит мета-

форический перенос, однако не исключено, что перенос этот имел место еще до начала грамматикализации, — ср. использование аналогичных слов для выражения пространственной локализации в английском (*the foot of the bed* ‘низ (букв. “нога”) кровати’, *the face of the cliff* ‘передняя часть (букв. “лицо”) скалы’ и пр.), где перенос значения имел место, но нет оснований говорить о грамматикализации [Bybee et al. 1994: 284].

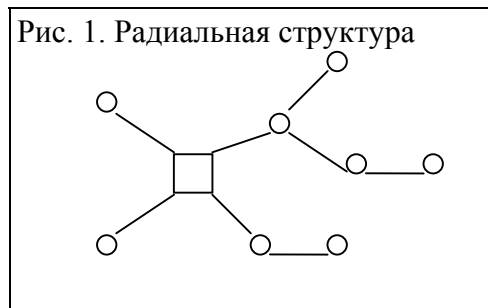
Другим распространенным механизмом семантических изменений является логический вывод (*inference*). Как известно, в стандартной ситуации коммуникации слушающий стремится получить (“вывести”) максимум информации на основе того, о чем ему сообщает говорящий. Если при использовании некоторой грамматической формы обычно возникает определенная прагматическая импликация, то со временем она может утвердиться в качестве неотъемлемой части значения этой формы (иначе говоря, произойдет “конвенционализация” сопутствующего, выведенного значения) [Dahl 1985: 11; Hopper, Traugott 1993: 75-77]. Так, утверждение о том, что некто хочет или должен осуществить определенное действие, обычно предполагает, что он действительно осуществит его впоследствии, — тем самым, такое высказывание может быть осмыслено как сообщение о том, что в будущем будет иметь место некоторая ситуация (так происходит развитие форм с модальным значением в формы будущего времени); сообщение о том, что ситуация в прошлом сохраняет свою значимость для момента речи, часто предполагает, что эта ситуация имела место недавно, в результате чего форма со значением сохранения значимости ситуации (перфект) может постепенно начать интерпретироваться только как форма ближайшего (“иммедиатного”) прошедшего времени [Bybee et al. 1994: 288-289]; ситуация, предшествующая другой ситуации, часто является причиной последней, в силу чего показатель следования во времени (“после того, как”) может приобрести причинное значение (“из-за того, как”), ср. англ. *since* [Hopper, Traugott 1993: 76-77], и т.п.

Отметим также, что семантическое развитие в ходе грамматикализации зачастую рассматривается как некая “десемантизация”, т.е. постепенный процесс утраты значения (ср. характерные термины типа “семантического обесцвечивания” (*bleaching*), “эрозии” (*erosion*), а также собственно “десемантизации”, в [Lehmann 1995 (1982); Heine, Reh 1984] и др.). Это не совсем верно относительно ранних этапов грамматикализации: грамматическое значение ничем “не хуже” лексического и является не менее сложным; кроме того, значение не “утрачивается”, а претерпевает качественные изменения, так что в каком-то смысле можно говорить и о “приобретении” нового, грамматического, значения (см., в частности, критику подхода к грамматикализации как к “семантическому обеднению” в [Sweetser 1988; Heine et al. 1991b: 40-41; Hopper, Traugott 1993: 87-93; Heine 1993: 89-91]). Лишь на очень поздних стадиях развития грамматический показатель может действительно полностью лишиться значения — слившись, например, с другой морфемой, но уже не модифицируя ее семантически: так, например, бывшие диминутивные суффиксы являются невычленимыми частями современных корней в русск. *отец, солнце, сердце*, франц. *soleil* ‘солнце’, итал. *fratello* ‘брат’ [Greenberg 1991: 310; Маслов 1998: 200]. Это пример одного из возможных “конечных продуктов” грамматикализации: бывшие грамматические морфемы, “отслужившие свой срок”, становятся просто фонетическим материалом новых корней (в терминах П. Хоппера, происходит процесс “фоногенеза”), наподобие того, как ракушки моллюсков составляют со временем слои геологических отложений [Hopper 1994: 35]. Тем самым, “сегодняшняя фонология является вчерашней морфологией” [Hopper 1994: 31], а “сегодняшняя грамматика может стать завтрашней лексикой” [Ramat 1992: 557] в виде десемантизированного “строительного материала” для новых слов.

Последовательность концептуальных преобразований в процессе грамматикализации приводит к созданию полисемии: в самом общем виде, на основе некоторого исходного значения развивается одно или несколько производных, затем каждое из произ-

водных значений может послужить источником для последующих, и т.п. Важно, что у всех значений, входящих в эту своеобразную “сеть”, общим является только диахронический источник; каждая пара значений связана определенным семантическим переходом, но общего семантического компонента (“инварианта”) у всех этих значений может и не быть (ср. [Lichtenberk 1991: 476-477], где для данной ситуации предлагается термин “гетеросемия”).

В работах по теории грамматикализации отмечается, что получаемая в результате семантическая структура напоминает структуру так называемых “радиальных категорий” (в концепции Дж. Лакоффа, см. [Лакофф 1988] и др., а также [Кубрякова и др. 1996: 140-145]), которая имеет очевидные параллели с понятием “семейного сходства”, восходящим к работам Л. Витгенштейна и широко используемым в “теории прототипов” (Э. Рош и др.); см. подробнее характеристику создаваемых в ходе грамматикализации семантических структур в терминах “семейного сходства” в [Heine et al. 1991b: 225-229]. Подобная структура демонстрируется на рис. 1.

Семантические изменения в ходе грамматикализации предшествуют формальным, которые являются лишь следствием изменения функции грамматикализуемого элемента (так наз. принцип “форма следует за функцией”, см. [Heine et al. 1991b: 224; Lessau 1994: 319-322]. Со временем, однако, грамматикализуемая единица постепенно изменяет свой **морфосинтаксический** статус: полнозначная лексема в конструкции становится модификатором, сначала в качестве автономного служебного слова (типа вспомогательного глагола), затем в качестве слабоавтономной единицы (типа клитики), затем в качестве аффикса — происходит процесс постепенной утраты автономности, процесс морфологизации. К такого рода примерам относятся наиболее типичные случаи развития глагольных видо-временных показателей (типа романского аффикса будущего времени из глагола ‘иметь’) или именных падежных аффиксов (из обозначений частей тела). На синтаксическом уровне такое развитие сопровождается изменением отношений “вершина” ~ “зависимое”: из синтаксической вершины конструкции грамматикализуемая служебная единица превращается в модификатор.

В ходе грамматикализации происходит фиксация синтаксической позиции показателя, а также его сферы действия. Обычно в языках мира допускаются (с определенными семантическими или прагматическими целями) хотя бы какие-то перестановки полнозначных слов, однако прототипические грамматические показатели не могут ни модифицироваться лексическими единицами, ни меняться местами с целью изменить свою сферу действия. С фиксацией сферы действия обычно связано и развитие взаимоисключающих отношений между членами класса (т.е. имеет место “парадигматизация”). Со временем происходит и сокращение количества членов класса: некоторые из элементов утрачиваются вследствие того, что один из них получает более общую функцию и вытесняет другие элементы: происходит специализация некоторого показателя (так, в системах классификаторов один из элементов обычно увеличивает свою продуктивность настолько, что начинает замещать все прочие; ср. также известный пример из французского, в функции отрицательной частицы утвердился элемент *pas* (исходно ‘шаг’), хотя на определенном этапе он входил в группу “усиливающих” отрицание слов наряду с еще несколькими полнозначными лексемами).

На **фонетическом** уровне грамматикализуемый показатель претерпевает постепенное и последовательное сокращение материала (утрату фонем или целых сло-

гов, ослабление просодических характеристик и т.п.). Обычно в ходе грамматикализации морфема начинает все больше “приспосабливаться” к непосредственному окружению — происходит процесс адаптации, результатом которого является алломорфия. Показатель может полностью слиться с другой морфемой, так что исчезнет разделявшая их морфемная граница, т.е. произойдет фузия (ср. превращение в англ. исходной трехморфемной последовательности *go-ing to* в нечленимую *gonna*, в которой первая гласная в превратилась из дифтонга [ow] в “шва”, а срединный “носовой флэп” является результатом слитной артикуляции носового согласного в бывшем суффиксе причастия и [t] в *to*). Предельная же точка развития показателя — его полная утрата (ср. отпадение окончания прошедшего времени -л у ряда русских глаголов: *вырос, опух, вытек* и пр.); иногда “память” об утраченной морфеме может оставаться в виде несегментных характеристик его бывшего окружения (ударение, тон, назализация и пр.). Таким образом, конечный итог грамматикализации представляет собой полное исчезновение показателя как такового (часто говорят о “нуле” как крайней точке континуума грамматикализации), ср. известную схему “диахронического цикла” по Т. Гивону: «дискурсивная (прагматическая) структура > синтаксическая структура > морфология > морфонология > ноль (исчезновение)» [Givyn 1979: 208-209].

Между двумя сторонами процесса грамматикализации, содержательным и формальным, можно усмотреть определенную **корреляцию**: так, чем больше грамматикализуется элемент, тем более общее (абстрактное) значение он приобретает и тем, с другой стороны, большим формальным изменениям он подвергается (сокращается фонетический материал, меняется морфосинтаксический статус элемента и т.п.).

Действительно, с точки зрения сегментной длины грамматические показатели в языках мира обычно короче, чем лексические единицы (не говоря о том, что показатели могут быть и несегментными). Поскольку грамматические показатели обычно образуют небольшие закрытые классы, которые часто являются обязательными, можно ожидать, что употребительность такого показателя в языке будет значительно выше, чем у обычной лексической единицы; а поскольку показатели с более обобщенной семантикой обладают и более широкой областью употребления, особенно частотны наиболее обобщенные показатели. На основе подобных наблюдений Дж. Байби и ее коллеги говорят о том, что имеется некоторый фонетический (линейный, сегментный) континуум, который находится в непосредственной связи с семантическим континуумом (степенью общности значения); они формулируют следующее предположение: развитие грамматических элементов можно охарактеризовать как “параллельную динамическую эволюцию (*coevolution*) значения и формы” [Bybee et al. 1994: 20]. В языках мира существуют весьма любопытные примеры проявления такого параллельного развития: так, показатели прогрессива (см. об этом и других упоминаемых ниже значениях подробнее 4.1), как правило, являются аналитическими формами, в то время как более общее имперфективное значение чаще выражается при помощи словоизменятельных аффиксов; формы будущего времени приобретают возможность употребления во временных и условных предложениях, как правило, на поздних стадиях развития, когда они уже обычно являются синтетическими; значение двух типов перфективных показателей (условно, “комплетивного” и “лимитативного”) в целом коррелирует с противопоставлением словообразовательного и словоизменятельного выражения (примеры по [Bybee, Dahl 1989] и пр.).⁴

⁴ Достаточно развернутое описание соответствия последовательных этапов развития формы показателей и их семантической эволюции приводится в [Bybee et al. 1991] на примере будущего времени и в [Bybee et al. 1994: ch. 4] на примере перфективных показателей.

Тем самым, во многих случаях степень формального упрощения показателя в целом может соответствовать его семантическому развитию, и наоборот. Этот параллелизм, однако, не абсолютен в том отношении, что грамматический показатель совершенно не обязательно должен являться морфологизованным (ср., например, вспомогательные глаголы), а подвергнувшийся формальному сокращению элемент не обязательно является грамматическим (ср. случаи достаточно значительного сокращения таких единиц, как русск. *сейчас* > *ца(с)*, *здравствуйте* > *здрасс(те)* или *сударь* > *-су* > *-с*, англ. *mistress* > *miss* и т.п.). В целом, у грамматикализуемого показателя закономерно ожидать процесс утраты автономности и постепенную формальную “эрозию”, однако процесс этот может происходить веками. Сама же по себе формальная “эрозия” может сопровождать не только грамматикализацию; она, скорее, является следствием увеличения частотности использования языкового знака (ср. примеры выше).

Одним из наиболее важных принципов, сформулированных в работах по теории грамматикализации, является “принцип **однаправленности** (*unidirectionality*) изменений”; см. обсуждение в [Lehmann 1995 (1982): 16-19; Heine, Reh 1984: 74-76; Nopper, Traugott 1993: ch. 5; Bybee et al. 1994: 12-14; Lessau 1994: 885-891; Haspelmath 1999], а также [Серебренников 1974: 55-57]. Этот принцип подразумевает, что грамматическая эволюция происходит в одном направлении как на семантическом, так и на морфосинтаксическом уровне, и никакой грамматический показатель не может, дойдя до определенного этапа этой эволюции, начать развитие в противоположном направлении. Тем самым, универсальным (или, по крайней мере, статистически преобладающим) является развитие по таким путям, как «существительное > предлог/послелог > аффикс» или «вспомогательный глагол > клитика > аффикс», а также, например, «‘спина’ > ‘сзади’» или «‘идти к чему-л.’ > ‘будущее время’», но не в обратную сторону. Ряд примеров подобных линий развития (иногда включающих не 2-3, а гораздо большее число значений и изображаемые в виде целых “сетей”, или так наз. “семантических карт”) рассматриваются в работах Дж. Байби, Б. Хайне, М. Хаспельмата и др.; некоторые из них обсуждаются в тексте данной работе в разделах по соответствующим категориям.

Принцип **однаправленности семантических изменений** является достаточно “сильным” и позволяет предсказать как диахронический путь развития показателя, так и его возможную синхронную полисемию. Однаправленность семантического развития является характерной чертой грамматических значений, в противоположность лексическим (см. выше); некоторые случаи неоднаправленного развития (т.е. возможности развития “в обе стороны”), тем не менее, существуют, что указывает на ограниченность возможных предсказаний как о том, каков мог быть источник некоторого грамматического показателя, так и о том, какова может быть его дальнейшая эволюция.⁵ В целом, современные исследователи признают, что принцип однаправленности грамматикализации, скорее, не является абсолютным; из него встречаются исключения, хотя они в основном являются единичными и несистемными (см. обсуждение некоторых примеров, иногда спорных, в [Lehmann 1995 (1982): 16-19; Heine et al. 1991b: 51-52; Nopper, Traugott 1993: 126-129]; подобное явление получило название “деграмматикализации”, которая понимается как утрата грамматического статуса [Ramat 1992].

Помимо однаправленности семантических изменений при грамматикализации, можно говорить и об однаправленности тех морфосинтаксических и фонетических изменений, которые ей сопутствуют. Если сегментная структура показателя подвергается сокращению, он уже не восстанавливает своей полной формы; если про-

⁵ Это обстоятельство указывает также на то, что при реконструкции грамматических показателей в языках, письменные данные об истории которых отсутствуют, апелляция к “типологической правдоподобности” не может быть решающей, а может лишь служить одним из аргументов, дополняющих конкретно-языковые свидетельства.

изошла клитизация и затем аффиксация показателя, то он затем, как правило, не отделяется вновь и не восстанавливает свою автономность (т.е., например, аффиксальный показатель будущего времени в романских языках вряд ли может опять стать вспомогательным глаголом, а потом и самостоятельной лексемой со значением ‘иметь’). Примеры обратного развития, т.е. примеры деморфологизации, в ряде случаев спорны и в любом случае малочисленны и бессистемны, в отличие от “магистральной” линии развития. Так, в ирландском языке в парадигме глагола сохранился единственный суффикс *-mid/-muid* ‘1-ое лицо множ. числа’, тогда как остальные суффиксы утратились, а вместо них употреблялись самостоятельные местоимения; со временем, однако, и этот суффикс приобрел возможность употребляться автономно [Bybee et al. 1994: 13-14]; в эстонском языке вопросительные и эмфатические морфемы *-es* и *-ep* приобрели статус клитик, хотя до этого являлись связанными аффиксами [Campbell 1991: 290-292].

К примерам несколько другого уровня также относятся восходящие к служебным морфемам англ. существительные *bus* ‘автобус’ (исходно суффикс латинского дательного падежа *-ibus* в слове *omnibus* ‘общественное транспортное средство’, букв. “всем, для всех”), *ism* ‘идеологическое течение, “изм”’ (< суффикс *-ism* в словах типа *socialism*), *teen* ‘подросток от 13 до 19 лет’ (< показатель числительных от *thir-teen* ‘тринадцать’ до *nine-teen* ‘девятнадцать’, соответствующий русскому *-(на)дцать*), а также глаголы *to up* ‘повысить’ (< предлог *up* ‘вверх’) или *to down* ‘выпить, “опрокинуть”’ (< предлог *down* ‘вниз’) и пр. [Супрун (ред.) 1983: 241; Matisoff 1991: 445; Ramat 1992: 550]. В этих случаях исходной единицей является аффикс или клитика, хотя и нельзя в строгом смысле говорить о том, что этот аффикс или клитика “превратились” в полнозначное слово, т.е. что произошло именно “изменение”. Речь идет, скорее, о специфических словообразовательных процессах: либо бывший служебный элемент (возможно, частично десемантизированный) определенной лексики или словообразовательного ряда лексем наделяется значением и начинает функционировать в качестве самостоятельного слова, либо происходит конверсия служебного слова.

Наконец, в определенном смысле можно говорить о “деграмматикализации”, т.е. утрате грамматического статуса, на той стадии, когда бывший грамматический показатель перестает выражать какое-либо значение и включается в состав слова в качестве “фонетического материала” (см. об этом случае выше).

Важно, однако, что случаи развития “в обе стороны” в ходе грамматикализации (т.е. “от значения А к значению Б или наоборот”, “от морфосинтаксического статуса А к статусу Б или наоборот” и т.п.) отмечаются в языках мира крайне редко и лишь при специфических конкретно-языковых условиях. Можно утверждать, что, при наличии огромного набора регулярно воспроизводимых межъязыковых “путей грамматикализации”, нет оснований говорить о каких-либо регулярных “путях деграмматикализации”. Благодаря этому объяснительный и предсказательный потенциал “теории грамматикализации” является достаточно высоким, и дальнейшие исследования в рамках данной проблематики представляются чрезвычайно перспективными.

ГЛАВА 1.

ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ И ГЛАГОЛЫ ПОЗИЦИИ КАК ЛЕКСИЧЕСКИЕ КЛАССЫ И КАК ИСТОЧНИКИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

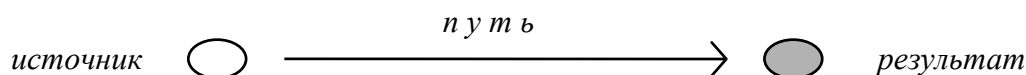
В данной главе рассматриваются проблемы типологического исследования источников грамматикализации (раздел 1.1), далее формулируются конкретные задачи работы (раздел 1.2) и указываются выбранные подходы к решению этих задач. В разделе 1.3 дается общая характеристика глаголам движения и глаголам позиции как исходным лексическим единицам, а также упоминаются предшествующие работы по исследованию их грамматикализации. В разделе 1.4 описывается процедура сбора и систематизации данных, представленных далее в главах 2-3: характеризуются языковая выборка, источники информации, способ идентификации грамматикализованных конструкций.

1.1. Проблемы типологического исследования источников грамматикализации

1.1.1. Определение и основные свойства источников

Любая модель изменения, в том числе языкового изменения, предусматривает исходный объект или начальное состояние X и итоговый объект или итоговое состояние Y. Применительно к процессу грамматикализации X называют **источником** (*source*), а Y — **результатом** (*target*)⁶; другой парой понятий иногда выступают “вход” и “выход” грамматикализации (*input ~ output*). Соответственно, каждый конкретный случай развития от источника к результату может быть рассмотрен как **путь грамматикализации** (*grammaticalization path*):

Схема 1:

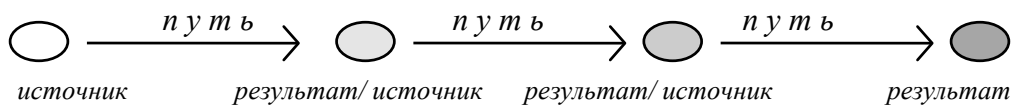

Такое понимание основных понятий теории грамматикализации нуждается в важной оговорке, состоящей в том, что понятие “источник грамматикализации” (как, впрочем, и “результат”) является относительным и несколько упрощенным. Грамматикализация предполагает не только развитие грамматических значений из неграмматических, но и дальнейшее развитие от менее к более грамматическим значениям (классическое определение грамматикализации “по Куриловичу”); тем самым, на каждом отрезке пути можно выделить свои источники и свои результаты (то, что для одного этапа грамматикализации является результатом предшествующего развития, для следующего этапа является исходным состоянием). Можно говорить, следовательно, о **первичной** грамматикализации (источниками которой являются лексические единицы) и **вторичной**

⁶ Используемые иногда (например, в работах по теории метафоры; см. [Ченки 1997: 351] и др.) русские эквиваленты “цель” или “мишень” (для *target*) кажутся менее подходящими. В качестве прилагательного, соответствующего понятию “источник”, далее будет использовано *исходный*, а для понятия “результат” — *итоговый*, а также *результатирующий*.

грамматикализации (сами источники уже являются грамматическими показателями), ср. более адекватную схему:

Схема 2:

Поскольку процесс грамматикализации является в высшей степени длительным и постепенным, а не резким и дискретным, понять, где кончается исходное состояние и начинается итоговое, не всегда легко: в целом, между источником и результатом грамматикализации не бывает однозначной границы или разрыва, всегда имеется некоторая промежуточная стадия. Поэтому наиболее адекватно представление пути грамматикализации в виде цепочечной структуры (ср. термин *chaining*); данное представление получило также название “модель с пересечениями” (*overlap model*), см. подробнее [Heine et al. 1991b: 111 и др.]:

Схема 3.

Различные стадии развития грамматикализуемого показателя располагаются, таким образом, на своеобразной “шкале грамматикализации” (*grammaticalization scale*), имеющей континуальный, а не дискретный характер. Исследователи склонны выделять на таких шкалах некоторые “узловые точки”, удобные для анализа (например, “вспомогательный глагол” vs. “видо-временной аффикс”, “личное местоимение” vs. “лично-числовой аффикс”, “предлог/послелог” vs. “падежный показатель” и т.п.), однако подобные понятия имеют скорее прототипическую природу и любое их строгое определение в терминах необходимых и достаточных признаков выглядит в значительной степени произвольным [Lehmann 1986: 11-12]. Охарактеризовать положение языковой единицы на шкале грамматикализации можно лишь на основе множества параметров, как формальных, так и семантических (см. обзор этих параметров в разделе В.2, а также подробнее в работах [Lehmann 1984: ch. 4; Heine, Reh 1984: ch. 1; Hopper 1991]).

Между источником и результатом грамматикализации имеется своего рода “эпистемологическая асимметрия” [Lessau 1994: 794-795]. Дело в том, что всё, принадлежащее грамматике, и есть “результаты грамматикализации”, однако далеко не любая лексическая единица является источником (см. также ниже). Допустим, мы устанавливаем (или принимаем рабочее решение по поводу того), что относится к области грамматического: тогда все результаты грамматикализации даны нам непосредственно в виде грамматических показателей. Источники же нам не даны, они должны быть раскрыты. Поэтому задача поиска источников грамматикализации, т.е. исходного “строительного материала” грамматики, является гораздо более нетривиальной и важной, чем может показаться на первый взгляд.

Имеющиеся в распоряжении лингвистов эмпирические данные указывают на то, что во всех случаях, когда о диахроническом источнике грамматического показателя хоть что-нибудь известно, таким источником является **лексема**; грамматические показатели не возникают изначально как таковые. Реконструируя путь развития грамматиче-

ского показателя в обратном порядке, мы рано или поздно столкнемся с лексической единицей [Lessau 1994: 788].

Исключением к данному принципу иногда считают демонстративы (указательные местоимения), для которых не удается найти какого-либо лексического источника. Демонстративы в истории языка довольно часто подвергаются обновлению, поскольку относительно быстро грамматикализуются в личные местоимения или артикли. При этом, в новом демонстративе почти всегда в качестве составной части содержится старый, ср. франц. *voici* ‘вот здесь’ < *voir* ‘видеть’ + *(i)ci* ‘здесь’ и т.п. [Himmelman 1992: 5].

Приведем пример таких “грамматических реконструкций”. В латинской форме будущего времени *amabo* ‘буду любить’ суффикс *-b-* восходит к глаголу **bh-* ‘быть’. Формы же нового будущего времени в романских языках имеют другой источник: так, португ. *falarei* ‘буду говорить’ развилось из конструкции *falar hei* ‘имею говорить’, в которой *hei* представляет собой форму настоящего времени глагола *haver* ‘иметь’. (Эта форма из аналитической уже почти стала синтетической, хотя и не прошла этот путь до конца; имеется и более “молодая”, чисто аналитическая форма будущего времени с глаголом *ir* ‘идти’, ср. *va falar* ‘(он) собирается говорить’.) В русской форме сослагательного наклонения *сломался бы* суффикс *-ся* представляет собой падежную форму бывшего энклитического местоимения *себя* (в аккузативе), а *-бы* восходит к форме 2/3 лица *был*, прошедшее время от *быть* в составе аналитической формы плюсквамперфекта. И подобную реконструкцию, теоретически, можно провести почти для любого грамматического показателя.

Важным эмпирическим фактом относительно источников является то, что в качестве исходной лексической единицы мы можем обнаружить далеко не любую лексему, что круг источников грамматикализации представляет собой **ограниченное множество**. “Мы обнаруживаем в одном языке за другим, что для любой области грамматики существует лишь ограниченное количество лексических групп, а в каждой лексической группе ограниченное число лексем, которые чаще всего становятся источниками” [Traugott, Heine 1991: 8]. К наиболее очевидным и наиболее часто встречающимся лексическим источникам, которые фигурируют во многих работах в качестве типичных примеров, относятся (в скобках указываются значения слов):

- ◇ слова, обозначающие части тела (‘голова’, ‘лицо’, ‘рука’ и пр.);
- ◇ глаголы бытия, становления (‘быть, существовать, находиться’, ‘стать’) и обладания (‘иметь’);
- ◇ глаголы, обозначающие простейшие действия (‘делать’, ‘говорить’, ‘брать’, ‘давать’);
- ◇ некоторые основные глаголы движения (‘идти’, ‘приходить’, ‘входить’ и пр.) и способа расположения в пространстве (‘сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’) — это именно те группы, которые будут предметом дальнейшего рассмотрения⁷;
- ◇ глаголы, выражающие желание или долженствование (‘хотеть’, ‘быть должным’).

Следует отметить, что ограниченным является и набор возможных грамматических значений, т.е. результатов грамматикализации (вопрос о том, что представляют собой грамматические значения и в чем их отличие от значений лексических, кратко обсуждается ниже в 1.4.1.2). Более того, существуют некоторые корреляции между определенными классами источников и результатов: так, слова, обозначающие части тела, обычно превращаются

⁷ Ср. замечание В. М. Жирмунского о том, что среди единиц, подвергаемых грамматикализации, обычно обнаруживаются слова “с широким значением” типа “глаголов покоя и движения” [Жирмунский 1965: 12].

в показатели пространственных и временных отношений, а глаголы расположения в пространстве — в аспектуальные показатели. Данная корреляция имеется и на морфосинтаксическом уровне: как правило (хотя и не всегда), именные источники (те же обозначения частей тела) становятся именными же модификаторами, а результаты исходных глагольных конструкций обычно относятся к показателям глагола (ср. некоторые идеи на этот счет в [Heine, Reh 1984]; далее эта проблема будет рассмотрена подробнее на материале глаголов движения и позиции).

1.1.2. Концептуальные свойства исходных единиц

Источники грамматикализации представляют собой относительно небольшой список единиц — точнее, значений, которые можно считать своего рода “базовыми” для развития грамматики. Поскольку круг источников грамматикализации довольно сильно ограничен, возникает желание понять, какими условиями определяется попадание или непопадание некоторой языковой единицы в этот круг — иначе говоря, в чем заключается сама возможность “грамматикализуемости” (*grammaticalizability*) одних единиц, в отличие от других. Как правило, доминирующим фактором, определяющим возможность языковой единицы грамматикализироваться, признается ее концептуальное содержание (ср. [Traugott, Heine 1991: 8] и пр.). Существует, при этом, несколько подходов к тому, в чем именно заключается особенность концептуального содержания исходных понятий.

По мнению Дж. Байби и ее сторонников, лексические единицы, подвергающиеся грамматикализации, характеризуются большей **общностью значения** по сравнению с другими лексемами [Bybee et al. 1994: 5, 9-10]. Некоторые лексеммы обладают сложным и специфическим значением, которое делает возможным их употребление только в достаточно ограниченном числе контекстов. Так например, каждый из английских глаголов перемещения *walk* ‘идти пешком, гулять’, *stroll* ‘прогуливаться, шататься’, *saunter* ‘гулять, прохаживаться’, *swim* ‘плыть’, *roll* ‘катиться’, *slide* ‘скользить’ содержит довольно специфическую характеристику перемещения в пространстве и, тем самым, допускает лишь узкий круг субъектов. Есть, однако, глаголы с более общим значением *go* ‘идти/ехать, уходить, удаляться’ и *come* ‘приходить/приезжать, прибывать’, которые не содержат конкретных указаний на характер перемещения и, тем самым, могут употребляться в гораздо более широком круге контекстов. Именно лексические единицы такого уровня общности, по мнению Дж. Байби и др., и используются в конструкциях, которые подвергаются грамматикализации.

Можно, по-видимому, утверждать, что лексические единицы, которые подвергаются грамматикализации, “еще до этой стадии претерпевают значительную генерализацию значения и обычно представляют собой в наиболее чистом виде базовые семантические свойства членов своей группы” [Bybee et al. 1994: 9]. Сходная мысль встречается и в [Norper, Traugott 1993: 97], где отмечается, что если в качестве источника и можно обнаружить лексему со специфическим значением, то лишь на той ее стадии, когда ее значение уже становится более общим: ср. конструкцию со значением “ближайшего будущего” *aller + inf.* во французском, в которой *aller* ‘идти’ восходит к лат. *ambulare* ‘гулять’ (т.е. французский глагол стал обозначать более нейтральный способ перемещения).

Однако, нужно учитывать, что существуют и лексические источники, которые скорее нельзя назвать “семантически обобщенными”. Так, вряд ли можно назвать обобщенным значение глаголов ‘заканчивать’, ‘бросать’ и ‘проходить’ (могут быть источниками перфекта), ‘хотеть’ или ‘желать’ (источники будущего времени) или ‘быть подходящим, годным’ и ‘быть обязанным’ (источники показателей долженствования). Эти глаголы

описывают гораздо более сложные свойства и отношения в мире людей, — и здесь не столь важна специфичность этих глаголов по отношению к тем, которые описывают более общие положения дел, сколько то, что все эти глаголы кодируют ключевые фрагменты (ср. термин *orientation points*) человеческого опыта. В этом их статус не отличается от статуса наиболее обобщенных глаголов существования, обладания, отношения, местонахождения или перемещения в пространстве. Тем самым оказывается, что более важным критерием является не столько общность, сколько отнесенность к базовым, несводимым к более простым понятиям — будь то существование или движение в пространстве, психические или социальные состояния и события.

Действительно, исходные понятия часто характеризуются как “базовые” или **“фундаментальные для ситуации общения”**. Это понятия, которые относятся к ключевым, наиболее важным сферам человеческого опыта — они описывают, в первую очередь, физическое состояние, поведение или непосредственное окружение человека и занимают приоритетное место в человеческом мышлении и процессе коммуникации. Это обозначения конкретных объектов, процессов или местоположений (плюс некоторое количество дейктических и вопросительных элементов) [Heine et al. 1991a: 151]. Исходно такие лексические источники “выполняют наиболее необходимые дискурсивные функции” [Hopper, Traugott 1993: 95]. Б. Хайне и др. отмечают, что исходные понятия являются в значительной мере независимыми от культуры и “как правило, мыслятся похожим образом и не зависят от языковых и этнических делений” [Heine et al. 1991b: 33]. Последнее наблюдение частично позволяет объяснить те значительные сходства путей грамматикализации, которые отмечаются в генетически и ареально не связанных языках.

Источники грамматикализации иногда сопоставляют с концептами так называемого “базового уровня категоризации”, выделяемого в работах по когнитивной психологии и семантике (прежде всего Э. Рош и др.). Под этим понимается уровень категоризации, предпочтительно используемый людьми для номинации явлений действительности: названия данных категорий используются наиболее часто и для описания многих ситуаций и объектов (ср. “дерево” или “собака”). Э. Рош называет данный уровень также “средним уровнем категоризации”, поскольку он является промежуточным между высшим уровнем обобщения (ср. “растение” или “животное”) и низшим (ср. “дуб”, “клен” или “лайка”, “такса” и пр.). Это как лингвистически, так и когнитивно наиболее значимый уровень родо-видовой референции (см. также [Кубрякова и др. 1996: 14-15; Рахилина 2000: 352-354]). Именно единицы “среднего уровня” часто служат источниками грамматикализации: ср., например, глаголы положения в пространстве типа ‘сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’ или глаголы перемещения ‘приходить’, ‘уходить’, ‘входить’, ‘выходить’ и пр. Вместе с тем, между множествами источников грамматикализации и единиц среднего уровня категоризации нет однозначного соответствия. Среди источников грамматикализации могут быть и единицы высшего уровня — ср. значения типа ‘человек’, ‘вещь’ или ‘делать’. (Это же верно и, например, для англ. глагола *go* ‘перемещаться’, который, по критериям Рош, следует признать глаголом высшего уровня [Heine et al. 1991b: 33]). Скорее, источником грамматикализации не может являться единица нижнего (“видового”) уровня категоризации [Sweetser 1988: 402]; однако и здесь могут быть исключения (см. 4.2.5.3).

Заслуживает внимания также предположение о том, что именно пространственные категории, будучи более развитыми и во многом более базовыми, в первую очередь подвергаются переосмыслению и участвуют в создании понятийных структурных полей. Так, В. Б. Касевич пишет о том, что “пространственные отношения неизменно выступают первичными, организующими в структуре картины мира”, так что зачастую “пространственные отношения оказываются теми “примитивами”, к которым сводятся более сложные представления” [Касевич 1996: 132, 133]. Подобное предполо-

жение получило название “**гипотезы локализма**” (*localist hypothesis*), ср. обсуждение в [Lyons 1977: 718; Fleischman 1982: 15 et pass.; Heine et al. 1991b: 49-50, 113-118, 187-189] и др.

Вопрос о первичности пространственных категорий имеет важное значение при исследовании метафоры, и, действительно, в теории метафоры пространственным источниками всегда уделялось большое место. Важность пространственных понятий отмечают, например, Дж. Лакофф и М. Джонсон: достаточно вспомнить их известные примеры с метафорой путешествия (любовь это путешествие, жизнь это путешествие и пр.) и вообще выделяемый ими особый тип ориентационных метафор. Большая часть ориентационных метафор связана с пространственными противопоставлениями типа “верх/низ”, “внутри/снаружи”, “перед/зад” и т.п. Так, с верхом ассоциируется счастье, жизнь и здоровье, добро и разум, а с низом — горе, болезни и смерть, нечто плохое, а также отрицательные эмоции [Lakoff, Johnson 1980: ch. 4; Лакофф, Джонсон 1990: 396-404], и т.п. См. также [Radden 1996] о различных пространственных моделях времени в языках мира.

Исследования грамматикализации показывают, что источниками всевозможных грамматических показателей действительно очень часто оказываются локативные конструкции. Так, в области падежных значений временные и более абстрактные (например, причинно-следственные) отношения развиваются после, и на основе, пространственных; видо-временные значения (например, прогрессив и проспектив, см. подробнее главу 2) или посессивность также имеют в качестве источников локативные конструкции, и т.п. Локалистский подход принимается иногда в более сильной формулировке: так, С. Андерсену принадлежит утверждение о том, что “грамматические функции в целом организованы главным образом в терминах противопоставлений по местонахождению и направлению” (цит. по [Heine et al. 1991b: 115]). Э. Траугот в одной из работ высказывает точку зрения, что вся система временных отношений в языке — а именно, выражение собственно “абсолютного” времени (*tense*), следования во времени (*sequencing*) и вида (как “внутреннего времени” ситуации) — строится исходно как локативная система, т.е. все значения из этой области возникли на основе переосмысления пространственных понятий [Traugott 1978: 371].

Гипотеза локализма в “радикальной” формулировке, однако, не верна “в обе стороны”: среди источников грамматикализации есть и единицы не с локативным значением, а среди категорий есть и такие, для которых локативных источников не бывает вообще. Выше уже указывались в качестве возможных источников единицы, обозначающие не пространственные отношения, а например, ментальные процессы и внутренние состояния субъекта (‘говорить’, ‘хотеть’ и пр.). По мнению Б. Хайне и др., не существует категорий, для которых пространство было бы единственной возможной исходной концептуальной областью (но есть категории, где это одна из исходных областей — как, например, в случае будущего времени, — и есть такие, для которых имеются только непространственные источники — как, например, в случае отрицания) [Heine et al. 1991b].

Поддерживая критику “радикального локализма”, мы хотели бы все же подчеркнуть, что пространственные источники, бесспорно, входят в ядро исходных структур; ниже на примере глаголов, описывающих пространственные ситуации (движение и местонахождение), мы убедимся в огромном разнообразии их возможных путей переосмысления. Такого разнообразия у других, непространственных, источников, по видимому все же нет.

Наконец, наиболее продуктивным подходом к определению основания, на котором выделяются возможные источники грамматикализации, представляется тот, который учитывает свойство источников, которое мы бы условно назвали “**метаязыковым по-**

тенциалом” (в англоязычной литературе в этой связи говорят обычно о *salience*, ср. русск. эквиваленты *значимость* или *салиентность*).

Что, собственно говоря, представляет собой выражение, которое может в дальнейшем подвергнуться грамматикализации? Это новое выражение, новая форма для передачи некоторого значения. Часто это выражение является также не нейтральным, а более экспрессивным, нежели прежняя форма, она может использовать новые необычные аналогии и т.п. Чтобы говорящий употребил именно такую форму, с его стороны необходимо, конечно, некоторый творческий акт (в связи с этим говорят о “креативной природе” языковой деятельности), но при этом и форма должна быть такая, с которой “есть, что взять”. Далее, важно также, чтобы этот новый способ выражения был правильно воспринят слушающим, и чем понятнее и универсальнее он будет (т.е. будет предназначен не *ad hoc* для конкретного слушающего и конкретной ситуации общения, а потенциально сможет быть употреблен в разных ситуациях и будет понят), тем чаще можно будет этот новый способ выражения использовать, тем скорее он “приживется”.

Тем самым, вопрос о том, может ли быть грамматикализован элемент X, сводится к вопросу: а может ли его семантическое содержание или выводимые из его употребления умозаключения (то, что в прагматике называется *inference*) служить целям построения дискурса? Вопрос в том, “может ли эта форма быть использована с металингвистической целью порождения текста естественным и тем самым легко понятным образом?” [Traugott, Heine 1991: 8]. Далек не любая единица языка способна выступать в такой роли⁸. Источником же грамматикализации может служить лишь такое понятие, за которым стоит простой и “конкретный” фрагмент опыта из окружающего человека мира и которое может повлечь за собой ассоциации, релевантные для выражения каких-либо более “абстрактных” понятий [Heine et al. 1991b: 34].

Классическим примером здесь может являться группа обозначений частей тела, изучению грамматикализации которой посвящено исследование [Svorou 1993], а также значительная часть монографии [Heine et al. 1991b]. Человеческое тело является удобной “исходной моделью” для описания относительной пространственной ориентации; более того, вполне естественно ожидать описание пространства в терминах человеческого тела, которое в принципе одинаково устроено у всех людей, так что такая метафорическая “терминологическая система” будет наглядна и понятна. И действительно, часто при помощи слова *спина* обозначается пространство позади ориентира, слова *грудь*, *лицо*, *лоб*, *глаз* или даже *голова* используются для обозначения пространства спереди, *живот*, *желудок* или *сердце* — внутреннего пространства, а *нога* — пространства внизу. Слово же *печень* таким наглядным фрагментом действительности для говорящих, вероятно, не является, и в результате не вызывает ассоциаций, при помощи которых можно было бы описать некоторое пространственное положение — в силу этого, оно не подвергается грамматикализации.⁹ Кроме того, обозначения частей тела могут быть использованы и для передачи иных отношений, нежели пространственные: так,

⁸ Ср. следующее утверждение: “...кажется маловероятным, чтобы грамматикализовалось бы слово *wallpaper* ‘обои’. Мы не хотим этим сказать, что подобное развитие невозможно, но оно в высшей степени маловероятно” [Traugott, Heine 1991: 8]. Причина этого кроется именно в том, что данное слово, в общем, невозможно использовать для того, чтобы с его помощью выразить какую-либо абстрактную идею; иначе говоря, если при помощи слова *голова* можно указать на что-то иное, кроме головы (например, на верхнюю часть объекта), то при помощи слова *обои* ни о чем, кроме самих обоев, скорее всего сказать нельзя. См. также рассуждения в главе 5.

⁹ Тем самым, здесь можно учитывать два критерия: а) о чем, собственно, можно сказать, используя данное слово не в прямом значении, при том, что б) об этом нельзя сказать, используя более простые и очевидные понятия. Так, слово *печень* могло бы, по-видимому, указывать на пространство внутри ориентира, но в некотором смысле использовать именно это слово незачем, т.к. есть гораздо более наглядно указывающие на внутреннее пространство слова *живот* или *желудок*.

рука может вызвать ассоциацию между удержанием предмета в руке и обладанием этим предметом — в результате рука может стать маркером посессивности (языки Западной Африки); *голова*, которая является органом, ответственным за поведение человека, может послужить источником показателя причины или цели (ср. язык эве семьи ква); различные части тела при семантическом переносе “с части на целое” могут быть использованы в качестве рефлексивных местоимений, и пр. (примеры из [Heine et al. 1991b: 34, 44-45]).

Как показывают данные, обсуждаемые далее в главах 2-4, конструкции с глаголами движения и позиции предоставляют чрезвычайно гибкий “метаязык” для передачи самых различных понятий.

Итак, мы рассмотрели основные подходы к выявлению “внутренней сущности” возможных источников грамматикализации. В некоторых работах, как, например, [Heine et al. 1991b: 35], выражается известный скептицизм по проблеме ограничения набора возможных источников грамматикализации: авторы пишут, что такой набор невозможно определить, не впадая в замкнутый круг, и что “ни один из предлагавшихся критериев, такие как частотность, концептуальная простота, семантическая немаркированность или прагматическая значимость, не достаточны сами по себе для понимания природы исходных понятий”. Тем не менее, представляется, что ядерная часть источников вполне может быть очерчена. Целиком же набор источников перечислить вряд ли возможно; любой список окажется незакрытым и рано или поздно будет дополнен (так, трудно было бы заранее предугадать, что слова со значениями ‘день’, ‘дерево’ или ‘труп’ превратятся в каком-либо языке в суффиксы существительных — однако такая ситуация имеется в пермских языках, см. [Серебрянников 1963: 147, 152])¹⁰; так что в области “периферии” набор источников следует признать потенциально открытым; ср. также обсуждение в связи с глаголами движения и позиции в 4.2.5.

1.1.3. Формальные свойства исходных единиц

Выше, говоря об источниках грамматикализации, мы указывали на них то как на языковые выражения (“слова”, “лексемы”), то имели в виду только определенные смыслы. В принципе полезно различать:

◇ **исходные значения**, т.е. только набор возможных означаемых источников,

◇ и **исходные языковые структуры**, т.е. те языковые знаки, которые непосредственно подвергаются грамматикализации.

Как правило, в работах по грамматикализации об источниках с точки зрения их содержания пишут как об “исходных понятиях”, или “концептах” (*source concepts*). Примерами таких понятий могут быть указанные выше значения — от ‘спина’ или ‘земля’ до ‘брат’ или ‘хотеть’. Особенностью когнитивно-ориентированного подхода “школы Хайне” является то, что в качестве источников грамматикализация они выделяют не только концепты, но и “исходные пропозиции” (*source propositions*). Это более сложные когнитивные структуры, которые (так же, как и исходные концепты) выражают базовые для человеческого опыта ситуации — состояния и процессы; они представляют собой как бы простейшие события, или “сценарии” (их называют также “ситуационными схемами”). Исходные пропозиции можно выразить при помощи простой предикации, как

¹⁰ Интересно, что в самой работе [Heine et al. 1991b: 35] в качестве базовых понятий, которые, тем не менее, не подвергаются грамматикализации, приводятся ‘пить’, ‘петь’, ‘бить’, ‘умирать’ и др.; при этом, по крайней мере глаголы с двумя последними значениями на самом деле встречаются в качестве грамматикализованных вспомогательных глаголов (см., в частности, 2.11.2).

правило, с двумя участниками. Наиболее распространенными исходными пропозициями являются: пропозиция местонахождения ‘X находится в Y’, пропозиция перемещения ‘X перемещается к/от Y’ и пропозиция действия ‘X делает Y’, которые признаются базовыми. Более частные “ситуационные схемы” представлены производными пропозициями желаний ‘X хочет Y’, изменения состояния ‘X становится Y’, а также сравнения ‘X является (или похож на) Y’, части-целого ‘X является частью Y’, совместности ‘X (действует) совместно с Y’, обладания ‘X обладает Y’, образа действия ‘X пребывает Y-овым образом’; наконец, выделяются сложные пропозиции следования ‘X делает Y, (потом) делает Z’, цели ‘X действует с целью Y’, оценки ‘Y оценивается как X (хорошее, вероятное, важное и т.п.)’ [Heine et al. 1991b: 36-38; Heine 1993: 30-43].

Каждая из этих пропозиций может лежать в основе развития некоторого грамматического значения (и, возможно, не одного). Так, пропозиция местонахождения часто является источником актуально-длительного значения, или прогрессива (см. о нем также 4.1.2.1) — в этом случае место Y в ‘X находится в Y’ занимает обозначение ситуации, т.е. номинализованная форма глагола (ср. ирл. *tó Seón ag canadh* ‘Шон поет’, букв. “находится в пении”; аналогично происхождение англ. форм типа *is singing*); пропозиция движения, а также желания обычно являются источниками будущего времени (см. далее 4.1.1.1), и т.п.

Какие же языковые единицы стоят за этими когнитивными структурами? Было бы логично предположить, что если исходным концептам соответствуют собственно лексемы, то исходным ситуационным схемам — более сложные языковые структуры. Тем не менее, обычно об источниках грамматикализации говорят просто как о **словах** или **лексемах**, ср.: “С точки зрения выражения, источники грамматикализации в конечном итоге представлены лексемами” [Heine et al. 1991a: 151, ср. также сс. 98, 107 и др.]. Выше мы также указывали на то, что если попытаться проследить историю грамматического показателя “назад”, то в конечном итоге неизбежно натолкнешься на лексему. Да и в большинстве определений грамматикализации (начиная с Мейе) речь идет о том, что в ходе данного процесса “слова превращаются в грамматические показатели”. Это простое определение, однако, нуждается в корректировке.

Дело в том, что, считая источником одну лишь лексему, можно прийти к выводам, при которых недооценивается роль системности и закономерности процесса грамматикализации; может сложиться впечатление, что в ходе грамматикализации “всё переходит во всё”. Так, в [Heine et al. 1991b: 38] в качестве иллюстрации того, что один источник может участвовать в нескольких путях грамматикализации и давать несколько итоговых значений, приводится следующий пример. В языке со (нило-сахарские; Уганда) глагол *ac* ‘приходить’ превратился в глагольный словообразовательный суффикс, выражающий значение приближения к дейктическому центру, а также выступал в роли вспомогательного глагола, превратившегося со временем в проклитику со значением будущего времени. Наконец, имеется другая проклитика со значением будущего времени, восходящая к глаголу *gb* ‘идти (к)’. Этот пример показывает, в частности, что одна и та же единица — глагол *ac* ‘приходить’ — дает два грамматических показателя.

При таком подходе, однако, объяснительная сила грамматикализации занижена. Это подчеркивают, в частности, авторы работы [Bybee et al. 1994: 11-12]. Обратим внимание, что в приведенном примере порядок следования смыслового глагола и показателя, восходящего к *ac*, различается: суффикс превращается в показатель приближения, а препозитивный вспомогательный глагол становится маркером будущего. В основу разных значений и, следовательно, разных грамматических категорий, тем самым, легли две разные **грамматические конструкции**. Именно это, на самом деле, и должен показывать пример из языка со. Такой подход помогает объяснить, почему

◇ одна и та же единица (*ac*) превратилась в два показателя с разным формальным статусом (т.к. в исходных конструкциях вспомогательный глагол стоял в постпозиции в одном и препозиции — в другом случае);

◇ две разные единицы (*ac* и *gb*) превратилась в два показателя с одинаковым значением (т.к. в обеих исходных конструкциях имелось указание на конечный пункт движения, отсюда значение будущей ситуации).

Дж. Байби и др. делают справедливый вывод о том, что “именно конструкция целиком, а не просто лексическое значение основы, является предшественником, и, следовательно, источником грамматического значения” [Bybee et al. 1994: 11]. Действительно, помимо лексических единиц, в грамматикализуемые конструкции обычно входит как некоторое лексическое “ядро”, так и некоторые уже ставшие грамматическими элементы (показатели времени и вида или предлоги и падежные окончания), каждый из которых вносит свое значение в конструкцию. Само расположение элементов конструкции также может влиять на итоговое значение. В силу этого, при установлении источника некоторого грамматического значения необходимо учитывать морфологию и синтаксис всей исходной конструкции, а не одно лишь денотативное значение входящих в нее лексем.

Итак, то, что можно посчитать за разные пути развития одной исходной единицы-лексемы (ср. схему 4.А), на самом деле может являться разными путями развития различных исходных единиц (конструкций); ср. схему 4.Б.

Схема 4.А:

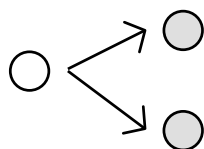
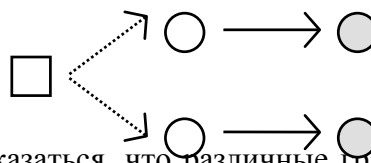

Схема 4.Б:

В других случаях, когда также может показаться, что различные грамматические значения происходят из одного источника, может оказаться, что эти значения соответствуют разным стадиям развития на одном пути грамматикализации, ср. схему 4.В.

Так, в одних языках мы находим конструкции с ‘быть’ или ‘иметь’ и причастием прошедшего времени со значением результата (латынь или древнеанглийский), в других языках — со значением перфекта (английский или испанский), а в третьих — со значением перфектива (французский) или прошедшего времени (немецкий). Все эти грамматические значения представляют собой последовательные стадии одного и того же пути грамматикализации (см. также 4.1).

Схема 4.В:

То различие во взгляде на источник грамматикализации у “школы Хайне” и “школы Байби”, о котором только что шла речь, можно условно обозначить как различие между “лексемо-центричным” и “конструкционистским” взглядом на грамматикализацию (в терминах [Lessau 1994]: *unit view* и *constructional view*). Более адекватен, как мы попытались показать, “конструкционистский” подход, который позволяет лучше объяснить невзаимо-однозначные отношения между источниками и результатами. Этот подход кажется правильным еще и потому, что, собственно говоря, “лексемы” сами по себе не могут быть источником грамматикализации, поскольку как таковые обычно не используются в дискурсе. Грамматикализация зарождается в дискурсивном контексте, который состоит из высказываний, включенных в определенную коммуникативную ситуа-

цию, а сами эти высказывания, естественно, состоят не из отдельных лексем, а из сложных морфосинтаксических единиц.¹¹

Ср. также следующее замечание П. Хоппера и Э. Траугот по поводу схемы грамматикализации “по Мейе”, представляемой как на схеме 4.А: “Путь [грамматикализации] идет не непосредственно от лексемы к морфологии. Скорее, лексические единицы или словосочетания выступают исходно в определенных ограниченных контекстах (*highly constrained local contexts*) и в дальнейшем переосмысляются как имеющие ту или иную синтаксическую и морфологическую функцию” [Hopper, Traugott 1993: 94-95, см. также с. 81]. На важность рассмотрения грамматической конструкции в целом, с учетом первичных контекстов ее употребления, одним из первых обратил внимание Э. Бенвенист в небольшой работе [Benveniste 1968], посвященной формам перфекта и будущего времени в романских языках (в состав обеих форм исходно входил один и тот же латинский глагол *habere* ‘иметь’, однако в остальном конструкции по многим параметрам отличались).

Итак, источником грамматикализации является конструкция, имеющая в качестве вершины некоторую лексическую единицу. Говорить просто о “лексическом источнике” можно лишь в качестве удобного сокращения; именно так мы и будем поступать далее, имея в виду под, например, “случаем грамматикализации глагола СИДЕТЬ” случай грамматикализации конструкции с этим глаголом.

По нашему мнению, роль “конструкционистского” подхода в целом более велика именно при исследовании глаголов в роли источников грамматикализации; в этом случае очевидно влияние как видо-временного маркирования вершины, так и кодирования ее актантов (а также формы “смыслового глагола”). В области именных источников таких проблем меньше (и меньше, кстати, в среднем сам разброс итоговых значений для одного источника). Глагольные источники в большинстве случаев соотносятся с результатами, относящимися к области глагольной же морфологии; *mutatis mutandis* то же верно для имени. Возможно, поэтому “школа Хайне” концентрировалась скорее на “лексемо-центричной” перспективе: в центре их внимания находились главным образом именные источники (названия частей тела и пр.) и именные же категории (падежная морфология), рассуждений в терминах лексических источников было вполне достаточно (хотя в более поздних книгах [Heine et al. 1993: 1; Heine 1993: 28] уже говорится и о важности учета конструкции в целом). Вместе с тем, для “школы Байби”, как и всех, кто занимается категориями глагола, наиболее естественна именно конструкционистская перспектива; иначе возникновение многих глагольных показателей из “одного и того же” глагола просто невозможно было бы понять и объяснить (ср. обсуждение многих случаев в главе 4).

1.1.4. Почему важно изучать источники грамматикализации

Среди работ по грамматической типологии специальных исследований определенных источников или групп источников грамматикализации существует не так много.

Часто грамматические категории изучаются независимо от их диахронических источников; исследователю бывает важнее понять, как может быть устроена с синхрон-

¹¹ Если учитывать не только грамматикализацию морфологических показателей, но и синтаксических отношений, то понятно, что грамматикализироваться может, например, и порядок слов — в этом случае о “лексическом источнике” говорить вообще невозможно. Кстати, уже Мейе упоминает об использовании порядка слов для выражения грамматических отношений как о случае грамматикализации, отмечая, что порядок слов приобретает здесь характер своеобразной “морфемы” [Meillet 1912: 147-148].

ной точки зрения та или иная категория в разных языках и каковы ее типологические релевантные свойства (в качестве примера приведем, например, фундаментальные исследования по типологии категории вида и времени Б. Комри [Comrie 1976; 1985]). К таким исследованиям относятся и такие, в которых семантика некоторой грамматической категории описывается и сравнивается в большом количестве языков на основе единой анкеты (ср., например, исследование видо-временных систем [Dahl 1985], а также серию работ Ленинградской/Петербургской типологической школы, в т.ч. [Недялков (ред.) 1983; Храковский (ред.) 1989; 1992] и др.).

С другой стороны, существует и ряд работ, в которых анализируется не только или даже не столько типологическое пространство грамматических категорий в синхронном плане, сколько возможные пути развития грамматических значений. Отметим, например, работы по диахроническому развитию целевых форм [Haspelmath 1989], пассива [Haspelmath 1990], модальных категорий [Auwera, Plungian 1998] и ряд др., а также наиболее фундаментальное на сегодняшний день исследование видо-временных категорий глагола [Bybee et al. 1994]. В таких исследованиях на источники грамматических показателей обращается внимание, хотя они, скорее, находятся не в фокусе внимания, а на периферии.

Возникает вопрос, насколько правомерно делать объектом изучения именно определенные типы источников грамматикализации *per se*, т.е. идти не от категорий (к путям их возникновения), а от исходных единиц (к дальнейшим путям их развития). Представляется, что исследования такого рода являются также необходимыми и дают возможность лучше разобраться в том, что представляет собой грамматика естественного языка. Как справедливо заметил М. Хаспельмат, “природу грамматических категорий можно гораздо лучше понять с точки зрения источников, из которых они развиваются, а не конечного результата, к которому они приходят после длительного процесса грамматикализации” [Haspelmath 1989: 303].

Действительно, лучше понять, что такое грамматика, можно, поняв, откуда она берется (речь, при этом, конечно, не идет об умалении синхронного изучения грамматических явлений).

На предпочтительность функционально-диахронического подхода к изучению грамматики в последнее время неоднократно указывала Дж. Байби, которая отмечает, в частности, что такая перспектива “значительно увеличивает объяснительную силу лингвистической теории. Утверждение, что данная форма или конструкция имеет определенную функцию, само по себе еще не позволяет объяснить факт существования этой формы или конструкции; необходимо показать также, каким образом данная форма или конструкция приобрели свое значение” [Bybee et al. 1994: 3]. Сформулировать чисто синхронные универсалии о типах грамматических показателей достаточно трудно в силу того, что в конкретный период в конкретном языке каждый показатель соответствует некоторому отрезку на пути грамматикализации, обладая целым набором различных употреблений. Лишь диахроническая перспектива позволяет понять, как взаимосвязаны эти употребления и в чем сходства и отличия похожих показателей разных языков: “регулярно воспроизводящиеся закономерности эволюции, которые по сути и являются основой теории универсальных семантических изменений, тем самым предоставляют нам тот уровень, на котором не сравнимые иным образом языки становятся сравнимыми” [Bybee et al. 1994: 4, 281].

Как уже указывалось выше, грамматика в значительной степени “берется” именно из лексики. (Перефразируя высказывание американского писателя Р. П. Уоррена, можно сказать, что грамматика получается из лексики, “потому что иначе ее неоткуда было бы взять”.) Лексика выступает в качестве главного источника, “строительного материала”

грамматики¹²; историческая эволюция языка включает постоянное превращение лексических единиц в грамматические. При этом, хотя во многом грамматика “берется” именно из лексики, такой лексикой может являться далеко не любая. Поэтому интересен и важен и вопрос о том, какая именно лексика может являться источником грамматики и каковы те условия и пути, по которым происходит это превращение.

Важный факт, на который именно в работах по теории грамматикализации обращается большое внимание, заключается еще и в том, что без знания об источниках трудно бывает понять особенности употребления тех или иных показателей. Как известно, типологически может отмечаться существование нескольких типов исходных структур для одного и того же грамматического значения; но дело в том, что показатели одной и той же категории, восходящие к разным источникам (в одном языке или в разных) обычно не “конвергируют” семантически в полной мере, а сохраняют индивидуальные особенности, связанные со “следами” былого лексического значения¹³.

Как писал еще в конце XIX-го века один из пионеров семантической теории Мишель Бреаль, “слова обладают слишком существенными индивидуальными особенностями для того, чтобы в одночасье перейти на роль служебных элементов” (цит. по [Matisoff 1991: 384]). Но даже перейдя на эту роль, бывшие слова (а ныне грамматические показатели) обнаруживают в своей семантике и дистрибуции, в первую очередь ограничения на сочетаемость, “отпечаток” исходного значения. Это свойство, теоретическая значимость которого для изучения грамматикализации обсуждается в [Norper 1991], получило название “свойства сохранения значения” (*persistence*); см. также [Bybee et al. 1994: 17-20]. Сохранение специфических исходных лексических черт (вроде значения желания у английского вспомогательного глагола *will*) и наличие определенных дополнительных значений служат своего рода “археологическим свидетельством” (по выражению Дж. Байби), т.е. диагностическим критерием для восстановления истории грамматических элементов.

Тем самым, хотя в ходе языковой эволюции имеет место постепенная “нейтрализация” значений показателей некоторой категории, полученных из разных источников, эта нейтрализация обычно не является полной. Поэтому для понимания поведения грамматических показателей полезно знать тип источника, из которого они происходят.

Заслуживает внимания также выдвигавшаяся в работах Дж. Байби и др. гипотеза о том, что исходное значение конструкции, вступающей в процесс грамматикализации, является единственным (или по крайней мере основным) фактором, который определяет путь дальнейшей грамматикализации и, следовательно, результирующее грамматическое значение (так называемая “гипотеза об определяющей роли источника грамматикализации, *source determination hypothesis*) [Bybee et al. 1994: 9-12]. Эта гипотеза противостоит одному из основных принципов структуралистского подхода, в соответствии с которым грамматические показатели получают свое специфическое значение только в рамках всей “системы” в силу наличия в ней определенных семантических контрастов,

¹² По аналогии с известным афоризмом “сегодняшняя морфология — это вчерашний синтаксис” (Т. Гивон) можно говорить также и о том, что “сегодняшняя грамматика (точнее, грамматические показатели) — это вчерашняя лексика”. О том, что “сегодняшняя лексика” также может отчасти состоять из “вчерашней грамматики”, см. раздел В.2. Эти явления, однако, не симметричны: некоторые лексические единицы в массовом порядке превращаются в грамматические показатели (т.е. грамматика создается из лексики), тогда как отслужившие свой срок показатели входят в состав лексических корней в виде добавочных “наслоений”.

¹³ См., например, рассуждения об особенностях английской формы будущего времени с глаголом *will* (< ‘хотеть’), отсутствующих у формы с *shall* (< ‘быть должным’) [Comrie 1985: 46-47; Bybee et al. 1991: 28; Norper 1991: 29]; что же касается конструкции *be going to* (< ‘идти к’), то ее семантика особенно своеобразна; см. подробнее 4.1.1.1.

или “оппозиций” (как правило, бинарных); см. критику данного подхода в [Bybee 1998: 257-264]. Данные же о языках мира позволят утверждать, что в действительности сходство между грамматическими показателями, восходящими к одним источникам, в разных языках является гораздо большим (независимо от системных “оппозиций”); а кроме того, близкие по значению показатели могут сосуществовать в одном языке, не стремясь к семантическому расхождению под давлением системы. В свете данной гипотезы (которая в целом подтвердилась материалом исследования Дж. Байби и др. 1994 г.) важность изучения диахронических источников становится еще более очевидной.

Знание источников грамматикализации может иметь и более непосредственное “практическое” значение для исследований в области сравнительно-исторического языкознания, — в частности, при реконструкции языковых состояний. Поскольку реконструкция древних (и не отраженных в письменных памятниках) языковых состояний не может быть подтверждена непосредственно, ее надежность может быть оценена лишь косвенным образом; и в этом типологические данные могут оказать существенную помощь. В частности, данные о возможных путях возникновения грамматических показателей могут приводиться в качестве дополнительных (но, по-видимому, не единственных) аргументов, подкрепляющих (или наоборот) гипотезы о возможной реконструкции какого-либо показателя¹⁴.

Итак, изучение источников грамматикализации самих по себе является важным направлением в рамках исследований по грамматикализации в целом.

Одной из необходимых (но пока не осуществленных в полной мере) начальных задач представляется создание как можно более полного **каталога** засвидетельствованных в языках мира путей грамматикализации. Этот каталог должен давать представление как о наборе возможных исходных единиц грамматикализации (и дальнейших путях их развития), так и о засвидетельствованных грамматических значениях (с их возможными диахроническими источниками). Фактически такой каталог должен представлять собой (в наиболее упрощенном виде) словарь с двумя направлениями: “от источника к его путям развития” и “от результатов к их возможным источникам”.

Впервые подобный каталог был представлен (на материале африканских языков) в приложении к работе [Heine, Reh 1984]. Впоследствии коллективом авторов под руководством Б. Хайне был подготовлен более обширный (300 стр.) справочник “Концептуальный переход: лексикон процессов грамматикализации в африканских языках” [Heine et al. 1993]¹⁵. Фактически он представляет собой словарь, входами которого являются источники (например, лексемы: *‘abandon’ (verb of action)*, *‘abide’ (stative verb)*, или же вторичные, уже грамматикализованные источники: *ability marker*, *ablative marker (case marker, adposition)* — мы привели первые четыре входа книги, всего их более 500), для каждого из которых указываются возможные пути их развития в языках мира; в основном материалом послужили данные языков Африки, но в принципе учтены, хотя и несистематически, и многие другие языки (всего более 300). Справочник [Heine et al. 1993] является чрезвычайно полезным и предоставляет исследователям огромное количество материала, но вместе с тем он (по-видимому, в силу большей ориентации на африканский материал) не свободен от некоторой односторонности. В ряде случаев приводимые списки путей грамматикализации выглядят достаточно странно, поскольку не включают

¹⁴ Ср. в 2.2.1 пример из багвалинского языка, для которого материальная общность показателя будущего времени с практически вышедшим из употребления корнем ‘идти’ плюс типологическое наблюдение о закономерности эволюции конструкции с ИДТИ в будущее время делают возможным предположить, что в этом языке имела место именно такая эволюция (при том, что, например, в родственном багвалинскому языках подобное развитие пока не было отмечено).

¹⁵ Новой версией данного справочника является книга [Heine, Kuteva 2002], выход которой ожидается в 2002 г.

достаточно известных и распространенных случаев; так, для глагола ВХОДИТЬ (*enter*) приводится информация о трех путях грамматикализации, для каждого с примером из одного языка: это превращение в показатель следования во времени, в дуративный показатель и направительный модификатор ‘внутри’ (см. об этих путях 2.5). По нашим данным, первые два из этих путей крайне маргинальны; при этом весьма частое в языках мира превращение глагола ВХОДИТЬ в инхоативный показатель не упоминается вовсе. Тем самым, при наличии в данной книге массы интереснейших экзотических примеров материал хорошо исследованных языков Евразии часто представлен недостаточно полно.

Работа по систематизации возможных путей грамматикализации в языках мира находится, тем самым, лишь в самом начале¹⁶, и наше исследование (см. главы 2-3) можно считать вкладом в разработку этого направления.

Само по себе “каталогизирование” путей развития является, конечно, лишь необходимым первичным этапом и предполагает дальнейший поиск обобщений и объяснений этих путей, а также формулирование ограничений на межъязыковое варьирование в данной области. Можно сказать, что чисто “таксономический” подход (в духе [Heine et al. 1993]) необходимо совмещать с “динамическим” подходом, рассматривающим пути и механизмы развития грамматики на примере конкретных категорий (в духе [Bybee et al. 1994]) и учитывающим также объяснительный аспект.

В определенном смысле предлагаемую работу можно считать опытом именно такого (синтетического) способа рассмотрения путей грамматикализации на примере двух групп источников: в главах 2-3 предлагается систематизация засвидетельствованных путей развития этих источников, в главе 4 делается попытка найти семантическую мотивацию этих путей и рассматривается место данных путей развития в общей картине эволюции конкретных категорий.

1.2. Задачи настоящего исследования

Данная работа посвящена выявлению типологически возможных путей грамматикализации глаголов движения и глаголов позиции. Эти две группы глаголов являются в чем-то похожими, в чем-то различными. Обе группы включают в себя лексемы, описывающие определенные пространственные ситуации, но если глаголы движения описывают перемещение в пространстве (пространственную “динамику”), то глаголы позиции — определенный способ нахождения в пространстве (пространственную “статическую”). Что также важно для данного исследования, обе группы глаголов принадлежат к числу достаточно распространенных в языках мира диахронических источников грамматических показателей. В данной работе выявляется как можно более полный набор возможных путей грамматикализации этих глаголов и формулируются типологические обобщения о границах межъязыкового варьирования в данной области.

Задачей данного исследования является анализ материала, который позволил бы получить ответы на следующие вопросы:

1. Насколько грамматикализация глаголов движения и глаголов позиции распространена в языках мира? Имеются ли случаи грамматикализации этих глаголов в язы-

¹⁶ Отметим, что задача выявления возможных путей развития лексических значений также до сих пор не была решена; лишь недавно в нашей стране был поставлен вопрос о создании так называемого “Каталога семантических переходов”, в котором были бы систематизированы пути изменений лексических значений [Зализняк 2001].

ках разных семей и ареалов, или они ограничены определенными группами генетически или ареально близких языков?

2. Какие пути грамматикализации глаголов движения и глаголов позиции (как каждой из этих групп глаголов в целом, так и каждого из глаголов) наиболее распространены в языках мира? Велик ли набор возможных путей грамматикализации для этих глаголов? Насколько велико различие между путями грамматикализации глаголов движения и путями грамматикализации глаголов позиции? В каких областях грамматики в первую очередь используются показатели, восходящие к этим глаголам? Объяснимы ли пути развития этих глаголов?

Для проведения поиска и анализа материала по данной теме необходимо определить:

а) что именно понимается под глаголами движения и позиции и на какие предшествующие работы опирается данное исследование;

б) какие именно единицы конкретных языков будут рассмотрены в качестве источников;

в) как происходит идентификация собственно “грамматикализованной конструкции” в конкретном языке;

г) какой круг языков охватывает данное исследование.

Все эти вопросы рассмотрены ниже. Раздел 1.3 посвящен общей характеристике глаголов движения и позиции как лексических классов глаголов; в нем также указывается, какие именно из представителей этих классов будут рассмотрены в работе, а также на какие предшествующие исследования по семантике и грамматикализации этих глаголов мы опираемся. В разделе 1.4 описывается рассматриваемая выборка языков, а также источники данных и сама процедура поиска данных по конкретным языкам.

1.3. Общая характеристика исходных глаголов

1.3.1. Глаголы движения как лексический класс

1.3.1.1. Общая семантическая характеристика

Глаголы движения, вне сомнения, входят в ядро системы языковых средств, обозначающих пространственные отношения, и принадлежат к числу наиболее важных лексических единиц естественного языка¹⁷. В широком смысле **глаголами движения** (или глаголами перемещения; ср. англ. *motion verbs, verbs of movement*) называют любые лексемы, обозначающие изменение местоположения в пространстве некоторого объекта, т.е. лексемы типа русских *идти, бежать, плыть, гнаться, течь, брызгать, шататься, бросать, приводить* и пр.

Лексемы, относящиеся к глаголам движения, семантически довольно значительно различаются в разных языках; различия эти касаются прежде всего того, какую именно информацию о ситуации движения конкретно-языковые лексемы выражают в составе глагольного корня, а какая выражается другими средствами. Следуя за типологическими

¹⁷ Сравнивая глаголы движения (как представителей глаголов вообще) и конкретные существительные (как представителей имен), Г. Миллер и Ф. Джонсон-Лэрд отмечают, что эти две группы лексем быстро усваиваются детьми, являются крайне частотными и концептуально выделенными, что позволяет назвать глаголы движения “наиболее отчетливо глагольными среди глаголов (*the most characteristically verbal of all the verbs*)” [Miller, Johnson-Laird 1976: 527].

работами Л. Талми [Talmy 1975; 1985], в составе ситуации движения мы выделяем следующие компоненты: субъект движения, или “фигура” (*figure*), перемещается относительно некоторого объекта-ориентира, или “фона” (*ground*), следуя определенному маршруту, или пути перемещения (*path*). Характеристика пути дается в терминах типа перемещения фигуры относительно фона: например, приближение/удаление, перемещение вверх/вниз, перемещение вдоль или через. В работах по лексической семантике компонент пути представляется иногда более расчлененно: в частности, говорят о начальной точке перемещения и о его конечной точке, ср. [Апресян 1974: 125-126; Miller, Johnson-Laird 1976: 409-410; Lyons 1977: 494]. Наконец, в дополнение к перечисленным “внутренним” характеристикам движения Л. Талми выделяет два “внешних компонента”: это способ движения (*manner*) и его причина (*cause*).

В языках мира представлено несколько базовых моделей выражения компонентов ситуации движения в составе глагольного корня (так называемых “моделей лексикализации”). Так, английские и соответствующие русские глаголы *run* ~ *бежать*, *roll* ~ *катиться*, *jump* ~ *прыгать*, *slide* ~ *скользить* и др. выражают идею перемещения вместе с указанием на определенный способ этого перемещения (тип “motion + manner”). В романских языках (едва ли не исключительных в этом отношении среди остальных индоевропейских) глагольный корень выражает совместно с идеей движения и его путь, ср. португальские *entrar* ‘входить’, *sair* ‘выходить’, *passar* ‘проходить’, *subir* ‘подниматься’ и пр. (тип “motion + path”). В некоторых языковых семьях Америки засвидетельствована и такая модель объединения компонентов ситуации движения, при которой в корне представлена информация о типе движущегося субъекта: различаются, например, глаголы ‘двигаться (о небольших круглых объектах)’, ‘двигаться (о скользком объекте)’ и пр. (тип “motion + figure”; подобные глаголы называют иногда также “классифицирующими” и рассматривают как одно из средств именной классификации); см. подробнее [Talmy 1985]. В каждом из языков могут обнаружиться и лексемы, представляющие какую-либо другую модель (ср. англ. *enter* ‘входить’ и т.п.), но обычно доминирующей моделью бывает какая-либо одна. Часто те компоненты, которые в языке кодируются не в составе глагольных корней, получают систематическое выражение при помощи определенного набора служебных единиц (типа частиц или деривационных аффиксов): так, легко видеть, что в русском и английском языках путь перемещения регулярно маркируется, соответственно, префиксом или постпозитивной частицей: ср. *в-бежать* ~ *run in*, *вы-бежать* ~ *ran out*, *у-бежать* ~ *ran away* и т.п.¹⁸

Основными, наиболее базовыми глаголами движения считаются, как правило, глаголы типа русских *идти*, *уходить* и *приходить*, английских *go* и *come*, французских *aller* и *venir* и т.п. Эти глаголы являются обычно наиболее частотными в языке и имеют наиболее общее значение (в частности, допускают широкий круг субъектов движения). Семантически в этих глаголах лексикализуется основное дейктическое противопоставление: приближение к “дейктическому центру”, которым часто является говорящий (*приходить*, *come*, *venir*), или удаление от него (*уходить*, *go*, *aller*), так что такие пары глаголов являются своего рода “дейктическими антонимами”. Эти глаголы часто либо немар-

¹⁸ Близкие к концепции Л. Талми рассуждения о различных способах выражения смыслов, связанных с путем и способом перемещения, содержатся также в труде Л. Теньера, которому принадлежит и выделение двух классов глаголов — собственно “движения” (самого по себе, без цели передвижения в новое место) и “перемещения” (имеющего определенную цель, а именно изменение местоположения) [Теньер 1988: 298-299, 322-325]. Для целей данной работы это различие не столь существенно, так что термины “глаголы движения” и “глаголы перемещения” далее используются как синонимы.

кированы по способу движения (как англ. *go, come*), либо указывают на прототипический для человека способ перемещения — “пешком”.

Для рассмотрения в работе было решено выбрать глаголы, обозначающие ситуации, немаркированные по способу перемещения (или глаголы перемещения пешком) и выражающие основные типы пути перемещения. А именно, мы учитывали конкретно-языковые глаголы, соответствующие следующим ситуациям/смыслам:

- * общее направленное перемещение (пешком) ~ ‘идти, перемещаться’¹⁹
- * ненаправленное перемещение (пешком) ~ ‘ходить’
- * перемещение к дейктическому центру ~ ‘приходить’
- * перемещение от дейктического центра ~ ‘уходить’
- * перемещение внутрь объекта-ориентира ~ ‘входить’
- * перемещение изнутри объекта-ориентира ~ ‘выходить’
- * перемещение вверх ~ ‘подниматься’
- * перемещение вниз ~ ‘спускаться’
- * перемещение обратно к начальной точке движения ~ ‘возвращаться’
- * перемещение вдоль объекта-ориентира ~ ‘проходить’
- * перемещение по другую сторону объекта-ориентира ~ ‘переходить’.

Далее в тексте работы “метаязыковые” обозначения указанных смыслов даются прописными буквами, используются соответствующие русские эквиваленты: ИДТИ, УХОДИТЬ, ПРИХОДИТЬ, ХОДИТЬ, ВХОДИТЬ, ВЫХОДИТЬ, ПОДНИМАТЬСЯ, СПУСКАТЬСЯ, ВОЗВРАЩАТЬСЯ, ПРОХОДИТЬ, ПЕРЕХОДИТЬ²⁰. Конкретно-языковые глагольные лексемы приводятся курсивом и для них даются все переводные эквиваленты, указанные в использованном источнике (в русском переводе, если источник на другом языке), ср. хинди *jānā* ‘идти, уходить’, таджикский *боромадан* ‘выходить, подниматься’ и пр. В главе 2 в разделах по отдельным глаголам переводы конкретно-языковых глаголов движения могут опускаться, если они полностью совпадают с “метаязыковым” глаголом (например, если в разделе рассматриваются пути грамматикализации глагола ВХОДИТЬ, то конкретно-языковые глаголы, переводимые просто как ‘входить’, для краткости приводятся обычно без перевода).

Глаголы, специализированные по способу перемещения (‘бежать’, ‘лететь’ и пр.), специально не рассматривались; о том, могут ли такие глаголы в принципе подвергаться грамматикализации, см. 4.2.5. Также не рассматривались и глаголы каузации движения (‘бросать’, ‘вести’, ‘отправлять’ и пр.).

¹⁹ Глагол с наиболее общим значением ‘двигаться’ специально не рассматривался; следует сказать, что глагол, переводимый именно подобным образом, в составе грамматикализованных конструкций практически не встречается. Далеко не всегда в языке может вообще иметься специальная лексема для “обозначения движения универсального типа, независимо от его направления, скорости, характера, наконец, субъекта и объекта движения”: ср. замечание В. Н. Топорова о том, что даже корень, соответствующий русскому *двигать(ся)*, во многих славянских языках обозначает конкретную разновидность движения (‘подниматься’ и др.), т.е. имеет более узкое значение [Топоров 1996: 14-15].

²⁰ Выбор русского языка в качестве семантического метаязыка диктуется исключительно соображениями удобства; метаязыковые обозначения глаголов не следует сопоставлять с соответствующими русскими глаголами, в семантике которых могут иметься дополнительные тонкие “оттенки”. Выражения типа “в таком-то языке грамматикализован глагол ХОДИТЬ” следует понимать лишь как сокращение для более точной формулировки “в таком-то языке грамматикализован глагол, обозначающий ненаправленное перемещение в пространстве”.

Определенную трудность для анализа представляют собой глаголы ИДТИ (как “чистый” глагол движения) и УХОДИТЬ (как глагол удаления от дейктического центра). Дело в том, что во многих языках отсутствуют отдельные лексемы для “чистого” глагола движения и глагола удаления; часто считается, что основные глаголы движения (типа англ. *go* и *come*) демонстрируют симметричное противопоставление удаления и приближения и оба в равной степени дейктически маркированы. Симметрию таких пар глаголов, однако, можно подвергнуть сомнению: так, в работе [Wilkins, Hill 1995] на материале нескольких языков показано, что глаголы типа англ. *go* выступают, в действительности, скорее именно в качестве общих глаголов движения и не связаны жестко с дейктическим значением удаления (об отсутствии симметрии между глаголами типа англ. *go*, франц. *aller* и англ. *come*, франц. *venir* см. также [Bourdin 1992: 288]). В связи с тем, что в нашем материале имелось достаточно много глаголов, переводимых как ‘идти, уходить’ (или как англ. *go*, франц. *aller* и пр., в иноязычных источниках), мы решили рассмотреть пути грамматикализации всех таких глаголов, а также просто ИДТИ и просто УХОДИТЬ, в одном разделе (см. 2.2); в качестве общего ярлыка для всех этих лексем было выбрано написание “ИДТИ/УХОДИТЬ”. При этом для конкретных глаголов указывается, какой именно из смыслов (или оба) они выражают.

Близкая ситуация наблюдается и в случае с ПРОХОДИТЬ и ПЕРЕХОДИТЬ: конкретно-языковые лексемы часто выражают оба этих смысла, в связи с чем эти два глагола также рассмотрены вместе (раздел 2.9). Тем самым, глава 2 включает в себя не 11, а 9 разделов по конкретным глаголам.

1.3.1.2. Изучение лексической семантики глаголов движения

Литература по семантическому анализу глаголов движения в конкретных языках достаточно обширна, однако обобщающих типологических работ в этой области немного; фактически основными фундаментальными исследованиями лексической типологии глаголов движения остаются работы Л. Талми [Talmy 1975; 1985].

Основное внимание в конкретно-языковых исследованиях уделяется, как правило, описанию основных дейктически противопоставленных глаголов (типа англ. *come* и *go*); глаголы других способов действия практически не изучены. Первым серьезным вкладом в исследование дейктического компонента в глаголах движения были работы Ч. Филлмора (главным образом [Fillmore 1966; 1983]), посвященные формулированию условий возможности употребления *come* и *go* в английском языке.

Глаголы движения в русском языке не раз привлекали внимание исследователей. С одной стороны, в учебных пособиях для иностранцев часто приводятся достаточно развернутые правила употребления русских глаголов движения (см. работы Г. А. Битехтиной, М. В. Всеволодовой, Л. С. Муравьевой, Л. П. Юдиной). С другой стороны, некоторые частные проблемы описания семантики русских глаголов (прежде всего их валентностной структуры) рассмотрены в работах Московской семантической школы: ценные замечания по семантике русских глаголов движения содержатся в “Лексической семантике” Ю. Д. Апресяна, см. [Апресян 1974: 72-73, 108, 136-137, 252-253]; кроме того, имеется достаточно полный “лексикографический портрет” одного из глаголов движения, а именно *выходить* [Апресян 1990]. Проблема дейктического компонента глаголов *идти* и *приходить* рассматривается в [Рахилина 2000: 303-310]; различные аспекты многозначности глаголов движения рассматриваются в работах Е. В. Падучевой, Р. И. Розинной и др.; семантика глаголов различных способов действия (*шагать*, *ползти*, *бежать*, *ехать* и др.) характеризуются в [Кошелев 1996: 104-117]; попытка общей систематизации и классификации “глаголов физического движения” представлена работой [Копорская 1996]. Основной задачей в области семантического описания русских глаголов движения остается на сегодняшний день, по-видимому, более подробная характеристика каждого из глаголов (включая их непрямые значения), прежде всего глаголов различных способов перемещения.

1.3.1.3. Изучение грамматикализации глаголов движения

Исследование типологии грамматикализации глаголов движения в качестве отдельной задачи не ставилось.

С одной стороны, конструкции с глаголами движения часто, и довольно подробно, описываются в грамматиках конкретных языков (например, романских или тюркских), в том случае, если авторы таких грамматик рассматривают эти конструкции в качестве средств выражения грамматических значений. С другой стороны, о грамматикализации глаголов движения упоминается в работах, посвященных конкретным грамматическим категориям — прежде всего работам по будущему времени [Ultan 1978; Fleischman 1982; Bybee et al. 1991; Emanatian 1992; и др.], поскольку именно глаголы движения являются его наиболее распространенными лексическими источниками.

Работ, специально посвященных исследованию грамматикализации глаголов движения в типологическом аспекте, по-видимому, не существует. Некоторые распространенные пути грамматикализации основных глаголов движения ИДТИ и ПРИХОДИТЬ рассматриваются (на примере разных языков) в небольшой работе [Bourdieu 1992], в которой, однако, не всегда противопоставляются собственно глаголы движения как лексические источники и направительные показатели приближения/удаления вообще. Среди частных исследований грамматикализации глаголов движения в одном или группе языков можно отметить в первую очередь статью [Lichtenberk 1991], посвященную путям грамматикализации трех глаголов (ИДТИ, ПРИХОДИТЬ, ВОЗВРАЩАТЬСЯ) в океанийских языках, и статью [Craig 1991], в которой рассматриваются показатели, восходящие к ИДТИ, в языке рама (Никарагуа).

Некоторые примеры использования глаголов позиции как грамматических показателей имеются также в справочнике по грамматикализации [Heine et al. 1993], а также в типологических работах, например, [Bybee et al. 1994] и др.; эти источники были также учтены в нашем исследовании.

Типологии грамматикализации глаголов движения посвящена глава 2 настоящей работы; вопрос о том, грамматикализуются ли другие глаголы движения, кратко рассмотрен в 4.2.5.3.

1.3.2. Глаголы позиции как лексический класс

1.3.2.1. Общая семантическая характеристика

Если глаголы движения описывают пространственное перемещение, то глагольные лексемы типа русских *сидеть*, *стоять*, *лежать* и др. обозначают особый тип положения объекта в пространстве: его горизонтальную или вертикальную ориентацию, характер точки опоры, напряженность или расслабленность и т.п.

Данный класс глаголов мы называем **глаголами позиции**; термин “позиция” применительно к глаголам *стоять* и др. использовался еще в работе [Гак 1972: 374, 378, 390] (ср. также [Булыгина 1982: 21]), так что считать его нетрадиционным нельзя. (Наименование “позиционные глаголы” встречаются в работах по семантическому анализу лексики, см. [Рахилина 2000: 284-302] (впервые в ее статье 1998 года); см. также, из недавних работ, [Вайс 2000: 370 и др.].)

Термин “глаголы позиции” имеет преимущество перед более многословными именованиями “глаголы пространственного расположения предмета” [Лопатин 1996] или “глаголы неподвижного положения в пространстве” [Кошелев 1996]; такие же из использовавшихся терминов, как “глаголы покоя” или “глаголы состояния”, слишком расплывчаты. В англо-

зычной литературе данная группа глаголов чаще всего именуется *posture verbs* (букв. это и значит ‘глаголы позы, позиции’) или более конкретно *bodily posture verbs* (т.е. ≈ ‘глаголы позы тела’). Реже встречаются термины *stance verbs* ‘глаголы покоя’ и *orientational verbs* ‘ориентационные глаголы’ и др., однако эти термины могут подойти и для более широкого класса лексем.

Л. Талми рассматривает глаголы позиции в рамках той же группы, что и глаголы движения — все эти глаголы описывают, в его терминологии, “ситуацию движения” (*the motion situation*), однако если параметр “состояние, в котором фигура находится к фону”, в случае глаголов движения имеет значение собственно MOVE ‘двигаться’, то у глаголов местонахождения его заменяет BE_L ‘быть расположенным, локализованным’ [Talmy 1985: 61 et pass.].

Глаголы типа русских *сидеть, стоять, лежать* относятся к наиболее распространенному типу лексикализации “идея местонахождения + способ” (ср. характеристику аналогичного типа для глаголов движения выше). Для этих глаголов, а также для глаголов стивной семантики в целом, важно противопоставление трех основных аспектуально-каузативных типов [Talmy 1985; Лопатин 1996]:

- * нахождение в состоянии, ср. русск. *лежать*, англ. *lie*;
- * вхождение в состояние, ср. русск. *ложиться*, англ. *lie down*;
- * каузация вхождения в состояние, ср. русск. *класть*, англ. *lay (down)*.

В разных языках глагольные корни непосредственно выражают, как правило, одно из данных значений, тогда как другие передаются при помощи специальных деривационных или словоизменительных показателей. Так, английский представляет тип лексикализации “нахождение в состоянии”, прочие типы для него производны (см. примеры выше); в японском глаголы позиции типа *tatu* ‘вставать’ обозначают вхождение в состояние, а остальные два типа выражаются при помощи аспектуальных форм и каузативного показателя; в испанском же глаголы типа *acostar* ‘класть, прислонять’ обозначают введение в состояние, а другие значения выражаются при помощи аспектуальных форм и декаузативного показателя.

Помимо названных выше глаголов *сидеть, стоять, лежать*, к классу глаголов позиции можно отнести также такие, например, лексемы, как *висеть* или *торчать*, а также такие более специфические обозначения позиций (иногда лексикализуемые, тем не менее, в одном глагольном корне), как *стоять-на-коленях, сидеть-на-корточках, сидеть-верхом* и пр. Мы будем рассматривать далее в конкретных языках глаголы, соответствующие трем указанным выше позиционным значениям (далее прописными буквами: СИДЕТЬ, СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ), которые считаются обычно основными, наиболее базовыми глаголами позиции; более специфические разновидности этих трех позиций также учитывались, однако они встречались крайне редко. Глава 3 посвящена типологии грамматикализации этих трех глаголов, а вопрос о том, грамматикализуются ли другие глаголы позиции, кратко рассмотрен в 4.2.5.3.

Не рассматриваются глаголы каузации вхождения в состояние (*класть, сажать, ставить*). Что же касается разграничения глаголов нахождения и вхождения в состояние, то оно, как уже указывалось, часто проявляется лишь в конкретных конструкциях; во всех случаях, когда удавалось определить, о какой именно разновидности идет речь, это специально подчеркивалось в переводе конструкций.

В заключение следует упомянуть о такой особенности глаголов позиции, как их связь с бытийностью, обозначением местонахождения/существования в более общем виде. Дело в том, что для обозначения позиции “фигуры” относительно “фона” разные

языки используют различные стратегии: в одних указывается скорее на характер фона, в других специфицируется характер расположения фигуры.

Так, в языке эве смысл ‘картина висит на стене’ можно выразить как “картина находится на стороне стены” (если она просто висит на стене), “картина находится на голове стены” (если она висит ближе к верхнему краю стены) и т.п. [Kuteva 1999: 198-199] — в этом случае специальные языковые средства характеризуют фон, предикат же нейтрален. В других языках выбор того или иного предиката зависит от позиции фигуры (ее вертикальной или горизонтальной ориентации) и некоторых других факторов, ср. русск. *на столе стоит бутылка и лежат ложки, пробка крепко сидит в бутылке* и пр. Глагол позиции фактически выполняет здесь функцию бытийного глагола, хотя выбор конкретного глагола позиции зависит от типа фигуры. При таком употреблении глаголы позиции используются как средства “немаркированного/ канонического кодирования пространственного положения физических объектов” — под “каноническим” имеется в виду наиболее часто используемый в повседневной речи и наиболее важный для говорящих (*salient*) способ кодирования [Kuteva 1999: 197, 201]. В данном случае наблюдается своего рода семантическое согласование лексических пространственных компонентов, общих для фигуры и глагола; В. Г. Гак пишет в этой связи об “итеративности сем”, отмечая, что в предложениях типа *Возле стены стоял шкаф* “семантема глагола выражает то, что говорящим заранее известно об обычном положении данного предмета” [Гак 1972: 380-381].

По всей видимости, явление “немаркированного/канонического кодирования” может наблюдаться и в других областях, не только связанных с позицией в пространстве. В. Г. Гак, например, отмечает, что многие группы глаголов в русском языке ведут себя фактически как разновидности одних и тех же более общих предикатов, т.е. они “отражают предрасположенность вещи проявлять себя определенным образом в определенных условиях”: так, в ситуации движения обозначение движения конкретной фигуры зависит от типа этой фигуры (*рыба плавает, змея ползет, птица летит*), то же касается существования в целом (*человек живет, огонь горит, ветер дует*), а также созидания (*строить дом, рыть яму, вить гнездо*) или разрушения (*убить человека, срубить дерево, стереть написанное*) [Гак 1972: 378, 390]. В каждом из конкретных случаев речь идет фактически об одном и том же типе ситуации (‘перемещаться’, ‘существовать’, ‘прекратить существование’ и пр.), однако на языковом уровне обозначение этих ситуаций различно и зависит от онтологического типа участника.

Хотя расширенное, “бытийное” использование глаголов позиции не относится к собственно их грамматикализации, оно часто является предпосылкой их грамматической эволюции и в целом типологически столь распространено, что не упомянуть об этом в настоящей работе мы не сочли возможным; о “бытийном” использовании глаголов позиции см. подробнее 3.1.

1.3.2.2. Изучение лексической семантики глаголов позиции

Существующая литература по детальному семантическому анализу глаголов позиции невелика; большие специальные исследования имеются главным образом по семантике этих глаголов в германских и славянских языках (см. ниже); однако, вскоре ожидается выход в свет обзорного сборника статей [Newman (ed.). *To appear*] с привлечением материала языков различных семей.

В фокусе внимания исследователей глаголов позиции оказывается прежде всего проблема использования глаголов позиции с широким кругом субъектов (в т.ч. неодушевленных): если предположить, что прототипически глаголы позиции используются для описания позы человека, то какие признаки оказываются релевантными при использовании тех же глаголов для описания расположения в пространстве других объектов?

Первой работой, в которой подобные признаки предлагались для трех глаголов позиции в нидерландском языке, была статья [Van Oosten 1986]; впоследствии аналогичные глаголы изучались также на материале норвежского и немецкого языка. На материале русского языка проблема выбора одного из глаголов позиции в зависимости от типа субъекта рассматривалась в работах [Кошелев 1996: 117-125], [Кравченко 1998] (впервые в ее дипломной работе 1996 г.), [Рахилина 2000: 284-302] (впервые в ее статье 1998 г.). Кроме того, в работе [Лопатин 1996] четыре глагола позиции (в т.ч. *висеть*) рассматриваются в качестве особого лексико-словообразовательного разряда; там же охарактеризованы и пути развития их значений от обозначения конкретного типа расположения тела человека к физическому расположению в целом и далее к наиболее общему бытийному значению.

Среди признаков, релевантных для употребления СТОЯТЬ, отмечают обычно следующие: опора на длинные (прямые) ноги, значительная высота субъекта, вертикальная ориентация, неустойчивость субъекта, его “функциональность” (нахождение в рабочем состоянии). Для СИДЕТЬ релевантны “опора на пятую точку”, нейтральное соотношение высоты и длины, компактность, относительная устойчивость, частичная напряженность субъекта. Наконец, для ЛЕЖАТЬ характерны большая площадь контакта с опорой, значительная длина субъекта, горизонтальная ориентация, устойчивость, расслабленность / нерабочее состояние субъекта.

Каждый из глаголов позиции может описывать расположение вполне определенного круга субъектов; в этом смысле глаголы позиции “классифицируют” существительные по пространственным и прочим характеристикам (о функционировании глаголов позиции в качестве своеобразных классификаторов ситуаций, а не объектов, см. также 4.1.5). При этом существует и некоторое межъязыковое варьирование в области распределения позиционных бытийных глаголов: так, в койсанском языке кхое *стоят* деревья, шипы у растений, корзины; камни *сидят*, а реки *лежат* [Kuteva 1999: 204-205]. (В русском, для сравнения, деревья также *стоят*, но камни *лежат*, глагол *сидеть* же вообще лишь ограниченно используется в качестве позиционного бытийного предиката²¹; что касается рек, то в русском вообще используется динамическая, а не статическая модель: реки *текут*.) Ср. также следующий пример, в котором при описании одной и той же ситуации в шведском и русском языках используются разные глаголы:

- (1.1) а. шведский [Kuteva 1999: 202]
 Affisch-en **sitt**-er pe vdgg-en.
 плакат-DEF **сидеть**-PRS на стена-DEF
 (букв.) Плакат “*сидит*” на стене (приклеен на стену).
 б. русский
 Плакат **висит** на стене.

В австралийских языках глагол СТОЯТЬ предпочтителен с высокими объектами, а ЛЕЖАТЬ с горизонтальными; часто наиболее общее значение местонахождения имеет СИДЕТЬ (см. также 3.1). В языке диери, например, СИДЕТЬ используется при обозначении местонахождения людей или насекомых (ср. фразу типа “в поселке (сидят) много женщин”), СТОЯТЬ употребляется с такими объектами, как скалы, деревья или лошади,

²¹ Более широкую сферу употребления *сидеть* имеет, например, в архангельских говорах, где он употребляется и в контекстах, недопустимых для литературного варианта, ср. *Пот печью у нас чугуны там сидят. Дай спичек! — Они там сидят. Что это там у тебя сидит? — Шоколадка. У него в портсигаре его карточьки сидят. Туфли так и сидят ф шкапу* [Гецова 2000: 567].

а ЛЕЖАТЬ, например, с такими веществами как вода или пыль (ср. “в озере (лежит) много воды”, пример (3.3)) [Austin 1981: 103-104].

Важно еще и то, что одно и то же существительное часто может быть использовано с различными из трех глаголов позиции в зависимости от того, как именно выглядит и в каком состоянии находится обозначаемый им объект. Так, в примере (1.2) из кхое речь идет о типичной ситуации — стоящем (т.е. растущем) дереве; если же заменить глагол *tmnɪ* ‘стоять’ на *loe* ‘лежать’, речь шла бы уже о поваленном дереве (*дерево лежит*, как и в русском), а употребление с глаголом *nʰiɪn* ‘сидеть’ говорит о том, что речь идет о небольшой части дерева, т.е. пне (*пень сидит*):

(1.2) кхое [Kuteva 1999: 205]

умм	‘б	tmnɪ	tn	mʰɪɪn-a-ti.
дерево	OBJ	стоять	я	видеть-1SG-PRS

Я вижу (стоящее) дерево.

Тот факт, что выбор глагола позиции определяется всей ситуацией в целом, не раз отмечался в литературе: так, Ж. ван Остен замечает, что в нидерландском, как и в русском, книги *лежат* на столе, но *стоят* на полке (т.к. каноническое положение книг на полке именно “стоя”) [Van Oosten 1986: 145]; Н. Н. Кравченко и Е. В. Рахилина пишут о том, что о расположении какого-либо функционально значимого предмета говорят, что он *стоит*, если он используется по назначению, и *лежит*, если он в данный момент не предназначен для использования (ср. *магнитофон стоит на столе*, но *сломанный магнитофон лежит на свалке*), подробнее см. [Кравченко 1998: 68; Рахилина 2000: 288 и сл.].

Существуют различные точки зрения на то, какие параметры являются определяющими при выборе глагола позиции: так, в [Рахилина 2000: 287-288] высказывается точка зрения, что синхронной семантической доминантой является функциональная составляющая (“нахождение в рабочем состоянии”), тогда как в [Кошелев 1996: 123] утверждается, что данный параметр вторичен и произведен от ядерного пространственно-го прототипа.

1.3.2.3. Изучение грамматикализации глаголов позиции

Единственная опубликованная типологическая работа, посвященная грамматикализации глаголов позиции, — исследование [Kuteva 1999], в котором рассмотрено превращение одного типа исходной конструкции — а именно, сочинительной “СИДЕТЬ / СТОЯТЬ / ЛЕЖАТЬ + *u* + смысловый глагол” — в конструкцию с прогрессивным, дуративным или хабитуальным значением (автор использует обобщающий термин “*continuative / durative / progressive*”, хотя собственно о континуативе в нашем понимании речь не идет). В работе Т. Кутевой использован материал менее 10 языков с собственно грамматикализацией позиционной конструкции (северные германские языки, болгарский, мандан, имонда, кабийский, кхое; см. о них 3.1); в связи с особым использованием глаголов позиции в качестве бытийных глаголов упоминаются также русский, испанский, хеттский.

В качестве специальных исследований грамматикализации глаголов позиции следует отметить и краткое обобщение наиболее частотных путей развития [Williams 1994], где упоминается порядка 20 языков. Некоторые примеры использования глаголов позиции как грамматических показателей имеются также в типологических работах по грамматикализации, например, [Heine et al. 1993: 139, 200-203, 205-206; Bybee et al. 1994: 128-130, 154, 164, 182] и др.

1.4. Методология типологического исследования грамматикализации глаголов движения и позиции

Цель типологического исследования состоит в выявлении моделей межъязыкового варьирования (см. Введение). Данное исследование направлено на определение границ межъязыкового варьирования в области грамматикализации глаголов движения и позиции. Чтобы провести такое исследование, необходимо решить ряд проблем, хорошо известных в типологии.

Прежде всего, “необходимой предпосылкой для межъязыкового сравнения является межъязыковая сравнимость, т.е. способность отождествить «одно и то же» грамматическое явление в разных языках” [Croft 1990: 11]. В нашем случае это означает, что нужно определить, что мы считаем конкретно-языковыми представителями тех глаголов движения и позиции, которые выбраны для рассмотрения (см. 1.3). Основным объектом рассмотрения являются, далее, не собственно такие конкретно-языковые глаголы, но конкретно-языковые грамматикализованные конструкции с глаголами движения и позиции; следовательно, необходимо уметь идентифицировать “грамматикализованную конструкцию”.

Любое типологическое исследование предусматривает анализ языкового материала нескольких или многих языков. Необходимо не только определить количество языков, которое желательно рассмотреть для изучения конкретной задачи, но и сам набор языков, т.е. языковую выборку, и процедуру составления такой выборки. Изучение конкретно-языкового материала возможно, наконец, с использованием целого ряда источников информации (см. ниже), однако далеко не каждый из типов источников может подойти для конкретной задачи; выбор источников данных представляет собой, тем самым, еще одну проблему типологического исследования.

Ниже указанные проблемы обсуждаются применительно к данному исследованию, и обосновываются принятые решения.

1.4.1. Метод исследования и поиск данных

1.4.1.1. Идентификация “исходных глаголов”

Как указывалось выше, в качестве исходных глаголов движения мы рассматриваем следующие 11 глаголов: ИДТИ, УХОДИТЬ, ПРИХОДИТЬ, ХОДИТЬ, ВХОДИТЬ, ВЫХОДИТЬ, ПОДНИМАТЬСЯ, СПУСКАТЬСЯ, ВОЗВРАЩАТЬСЯ, ПРОХОДИТЬ, ПЕРЕХОДИТЬ. Эти “абстрактные” глаголы соответствуют основным смыслам ситуации перемещения в пространстве, которые, по нашему мнению, могут представлять наибольший интерес для изучения процессов грамматикализации.²² В качестве исходных глаголов позиции мы рассматриваем три основных глагола: СТОЯТЬ, СИДЕТЬ, ЛЕЖАТЬ (в т.ч. и их процессные корреляты ВСТАВАТЬ, САДИТЬСЯ, ЛОЖИТЬСЯ). Это также “абстрактные” глаголы, соответствующие, по типологическим данным, трем основным “позиционным” ситуациям, т.е. основным позам человека.

Из описаний конкретных языков в рассмотрение включались те конкретно-языковые глаголы, которые обозначают ситуации, соответствующие одному или нескольким из перечисленных 11 глаголов движения и 3 глаголов позиции. На практике

²² Насколько наше предположение верно, т.е. насколько значительна роль данных глаголов в грамматических конструкциях языков мира, будет видно в главе 3; вопрос о том, возможна ли грамматикализация других глаголов движения, рассматривается в главе 5.

это означало, что рассматривались те конкретно-языковые глаголы, которые толковались в описаниях при помощи соответствующих перечисленным выше смыслам русских, английских, французских и т.п. глаголов (эти три языка являлись метаязыками описаний в подавляющем большинстве случаев; также рассматривались некоторые описания на испанском, португальском и каталанском языках). Так, конструкции с глаголом, переводимым как *идти, go, aller* и т.п. (а также *уйти, уходить, go away, partir* и т.п.), мы относили к конструкциям с ИДТИ/УХОДИТЬ (об основаниях подобного объединения см. выше) и описывали в разделе 2.2; конструкции с глаголом, переводимым как *прийти, приходиться, прибывать, come, venir, arriver* и т.п., мы относили к конструкциям с ПРИХОДИТЬ, и т.п.

При рассмотрении конкретно-языковых конструкций в соответствующих разделах глав 2-3 фиксировались также и более специфические толкования типа ‘приходить из’, ‘идти, чтобы сделать’, ‘сидеть на корточках’ и пр., а также случаи полисемии, при которых глагол имеет и другие значения, помимо движения/позиции, типа ‘быть, идти’, ‘возвращаться, поворачиваться’ и пр. В некоторых случаях (помимо уже разбиравшихся ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ/ ПЕРЕХОДИТЬ) конкретно-языковому глаголу могло соответствовать более одного из рассматриваемых 11+3 смыслов (ср. ‘вставать, подниматься’) — такие случаи рассматривались в одном из разделов главы 2 или 3, с соответствующей отсылкой в другом.

Итак, из описаний конкретных языков выбирались конструкции с теми глаголами, толкования которых соответствовали выделенному нами набору общих смыслов; эти конструкции и рассматриваются в главах 2-3, однако в специфических случаях указание на нетривиальную семантику глагола, не исчерпывающуюся соответствующим общим смыслом, также приводится.

1.4.1.2. Идентификация “грамматикализованных конструкций”

Объектом рассмотрения в данной работе являются примеры грамматикализации конструкций с глаголами движения и позиции. Это значит, что в ходе анализа источников мы выявляем (и в дальнейшем систематизируем) такие конструкции с глаголами движения и позиции, которые выполняют в языке некоторую грамматическую функцию.

На неформальном уровне это означает, что, изучая описание конкретного языка, мы обращались к характеристике грамматических показателей данного языка (чаще всего такая характеристика дается в разделе морфологии²³) и обращали внимание на указанные этимологии данных показателей. В том случае, если имелось указание на то, что данный показатель (допустим, аффикс) восходит к глаголу движения или позиции или, например, данный вспомогательный глагол функционирует в языке в качестве самостоятельного глагола движения или позиции, подобные показатели заносились в нашу базу данных. Фиксировалась внешняя форма показателя, составные части конструкции (например, форма смыслового глагола), значение показателя и примеры его употребления. При характеристике значения мы руководствовались, помимо указаний автора, переводами примеров (иногда обращаясь также к текстам) и далеко не всегда сохраняли использованный автором грамматический ярлык, описывающий значение формы.

Итак, в самом общем виде, рассматривались те случаи использования глаголов движения и позиции, которые приводились в грамматиках (тем самым, оценивались автором описания как “грамматические”). Попробуем, однако, эксплицировать то понима-

²³ В разных традициях описаниях языков аналитические формы с глаголами движения и позиции, например, могут фигурировать и в парадигме словоизменительных форм глагола, и в списке “особых сочетаний”, и в разделе словообразования или даже синтаксиса (например, в качестве типов “глагольного сказуемого”).

ние “грамматикализованной конструкции”, которым мы пользовались (т.е. отчасти эксплицитировать и интуицию многих авторов описаний).

Разделение языковых значений на два класса — лексические и грамматические — является общепризнанным; вместе с тем, столь же бесспорной считается невозможность проведения строгой границы между двумя этими классами. Здесь исследователям языка приходится, быть может, в большей степени, чем где бы то ни было, иметь дело с явлением континуального, а не дискретного, характера; с явлениями, более адекватно описываемыми в рамках модели “нечетких категорий”, важность которой начинает все больше осознаваться в лингвистике в последние годы.

Для разграничения двух типов языковых значений предлагались и предлагаются различные критерии: так, можно говорить о том, что лексические значения образуют открытое множество, тогда как грамматические — закрытое; лексические значения составляют большинство в инвентаре значений, тогда как инвентарь грамматических всегда на несколько порядков меньше, и т.д. (см., например, обсуждение этих и других критериев разграничения лексического и грамматического в [Мельчук 1997: 241-246])²⁴. Интересно, что как раз в работах по грамматикализации (как общетеоретических, так и конкретных исследованиях), проблема разграничения грамматического и неграмматического обычно не рассматривается; понятие “грамматического” используется в значительной степени интуитивно. Как отмечает В. А. Плуноян, “такая «эпистемическая беззаботность» в общем понятна: ведь если эволюция имеет градуальный характер, то не все ли равно, где проводить границу между грамматическим и неграмматическим — рано или поздно эта граница так или иначе сдвинется от второго к первому” [Плуноян 1998б: 359].

Основным свойством грамматических значений часто (по крайней мере в отечественной традиции, идущей от Р. О. Якобсона) признается свойство обязательности: несколько значений образуют грамматическую категорию в том случае, если одно (и только одно) из них всегда должно быть выражено при словоформах некоторого класса слов; см. подробную характеристику в [Плуноян 2000а: 103 и сл.]. Как пишет Т. В. Булыгина, такие свойства, как ограниченность инвентаря грамматических показателей, общность и абстрактность их значения, регулярность и пр. являются уже следствием свойства обязательности [Серебренников (ред.) 1972: 203 и сл.].

Как отмечает Э. Даль, более правильно было бы говорить не столько об обязательности (*obligatoriness*), сколько о свойстве употребляться независимо от условий релевантности (*independence of relevance conditions*): показатель может использоваться не только в случаях, когда он действительно несет новую информацию, но и в случае, когда семантически он избыточен [Dahl 2000а: 5]. Так, показатель прошедшего времени в русском или английском языке не является в строгом смысле слова обязательным — для обозначения ситуации в прошлом может использоваться, например, и форма настоящего, — но при этом очень часто его употребление не приносит в высказывание новой информации: сама по себе идея прошедшего времени может быть уже выражена другими средствами (например, наречием *вчера*). Происходит своего рода “языковая инфляция” — область функционирования языковой формы постепенно включает контексты, в которых она имеет меньшую информационную значимость [Даль 2000: 31]. Заметим, что о данном явлении писал в свое время (в 1921 году) еще Э. Сепир: “при выборе той или иной формы мы руководствуемся более тиранией обычая, чем потребностью выразить их конкретное содержание”, и в конце концов вы-

²⁴ Наиболее адекватным представляется рассмотрение класса “грамматических значений” не как обладающего жесткими границами, а как устроенного по “прототипическому” принципу: к ядерным грамматическим значениям относятся те, которые удовлетворяют всем основным критериям, прочие же находятся в большей или меньшей степени дальше от ядра и ближе к периферии; ср. аналогичное рассуждение в [Croft 1990: 190-191].

бор грамматических форм все меньше и меньше становится обусловлен чисто семантическими факторами, “их жизненность все более и более тускнеет, превращаясь в форму ради формы”, так что в каком-то смысле грамматическим категориям свойственно “вырождаться в чисто формальные фишки” [Сепир 1993: 98, 101].

При том, что выше речь шла в одном случае об обязательности некоторого набора значений, а в другом — об обязательности некоторого показателя (что не одно и то же), свойство обязательности ни при каком из пониманий, по-видимому, не может быть использовано для определения случаев грамматикализации. Сама по себе обязательность также является градуальным, а не абсолютным свойством, а кроме того, определить, относится ли значение или показатель в данном языке к обязательным, по подавляющему большинству описаний просто невозможно. (В лучшем случае, можно обнаружить упоминание об относительной частотности употребления того или иного показателя.)

Помимо этого, при последовательном использовании свойства обязательности как определяющего для “грамматического” словообразовательные значения должны быть из числа грамматических исключены (ср. обсуждение в [Плунгян 2000а: 120 и сл.], где словообразовательные и лексические значения как “неграмматические” противопоставляются обязательным грамматическим). Мы, однако, не хотели бы исключать из рассмотрения случаи превращения полнозначных глаголов в деривационные показатели (по нашему мнению, модели деривации также относятся к грамматике, хотя и создают новые лексемы).

Другой возможный подход к определению случаев грамматикализации заключается в том, что грамматикализовавшаяся признается та языковая форма, которая приобрела значение определенного типа. Для этого нужно знать, какие языковые значения имеют “особый статус”, т.е. входят в своеобразный “универсальный грамматический набор” — список минимальных грамматических значений, или “грамматических атомов” (подробнее см. [Плунгян 2000а: 233-238; Талми 1999]; из числа недавних типологических работ, идея ограниченного набора грамматически релевантных значений прослеживается в [Bybee, Dahl 1989: 52-53; Bybee et al. 1994: 2-3] и др.). Составлен такой набор может быть лишь эмпирически на основе универсально-типологического подхода: в него попадут те значения, которые являются бесспорно грамматическими хотя бы в каких-то языках (например, про них точно известно, что они в этих языках обязательны).

Трудность здесь заключается в том, что, прежде всего, такой набор полностью еще не определен. Помимо этого, иметь дело с заданным априори закрытым набором значений для определения того, “как могут грамматикализовываться глаголы движения и позиции”, достаточно странно: в этом случае нельзя будет обнаружить таких случаев, про которые заранее неизвестно, что они могут быть. В действительности, “универсальный грамматический набор” является, конечно, не закрытым, а потенциально открытым.

В связи с утверждением о потенциальной открытости списка возможных грамматических значений позволим себе привести следующий пример. В своей классической работе “Модели лексикализации” Л. Талми обобщает данные о типах значений, которые, по его данным, имеют тенденцию выражаться в составе корня и тех, которые лексически выражены быть не могут, но часто выражаются словоизменительными или словообразовательными средствами. В частности, среди выражаемых только при помощи служебных слов типа частиц (или наречий) Талми отмечает значение вида “степень реализации” (‘почти’, ‘чуть не’) и “скорость” (‘быстрее/медленнее нормы’) [Talmy 1985: 130-132]. Последующие исследования в области типологии грамматических категорий внесли, однако, в этот список коррективы. Так, значение ‘ситуация вот-вот осуществится’ (или: ‘чуть было не осуществилась’) достаточно часто выража-

ется при помощи специальных грамматических показателей, см. [Kuteva 1998; Плунгян 2001], а также 2.2.1 и 4.1.1.1. Скорость осуществления ситуации (по крайней мере значение ‘ситуация осуществляется быстро’) также может маркироваться грамматическими средствами; некоторые типологические данные приведены в работе [Плунгян 2000б: 217], см. также 2.6.2.6.

В более поздней работе Талми отмечает, что “привилегированный инвентарь грамматически выражаемых концептов”, во-первых, не имеет четких границ и фиксированного списка членов, а во-вторых, является иерархическим и градуированным по степени значимости этих концептов для языковой способности человека (чем универсальнее эти концепты, тем они более значимы, а отмечаемые лишь в грамматиках редких языков концепты имеют меньшую релевантность) [Талми 1999а: 111; 1999в: 113-114]. Тем самым, по нашему мнению, универсальный грамматический набор, по-видимому, всегда будет потенциально открыт — по крайней мере в своей “периферийной” части. (См. также 4.2.3.)

Перейдем, наконец, к формулированию наших критериев. Для начала отметим, какими критериями мы не руководствовались: это

- обязательная морфологизация показателя — в качестве грамматикализованного показателя мог фигурировать как связанный аффикс, так и неизменяемое автономное служебное слово, а также (в большинстве случаев) вспомогательный глагол;
- определенный тип значения показателя — мы не предполагали заранее, какой возможен круг результирующих значений, а напротив, хотели выяснить это в результате исследования.

Случаи грамматикализации конструкции с глаголом движения или позиции мы усматривали тогда, когда выполнялись следующие условия:

- глагол движения или позиции входил в конструкцию с единицей некоторого “полнозначного” грамматического класса (глаголом, существительным, прилагательным, наречием);
- глагол движения или позиции являлся модификатором данного класса слов, т.е. семантически модифицировал содержание той единицы, с которой входил в одну конструкцию (при этом часто, хотя и не всегда, такой глагол и формально являлся модификатором — например, клиткой или аффиксом);
- глагол движения или позиции был продуктивен в качестве модификатора, т.е. имел относительно широкую сочетаемость (по крайней мере в источнике информации не упоминалось об ограниченности использования глагола-модификатора единичными случаями); или же глагол был непродуктивен, однако входил в определенный набор единиц, среди которых были и более продуктивные.

Так, превращение глагола *етгъи* ‘пришел’ в междометие *етти* ‘здравствуй!’ в чукотском языке [Скорик 1977: 361] не считался случаем грамматикализации ПРИХОДИТЬ, поскольку в данном случае *етти* не является модификатором какого-либо класса слов. Примеры типа *пойдем выпьем* или *он идет выздоравливая* не представляют собой случаев грамматикализации конструкций *пойти* + *инф.* или *идти* + *депр.* в русском, поскольку глагол движения в таких случаях полностью сохраняет свое значение, а не является семантическим модификатором другого глагола; напротив, в испанском языке соответствующие конструкции в сочетаниях типа *vamos a beber* ‘давай выпьем!’ или *va mejorando* ‘он все больше выздоравливает’ являются грамматикализованными показателями, аспектуальными или модальными (см. подробнее главу 2).

Типичная грамматикализованная конструкция демонстрирует достаточно сильное качественное изменение исходного лексического значения глагола движения или позиции, что проявляется в широкой сочетаемости данной конструкции и возможности

употребляться в том числе в контекстах, противоречащих исходному “буквальному” значению (ср. пример из камерунского пиджина *i go kam tumɔrɔ* ‘я приду завтра’ (= “я ухажу прийти завтра”) с дейктически противоположными глаголами *go* и *kam*; подробнее см. 2.2.1). Далее в главах 2-3 конкретные случаи грамматикализации по возможности комментируются более подробно с точки зрения того, насколько они близки к типичной грамматикализованной конструкции.

Можно, по-видимому, считать, что в основном в наш материал попали конструкции с глаголами движения или позиции, имеющие “промежуточную”, т.е. не очень большую, но и не очень маленькую степень грамматикализации. Этимология сильно грамматикализованных показателей, особенно подвергшихся морфологизации, часто неизвестна; если же степень грамматикализации показателя мала, то он обычно является редким и периферийным и сведения о нем не включаются в грамматическое описание. В связи с этим, представленный в главах 2-3 материал дает сведения прежде всего о “ранней” истории грамматикализованных показателей, т.е. об их вступлении в область грамматического и “первых шагах” в ней.²⁵

1.4.1.3. Источники языкового материала

Любое типологическое исследование предполагает анализ материала большого количества языков — как правило, от нескольких десятков до нескольких сотен. Поскольку сам исследователь является носителем или хотя бы специалистом лишь по единичным языкам, ему приходится использовать для своего исследования опосредованные данные. Данные эти могут быть недостаточно полными и четкими, данные из разных источников могут противоречить друг другу или быть плохо сравнимыми и т.п.; во всех таких случаях исследователь берет на себя ответственность за интерпретацию и обобщение имеющихся сведений. В целом, типологу “приходится доверять качеству материалов, имеющих под рукой”, при том, что “к сожалению, большая часть этих материалов, по разным причинам, не заслуживает полного доверия” [Croft 1990: 25]. Проблема доступности и качества языковых данных остается, по-видимому, наиболее острой в типологических исследованиях; решить ее может лишь систематическое и качественное описание как можно большего числа языков мира (причем описание, по возможности учитывающее именно типологические принципы).

В современных типологических исследованиях применяется несколько основных методов сбора данных (см. [Croft 1990: 25-26; Bybee et al. 1994: 32-37; Dahl 2000a: 2-3] и др.): каждый из этих методов имеет свои достоинства и недостатки, и при этом важно, что характер конкретной задачи накладывает ограничения на возможность использования того или иного метода. Охарактеризуем каждый из данных методов, отмечая также его применимость для решения задач нашего исследования.

Наиболее традиционным подходом является исследование описаний (грамматических и словарных). Сколько-нибудь полные описания существуют пока лишь для незначительного числа языков мира; кроме того, описания могут различаться самым принципиальным образом с точки зрения того, какие языковые явления автор описания считает нужным рассматривать в работе, на какую из лингвистических теорий он ориентируется (по-видимому, полной нейтральности к каким-либо теоретическим установкам добиться в принципе невозможно), какой метаязык использует и т.п. Иссле-

²⁵ Отметим в этой связи соображение Х. Лемана о том, что наиболее подходят для типологического исследования как раз явления, находящиеся на промежуточной (не очень маленькой и не очень большой) степени грамматикализации, т.е. приблизительно “на границе между синтаксисом и морфологией” [Lehmann 1986: 19-21].

дователь-типолог сталкивается с задачей обобщать и интерпретировать имеющиеся в описаниях разнородные данные, по возможности не искажая фактов.

Возможность самостоятельного получения данных типологу предоставляется при работе с носителем языка; в последние годы в типологических исследованиях грамматической семантики (во многом благодаря работам Э. Даля) приобрел популярность так называемый анкетный метод, при котором собранные данные представляют собой перевод носителем языка некоторого списка предложений (или текста), специально составленного исследователем. Достоинства такого метода очевидны: он дает возможность получить сравнимые данные по той проблеме, которая исследуется (например, выяснить, в каких из предложенных контекстов может употребляться та или иная грамматическая форма). Вместе с тем, очевидна и ограниченность этого метода: помимо того, что сами носители для многих языков могут быть недоступны, анкетный метод практически не дает возможности узнать что-либо, не предусмотренное заранее исследователем (например, выяснить, в каких других контекстах может употребляться та или иная грамматическая форма). Данный метод не подходит для нашего исследования, которое предполагает определение того, имеются ли в языке какие-либо грамматические показатели, восходящие к глаголам движения или позиции (на такой вопрос “наивный” носитель языка, вероятно, с ходу вообще не может ответить), и если да, то каков круг их употреблений. Скорее, полученные в нашем исследовании результаты могут быть далее уточнены и дополнены при помощи анкетного метода: например, все конструкции с глаголами движения, имеющие инхоативное значение (см. 4.1.2.3), можно сравнить на предмет того, имеются ли различия в их употреблении в разных контекстах.

Наконец, наиболее объективным и близким к “лингвистической реальности” источником данных являются тексты. Отметим, однако, что анализ текстов предполагает предшествующее знакомство с описанием (или помощь носителя языка): необходимо, во-первых, знать, что интересующее исследователя явление имеется в данном языке и, во-вторых, уметь идентифицировать его в тексте (понимая при этом и содержание текста). Как правило, существующие записи текстов, без морфемного членения и подстрочного перевода, не дают возможности быстрого (что желательно для типологического исследования) поиска необходимых данных. В данной работе лишь в некоторых случаях использовались примеры, обнаруженные в прилагавшихся к грамматическим описаниям текстах; единственным исключением является португальский язык, целый ряд примеров из которого был заимствован из художественной литературы (такие примеры помечены знаком “(♥)”).

Таким образом, практически исключительным источником нашего материала явились доступные грамматические описания. Как указывалось выше, для нас в описаниях важны были, во-первых, указания на этимологию грамматических показателей, а во-вторых, хотя бы минимальные сведения о значении этих показателей (в главах 2-3 осуществлялась, тем самым, лишь достаточно “грубое” распределение показателей по типам грамматического значения). В связи с этим, рассматривались в основном лишь достаточно подробные описания; в качестве условной меры “подробности” описания был избран минимальный объем в 100 страниц (грамматики меньшего объема практически не рассматривались, однако всегда, где это было возможно, предпочтение отдавалось гораздо более объемным описаниям).

Сам по себе объем описания, конечно, не напрямую связан с тем, будут ли в этом описании отмечены грамматикализованные конструкции с глаголами движения/позиции (даже если они есть). Так, даже в самых кратких очерках романских, тюркских или иранских языков конструкции с глаголами движения хотя бы упоминаются, тогда как во многих подробных грамматиках других языков упоминаний о таких конструкциях нет, хотя они могут и иметься в

этих языках (судя по другим источникам). Отчасти это связано с тем, насколько “ядерную” роль играет та или иная конструкция в грамматике языка (так, в иранских языках конструкции с ИДТИ или ПРИХОДИТЬ часто являются основным средством выражения пассива (см. 2.2.6, 2.3.7), и не упомянуть их невозможно). Вместе с тем, определенную роль играют, видимо, и традиции описания данной языковой группы, а также общетеоретический подход автора грамматики.

Предпочтение отдавалось также грамматическим описаниям с подробным морфологическим разделом (т.к. именно там обычно описываются индивидуальные свойства грамматических показателей); описания, ориентированные исключительно на синтаксис, не рассматривались. Как правило, отвергались грамматики (обычно 50-х–60-х гг.), выполненные в рамках теоретических подходов, не уделяющих внимания семантике или использующих специфический и трудно дешифруемый метаязык, не раскрывающий по сути значения языковых форм: это грамматики “дескриптивистской” школы, а также основанные на понятии “тагмемы” (описания школы К. Пайка, США) и “монемы” (описания школы А. Мартине, Франция).

Помимо грамматических описаний были учтены статьи по частным грамматическим явлениям конкретных языков, а также вторичные источники — другие типологические работы, в которых приводились примеры грамматикализации глаголов движения и позиции (прежде всего это работы [Heine et al. 1993; Bybee et al. 1994]). Следует отметить, однако, что заимствованные из этих вторичных источников примеры составляют крайне незначительную часть имеющегося материала.

В ряде случаев примеры грамматикализованного употребления глагола черпались также из словарей. Вместе с тем, для основной массы языков обращение к словарю не проводилось; не делалось также попытки “уточнить” лексическое значение конкретно-языкового глагола по доступным словарям (поскольку для задачи исследования важен был не детальный анализ лексической семантики глаголов движения или позиции, а отнесение конкретного глагола к одному из выделенных основных смыслов).

Наконец, в единичных случаях информация была получена непосредственно от специалистов по конкретным языкам (“личные сообщения”). Некоторые данные по татарскому языку были собраны нами лично в ходе экспедиции Московского государственного университета в с. Татарский Елтань (Мишарский р-н Республики Татарстан) в июле 2000 г.; такие примеры помечены знаком “(♣)”. Примеры из хпюкского говора агульского языка были нам предоставлены С. Р. Мердановой.

1.4.2. Языковая выборка

1.4.2.1. Общие проблемы составления типологической выборки

Типологические исследования направлены на изучение межъязыкового варьирования, т.е. на установление возможных и невозможных (по определенному параметру) типов языков. Говорить о “возможном” и “невозможном” типах можно, конечно, лишь с некоторой долей условности: так, ничто не гарантирует того, что явление, отнесенное исследователем к “невозможным”, на самом деле было представлено в каком-либо из вымерших языков (о котором не сохранилось свидетельств), представлено в каком-либо из существующих языков (но не описанных или не учтенных исследователем) или появится в каком-либо из языков в ходе дальнейшего развития.²⁶

²⁶ Ср.: “Явления, которые мы считаем универсальными, могут отсутствовать в первом же новом языке, с которым мы столкнемся” [Блумфильд 1968: 34].

Поскольку исследователь-типолог не в состоянии принять к рассмотрению данные всех языков, объектом типологического исследования является всегда некоторое небольшое подмножество естественных языков, т.е. **языковая выборка**. При анализе репрезентативной, т.е. адекватно представляющей языковое разнообразие, выборки исследователь условно фиксирует в качестве невозможных те языковые типы, которые отсутствуют в языках выборки; утверждение о невозможности этих типов может быть в дальнейшем опровергнуто новыми данными о других языках.

Правильное решение проблемы языковой выборки предусматривает как определение количества языков, принятых к рассмотрению, так и обеспечение разнообразия представленных языков. Способ составления выборки зависит и от цели исследования, а точнее, от того вопроса, на который исследователь намеревается получить ответ.

Проблема построения языковой выборки разбиралась в лингвистической литературе неоднократно, начиная с пионерских работ Дж. Гринберга по грамматической типологии (с 60-х годов). В настоящее время выделяется, как правило, три основных типа выборки (по [Rijkhoff, Bakker 1998]):

1. выборка наибольшего разнообразия языков (*variety sample*) строится на основе генеалогической классификации языков таким образом, чтобы обеспечить пропорциональное представление в выборке существующих языковых семей (и групп внутри семей) — чем больше дробность деления внутри каждого из объединений, тем большее число языков из этого объединения принимается к рассмотрению; методика составления подобной выборки предложена в [Rijkhoff et al. 1993] и усовершенствована в [Rijkhoff, Bakker 1998].

2. вероятностная выборка (*probability sample*) строится по принципу максимальной независимости языков в выборке с точки зрения их генетических (в выборке не должно быть генетически близкородственных языков), ареальных (не должно быть контактирующих языков), культурных (не должно быть языков народов, близких по культуре) и пр. параметров. Такая выборка пригодна для формулирования обобщений о корреляциях пар признаков или вероятности встречаемости некоторого явления в языках мира; построить такую выборку, однако, практически довольно сложно в силу того, что почти нереально соблюсти все принципы независимости при достаточно значительном числе языков в выборке. Метод построения вероятностной выборки представлен в [Perkins 1989] и применен (в сочетании с методикой “случайной выборки”) в [Bybee et al. 1994].

3. случайная выборка (*random sample*) не предусматривает использование информации о какой-либо (генетической, ареальной и т.п.) классификации; выбор происходит из всего универсума языков мира. Случайные выборки предназначены для формулирования статистических обобщений о частоте встречаемости явления в языках мира. Практически использовать данный метод мало реально, поскольку большая часть языков мира просто не описана.²⁷

Для проведения нашего исследования необходим был анализ данных как можно большего числа языков; вместе с тем, минимальное число языков, которое необходимо учесть, заранее определить было невозможно. Дело в том, что часто объект типологических исследований является либо универсальным (например, сравниваются фонетические системы, системы местоимений, порядок слов и т.п.), либо определяется в универсальных функциональных терминах — при том, что изучается межъязыковое варьиро-

²⁷ Ср. в этой связи исследование Дж. Байби и ее коллег, которым пришлось ограничиться рассмотрением 76 языков из исходной выборки в 94 языка в силу того, что по 18 языкам (исходной “вероятностной выборки”) не существовало достаточных данных [Bybee et al. 1994: 31].

вание средств выражения данной функции (ср. работы по типологии относительного предложения Э. Кинэна и Б. Комри, по типологии сравнительного предложения Л. Стасена, работы Санкт-Петербургской типологической школы по типологии итеративности, императива, результатива, условных конструкций и пр.).

В случае нашего исследования объект не является универсальным, т.к. не очевидно, что изучаемое нами явление представлено во всех языках мира: напротив, глаголы движения и позиции грамматикализуются далеко не во всех языках, и нет априорного ответа на вопрос о том, в какой доле языков мира это явление может быть представлено. В связи с диахронической нестабильностью изучаемого явления (если в языке и имеются случаи грамматикализации глаголов движения или позиции, они могут весьма сильно различаться по степени грамматикализации), в разных языках оно может относиться как к ядру грамматической системы, так и к ее крайней периферии. Кроме того, как уже указывалось, даже при наличии случаев грамматикализации каких-либо из глаголов данный факт может быть не отмечен в грамматическом описании.

В силу высказанных соображений мы приняли решение отказаться от формулирования каких-либо строгих статистических закономерностей о частотности грамматикализации глаголов движения или позиции в языках мира. Выборку было решено строить, по возможности ориентируясь на “выборку наибольшего разнообразия языков”, однако строгой процедуры построения такой выборки мы не придерживались. Поскольку важно было использовать полные и “семантически-ориентированные” описания, во многих случаях принималось к рассмотрению большее число языков некоторых генетических групп, чем предусматривалось условием “наибольшего разнообразия”.

При создании типологической выборки имеется, в целом, пять основных типов искажения языкового разнообразия: генетическое (учет слишком большого числа родственных языков), географическое (учет слишком большого числа ареально близких языков), типологическое (учет слишком большого числа типологически сходных языков), культурное (учет слишком большого числа языков культурно близких народов) и библиографическое (учет только хорошо описанных языков) [Rijkhoff et al. 1993: 172]. Отклонение по генетическому принципу является наиболее опасным, поскольку общие свойства языков очень часто объясняются именно общим происхождением, и именно родственные языки обычно и пространственно, и культурно близки. Слишком сильного генетического и ареального искажения мы постарались избежать, рассмотрев языки всех основных генетических объединений (см. ниже). Однако, мы предпочли проанализировать как можно больше информации (не избежав, тем самым, “библиографического” искажения) — возможно, в ущерб принципу “наибольшего разнообразия”, но по крайней мере в стремлении более полного и точного семантического описания.

1.4.2.2. Рассматриваемые языки

В настоящее время в мире существует несколько тысяч языков: точное число языков определить вряд ли возможно, но даже приблизительное их число приводится в разных источниках по-разному — в зависимости от того, по каким принципами проводится граница между диалектом, языком и группой близкородственных языков (так, число языков оценивается в более чем 6.700 в справочнике [Grimes (ed.) 1996] и более чем в 13.800 в указателе [Dalby 2000]). Сама группировка языков в генетические объединения также еще во многом условна и производится по-разному разными исследователями.

Предполагалось принять к рассмотрению в работе данные не менее, чем 150-200 языков, рассмотрев при этом языки всех основных объединений. Ориентировались мы на генетическую классификацию языков, представленную в справочнике “Этнолог” [Grimes (ed.) 1996], наиболее современном и авторитетном из источников такого типа. Вместе с тем, степень подробности генетических объединений в “Этнологе” для нашего

исследования является слишком большой: так, из 88 основных генетических групп (условно говоря, “семей”) 52 приходится на языки Северной и Южной Америки; привлечь в нашей работе данные хотя бы по одному из каждой из этих 52 семей не представлялось возможным в силу отсутствия источников. В связи с этим, число объединений в некоторых случаях было “укрупнено” (при этом использовались некоторые предложения по классификации, содержащиеся в работе [Ruhlen 1987]).

Две группы языков, не входящих в “основные генетические объединения”, заслуживают особого рассмотрения. Относительно генетически **изолированных** языков возможно принятие одного из двух решений: либо считать каждый из них самостоятельной “семьей” (тогда таких семей может быть до 25-30% от общего числа семей), т.е. включать в выборку все изоляты, либо рассматривать все эти языки в качестве отдельной мелкой семьи, включая в выборку некоторые из ее представителей. Отчасти в силу “библиографических” соображений, при составлении выборки было принято второе решение. Отдельную проблему представляют собой **пиджины и креольские** языки, которые можно считать генетически родственными с языками-лексификаторами лишь с точки зрения их словарного состава; вместе с тем, грамматические характеристики таких языков далеко не всегда зависят от языка-лексификатора. (Известно, что контактные языки самого различного происхождения имеют много общего с точки зрения устройства грамматики, см. также 2.2.1.) Наиболее разумно в связи с этим рассматривать контактные языки также в качестве отдельной самостоятельной группы, из которой и выбирать соответствующее ее объему число языков.

В итоге в качестве базовых рассматривались следующие 24 объединения (20 генетических групп + 2 псевдо-генетических объединения + контактные языки и изоляты): австралийские, австронезийские, алтайские, “америндские”, аустроазиатские, афразийские, дравидийские, енисейские, изолированные, индоевропейские, картвельские, койсанские, контактные, на-дене, нигеро-кордофанские, нило-сахарские, мяо-яо, “папуасские”, северокавказские, сино-тибетские, тайские, уральские, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские.

Сведение нескольких сотен языков в два псевдо-генетических объединения (папуасские и америндские языки) оправдывается отсутствием данных по многим из входящих в эти объединения собственно генетических групп. По той же причине семьи андаманских и тасманийских языков (часто относимые условно вместе с папуасскими к “индо-тихоокеанскому” объединению) были вовсе исключены из рассмотрения. Среди других поправок к [Grimes (ed.) 1996] и/или [Ruhlen 1987] отметим: отнесение баскского языка к изолированным (а не рассмотрение его в качестве семьи “баскских языков”), отнесение японского и корейского языков к алтайским (а не изолированным), а юкагирского к уральским (а не изолированным).

Строгая процедура составления “выборки наибольшего разнообразия” предусматривает включение в выборку определенного числа языков из каждого из объединений (так, процедура, разработанная в [Rijkhoff, Bakker 1998], предусматривает, например, для выборки в 200 языков по классификации “Этнолога” включение 2 алтайских, 8 индоевропейских, 9 австралийских, 13 нигеро-конголезских, 21 австронезийский язык, более 60 “папуасских” и “америндских” языков и т.п.). Мы же руководствовались следующим менее формальным принципом: для каждого из перечисленных 24 объединений (и по возможности для каждого из входящих в них объединений низшего уровня) к рассмотрению привлекается хотя бы несколько языков, для которых существуют полные описания. Если имеется возможность проанализировать данные большего числа языка, эта возможность используется. Для объединений, по которым полные описания недоступны, в редких случаях использовались и более краткие. Для всех языков предпочтение отдавалось современным описаниям; работы, созданные до 1950 г., рассматривались в

редчайших случаях (а описания XIX — начала XX века не рассматривались вообще, в отличие, например, от [Bybee et al. 1994]). Если описания имелись на русском языке (как, например, для многих языковых семей Евразии), они рассматривались в первую очередь.

В итоге в нашей работе были проанализированы грамматические описания по (примерно) 200 языкам. Каждый из языков этой первой группы был обследован, условно говоря, “целиком”, т.е. про него было установлено, имеются или нет в данном языке случаи грамматикализации глаголов движения и позиции, и если да, то какие именно. Таким образом, среди языков этой группы были выделены и такие, в которых никаких случаев грамматикализации интересующих нас глаголов обнаружено не было. (Имелись, однако, случаи, когда грамматическое описание не отмечало каких-либо случаев грамматикализации, однако в другом специальном источнике такой случай упоминался.) Языков “без грамматикализации глаголов движения и позиции” было обнаружено порядка 70, см. подробнее 4.2.2.

Другая группа составляет чуть менее 200 языков, про которые было известно, что в данных языках имеется лишь конкретный случай (или случаи) грамматикализации; информация о таких языках была получена не из монографических описаний, а из менее подробных источников (статьи по частным вопросам грамматики, типологические работы и пр.). Про такие языки было известно, что некоторые пути грамматикализации интересующих нас глаголов в них представлены, однако не было известно, имеются ли в них другие случаи.

Таким образом, в целом в ходе нашего исследования так или иначе было рассмотрено около 400 языков. При этом, некоторые группы языков оказались представлены непропорционально большим количеством; прежде всего, к ним относятся группы языков, относительно хорошо описанных и при этом содержащих много примеров грамматикализации интересующих нас глаголов (романские, индоиранские, тюркские языки, языки банту).

Полный список упоминаемых в работе языков и основных источников по каждому из них приведен в Приложении 1; здесь же укажем примерное число языков каждого из объединений (с точностью до 5, если число языков превышает 10): 25 австралийских, 25 австронезийских, ок. 30 алтайских, ок. 40 америндских, 4 аустроазиатских, 20 афразийских, 5 дравидийских, 1 енисейский, 5 изолированных, 55 индоевропейских, 1 картвельский, 5 койсанских, ок. 20 контактных, 2 мяо-яо, 1 на-дене, более 70 нигеро-кордофанских, ок. 20 нило-сахарских, ок. 10 папуасских, более 5 северокавказских, ок. 10 сино-тибетских, ок. 20 тайских, ок. 10 уральских, 3 чукотско-камчатских, 2 эскимосско-алеутских.

ГЛАВА 2. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

Данная глава посвящена разбору путей грамматикализации глаголов движения и имеет следующую структуру. В **разделе 2.1** рассматривается общий для многих глаголов движения тип использования, а именно, их функционирование в качестве показателей глагольной ориентации (обозначение пространственной направленности действия). **Разделы 2.2-2.10** посвящены тем конкретным глаголам движения, которые были выбраны для рассмотрения: для каждого глагола приводятся встречающиеся в языках мира пути их грамматикализации, приводятся примеры из разных языков и указываются источники информации. Перечисление путей грамматикализации (по их итоговым значениям) происходит в основном в порядке убывания частоты встречаемости данного пути в языках мира. (При этом, один раздел может соответствовать не одному “пути” в узком смысле слова, а группе близких путей развития, т.е. могут рассматриваться несколько близких и часто совмещаемых у одного и того же показателя значений.) Последними характеризуются периферийные пути грамматикализации, которыми считаются такие, которые представлены в нашем материале не более чем пятью языками. **Раздел 2.12** посвящен одному из путей грамматикализации, общему для многих глаголов движения (а также некоторых других типов глаголов), а именно превращению в модификаторы с перфективным значением; в связи с тем, что в языках мира группы таких перфективных модификаторов образуют определенную систему, предпочтительно рассмотреть это явление в самостоятельном разделе. Наконец, в **разделе 2.11** приводятся случаи грамматикализации удвоенных конструкций с глаголами движения, в которых смысловой глагол повторяется дважды и в роли модификаторов при нем выступают два различных глагола движения.

2.1. Глаголы движения как показатели глагольной ориентации

Одним из наиболее распространенных в языках мира способов использования глаголов движения в качестве модификаторов является выражение с их помощью **глагольной ориентации**. Во многих языках мира глаголы движения способны образовывать конструкции, в которых они сочетаются с (прежде всего) другими глаголами перемещения или изменения пространственного местоположения (типа *бежать*, *лететь* или *нести*) и обозначают исходный или конечный пункт развития данной ситуации или общее направление, в котором она развивается.

Если в русском языке, например, направление движения выражается в составе глагольной словоформы при помощи словообразовательных приставок (*при-бежать*, *вытащить*, *пере-нести* и т.п.), а в английском при помощи постпозитивных адвербиальных частиц (*go away*, *come in*, *run off* и пр.), то во многих языках мира в роли ориентационных модификаторов выступают именно глаголы движения. Такая ситуация особенно характерна для изолирующих языков, однако далеко не только для них.

Глаголы движения функционируют в качестве ориентационных показателей едва ли не во всех языках Юго-Восточной Азии; по крайней мере, примеры таких конструкций с глаголами движения отмечаются во всех основных семьях этого ареала — в аустроазиатских языках, тайских и кадайских, сино-тибетских и мяо-яо. Имеются аналогичные конструкции в языках Южной Азии, например, дравидийских и индоарийских (а также и в других ветвях индоиранской общности); они также представлены в японском и

корейском языках, а из других алтайских по крайней мере в тюркских и монгольских. Из уральских языков выражение ориентации при помощи конструкций с глаголами движения отмечается, например, в самодийских, пермских и волжских языках. Распространены конструкции ориентации в океанийских языках, встречаются в некоторых папуасских и австралийских языках; они также достаточно часто отмечаются в языках Африки и засвидетельствованы в языках Америки.

Мы не претендуем на подробный обзор использования глаголов движения для выражения глагольной ориентации и приведем лишь примеры наиболее типичных случаев.

Система глаголов-показателей ориентации часто ограничивается двоичным противопоставлением ‘сюда’ ~ ‘отсюда’: конструкции с ПРИХОДИТЬ описывают приближение к дейктическому центру, а с ИДТИ/УХОДИТЬ — удаление от него. Эти глаголы выступают, тем самым, как своего рода дейктические антонимы, ср.:

(2.1) ток-писин [Givyn 1991: 89]

а.	i-wokabaut	i-kam.	б.	i-wokabaut	i-go.
	PRED-двигаться	PRED-приходить		PRED-двигаться	PRED-уходить
	(Он) <i>пришел.</i>			(Он) <i>ушел.</i>	

Тем самым, основные дейктические глаголы движения ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ используются прежде всего для выражения одного из типов глагольной ориентации, а именно собственно дейктического типа. Дейктический тип относится, в терминах работы [Плунгян 1999: 212-213] по типологии глагольной ориентации, к классу абсолютной ориентации, при которой ориентир фиксирован (в данном случае речь идет о дейктическом центре); другими типами абсолютных ориентиров являются “предметные” (ориентация относительно элементов ландшафта или конкретного объекта), “гравитационные” (ориентация относительно земли: ‘вверх’/‘вниз’) и “антропоцентричные” (ориентация относительно “лицевой части”: ‘вперед’/‘назад’).

Весьма распространено выражение при помощи основного дейктического противопоставления таких ситуаций, как ‘приносить’ ~ ‘уносить’, которые кодируются, соответственно, как “нести + приходить” и “нести + уходить”, а также ‘давать’ ~ ‘забирать’, кодируемые как “взять + приходить” и “взять + уходить” (примеры из нескольких языков Юго-Восточной Азии см. в [Matisoff 1991: 439]).

Использование противопоставления ‘приходить’ ~ ‘уходить’ связано также и с выражением таких значений, как *цислокатив* ‘представители совокупного актанта движутся из разных пунктов к некоторой центральной точке’ и *диверсатив* ‘представители совокупного актанта движутся в разные пункты из некоторой центральной точки’, являющихся особыми типами множественности ситуаций, в терминах работы [Храковский (ред.) 1989: 38-39]; ср. татарские примеры: *йәгерешен килделәр* ‘сбежались с разных сторон’ (= “бежа пришли”), *очии киттеләр* ‘разлетелись в разные стороны’ (= “летя ушли”) [там же, 119].

В языках с развитой системой глаголов-показателей ориентации — каковыми являются, например, многие языки Азии (тайские, мон-кхмерские, алтайские и пр.), существует возможность указать и на абсолютную, и на самые различные типы относительной ориентации, при которой ориентир не фиксирован (и определяется по ситуации); ср. очень близкие примеры из языков различных семей:

(2.2) а. кхмерский [Горгониев 1984: 940-941]

<i>хаэ тэу</i>	‘улетать’	= лететь + уходить
<i>хаэ мэ:к</i>	‘прилетать’	= лететь + приходить
<i>хаэ тьенъ</i>	‘вылетать’	= лететь + выходить
<i>хаэ тьо:ль</i>	‘влетать’	= лететь + входить

хаэ тьох ‘слетать’ = лететь + **спускаться**
хаэ лаэнг ‘взлетать’ = лететь + **подниматься**

б. каракалпакский [Баскаков 1952: 355]

джумалап кил- ‘прикатиться’ = катиться + **приходить**
джумалап кет- ‘откатиться’ = катиться + **уходить**
джумалап кир- ‘вкатиться’ = катиться + **входить**
джумалап шыкь- ‘выкатиться’ = катиться + **выходить**, и т.п.

в. монгольский [Шевернина 1982: 166]

нисч ирэх ‘прилететь’ = лететь + **приходить**
нисч гарах ‘вылететь’ = лететь + **выходить**
нисч орох ‘влететь’ = лететь + **входить**
нисч өнгөрөх ‘пролететь (вдоль)’ = лететь + **проходить**, и т.п.

г. ненецкий [Терещенко 1973: 147]

сюрмба то ‘прибежал’ = бежать + **приходить**
сюрмба хая ‘убежал’ = бежать + **уходить**
сюрмба тю ‘вбежал’ = бежать + **входить**, и т.п.

Для языков Юго-Восточной Азии характерно (а иногда обязательно) и использование более сложных сочетаний, в которых маркируется и относительная, и абсолютная ориентация ситуации, т.е. используются два ориентирующих глагола движения; ср. в кхмерском *хаэ тьоль мэ:к* ‘влететь сюда (в место, где находится говорящий)’, т.е. “лететь + входить + приходить” [Горгониев 1984: 940-941] или аналогичный комплекс в тайском языке как *tshaam3 uk1 paaj1* ‘выйти наружу’, т.е. “идти + выходить + уходить” [Морев 1991: 168].

Употребление глаголов движения в качестве модификаторов глагольной ориентации является на первый взгляд вполне понятным и предсказуемым; в том его виде, как представлено в примерах (2.1-2.2), в нем ни формально, ни содержательно вроде бы нет ничего особенного, что заставляло бы видеть в этом употреблении настоящую “грамматикализацию” глаголов. Тем не менее, представляется, что и здесь следует говорить именно о начальной стадии грамматикализации таких конструкций.

Прежде всего, далеко не во всех языках, даже если выражение дейктических значений при помощи глаголов движения возможно, оно является частотным и продуктивным. Наиболее близкими к начальной стадии грамматикализации являются те случаи, когда в грамматике языка направительные конструкции с глаголами движения характеризуются как частотные и употребляющиеся с широким классом смысловых глаголов. Особо следует отметить тот факт, что часто глаголы движения в качестве направительных модификаторов образуют особые типы конструкций, отсутствующие в прочих случаях — например, когда только глаголы движения образуют так называемые сериальные конструкции, о которых см. ниже (применительно к русскому языку это можно сказать о конструкциях с глаголами позиции, см. 1.3.2.1-1.3.2.2).

Отметим, что формально конструкции ориентации с глаголами движения могут выглядеть очень по-разному. Они могут, во-первых, образовывать сериальные конструкции в узком понимании этого термина, как способа кодирования одной ситуации при помощи более, чем одной финитной формы глагола (изолирующие языки Азии, многие африканские языки, многие пиджины и креольские языки), см. (2.1) и (2.2a); они могут выступать как вершины аналитических форм, в которых смысловой глагол выступает в нефинитной форме — обычно деепричастия, причастия или инфинитива (алтайские,

уральские, дравидийские языки), см. (2.2б-г); могут, наконец, превращаться в клитики или далее в аффиксальные показатели (океанийские языки, языки пенути), см. (2.3).

(2.3) а. хуаилу [Lichtenberk 1991: 491]

На коуо-**vi**.

он прыгать-**УХОДИТЬ**

Он отпрыгивает (jumps away).

б. кламат [Rude 1991: 189]

... hoot-**tan**-ank lilhanks-as.

прыгать-**ЛОС**-PERF олень-**OBJ**

(И маленький койот...) прыгнул на оленя.

Следует отметить, что понимание явления “сериализации” довольно сильно различается у разных исследователей. Довольно часто она понимается так, как об этом пишет В. Бизанг: как “немаркированное соположение двух или более глаголов или глагольных групп (с субъектом и объектом или без них), каждая из которых могла бы быть сказуемым независимого предложения” [Bisang 1995: 139]. Однако, возможность для каждого из компонентов сериализованной конструкции возглавлять независимое предложение далеко не всегда признается существенным признаком сериализации: так, Т. Гивон формулирует свое “межъязыковое” определение сериализации как следующей ситуации: “событие/состояние, которое в одном языке кодируется простой предикацией с единственным глаголом, кодируется в другом языке сложной предикацией с двумя или более глаголами” [Givyn 1991: 81]. В этом смысле, по-видимому, все указанные выше случаи продуктивного выражения глагольной ориентации при помощи глаголов движения следует считать примерами сериализации. В действительности, несмотря на формально-синтаксические различия, конструкции сериального типа и конструкции с нефинитными формами обслуживают в целом одну и ту же функциональную область (см. [Bisang 1995: 171-172], а также [Lord 1993: 1-3]), в которой выражение ориентации, а также ролевых отношений и видо-временных значений, занимает наиболее значительную роль.

Итак, формальный аргумент в пользу того, чтобы считать выражение глагольной ориентации при помощи конструкций с глаголами движения случаем грамматикализации последних состоит в том, что глаголы движения в составе таких конструкций характеризуются в языках в качестве особого класса служебных единиц.

Содержательно глаголы движения как показатели ориентации претерпевают, конечно, минимальное обобщение своего исходного значения. Тем не менее, имеются случаи, когда развитие и с содержательной точки зрения продвигается достаточно далеко. Ср. следующие примеры из океанийских языков, в которых показатели ориентации употреблены с глаголами восприятия, не обозначающими перемещение физического объекта:

(2.4) а. тоабаита [Lichtenberk 1991: 482]

Fitaraihalo baa lio **mai** ...

Фитараитало этот смотреть **ПРИХОДИТЬ**

Фитараитало посмотрел на них {т.е. в направлении героев повествования, находящихся в фокусе внимания}.

б. вангуну [Lichtenberk 1991: 491]

Ome **la** nu iei pa na-na sipata.

смотреть **УХОДИТЬ** так он на CLASS-его ловушка

Он посмотрел на свою ловушку {т.е. “туда”; ловушка находится на дереве}.

В целом, видимо, следует считать тенденцией эволюцию таких показателей от обозначения абсолютной дейктической ориентации к ориентации относительной, при которой ориентир устанавливается в конкретном контексте.

Итак, конструкции с глаголами движения в качестве средства выражения глагольной ориентации являются первым этапом грамматикализации этих глаголов. Часто именно в ходе развития таких ориентационных конструкций глаголы движения превращаются в показатели самых разных непространственных (а также не глагольных) категорий. В целом, однако, наличие в языке ориентационных конструкций не следует считать ни необходимым, ни достаточным условием дальнейшей грамматикализации глаголов движения.

То, что это условие не является достаточным, вполне очевидно. В 1.4.2.2 уже упоминалось, что среди рассмотренных нами языков в некоторой, пусть и не очень значительной их части (порядка трети языков, рассмотренных “полностью”, т.е. по монографическим описаниям, или порядка 18% из всех упоминаемых языков) не было обнаружено никаких упоминаний об использовании глаголов движения в грамматической функции. В качестве следующей группы языков можно отметить как раз те, в которых единственным случаем такого использования явилось обозначение ориентации. Такие примеры не очень многочисленны: это, например, папуасский язык амеле, австралийские языки дингили и йидин (о последних двух см. ниже). Чаще же глаголы движения в языке либо вообще не употребляются в качестве каких-либо модификаторов, либо служат и в качестве показателей ориентации, и в качестве более грамматикализованных непространственных показателей.

С другой стороны, само по себе наличие конструкций ориентации с глаголами движения не необходимо для того, чтобы глагол движения претерпел грамматикализацию. В таких языках, как романские, германские и славянские (индоевропейские), баскский (изолированный), абхазский (северокавказские), коптский и хауса (афразийские), кетский (енисейские), нунггубую и ритхарнгу (австралийские), луисеньо (юто-ацтекский) и др., наличие путей грамматикализации некоторых глаголов движения не связано с наличием конструкций ориентации, которые в данных языках либо отсутствуют, либо образуются при помощи других глаголов.

В заключение отметим случаи использования глаголов движения в функции, близкой к ориентации, однако еще более “буквально” связанной с исходной семантикой глагола.

В первую очередь речь идет о выражении значений ‘пойти/прийти (куда-либо) с целью совершить Р’, называемых обычно, соответственно, и тивом (франц. *itif*, англ. *itive*) и вентивом (франц. *ventif*, а также не вполне корректное англ. образование *venitive*); ср. общий термин “пегривитив” в [Мельчук 1998: 414]. В ряде языков глаголы движения отмечаются в качестве специальных показателей итива/вентива. Так, в качестве специальных вспомогательных глаголов описываются в западноатлантическом языке диола *-jaw* ‘идти, уходить’, *-jal* ‘приходить’ и др., конструкции с которыми имеют значение ‘пойти и сделать; пойти, чтобы сделать’ [Sapir 1965: 104]. Аналогичный набор вспомогательных глаголов с той же функцией выделяется и в нило-сахарском языке нгити [Kutsch Lojenda 1994: 272], чадском языке мупун [Frajzyngier 1993: 340-341] или, скажем, в салишском языке скомиш [Kuipers 1967: 161-162].

В языке йидин любой глагол, кроме *gali-n* ‘идти, уходить’ и *gada-n* ‘приходить’, может быть, при необходимости выразить сопутствующее движение, маркирован одним из двух аффиксов (по-видимому, восходящих к глаголам движения) *-jali-n* ‘сделать, уходя’ и *-ɲada-n* ‘сделать, приходя’ [Dixon 1977: 219-227]. В другом австралийском языке маргань суффикс *-ba* (< *waba* ‘идти, ходить’) входит в состав двух более сложных

суффиксов, обозначающих осуществление действия во время или после перемещения ('пойти и сделать', 'делать на ходу') или осуществление ситуации на протяженной площади в пространстве ('делать повсюду') [Breen 1979: 322-323]. (Второе из значений, а именно, осуществление ситуации в различных местах, иногда называют а л ь т е р н а т и в о м [Храковский (ред.) 1989]; см. о выражении альтернатива также 2.12.1.)

Интересно, что даже такие специфические значения, как итив/вентив, часто выражаются в языках мира при помощи показателей, которые по крайней мере на синхронном уровне не имеют ничего общего в глаголами движения: ср. соответствующие суффиксы и префиксы в америндских языках мивок [Broadbent 1964: 68-69], юрок [Robins 1958: 99], вийот [Teeter 1964: 51], деляварском [Goddard 1979: 120], керес [Miller 1965: 130], кечуа [Cole 1982: 161]. В языке луисеньо, например, имеются как конструкции со значением 'пойти и сделать; делать, идя' с вспомогательными глаголами *-топа* и *-пи*, так и (видимо, этимологически не тождественные глаголам) суффиксы *-лун* 'пойти (туда) и сделать' и *-им* и *-ла* 'сходить сделать; сделать и уйти'; кроме того, в качестве гортативного показателя (см. 2.2.5) используется служебный элемент *haníča*, предположительно восходящий к другому глаголу движения *hatíʔax* 'идти, уходить' [Kroeber, Grace 1960: 42, 48, 126, 141-142].

Обратимся к другим примерам. В африканском языке шона конструкция с *-иуа* 'приходить' означает 'совершить действие по возвращении' [Fortune 1955: 359], и такова же функция соответствующей конструкции в ацтекском языке [Heine et al. 1993: 15]; а в языке ягуа (Южная Америка) суффикс *-сиу* со значением 'совершить действие непосредственно по прибытии' происходит от глагола *siyu* 'бежать' [Payne 1990: 223].

В языке квангали (родственном шона) вспомогательные глаголы *-ка-* 'идти, уходить' и *-уа-* 'приходить' используются для передачи регрессивных значений, а также для указания на то, далеко или близко осуществляется ситуация, ср. *ga-ka-limine* 'он вспахал (поле, находящееся далеко)' и *ga-ya-limine* 'он вспахал (поле, находящееся близко)' [Westphal 1958: 86]. Сходное явление имеется в тайском языке: употребление глаголов *raj* 'идти, уходить' и *таа* 'приходить' препозитивно к смысловому глаголу не только может обозначать последовательность типа 'пойти и сделать', но и может указывать на то, далеко или близко от говорящего происходит ситуация; близость эта может пониматься не только в пространственном смысле, но и в смысле 'ситуация связана (или нет) с интересами говорящего' [Vilmes 1995] (переносные употребления имеет и собственно ориентационная конструкция с постпозитивным употреблением вспомогательных глаголов, см. 2.11.1.5).

Более специфический случай отмечен в чадском языке марги: глаголам движения там свойственно так называемое "плеонастическое использование", когда они употребляются при указании на новое, выделенное событие в дискурсе или при введении нового персонажа, даже если описываемая ситуация при этом не связана с собственно перемещением персонажа в пространстве [Hoffmann 1963: 210-211]; см. об этом также 2.2.9, 2.3.9.

Итак, чрезвычайно частым использованием глаголов движения является их использование в специальных конструкциях, выражающих глагольную ориентацию действия. В этом использовании практически полностью сохраняется исходное пространственное значение глаголов движения, и часто (хотя и не обязательной) именно их функционирование в качестве модификаторов ориентации является предпосылкой дальнейшей грамматикализации этих глаголов. К разбору этих случаев грамматикализации мы и переходим.

2.2. Пути грамматикализации ИДТИ/УХОДИТЬ

Глагол ИДТИ/УХОДИТЬ, несомненно, является “чемпионом” грамматикализации среди глаголов движения, а также среди глаголов-источников грамматикализации в целом (он уступает разве что таким глаголам, как ‘быть’, ‘становиться’ и т.п.). Помимо того, что данный глагол грамматикализуется чаще всего, он демонстрирует крайне значительный разброс итоговых значений в разных языках (или даже в пределах одного языка).

О мотивах объединения собственно ИДТИ и УХОДИТЬ см. 1.3.1.1.

2.2.1. Будущее время, проспектив

2.2.1.1. Языки с “ИДТИ-будущим”

Наиболее распространённым в языках мира путем грамматикализации глагола ИДТИ/УХОДИТЬ является его превращение в показатель **будущего времени**. Так, английская конструкция с *is going*, или просто *gonna*, и инфинитивом, является не только наиболее известным примером эволюции ИДТИ в показатель будущего времени, но и едва ли не самым хрестоматийным примером грамматикализации вообще; этот случай упоминается практически всегда, когда хотя бы на неформальном уровне хотят привести “типичный пример грамматикализации”; разбирается эта конструкция и в теоретических монографиях (см., например, достаточно подробно в [Heine et al. 1991b: 46-47; Норрег, Traugott 1993: 1-4, 61, 88; Heine 1993: 44, 49-50, 75, 96-97, 112-113]).

В свою очередь, конструкция с ИДТИ/УХОДИТЬ (а также с ПРИХОДИТЬ, см. ниже 2.3.1) является одним из основных и, видимо, наиболее частотным источником будущего времени; подробнее см. 4.1.1.1.

Формы будущего времени, восходящие к конструкциям с ИДТИ/УХОДИТЬ, называют обычно формами “ИДТИ-будущего”, или *GO-futures*; ср. также термин Э. Даля *deandative constructions*). Практически всегда такие конструкции включают в себя целевой инфинитив смыслового глагола, т.е. означают ‘идти к (определенной) цели’; о некоторых любопытных исключениях см. 4.1.1.1.

Переходим к обзору случаев превращения конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ в показатели будущего времени, встретившихся в нашем материале. Интересно, что хотя превращение ИДТИ в показатель будущего засвидетельствовано во многих языках мира и, в общем, по всему свету, существуют как ареалы, в которых данное явление встречается весьма часто (например, Африка), так и такие области, где этот тип развития крайне редок (например, значительная часть Азии).

Сразу оговоримся, что конструкции, о которых будет идти речь, не во всех описаниях называются именно формами “будущего времени”; довольно часто в языке есть и другие формы будущего, а конструкции с ИДТИ указываются в качестве “дополнительных средств” выражения будущего времени. Для этого, действительно, есть некоторые основания, которые будут обсуждаться ниже. Пока же будем говорить о “формах будущего времени”, имея в виду такие глагольные формы, одной из основных функций которых является указание на временную референцию в плане будущего.

В языках Европы “ИДТИ-будущее” характерно, не считая английского, прежде всего для языков романской группы: речь идет о конструкции *aller + inf.* во французском (традиционно называемой *Futur Proche* или *Futur Immédiate*, т.е. “ближайшим бу-

душим”) и всем иберо-романском ареале, ср. *ir a inf.* в испанском [Левинтова, Вольф 1964: 91; Васильева-Шведе, Степанов 1980: 247-248; 1981: 80-82]; *ir + inf.* в португальском [Вольф, Никонов 1965: 102-103; Никонов 1981: 158-159]; *anar a inf.* в каталанском [Badia Margarit 1962: 394]; *ir (a) inf.* в галисийском [Rojo 1974: 88-92].

(2.5) испанский [Васильева-Шведе, Степанов 1981: 81]

Buenos tempos **van** a venir.

Наступят (= “идут к прийти”) хорошие времена.

Отметим также конструкцию *joan + inf.* (в адлативе, т.е. падеже приближения к ориентиру) в баскском языке, ср. *hiltze-ra doa* ‘он скоро умрет’, букв. ‘идет к-умереть’ [Lafitte 1979: 350].

Глагол ИДТИ/УХОДИТЬ используется в качестве показателя будущего времени во многих пиджинах и креольских языках. Данный факт иногда считают доказательством того, что выражение будущего времени при помощи конструкции со значением движения является едва ли не универсальным свойством естественного языка (ср. идеи Д. Бикертонна и Т. Гивона о том, что креолы представляют собой “языковой прототип”), однако дело здесь, скорее, в том, что подобные конструкции имеются уже в самих языках-лексификаторах [Givyn 1982: 148]²⁸. Будущее время выражается при помощи показателя *va* (также *a* || *ava*), восходящего к французскому *va* ‘(он) идет’ в маврикийском, реюньонском, сейшельском, гаитянском креолах [Дьячков 1987: 55-56; Baker 1972: 109; Baker, Corne 1982: 17, 23, 225; Heine et al. 1993: 105]. Показатель *go*, восходящий к соответствующему английскому глаголу, используется, например, в камерунском пиджине (вескос) [Todd 1984: 131], нигерийском пиджине [Faraclas 1996: 197-198, 209], гавайском и гайанском креолах, а также в крио и сранан-тонго [Givyn 1982: 147; Дьячков 1987: 55-56; Heine et al. 1993: 106]. В тринидадском креоле показатель будущего *kae* состоит из двух показателей *ka* (< франц. *capable* ‘способный’) и *ale* (< франц. *aller* ‘идти’), а в креоле овов Зеленого Мыса сложный показатель будущего *ba ta* включает элемент *ba* (< португ. *va* ‘идёт’) [Дьячков 1987: 56-57].

Ср. следующие любопытные примеры, в первом из которых вспомогательный глагол *go* используется с глаголом *kam*, фактически противоположным *go* по его исходной семантике, а во втором *go* в качестве служебного элемента модифицирует *go* уже в качестве смыслового глагола:

(2.6) а. камерунский пиджин [Todd 1984: 137]

і **go** kam tuməɔ.

он **FUT** приходит завтра

Он придет завтра.

б. нигерийский пиджин [Faraclas 1996: 198]

А **gt** go skul.

я **FUT** идти школа

Я пойду в школу. || Я планирую пойти в школу.

Наконец, отметим использование сокращенной формы *lo(o)* глагола *loop* ‘идти, бежать’, соответствующего нидерландскому *lopen*, в креоле негерхолландс для обозначения ближайшего будущего [Heine et al. 1993: 104-5]. В самом нидерландском при этом

²⁸ С другой стороны, см. ниже в 2.2.9 пример того, как использование вспомогательных глаголов появляется в креольских языках не под влиянием языка-лексификатора, а в качестве кальки с исходной (“субстратной”) модели, представленной в первом языке говорящих (по работе [Keesing 1991]).

отсутствует конструкция с *lorpen* со значением будущего времени (о маргинальном использовании *lorpen* в аспектуальной функции см. 2.2.2).

Использование ИДТИ/УХОДИТЬ для выражения будущего времени очень распространено в языках Африки — как южнее, так и севернее Сахары, но главным образом в языках макросемьи нигер-конго.

Весьма частотны такие формы будущего в языках банту: они имеются, например, в языках биса, букусу, булу, курия, ши и др. [Prost 1950: 33, 45; Alexandre 1966: 122; Аксенова 1997: 20, 32-33]. Часто эти конструкции описываются (как и в европейских языках) как выражающие “ближайшее будущее”: так обстоит дело, например, в дуала [Heine, Reh 1984: 132], сото [Heine et al. 1993: 105], руанда [Дубнова 1979: 63, 67] и др. языках; ср., однако, характеристику подобной формы в зулу как “отдаленного будущего” [Heine et al. 1993: 105]. Ср. также пример, аналогичный приводимому выше для баскского, из языка чагга:

(2.7) чагга [Emanatian 1992: 3]

mndu chu naⁿndelupfⁿna [[<] na-i-**enda**-i-lu-pfi-i-a].
 человек этот он.идет.умереть 3SG-PROG-ИДТИ-INF-1PL.OBJ-умереть-APPL-IND
Этот человек вот-вот умрет (= “идет умереть”).

Многочисленны примеры “ИДТИ-будущего” в языках группы кру (клао, гребо и пр.), см. [Heine, Reh 1984: 131-132; Heine et al. 1993: 106]. В некоторых из языков банту и кру имеется и форма будущего с глаголом ПРИХОДИТЬ, см. ниже 2.3.1.

Сочетание глагола *igà* ‘идти’ с инфинитивом используется для выражения будущего времени в одном из диалектов языка игбо группы ква [Green, Igwe 1963: 141]; в языке лоома группы манде будущее время образуется при помощи одного из глаголов *va*, *vha*, *li* ‘идти, нести’ [Выдрин 1987: 52, 54]. Среди адамауа-восточных языков “ИДТИ-будущее” обнаруживается в гбайя [Samarin 1966: 115] и нгбака [Heine et al. 1993: 105]. Исходя из типологических соображений автор грамматики предполагает происхождение показателя будущего из глагола ИДТИ в языке тунен [Dugast 1971: 184].

Имеется пример превращения ИДТИ в показатель будущего в кордофанских языках: по данным [Bybee et al. 1994: 252], такой показатель есть в кронго (где имеется и форма будущего с ПРИХОДИТЬ).

Среди языков нило-сахарской макросемьи использование ИДТИ для выражения будущего встречается в нилотских языках бари и лотуко [Heine, Reh 1984: 131-132, 142], а также луо [Tucker 1994: 467-8].

Имеются аналогичные примеры и в афразийских языках. Наиболее известна, по-видимому, форма “безусловного будущего времени” в хауса, образуемая при помощи *za* ‘идти’ и “формы *su*” местоимения; среди ее значений фигурируют также обозначение “намерения совершить действие” (2.8а) и “должествования” (2.8б) [Смирнова 1960: 48]:

(2.8) хауса [Смирнова 1960: 50]

а. **Za** faɗa maɓa,
 ИДТИ.1SG.CONJ говорить ты.DAT
 domin na yì abuta da kai.
 почему я делать дружба с ты
Я хочу сказать тебе, почему я дружу с тобой.

б. **Za** a yì cikakke-n bincike-n...
 ИДТИ это.CONJ делать тщательное-NMR расследование-NMR
Нужно провести тщательное расследование...

В марги, другом языке чадской ветви афразийских языков, будущее время выражается при помощи вспомогательного глагола *ra* ‘идти, уходить’ [Hoffmann 1963: 212-7]. Кроме того, в мальтийском языке (семитские) глагол *sejjer* в неизменяемой форме также используется для обозначения ситуации, близкой к осуществлению [Borg 1981: 164-5; Ebert 2000b: 763-764], а в коптском языке футурум представлял собой сочетание вспомогательного глагола *na* || *n* ‘идти’ с направительным предлогом и инфинитивом смыслового глагола [Еланская 1991: 312]. Сравнительно редкая проспективная конструкция с глаголом ‘идти’ имеется также в иврите, ср.:

(2.9) иврит [Айхенвальд 1990: 128-129]

...koḥ-i le’ehov **holeḥ** lamut.

сила-1SG любить **идти.PRS** умирать

...*моя сила любить близка к смерти (почти умерла; = “идет умереть”)*.

В языках Азии формы “ИДТИ-будущего” практически не встречаются. Исключение составляет разве что Южная Азия. В хинди и близкородственных языках браджа и др. аффикс будущего времени *-gā* восходит к причастию *gata* древнеиндийского глагола *gam* ‘идти’ [Липеровский 1984: 145; 1988: 148]. Кроме того, в хинди значение конструкции с инфинитивом и глаголом *jānā* ‘идти, уходить’ описывается как “собираться, быть на пути к скорому и сообразному с логикой вещей осуществлению” [Липеровский 1987: 77]; она употребляется также при описании запланированной ситуации в будущем [Дымшиц 1986а: 153, 351; 1986б: 161]. Аналогичная конструкция есть и в панджаби [Смирнов 1976: 280].

Из дравидийских языков конструкции со значением скорого наступления ситуации встречается в телугу, с инфинитивом и глаголом *poō* [Krishnamurti, Gwynn 1985: 224], в тамильском с тем же глаголом *poō-* [Asher 1985: 157-8; T. Lehmann 1993: 217], в каннада с глаголом *hōgu* [Spencer 1950: 271].

(2.10) тамильский [Asher 1985: 158]

bassu ippa porappaṭa **poovutu.**

автобус сейчас уезжать.INF **ИДТИ.PRS.3SG**

(*К автобусу подходит водитель.*) *Автобус сейчас отправится.*

Кроме того, при помощи глагола ИДТИ/УХОДИТЬ будущее время выражается в тибето-бирманском языке нунг, по данным [Bybee et al. 1994: 252].

При том, что океанийские языки демонстрируют удивительное разнообразие путей грамматикализации различных глаголов движения, случаи превращения последних в показатели будущего времени в них вроде бы отсутствуют: существуют лишь не вполне достоверные данные о существовании таких показателей в языках атчин и лонвонвол [Lichtenberk 1991: 496-498]. Кроме того, в палау глаголы *to* ‘идти (от говорящего)’ и *eko* ‘идти (к слушающему)’ (а также *te* ‘приходить (к говорящему)’, см. 2.3.1) используется в качестве вспомогательных глаголов будущего времени [Josephs 1975: 270-1].

Примеров “ИДТИ-будущего” в языках Америки немного. Аффикс *-bang* со значением ‘to be going to’ и восходящий к глаголу ‘идти’, имеется в языке рама [Craig 1991: 476-477]. В языке цоциль вспомогательный глагол ИДТИ используется как показатель будущего времени в несовершенном виде [Heine et al. 1993: 106]. В эквадорском диалекте кечуа к глаголу ИДТИ, видимо, восходит показатель будущего времени *ri-* [Cole 1982: 150, 183; Heine et al. 1993: 106]. Видимо также, к ИДТИ, превратившемуся во многих языках семьи пенути в направительный аффикс, восходит и суффикс будущего времени в языке сахаптин [Rude 1991: 189].

Кроме того, по данным работы [Bybee et al. 1994: 252], к ИДТИ/УХОДИТЬ восходит суффикс будущего времени в языке абипон, а также показатель будущего в кокама, а из австралийских языков по крайней мере в маунг префикс будущего происходит из ИДТИ.

Отметим также, что, скорее всего, к сочетанию инфинитива с формой глагола **te-* ‘идти’ восходит аналитическая форма будущего времени в багвалинском языке (Дагестан). В настоящее время в языке сохранились лишь две формы этого почти вышедшего из употребления глагола, в т.ч. причастие *tōw* ‘идуший’; ср. *Xanā tōw ek'a* ‘иду косить’ (“косить идущий есть”) и *Xanā-tow ek'a* ‘буду косить’, во втором случае *-tow* выступает уже в качестве показателя причастия будущего времени в составе соответствующей аналитической формы [Кибрик (ред.) 2001: 78]. Интересно, что не только в близкородственных языках, но и в других языках Кавказа подобное явление не отмечено.

2.2.1.2. Будущее время или проспектив?

Как указывалось выше, конструкции “ИДТИ-будущего” зачастую интерпретируются как выражающие ‘нахождение ситуации на грани осуществления’ (хорошим английским аналогом здесь является *to be about to*), ср. многие примеры выше, а также:

- (2.11) телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 224]
 nuwwu paD-a-**boo**-t-unnaawu.
 ты падать-INF-ИДТИ-DUR-быть.PRS.2SG
Ты сейчас упадешь (are about to fall; = “идешь упасть”).

Данное значение вслед за Б. Комри называют обычно “проспективным”, или просто “проспективом” (*prospective aspect*) [Comrie 1976: 64-65], о др. терминах см. также 4.1.1.1. Проспектив указывает, в сущности, на то, что в некоторой точке отсчета имеются предпосылки для осуществления ситуации после этой точки: так, предложение (2.11) было бы, по-видимому, уместно в том случае, если в момент речи адресат был бы близок к скорому падению: например, сильно шатался бы, приближался бы к обрыву и т.п.

Упоминание проспектива (в книге Б. Комри “Вид”) в качестве аспектуального значения имеет свои основания. Действительно, выше приводились примеры на “ИДТИ-будущее”, в которых вспомогательный глагол стоит в форме настоящего времени, а сама ситуация должна произойти после момента речи. Проспектив, однако, в принципе не связан с определенной временной референцией; точка отсчета, о которой только что говорилось, может как совпадать с моментом речи, так и предшествовать или следовать ему. Очень часто формы с проспективным значением выступают в прошедшем времени, ср. типичный пример, в котором “нахождение на грани осуществления” смещено в план прошлого (и в прошедшем же стоит вспомогательный глагол):

- (2.12) телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 224]
 waaDu nan-nu koTT-a-**boo**-yEEDu.
 он я-OBJ ударить-INF-ИДТИ-PST.3SG.M
Он собирался было ударить меня (= “шел ударить”).

Проспектив в прошедшем времени означает, что после некоторой точки отсчета в прошлом с большой вероятностью должна была осуществиться ситуация Р (уже имелись “предпосылки” для Р). Чаще всего такие формы указывают на попытку совершить действие в прошлом, которая так и не была реализована (‘чуть было не Р; хотел было Р’).

Убедительное объяснение такой интерпретации дал Б. Комри: действительно, согласно “постулату информативности” (в смысле работы [Грайс 1985]), в случае, если ситуация, которая должна была осуществиться после некоторой точки отсчета в прошлом, действительно

имела бы место, более оправданным явился бы выбор обычной формы прошедшего времени. Проспективные же формы (формы “будущего в прошедшем”) указывают лишь на то, что в точке отсчета в прошлом для последующего осуществления ситуации и м е л и с ь н е к о т о р ы е у с л о в и я ; соответственно, предпочтительной для слушающего является интерпретация, согласно которой данные условия так и не привели к желаемому осуществлению ситуации. В данном случае со стороны слушающего действует механизм вывода прагматической имплицатуры [Comrie 1985: 22 et pass.].

Конструкциям “ИДТИ-будущего” свойственно употребляться по крайней мере и в настоящем, и в прошедшем времени. Так, для упоминавшихся выше романских сочетаний, в которых вспомогательный глагол стоит в форме имперфекта, характерно как раз значение нереализованной попытки, ср. португ. *O Pedro ia argumentar, mas...* ‘Педру собрался было уже возразить (=“шел спорить”), но...’ (♥) или исп. *Santa Cruz iba a dar la orden cuando...* ‘Санта Крус собирался было отдать приказ (=“шел к дать приказ”), когда...’ [Левинтова, Вольф 1964: 91].

В португальском, помимо названной выше конструкции *ir + inf.*, существует отдельная форма *ir a/para inf.* (с одним из направительных предлогов ‘к’), употребляющаяся практически только в имперфекте со значением ‘в точке отсчета в прошлом ситуация была на грани осуществления, но так и не осуществилась в полной мере (а например, была прервана другим событием)’ [Costa 1976: 213, 240]. Ср.:

(2.13) португальский (♥)

O juiz **ia** a abrir a boca para falar ...

Судья хотел было открыть (= “шел к открыть”) рот, чтобы заговорить...

О значении нереализованной попытки в прошлом см. также специальное исследование [Kuteva 1998] и дальнейшее обсуждение в 4.1.1.1.

Итак, многие из названных выше конструкций “ИДТИ-будущего” имеют ярко выраженный проспективный характер (этим, в частности, объясняется столь частый ярлык типа “ближайшее будущее”, приписываемый им в литературе). В нашем материале, вместе с тем, имеются достаточно разнородные показатели, употребление некоторых из которых далеко не ограничивается проспективными контекстами.

Для языка хауса в [Пильщикова 1957: 83] отмечается, в частности, что форма будущего времени *za su*, которой в основном свойственно проспективное значение, может употребляться и в условном предложении, причем в любой из его частей; в [Щеглов 1970: 53-60] среди контекстов употребления данной формы называется также обозначение генерических ситуаций и выражение возможности.

Связь с модальными значениями вообще характерна для форм будущего времени на поздних стадиях развития (см. [Bybee et al. 1994: ch. 7] и др.), см. также ниже в 2.2.7 некоторые данные по модальным употреблением форм будущего времени в языке гбайя, нигерийском пиджине, маврикийском креоле. (Такая ситуация противоположна, например, ситуации в романских языках, в которых в модальных контекстах может употребляться синтетическая форма будущего, но не конструкции с глаголами движения.)

Тем самым, судя по имеющимся в нашем распоряжении данным (чаще весьма скудным) о семантике форм “ИДТИ-будущего”, в нашем материале представлены различные типы таких форм, которые отличаются по степени грамматикализации и кругу выражаемых значений. Значительная часть форм представляет собой типичные проспективы, или “молодые” формы будущего, но ряд форм демонстрирует достаточно продвинутую степень грамматикализации и приобретение более общих и “модализованных” значений. Об эволюции будущего времени см. также 4.1.1.1.

2.2.2. Имперфективные значения

Во многих языках конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ используются для представления ситуации как находящейся в процессе развития, длительной или продолжающейся, а возможно также регулярно повторяющейся на протяжении длительного периода времени. Названные способы представления ситуации в целом соответствует **имперфективной** группе значений [Comrie 1976: 24 et pass; Маслов 1984: 21 и сл.]. Необходимые частные термины из этой области будут разъяснены ниже; о понимании аспектуальности в данной работе см. также 4.1.2.

Имперфективные конструкции с глаголом ИДТИ/УХОДИТЬ встречаются по всему миру; начнем наш обзор, как обычно, с языков Европы. Сразу отметим тот факт, что наиболее типично для имперфективных конструкций включать в свой состав смысловой глагол в форме причастия или деепричастия “одновременности” или несовершенного вида.

В романских языках значение конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ и формой герундия можно охарактеризовать как **прогрессивное** ‘в момент наблюдения динамическая ситуация актуально имеет место’, причем обычно можно говорить о более частной интерпретации ‘ситуация развивается в направлении постепенного накопления результата’ (“все больше и больше”), которую мы будем называть **градативной** (см. об этом термине 4.1.2.1). В иберо-романских языках речь идет о конструкции *ir + ger.* в испанском [Левинтова, Вольф 1964: 91], португальском [Вольф, Никонов 1965: 104; Никонов 1981: 159] и галисийском [Rojo 1974: 109-111]. Аналогичное значение имеет каталанская конструкция *anar + ger.* [Badia Margarit 1962: 395], итальянская *andare + ger.* [Heine et al. 1993: 104; Алисова, Муравьева 1997: 77] и старофранцузская *aller + part.prs.*, употреблявшаяся до XVII века, а в настоящее время устаревшая [Нехендзи, Благовещенский 1964: §369; Жирмунский 1965: 40-41]. О вспомогательных глаголах движения в прогрессивных романских конструкциях см. также [Squartini 1998: ch. 5; Bertinetto 2000: 577-581; Bertinetto et al. 2000: 523, 528].

Все эти конструкции, употребляясь в презенсе и в имперфекте, обозначают постепенное развитие ситуации в настоящем или прошлом — постепенное приближение к ее пределу в случае предельных глаголов, ср.:

(2.14) а. галисийский [Rojo 1974: 110]

...parescna un vermico de lus que se **iba** apagando e apagando...

...это походило на лучик (= “червячок”) света, который все тускнел и тускнел (= “шел угасая и угасая”) {...пока не пропал совсем}.

б. испанский [Левинтова, Вольф 1964: 91]

El enfermo **va** mejorando.

Больной постепенно выздоравливает (ему все лучше и лучше; = “идет выздоравливая”).

и постепенное увеличение каких-либо параметров ситуации по сравнению с предшествующим моментом в случае с неопредельными глаголами:

(2.15) а. французский [Нехендзи, Благовещенский 1964: §369]

Les livres **vont** augmentant de prix chaque jour.

Книги все дорожают (= “идут дорожая”) с каждым днём.

б. португальский (♥)

O céu **ia-se** cobrindo de nuvens cada vez mais escuras...

Небо покрывалось (= “шло покрываясь”) все более и более темными тучами...

О слабой степени грамматикализации данной конструкции говорит то, что она остается совместимой с собственно перфективными формами (например, перфективным прошедшим временем), ср. примеры, в которых речь идет о ситуациях, развивавшихся в рамках закрытого временного интервала (русский перевод достаточно условен):

(2.16) а. итальянский [Squartini 1998: 210]

In questi ultimi anni si **и andato** costituendo un nuovo ordine sociale.

В последние годы формировался (= “пошел формируясь”) новый общественный порядок.

б. португальский [Squartini 1998: 280]

Pouco a pouco a noite **foi** caindo e **foi** envolvendo todo o bosque, as dunas e a praia...

Постепенно ночь наступала (= “пошла падая”) и охватывала (= “пошла вовлекающая”) и лес, и дюны, и пляж...

По данным М. Сквартини, аспектуальные формы с глаголами движения могут быть образованы не от любого смыслового глагола, и часто значение конструкции меняется в зависимости от таксономического класса смыслового глагола. Данное обстоятельство (отсутствие собственно аспектуальных ограничений, при наличии ограничений на сочетаемость с различными классами глаголов) показывает, что значение таких конструкций является еще не вполне “аспектуальным”, а затрагивает только уровень семантического типа предиката (так наз. “акциональность”), см. подробнее 4.1.2.1.

Конструкция с ИДТИ и причастием, по крайней мере в некоторых романских языках, употребляется также при обозначении состояния (“выражая его как близкое к процессу”), ср. испанский пример *Los hombres ya **van muy explotados**...* ‘людей сильно угнетают’ (= “люди ходят угнетаемые”) [Васильева-Шведе, Степанов 1981: 93].

В баскском языке конструкция с глаголом *joan* и причастием в падеже образа действия (“медиативе” на *-z*) также обозначает постепенное нарастание, продолжение ситуации, ср. пример *eria gaizkitu-z **doa*** ‘болезнь всё прогрессирует’ (= “болезнь прогрессирующая идет”) [Lafitte 1979: 351], функционально и структурно аналогичный испанскому (2.14б) выше, или франц. *son **état va s’améliorant*** ‘его состояние улучшается’.

Английская конструкция *to go on + -ing* имеет, как известно, **континуативное** значение ‘ситуация продолжается’. В ток-писине (диалект Нагорья), кстати, показатель *i go* также выражает континуативность, ср. *olo i toktok **i go*** ‘они всё говорят (и долго еще будут)’ [Wurm 1971: 45].

В нидерландском языке в качестве одной из конструкций с **дуративным** (или обобщенно-прогрессивным) значением ‘ситуация длится в период времени, включающий момент наблюдения’ иногда называют *loppen te inf.* с глаголом ‘идти, ходить, бежать’ [Братусь, Рубцова 1985: 93], но прежде всего в этом языке в данной функции употребляются конструкции с глаголами позиции, см. 3.2. Любопытно, однако, что в пиджине негерхолландс вспомогательный глагол *loop, lo(o)* употребляется для выражения прогрессивного, дуративного, хабитуального значений (см. об этих терминах ниже) [Heine et al. 1993: 107].

В тюркских языках конструкции с деепричастием (на *-n* или *-a*) и глаголом *бар-* ‘идти (туда), уходить’ чрезвычайно распространены. Как правило, конструкция *-n бар-* указывает “на приближение конечного этапа в развитии процесса”, “выражает процессуальность перехода из одного состояния в другое”, употребляясь с динамическими глаголами и не употребляясь, например, с глаголами чувственного восприятия; или же она

обозначает “типичность процесса” [Юлдашев 1965: 74-76]. Конструкция *-а бар-* “характеризует нарастание действия (‘все больше и больше’)” [там же, с. 79].

В качестве выражающих градативное значение можно квалифицировать узбекскую конструкцию *-б бор-* [Кононов 1960: 266]; хакасскую с глаголом *пар-* (в настоящем времени) [ГХЯ 1975: 206]; башкирские *-н бар-* и *-а бар-* [ГСБЯ 1981: 218-219]; татарские *-н бар-* и *-а бар-* [СТЛЯ 1969: 281; 1971: 29; Ганиев 1963: 135-136; 1982: 104], кумыкскую *-а бар-* [Джанмавов 1967: 220], ср. некоторые примеры:

(2.17) а. татарский [Ганиев 1963: 135]

Запас-лар	бете-п	бар-а.
запас-PL	кончатся-CONV	идти-PRS.3SG

Запасы кончаются.

б. башкирский [ГСБЯ 1981: 218]

Кәсә-бе□-□ә	сәтлә□ек тә	ә□әй-еп	бар-а.
карман-POSS.1PL-LOC	орех	тоже убавляться-CONV	идти-PRS.3SG

Постепенно кончаются и орехи в кармане.

в. узбекский [Кононов 1960: 266]

Аҳвол	яхшилани-б	бор-а-ди.
положение	улучшаться-CONV	идти-PRS-3SG

Положение (все более и более) улучшается.

Вместе с тем, башкирские и татарские конструкции употребляются и для обозначения ситуаций, регулярно повторяющихся и характерных для длительного периода времени (без идеи поступательного развития), т.е. имеют и **хабитуальные** интерпретации. Хабитуально значение свойственно и карачаево-балкарской конструкции с глаголом *бар-* [Алиев 1973: 148-149].

В саларском и сарыг-югурском языках конструкции *-р пар-* описываются как формы “настоящего 1-ого” времени [Тенишев 1976а: 138; 1976б: 84]; вместе с тем, в этих языках отмечаются и аналогичные конструкции со значением “длительности” или “нарастания действия” [Тенишев 1976а: 170; 1976б: 104]. Очевидно, использование их в настоящем времени является лишь частным случаем.

В якутском языке конструкции с *бар-* имеют другое значение (см. раздел 2.2.4), а в значении, близком к градативному, используется конструкция *-ан ис-* с глаголом ‘идти, двигаться’ [Харитонов 1947: 221; 1960: 65-67]. Вместе с тем, в якутском, как и в долганском языке, конструкция *-ан ис-* используется и для выражения континуатива, ср. *бар-ан ис-* ‘продолжать идти’ [Убрятова 1985: 154], *кэпсэ-эн ис-* ‘продолжать рассказывать (по порядку)’ [Харитонов 1947: 221].

Есть аналогичные конструкции и в монгольских языках, ср. бурятскую форму с деепричастием и *ябах* ‘идти, ходить’ [Бертагаев, Цыдендамбаев 1962: 43], монгольскую с *явах* [Тодаева 1951: 118] или калмыцкую форму с глаголом *йов-* [ГКЯ 1983: 254], все они имеют значение “продолжительности действия”.

В корейском и японском конструкциях с ИДТИ, как и с ПРИХОДИТЬ (см. 2.3.2), могут обозначать как постепенное развитие процесса, так и начало длительного процесса, ср. сочетания с *kata* в корейском [Sohn 1994: 335] и с *iki* в японском [Martin 1975: 537-8].

(2.18) корейский [Sohn 1994: 335]

elum-i	nok-a	ка-ss-ta.
лед-NM	таять-INF	идти-PST-DC

Лед таял (= “шел, тая”).

Для алтайских языков характерно и использование конструкций с ПРИХОДИТЬ, также имеющих широкий набор имперфективных интерпретаций; при этом имеется различие в точке зрения на развивающуюся ситуацию, представленную при помощи конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ или с ПРИХОДИТЬ; см. подробнее 4.1.1.5.

Дуративные конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ встречаются в индоиранских языках, а также в дравидийских.

Конструкция с глаголом *au-* ‘идти’ использовалась для обозначения длительности действия в авестийском языке [ОИТИИЯ 1975а: 111]; в качестве инновации в новоиранских языках описывается конструкция с глаголом *raftan* ‘идти, уходить’ в дари [ОИЯ 1982: 182-184]; судя по примерам в [Дорофеева 1960: 45, 49, 51, 75-76], она имеет отчетливо градативное значение и употребляется в различных временах и наклонениях. В таджикском языке значение конструкции с глаголом *raftan* зависит от семантики смыслового глагола; с глаголами определенных семантических классов она также имеет именно градативное значение [Расторгуева, Керимова 1964: 237-238]. В языке хазара отмечается длительная конструкция с деепричастием и глаголом *raftū*, а также синонимичная ей с *rēi budū* ‘направляться, быть в пути’ [Ефимов 1965: 70].

В хинди конструкции *part.ipf.* + *jānā* ‘идти, уходить’ (или *calā jānā* ‘удаляться’) связываются с “прогрессивной совершаемостью”, за которой скрывается чаще всего градативное значение: так, отмечается предпочтительность употребления этих форм с наречиями типа “с каждым мигом”, “все больше и больше” [Липеровский 1984: 195-198; Дымшиц 1986а: 342-6, 361-4; 1986б: 158], ср. (2.19а) с собственно градативным и (2.19б) с более нейтральным дуративным значением (вспомогательный глагол стоит в перфективном прошедшем), а также (2.19в) с континуативным. То же касается аналогичных конструкций в авадхи [Липеровский 1997: 144], браджа [Липеровский 1988: 161], маратхи [Катенина 1963: 215-17], панджаби [Смирнов 1976: 269-75], непали [Королев 1965: 122].

(2.19) хинди [Дымшиц 1986а: 342, 345]

- а. *sardī asahya ho-tī gayī.*
 холод невыносимый быть-PART идти.PST.PF
Холод (постепенно) невыносимым сделался (= “пошел становящийся”).
- б. *sārī rāt wah dawā de-tī gayī.*
 вся ночь она лекарство давать-PART идти.PST.PF
Всю ночь она лекарство давала (= “пошла даваящая”).
- в. *kah-te jā-o.*
 говорить-PART идти.IMP-PL
Продолжай(те) говорить (= “идите говорящие”).

В тамильском языке градативное значение имеет конструкция *conv.* + *cellutal* с глаголом ‘идти’ [Андронов 1987: 221], а конструкция *conv.* + *pō* с глаголом ‘уходить’ обозначает продолжение длительного действия после точки отсчета (так, *vēlai ceytu pōnān* означает ‘он стал работать (“работу делать”) дальше / он продолжил работать’) [Рудин 1975: 68]. В каннада конструкция *prs.part* + *hōgu* допускает хаbitуальную и континуативную интерпретации [Spencer 1950: 271], а в брауи *conv.* + *’ining* обозначает “длительные и повторяющиеся” ситуации [Андронов 1971: 127].

Что касается тибето-бирманских языков, то конструкция с ‘идти, уходить’ *wane* + *part.pf* в неварском выражает постепенное развитие процесса (это значение названо

“экстенсивной длительностью”) [Королев 1989: 80-81]; в лаху глагол *qau* ‘идти’ грамматикализовался в показатель континуатива [Matisoff 1991: 407, 451].

В кетском языке одна из функций конструкции с глаголом *боУот || боУон* состоит в обозначении процесса или состояния (с глаголами типа ‘скучать’, ‘радоваться’, ‘пугать’, ‘щекотать’ и др.) [Крейнович 1965: 284-6; Дульзон 1968: 360]; с другими глаголами, однако, конструкция имеет дезидеративное значение, см. 2.2.11.5.

В языках Африки имперфективные конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ встречаются нечасто. В языке гуен показатель, восходящий к глаголу движения ‘уходить’, имеет прогрессивное значение [Heine, Reh 1984: 117; Heine et al. 1993: 135], в йоруба и гбари дуративное [Маянц 1982: 95; Heine, Reh 1984: 198; Heine et al. 1993: 106], в языке море этот глагол также используется для подчеркивания длительности ситуации [Canu 1974: 342-3]. В лаади конструкция с *kwe* (< *kwknda* ‘идти’) и глаголом в форме на *-i/-e* имеет дуративное, хабитуальное, континуативное значения [Schaub 1978: 116-7], а в курия и суахили значение показателей, связанных с глаголом ‘идти’, близко к прогрессиву, однако точное определение их семантики затруднительно [Аксенова 1997: 32-33].

В амхарском языке конструкция с *hedē* ‘уходить’ имеет градативное значение (ср. характерные примеры типа *Болезнь ее ребенка день ото дня усиливалась*) [Титов 1991: 134 и сл., 254], а в литературном арабском глагол ‘уходить, проходить’ может обозначать длительность ситуации, согласно работе [Чернов 1995: 250-251]. В иврите сочинительная конструкция с глаголом *halax* ‘идти’ и другим глаголом, сочетаясь с непереходными (“неактивными”) глаголами, также подчеркивает длительность ситуации: ср. *habajit holex ve-nivne* ‘дом строится’ (= “идет и строится”) [Б. С. Подольский, личное сообщение].

Редкий для австралийских языков случай использования глагола ИДТИ в дуративной конструкции имеется в ритхарнгу, где *wa:ni* употребляется в этой функции в серийной конструкции, ср. *ɲu:ra manda wa:ni* ‘они всё спят и спят’ (= “спят они идут”) [Heath 1980: 113, 146].

В папуасских языках имперфективные показатели, восходящие к ИДТИ, более частотны. Так, в дага одна из конструкций со значением длительности образуется с *aG* ‘идти, уходить’, она может иметь и континуативное значение [Murane 1974: 129-30].

(2.20) дага [Murane 1974: 129]

wa **ais-en!**
говорить **идти-ИМР**

Продолжай говорить (= “иди, говоря”)!

В языке голин *e* ‘идти, уходить’ является одним из трех вспомогательных глаголов континуатива [Bunn 1974: 7]4. В гахуку *v-* ‘идти, уходить’ также образует континуатив (наряду с глаголом ПОДНИМАТЬСЯ, см. 2.7.2.3) [Deibler 1976: 59-60]. В хуа континуатив выражается при помощи конструкции, включающей смысловой глагол, глагол *ri* ‘брать’ и один из глаголов движения, в т.ч. *va* ‘идти, уходить’ (т.е. целиком вспомогательный комплекс в конструкции означает ‘нести’) [Haiman 1980: 144-6]. Наконец, в майо-йессан суффикс континуатива также восходит к ИДТИ [Vybeee et al. 1994: 165].

Значение континуатива характерно и для океанийских показателей, восходящих к ИДТИ (*persistentive markers* в языках манам, хуаилу), ср.:

(2.21) хуаилу [Lichtenberk 1991: 49]

Na sue **vi.**
он сидеть **ИДТИ**

Он продолжает сидеть (там).

По данным [Bybee et al. 1994: 128, 154] в языке гуайми семьи чибча к ИДТИ восходит показатель прогрессива, а к глаголу, переводимому как ‘быть, идти’ — показатель хабитуалиса. Из других америндских языков отметим также камаюра, в котором конструкция с вспомогательным глаголом ‘идти, уходить’ (а также ‘приходить’) описывается как прогрессивная в [Seki 2000: 142-143].

Итак, в целом формы с глаголом ИДТИ/УХОДИТЬ могут иметь широкий спектр интерпретаций прогрессивного типа (как собственно прогрессив, так и градатив, а также “обобщенный”, или дуративный, прогрессив), а также могут выражать хабитуальное значение и иногда континуативное. В ряде случаев следует говорить скорее не о приобретении конструкцией с ИДТИ имперфективного аспектуального значения, а о ее использовании как средства акциональной модификации “дуративного” типа.

2.2.3. Перфектив, прошедшее время, перфект

Конструкции с глаголом ИДТИ/УХОДИТЬ могут служить и средством представления ситуации как завершившейся, достигшей предела развития, или как ограниченной во времени. В данном случае мы имеем дело с **перфективным** аспектуальным значением в его классическом понимании (см. [Comrie 1976: 24 et pass; Маслов 1984: 15 и сл.], а также подробнее 4.1.2.2).

Данная группа значений является во многом противоположной предыдущей. Отметим, однако, тот факт, что наиболее типично для перфективных конструкций включать в свой состав смысловой глагол в форме причастия или деепричастия “предшествования” или совершенного вида.

Перфективное значение конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ свойственно в основном языкам Азии и за пределами данного ареала встречается нечасто.

Очень распространены такие конструкции в языках Южной Азии. В дравидийских языках перфективное значение имеют сочетания с глаголом *po-* ‘идти, уходить’. Так, в тамильском языке конструкция с причастием прошедшего времени и *po-*, характеризующаяся как “перфектив изменения состояния” (*perfective of change of state*), употребляется в основном с предельными непереходными глаголами типа ‘ломаться’, ‘портиться’, ‘сохнуть’, ‘умирать’, ‘уствовать’ и др. и обозначает достижение предела процесса [Asher 1985: 160-161], его “окончателность и бесповоротность”, ср. *oṭarṣi pooscu* ‘сломаля’, *oṭip pōnān* ‘убежал’, *alintu pōnān* ‘погиб’ [Рудин 1975: 72]; см. также [Андронов 1987: 221]. Некоторые исследователи отмечают также, что данная конструкция передает отрицательное отношение говорящего к ситуации: произошедшее изменение является нежелательным, неожиданным или попросту “плохим” [Steever 1983: 494-499; T. Lehmann 1993: 223-224].

(2.22) тамильский [Steever 1983: 497]

avaN vayiru kāyntu pōyiRRu.

он желудок высыхать.CONV уходить-PST.3N

Его желудок вконец высох (= “высохнув ушел”). {= Он был настолько голоден, что готов был съесть что угодно.}

Как видно по этим примерам, конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ чаще всего используются для выражения одной из разновидностей перфективного значения, а именно, комплетивной (указание на достижение предела развития). Это во многом верно и для других языков.

В языках малаялам и каннада конструкции *conv.* + *pookuka* и *past.part* + *hōgu*, соответственно, связываются не только с завершенностью ситуации, но и с ее “самопроизвольным, страдательным характером” [Андронов 1993: 172]. Субъектом, претерпевающим изменение, не может быть агенс, источник воздействия всегда является внешним по отношению к субъекту, ср.:

- (2.23) каннада [Андронов 1962: 59]
 hasu sattu **hooy**-itu.
 корова умирать.CONV **идти**-PST.N.SG
Корова издохла (= “умерев ушла”).

В связи с этим исследователи отмечают также, что значение конструкции близко к “пассивному” [Spencer 1950: 270; Андронов 1962: 57-59], ср.:

- (2.24) малаялам [Андронов 1993: 172]
 raTTaNam nasziccu-**pooyi**.
 город разрушаться.CONV-**идти**.PST
Город был разрушен (= “разрушившись ушел”).

В описаниях телугу и брауи аналогичные формы характеризуются как передающие не только завершенность процесса, но и его “интенсивный характер” (ср. *adverbial force*) [Emeneau 1962: 63-64; Андронов 1971: 127]. Ср. следующую минимальную пару из телугу, где в первом из примеров речь идет лишь о существовании в прошлом ситуации ‘он ел’, тогда как во втором указывается на полное поглощение объекта, и тем самым на окончательное достижение предела процесса ‘есть еду’:

- (2.25) телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 215]
 а. tinn-aaDu.
 есть-PST.3SG.M
Он поел (ate).
 б. annam tin-ees-EEDu.
 еда.OBJ есть.PART-**идти**-PST.3SG.M
Он съел еду до конца (ate up; = “поевший ушел”).

Данная конструкция может иметь и более общее усиленно-ассертивное значение: так, *ees-ees-taany* (= “я пойду сделаю”) в зависимости от контекста может означать ‘я точно / обязательно / охотно / запросто сделаю это’ [Krishnamurti, Gwynn 1985: 215].

В индоарийских языках конструкции с перфективным причастием и глаголами движения *jāpā* ‘уходить’, *āpā* ‘приходить’, *calnā* ‘идти’ и др. также часто описываются в качестве средств выражения так называемой “интенсивной совершаемости”: так, в [Липеровский 1984: 208-210] отмечается, что в хинди при помощи конструкций с этими глаголами “действие выражается выходящим за рамки его обычного или допустимого проявления”. В индоарийских языках, однако, существует целый набор вспомогательных глаголов (порядка 10-15 штук), имеющих сходную функцию, которую в разных источниках характеризуют то как выражение “интенсивности”, а то и собственно как выражение “перфективности” (или “комплетивности”). Это сложное явление и его связь с перфективностью будет рассмотрено подробнее в 2.11. Отметим, однако, что, например, конструкция с ИДТИ/УХОДИТЬ в майтхили характеризуется как комплетивная в [Bybee et al. 1994: 58].

Встречается выражение перфективности при помощи оборотов с ИДТИ/УХОДИТЬ и в иранских языках. Так, в ягнобском значение “завершенности” передается при помощи конструкций с *šaw*- ‘идти, уходить’ и *tir*- ‘уходить’ [ОИЯ 1987: 693]. В таджикском

языке конструкция с глаголом *рафт-ан* ‘уходить’ (обозначающая развитие ситуации при сочетании с глаголами определенных семантических классов, см. выше 2.2.2) обозначает начальный или конечный предел развития при сочетании с глаголами, обозначающими проявление чувств, физическое состояние, а также гибель, уничтожение или утрату, ср. *оташин шудан* ‘гневаться’ ⇒ *оташин шуда рафт* ‘рассердиться’, *ларзидан* ‘дрожать’ ⇒ *ларзида рафт* ‘задрожать’, *сихат шудан* ‘выздоровливать’ ⇒ *сихат шуда рафт* ‘(совсем) выздороветь’ [Расторгуева, Керимова 1964: 235-241]. Аналогичное значение имеет деепричастная конструкция с *raftu* в языке хазара [Ефимов 1965: 70].

В дардском языке тирахи глагол *g-* ‘идти, уходить’ в сочетании с причастием прошедшего времени образует прошедшее время у непереходных глаголов [Эдельман 1965: 117], а в нуристанском языке ашкун имеется конструкция с причастием и *g-* в форме прошедшего времени, обозначающая предшествующее событие в прошлом, ср. *geste gōm* ‘я уже ушел’ (= “ушедший я-ушел”) [Эдельман 1965: 60; 1978: 303].

Конструкции, выражающие завершенность ситуации, отмечаются во многих тюркских языках. Как правило, это значение свойственно конструкции с глаголом *кет-* ‘уходить’ (о конструкциях *-n бар-*, *-a бар-* с глаголом ‘идти, уходить’ см. выше), напр. узбекское *кунлар исси-б кет-ди* ‘дни стали вдруг жаркими’ (= “потеплев ушли”) [Кононов 1960: 267], казахское *шөп к[ра]-п кет-ті* ‘трава засохла’ (= “засохнув ушла”) [Юлдашев 1965: 86], кумыкское *агъар-ын гет-ди* ‘сразу побледнел’, *семир-ин гет-ди* ‘начал жиреть’ [Джанмавов 1967: 213], аналогичные примеры из башкирского см. в [ГСБЯ 1981: 221-222]. В турецком показателем внезапно, стремительно совершившейся ситуации является конструкция с *gitti*, неизменяемой формой аориста (3SG) глагола *git-mek* ‘уходить’, ср. *kaybolu-p gitti* ‘сразу скрылся’, *изи-p gitti* ‘вдруг улетел’ [Кононов 1956: 210-211]. В хакасском и тувинском языках аналогичное значение передает конструкция с глаголом *бар-* [ГХЯ 1975: 183; Исхаков, Пальмбах 1961: 413]. О тюркских перфективных конструкциях см. также обсуждение и примеры в 2.11.1.3.

“Полнота совершения действия” передается при помощи конструкции с глаголом *ошохо* ‘идти, уходить’ в бурятском языке, ср. *дуунажа ошообо* ‘кончилось целиком и полностью’, *бутаран ошообо* ‘разбилась вдребезги’ [Бертагаев, Цыдендамбаев 1962: 44]. Возникшее в марийском под тюркским влиянием сочетание с деепричастием и глаголом *кайыш* ‘идти, уходить’ также выражает “быстрое и внезапное изменение состояния”, ср. *Мая йошкарген кайыш* ‘Мая покраснела’, *Павыл ырен кайыш* ‘Павел вспотел’ [Серебренников 1960: 192-193; СМЯ 1961: 203].

Показатели, восходящие к глаголу ‘уходить’, используются для выражения завершенности действия во многих тайских языках (кхамти, ахом, кам-суйских), ср. чжуан *yom3 fai4 paj1* ‘срубить дерево’ (= “дерево рубить уходить”) [Морев 1991: 169-170].

В некоторых микронезийских языках пространственные модификаторы также служат средством выражения изменения состояния или достижения предела, среди таких модификаторов в языке волеаи имеется, например, *lag* с исходным значением удаления (восходит к ‘идти, уходить’) [Sohn 1975: 236-8]; среди значений, передаваемых аналогичным модификатором *lah* в кусаие, отмечаются достижение результата (например, при глаголах созидания или разрушения), расходование объекта целиком (при глаголах еды и питья или физического воздействия), однократное осуществление (при глаголах звука) и пр. [Lee 1975: 282-98, 408-10].

Конструкция с ИДТИ/УХОДИТЬ в америндском языке тукано характеризуется как комплетивная [Bybee et al. 1994: 58], а в австралийском языке альяварра сочетание ‘идти и Р’ является показателем перфектива [Bybee et al. 1994: 57, 84].

Выражение перфективности при помощи конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ встречается и в языках Европы, хотя очень редко. Интересный случай представляет собой

каталанский язык, в котором форма, состоящая из глагола *anar* ‘идти’ в настоящем времени и инфинитива смыслового глагола, обозначает точечное действие в прошлом, являясь синонимичной форме синтетического аориста (*perfecto simple*), ср. *vaig portar = portar* ‘принес’ [Badia Margarit 1962: 276-277]; в качестве формы перфектива эта конструкция квалифицируется и в типологической работе [Dahl 1985: 170]. Данный случай интересен прежде всего потому, что в других романских языках (и не только в них) форма с глаголом движения и инфинитивом имеет проспективное значение, см. 2.2.1.1 (в каталанском же проспектив выражается формой *anar a inf.* ‘идти к’, возникшей под испанским влиянием [Badia Margarit 1962: 394]). Аналогичная перфективная конструкция *vado + inf.* существовала до XVI века также в провансальском и французском языках, однако впоследствии была утрачена [Colon 1975]; см. о ее происхождении 4.1.2.2.

Другая специфическая конструкция, которую мы условно рассмотрим в данном разделе, выглядит как “ПОЙТИ и сделать” (ср. англ. *GO-and-Verb construction*). Подобное сочинительное сочетание глагола ИДТИ/УХОДИТЬ, обычно в прошедшем перфективном времени, и смыслового глагола часто имеет не буквальное пространственное значение, а указывает на неожиданное и/или неодобряемое говорящим действие, а также действие, совершенное участником без колебаний (достаточно близким русским аналогом может служить *взять и сделать*), ср. англ. *It was going to be a surprise, but he went and told her* ‘предполагалось, что это должен быть сюрприз, но он (взял и) рассказал ей’ или *Nobody thought he could climb the Everest, but he went and did it!* ‘никто и не думал, что он взойдет на Эверест, но он (взял и) сделал это!’. Аналогичные конструкции имеются также в скандинавских, некоторых романских языках и в иврите, см. [Stefanowitsch 1999]. Передаваемые данной конструкцией оттенки значений соответствуют тем, что часто сопровождают перфективные конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ (см. выше), хотя в целом аспектуальная значимость этого сочетания не вполне понятна; не исключено, что при использовании в имперфективных формах сочетание используется, напротив, для подчеркивания длительности ситуации (см. 2.2.2).

В качестве более маргинальных примеров эволюции ИДТИ/УХОДИТЬ отметим, что в австралийском языке диери глагол *wara* ‘идти’ используется в качестве показателя прошедшего времени (временная дистанция типа “1-2 месяца”) [Austin 1981: 88-92], об особой системе вспомогательных глаголов диери см. 4.1.1.3. В чадском языке мупун показатель недавнего прошлого (“прошлое того же дня”) предположительно восходит к глаголу *uð* ‘идти к’, который сам по себе этимологически может быть связан с *uðl* ‘подниматься, вставать’ [Frajzyngier 1993: 308-9].

В диалекте лхаса тибетского языка ИДТИ/УХОДИТЬ превратился в показатель эвиденциального перфекта [Heine et al. 1993: 110]; как указывается в [Willett 1988: 77, 83], показатель *-son* (< ‘идти’ в перфективе) кодирует прямую засвидетельствованность ситуации. Возможно, перфектное значение имеет суффикс *-se-* (< *-sa* ‘идти’) в зулу ‘ситуация завершилась к моменту речи и сохраняет в момент речи свою релевантность’, см. [Охотина 1961: 48]. В качестве средства выражения перфекта характеризуется конструкция с ИДТИ/УХОДИТЬ в языке кокама семьи тупи-гуарани в [Bybee et al. 1994: 64].

2.2.4. Инхоативное значение

Значение вступления в состояние может иметься у конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ в качестве одной из интерпретаций перфективного/комплетивного значения, ср. примеры из тюркских языков и марийского выше. Более редким является случай приобретения конструкцией с ИДТИ/УХОДИТЬ самостоятельного **инхоативного** значения (‘ситуация начинает иметь место’).

Такая эволюция отмечается в некоторых германских языках: инхоатив выражается при помощи *gaan* ‘идти, уходить’ и инфинитива в нидерландском [Миронов и др. 2000а: 286; 2000б: 243], при помощи нейтрального глагола движения *fara* ‘идти, ехать’ также с инфинитивом в исландском языке, ср. безличное предложение *hann fer að rigna* ‘начинается дождь’ (= “(это) идет дождить”) [Heine et al. 1993: 104; Берков 2000: 180]. О выражении начала ситуации в испанском и португальском языках при помощи проспективной конструкции *ir (a) inf.* см. 4.1.2.3.

В английском языке сочетание *go* с прилагательным также часто выражает начало, хотя не процесса, а состояния (это значение ‘стать А’ мы называем далее трансформативным), ср. *go dry* ‘стать сухим, высохнуть’, *go blind* ‘ослепнуть’, *go wild* ‘взбеситься’ и пр. Близкое явление имеется в литовском языке: сочетание наречий на *-ỹn* и глагола *eĩti* ‘идти’ (иногда производных от него *išeĩti* ‘выйти’, *nueĩti* ‘уйти’, *paieĩti* ‘отойти немного’) выражает значение ‘стать А’ или ‘становиться все более и более А’. Такие сочетания оказываются синонимичными производным от тех же корней, что и наречия, глаголам на *-ėti*, ср. *eĩti akl-ỹn = akl-ėti* ‘слепнуть’, *eĩti rausv-ỹn = rausv-ėti* ‘принимать красноватый цвет’, *eĩti plat-ỹn = plat-ėti* ‘расширяться’, *eĩti pilk-ỹn = pilk-ėti* ‘сереть’ или ‘становиться все более и более серым’ (букв. “идти серо”) [ГЛЯ 1985: 354-355]. В таких случаях ИДТИ является, тем самым, также и вербализатором, т.е. превращает исходную лексему-прилагательное в глагол.

Собственно инхоативное значение конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ отмечается в некоторых тюркских языках. В якутском и долганском это значение выражается при помощи деепричастной конструкции с глаголом *бар-* ‘идти (туда), уходить’, ср. якутское *сыт-ан бар-* ‘начать ложиться’, *суруй-ан бар-* ‘начать писать’ [Харитонов 1947: 221; 1960: 60], долганское *ылла-ан бар-* ‘начинать петь’, *утуй-ан бар-* ‘начать засыпать’ [Убрятова 1985: 153]. В татарском же для передачи инхоатива используются конструкции с глаголом *кит-* ‘уходить’, ср. *йәр-еп кит-* ‘начать ходить’, *сәйлә-п кит-* ‘начать говорить’ [Ганиев 1982: 105]; однако, судя по другим источникам, эта конструкция имеет более общее перфективное значение, ср. *кабын-ып кит-* ‘вдруг вспыхнуть’, *ачыл-ып кит-* ‘вдруг распахнуться’ [СТЛЯ 1969: 282]; см. также данные о распределении ниже в 2.11.1.3.

Глагол ‘идти’ стал показателем инхоатива в некоторых языках банту (гусии, лаади, ньякьюса), ср. лаади *w-eka-dil-a* ‘он стал плакать’ [Аксенова 1997: 33, 83]. В нконья конструкция с *-уε-* ‘идти, чтобы...’ также выражает начало ситуации [Reineke 1972: 53]. В лингала инхоатив выражается конструкцией с *-кε-* ‘идти’, которая в других контекстах имеет также проспективное значение (см. 2.2.1) [Топорова 1994: 187, 194, 197], ср.

(2.26) лингала [Топорова 1994: 187]

То-кε-и ко-кот-а.

1PL-идти-PST INF-входить-INF

Мы начали входить (= “пошли входить”).

В эквадорском кечуа для восходящего к ‘идти’ суффикса *ri-* также отмечаются проспективное и инхоативное значения [Cole 1982: 150, 183; Heine et al. 1993: 106].

Согласно [Stopa 1972: 98-99], выражение инхоатива при помощи ИДТИ распространено в бушменских (койсанские) языках, например, /хам и #кхомани. Инхоативное значение имеет конструкция с инфинитивом и *šudan* ‘уйти, пойти’ в дари [Дорофеева 1960: 51, 76] и сарыкольском языке [Пахалина 1966: 52]. В чадском языке мупун сери-

альные конструкции с 'идти' и 'приходить' "подчеркивают начало ситуации" [Frajzyngier 1993: 233-5].

В нубийском диалекте донгола суффикс *-an-* (< 'идти') выражает трансформативное значение, сочетаясь с прилагательными, причастиями, числительными и существительными, обозначающими состояние, ср. *kygor* 'сильный' ⇒ *kygor-an-* 'стать сильным', *nygud* 'раб' ⇒ *nygud-an-* 'стать рабом' [Armbuster 1960: 272].

В качестве аналогичного вербализатора со значением 'стать А' ИДТИ функционирует в сино-тибетском языке лаху, где показатель *qau* имеет еще и континуативное значение, см. 2.2.2 [Matisoff 1991: 451], в мон-кхмерском языке ксингмул [Погибенко, Буй Кхань Тхе 1990: 33], а также в микронезийских языках палау и волеаи [Josephs 1975: 272-274; Sohn 1975: 236-238]; в палау глагол *mo* 'уходить' может сочетаться и с существительными, и со стативными глаголами, ср.:

(2.27) палау [Josephs 1975: 119]

А	Toki	а	mlo	smechkr.
PTC	Токи	PTC	уходить.PST	быть.больным

Токи заболел.

Начало состояния, а также само состояние объекта (при непереходных глаголах) обозначается при помощи глагола *bi* 'идти, уходить' в папуасском языке таирора, ср. *baitama bi-ro* '(он) уснул, стал спящим', *unahi bi-ro* '(это) разорвалось; (это) разорвано' [Vincent 1973: 583].

2.2.5. Императивные значения

Конструкция с ИДТИ/УХОДИТЬ в ряде языков используется для выражения **гортатива** (ср. также термин "адгортатив") — разновидности императива, представляющей собой обращение к собеседнику с призывом совершить некоторое действие совместно (типа русск. *Споём!* или *Давайте за это выпьем!*).

Так, в некоторых иберо-романских языках для выражения гортатива используется (помимо формы сослагательного наклонения): в португальском — конструкция *vamos + inf.* [Вольф, Никонов 1965: 107; Никонов 1981: 159], в испанском — *vamos a inf.* [Васильева-Шведе, Степанов 1981: 80], в обоих из них глагол *ir* стоит в форме настоящего времени 1-го лица множественного числа.

(2.28) португальский (♥)

Vamos levb-lo para o carro.

Давайте отнесем (= "идем нести") его в машину.

Гортатив выражается при помощи глагола движения в гаитянском креольском языке [Храковский (ред.) 1992: 27]. В иврите одним из средств выражения гортатива является конструкция с *halax* 'идти' (используются также глаголы 'приходить', 'подходить' и 'вставать') [Храковский (ред.) 1992: 146]. В хинди гортатив выражается сослагательным наклонением, однако часто в качестве побудительных частиц используются формы императива глагола *calnā* 'идти, двигаться', (а также 'приходить', 'приносить', 'брать') [Дымшиц 1986а: 315]; конструкция с причастием и глаголом *jāpā* 'идти, уходить' в форме 3-го лица сослагательного наклонения часто используется для выражения предложения совершить действие [Дымшиц 1986а: 200-201; 1988б: 158]. В телугу конструкция с инфинитивом и глаголом *rōvi-* в императиве используется для выражения отрицательного гортатива [Петруничева 1960: 71-72], ср.:

- (2.29) телугу [Петруничева 1960: 72]
 cheppaka **pōḍāmu !**
 говорить.CONV.NEG **идти.IMP.1PL**
Не будем говорить (= “идемте не говоря”)!

В языке миштек гортатив образуется при помощи показателя *ṣōʔo* ‘пойдем’, восходящему к глаголу ‘идти’ [Mascoulay 1996: 136-138]. Предположительно и в языке луисеньо служебный элемент гортатива *haníṣa* восходит к форме 1-го лица множественного числа глагола ‘идти, уходить’ [Kroeber, Grace 1960: 126]. Показатель гортатива *-bang* в языке рама также восходит к глаголу ‘идти’ (на синхронном уровне *bang* является супплетивной формой императива глагола *taak* ‘идти’) [Craig 1991: 477, 485]:

- (2.30) рама [Craig 1991: 477]
 m-kuiik si-suk-**bang**.
 PL-рука 1PL-мыть-**IMP**
Давайте вымоем руки.

Было бы разумно предположить, что раз в языках мира глагол ИДТИ/УХОДИТЬ грамматикализуется в показатель гортатива, то должны быть и случаи его превращения и в собственно **императивный** показатель. Данных такого рода, однако, немного; если ИДТИ/УХОДИТЬ и выступает в роли служебного императивного показателя, то почти всегда факультативно, “для усиления” повеления.

Так, одним из средств выражения императива во вьетнамском языке является конструкция с глаголом *đi* ‘идти, уходить’, например: *làm đī* ‘делай!’ ← *làm* ‘делать’, *ngu đī* ‘спи!’ ← *ngu* ‘спать, сон’, *ăn đī* ‘ешь!’ ← *ăn* ‘есть’ [BPC 1961: 181; Храковский (ред.) 1992: 249-50], причем эта конструкция не может быть употреблена при повелении от социально низшего субъекта к высшему [Храковский (ред.) 1992: 250]. В кхмерском языке одной из императивных частиц является *day*, которая скорее всего восходит к глаголу ориентации *day* ‘идти, уходить’ (интересно, что она не может быть употреблена с глаголом, содержащим показатель ориентации *mak* ‘приходить’); данная частица употребляется обычно при повелении ко 2-му лицу, ср. *a:n day* ‘читай!’, но встречается и с 3-им лицом, ср. *oi ga:m a:n day* ‘пусть он читает’ (= “пусть он читать уходить”), где элемент *oi* ‘пусть’ восходит к глаголу ‘давать’ [Храковский (ред.) 1992: 257-258, 260].

ИДТИ приводится в качестве императивного показателя для африканского языка бака [Heine et al. 1993: 110]. В ряде языков банту имеются также формы императива с аффиксом *-ka-*, восходящим к некоторой лексеме со значением удаленности (так наз. “*ka movendi*”), предположительно к глаголу ‘уходить’ [Аксенова 1997: 182]. В хауса одна из редких императивных конструкций включает в себя императив глагола *za* ‘идти’ (иногда переводимого также как ‘приходить’) с сослагательным наклонением 2-го лица или 1-го лица множественного числа смыслового глагола, ср. *zo ka tafī* ‘иди(-ка)’ (= “иди я.SUBJ уходить”), *zo tu tafī* ‘пойдем(-ка)’ (= “иди мы.SUBJ уходить”) [Храковский (ред.) 1992: 180].

В языке маори императивная форма *haere* глагола ‘идти’ является “десемантизированным императивом”: она употребляется с императивом, конъюнктивом и нефинитной “формой с *ki te*” смыслового глагола в качестве собственно императивного показателя (типа *dauai!*), ср. *Haere ki te kai* ‘давай ешь!’ [Храковский (ред.) 1992: 223]. Использование ИДТИ в качестве императивного показателя отмечается также в кечуа, диалекте пастаза [Heine et al. 1991: 107].

В баскском языке конструкция с *joan* и инфинитивом (см. о ней как о средстве выражения проспектива в 2.2.1) используется для выражения “ироничного императива” [Lafitte 1979: 351].

2.2.6. Пассивная конструкция

Выражение пассива при помощи конструкций с глаголами движения засвидетельствовано во многих языках, но подавляющее большинство их относится к одной и той же группе — это индоиранские языки.

Что касается собственно иранских языков, то аналитические конструкции для выражения пассивного значения засвидетельствованы уже на раннем этапе развития новоперсидского (X век): это были конструкции с причастием прошедшего времени смыслового глагола и глаголом *šodān* ‘идти, уходить’ (также использовались глаголы ‘приходить’ и ‘вращаться, двигаться’) в качестве вспомогательного [ОИТИИЯ 1975а: 323; ОИЯ 1982: 150]. Этот глагол ‘идти, уходить’ в настоящее время во многих языках имеет и более общее значение ‘делаться, становиться’; пассив с его помощью образуется в таких новоиранских языках, как дари [Дорофеева 1960: 53], мунджанский [Грюнберг 1972: 447-8], шугнано-рушанских языках [ОИЯ 1987: 329], диалектах Центрального Ирана кохруди [ОИТИИЯ 1975б: 327] и сои [ОИЯ 1991: 325]. Агентивная именная группа в подобных пассивных конструкциях обычно отсутствует, или же агенс выражается посредством конструкций типа “со стороны X-а”, “рукой X-а”, “посредством X-а” [ОИТИИЯ 1975б: 327].

Следует отметить, что часто пассивная конструкция с глаголом движения сосуществует с конструкцией с глаголом ‘быть’, также имеющей пассивное значение. Так, в осетинском в качестве средств выражения пассива отмечаются аналитические формы с глаголами *ухвын* ‘быть’, *цхуын* ‘идти’, а также *хр-цхуын* ‘приходить, сходить’ (глагол *цхуын* с перфективирующей приставкой *хр-* ‘вниз’) [Багаев 1965: 341-342]. Отмечается, что пассив с глаголом движения используется чаще [ГОЯ 1963: 264-265], однако в целом разница между тремя формами не вполне ясна, ср. употребление всех трех конструкций в прошедшем времени:

(2.31) осетинский [Багаев 1965: 342]

- а. *письмо фыст у* ‘письмо написано’ (= “написанное есть”)
письмо фыст цхуы ‘письмо пишется’ (= “написанное идет”)
письмо фыст уыди ‘письмо было написано’ (= “написанное было”)
- б. *ххдзар архзт цыди сындхггай* ‘дом строился медленно’ (= “построенный шел”)
ххдзар архзт хр-цыди ‘дом построен’ (= “построенный пришел”)

Хотя различие в употреблении *ухвын* и *хр-цхуын* не совсем понятно, очевидно, что в случае использования конструкции с глаголом движения *цхуын* речь идет о процессе воздействия на пациенс, а при употреблении *ухвын* ‘быть’ описывается результирующее состояние пациенса. Различие в данном случае сводится к различию между акциональным пассивом (“пассивом действия”) и статальным пассивом (“пассивом состояния”); можно также говорить о том, что пассивная конструкция с *ухвын* ‘быть’ совмещает в себе пассивное и результирующее значение ‘имеет место состояние, являющееся естественным результатом ситуации’ (о случаях совмещения пассива и результиativa см. [Недялков (ред.) 1983: 13, 31]).

При помощи конструкции с *g-* ‘идти’ и дательным падежом инфинитива образуется пассив в дардском языке гавар [Эдельман 1965: 88; 1978: 301], а в нуристанском языке кати пассивная конструкция включает супин (целевую форму) и глагол *ÿsti* ‘уходить’ [Грюнберг 1980: 257].

Похожая ситуация наблюдается в индоарийских языках. Конструкция с деепричастием совершенного вида и глаголом *jāpā* ‘идти, уходить’ служит средством выражения пассивного (“инактивного”) залога в хинди [Липеровский 1984; Дымшиц 1986а: 330-334], а также в авадхи [Липеровский 1997: 203], браджа [Липеровский 1988: 165 и сл.], панджаби [Смирнов 1976: 338 и сл.], маратхи [Катенина 1963: 251-2] и ассамском языке [Бабакаев 1961: 93]. (См. также указание на обозначение “страдательного” характера завершившейся ситуации у некоторых дравидийских конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ в 2.2.3.)

Интересно, что по крайней мере в хинди и браджа указанная конструкция возможна как от переходных глаголов, ср. (2.32) с аналитической формой настоящего времени, так и от непереходных; в последнем случае формально безличная конструкция описывает возможность, способность агенса совершить действие и часто употребляется при отрицании, подробнее см. 2.2.7.

(2.32) хинди [Дымшиц 1986а: 334]

patra	pensil	se	likh-ā	gay-ā	hai.
письмо	карандаш	INSTR	писать-PART	идти-PART	есть

Письмо написано карандашом (= “написанное идет”).

Отметим и еще одно общее свойство языков с, так сказать, “ИДТИ-пассивом”: во многих из языков данной группы встречается также пассив с глаголом ПРИХОДИТЬ (в индоарийских языках, как правило, даже в одном и том же языке).

За пределами индоиранского ареала имеется один известный пример использования глаголов движения для выражения акционального пассива — это итальянский с конструкцией с *andare* ‘идти, ходить’ и причастием; как указывается в [Алисова, Муравьева 1997: 71-72], конструкция эта лексически ограничена и образуется только от предельных глаголов. Данная конструкция иногда выражает также дополнительное значение необходимости осуществления действия ‘должно быть сделано’, ср. *La porta va chiusa* ‘нужно закрыть дверь; дверь должна быть закрыта’ (“дверь идет закрытой”) [Bourdin 1992: 291; Heine et al. 1993: 110].

Кроме того, суффикс пассива восходит к *ri-* ‘идти’ в эквадорском диалекте кечуа [Haspelmath 1990: 38; Heine et al. 1993: 110]; в диалекте пастаза восходящий к ИДТИ показатель квалифицируется как средство детранзитивизации [Heine et al. 1991: 107].

2.2.7. Модальные значения

Преобразование ИДТИ/УХОДИТЬ в показатель с модальным значением происходит не очень часто; такая эволюция более характерна для ПРИХОДИТЬ, см. 2.3.5. Тем не менее, и для ИДТИ/УХОДИТЬ засвидетельствовано несколько случаев, причем весьма разнородных.

Так, в шведском языке безличная конструкция с глаголом *gå* и инфинитивом, имеющая значение приближения к цели, используется для обозначения **возможности** субъекта осуществить действие, ср.:

(2.33) шведский [Маслова-Лашанская, Чекалина 2000: 364]

Tirst-en	gick	inte	att	släcka.
жажда-DEF	идти.PST	не	INF	утолить.INF

Жажду невозможно было утолить (= “не шло утолить”).

Аналогичное значение отмечается иногда для конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ в индоарийских языках. Так, например, в панджаби форма, состоящая из причастия глагола *jāṅā* ‘идти, уходить’, характеризуется в качестве средства выражения “потенциально-го наклонения” в [Смирнов 1976: 333-5]; речь идет также о выражении способности, возможности субъекта, ср. *gāyā jāndā he* ‘я могу петь’ (вспомогательный глагол стоит в аналитической форме настоящего времени). Конструкция, используемая в данном случае, совпадает с пассивной конструкцией, хотя смысловой глагол и является непереходным. Ср. также следующие примеры из хинди, где значение возможности описывается в [Дымшиц 1986а: 334-6] именно как одно из частных значений пассивной конструкции, а не в качестве отдельного “наклонения”:

(2.34) хинди [Дымшиц 1986а: 335, 336]

- а. *mujh se sup nahī baiṭhā jātā.*
 я.OBL INSTR молча не сидеть **идти**(.PART)
Я не могу молча сидеть (= “мною молча не сидится”).
- б. *gāy se uṭhā gayā.*
 корова INSTR подниматься **идти**(.PART)
Корове удалось подняться (= “коровой всталось”).

Субъект модальности (т.е. тот, кто обладает или не обладает некоторой возможностью) оформляется в этих предложениях так же, как агентивное дополнение в пассиве (при помощи послелога *se* ‘средством’), ср. с (2.32) выше. Вообще, использование пассива для передачи значения (не)возможности не является редкостью (см., в частности, [Haspelmath 1990: 55-56]), ср. русск. *Статья у меня никак не пишется* (‘я не могу, не в состоянии писать’) или *Мне не спится* (‘не могу спать’).

Выше говорилось о том, что пассивная конструкция в итальянском с глаголом *andare* ‘идти, ходить’ и причастием также выражает дополнительное модальное значение, однако не возможности, а **необходимости** осуществления действия (‘должно быть сделано’). Долженствование выражается также в дардском языке кашмири при помощи безличной конструкции с инфинитивом и глаголом *gac* ‘идти’ в форме третьего лица настоящего времени сослагательного наклонения, причем для выражения пассива данная конструкция, по-видимому, не используется [Захарьин, Эдельман 1971: 86, 102] (хотя аналогичный оборот с ПРИХОДИТЬ выражает пассив, см. 2.3.7).

Случай, когда выражение возможности точно не связано с пассивом, имеется в телугу: если для выражения возможности там используется конструкция с глаголом ПРИХОДИТЬ (см. 2.3.5), то невозможность выражается при помощи сложной конструкции с инфинитивом, отрицательным деепричастием *lēka* глагола ‘быть’ и вспомогательным глаголом *rōvvi* ‘идти, уходить’ в форме прошедшего времени, ср. *cheppa lēka-rōyiṅānu* ‘я не мог говорить’ (≈ “говорить-не-будучи ушел”) [Петруничева 1960: 79]. Конструкция с этим глаголом и отрицательным деепричастием смыслового глагола используется, согласно [Krishnamurti, Gwynn 1985: 227-228], не только в отрицательных предложениях со значением возможности, но и в отрицательных условных (‘если не Р’) и уступительных (‘даже если не Р’) предложениях [Krishnamurti, Gwynn 1985: 227-228], ср.:

(2.35) телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 227]

- waaDu ra-aka roo-tee, neenu weLL-anu.*
 он приходит-**PART.NEG** уходить-**COND** я иди-**NEG**
Если он не придет (= “не-приходящий если-уйти”), я не пойду.

Связь ИДТИ/УХОДИТЬ с **условной модальностью** характерна для ряда океанийских языков: так, по данным Ф. Лихтенберка, в тоабаита и забана восходящие к глаголу ИДТИ/УХОДИТЬ частицы употребляются как в условии, так и в следствии условных предложений, причем для обозначения как потенциальных ('Р возможно, если ...'), так и контрфактических условий ('Р невозможно; Р было бы возможно, если бы ...') [Lichtenberk 1991: 494-495]. Ср. (2.36) ниже, в котором, кстати, (как и в примере из телугу) в предложении имеется и отдельный показатель ирреального наклонения:

(2.36) забана [Lichtenberk 1991: 495]

Ge-ke	deo	la	ge	meha-ghu	ia	vaka	poraο,
это.IRR-PF	NEG	ИДТИ	это.IRR	приходить-SEQ	ART	корабль	вчера
ge- la		aga au		nga Kia.			
это.IRR- ИДТИ я		оставаться		еще		Киа	

Если бы вчера не прибыл корабль, я бы все еще находился в Киа.

В суахили сочетание глагола *kwenda* 'идти, уходить' в настоящем времени с локативным суффиксом *-po* и смысловым глаголом имеет значение 'если Р; случись Р...', ср. *enda-po akiuawa* 'а ну как его убьют (...что тогда?)'; кроме того, также восходящая к 'идти, уходить' форма *huenda* употребляется с отрицательной формой глагола для обозначения возможного, вероятного (по мнению говорящего) события [Loogman 1965: 251-2].

В языке гбайя (адамауа-восточные) вспомогательный глагол *ne* 'идти, уходить' не только выражает будущее время (см. 2.2.1), но употребляется и в следствии контрфактических (т.е. противоречащих реальности) условных предложений [Samarin 1966: 115]. Вообще, модальные значения свойственны некоторым конструкциям с ИДТИ, выражающим будущее время; см., например, в 2.2.1 выше о форме будущего времени в языке хауса. В маврикийском креоле служебный элемент *a* || *va* || *ava* (< франц. *va* 'идет') способен также выражать вероятное, возможное событие [Baker 1972: 109]. В нигерийском же пиджине *go* 'идти, уходить' описывается как показатель "ирреалиса" (в то время как *kom* 'приходить' в качестве показателя "реалиса", см. 2.3.5): он не только используется при обозначении ситуаций в будущем, но также в условной части предложений с реальным условием ('если сделать Р, ...'), а в нарративе его использование часто бывает связано с отрицательной оценкой персонажа или события [Faraclas 1996: 197-8, 209]. В описаниях видо-временных систем креольских языков показатели типа *go* вообще нередко именуется "ирреалисом", хотя их базовой функцией, вероятно, служит все же выражение будущего времени; ср. также упоминание Т. Гивона, что глагол ИДТИ/УХОДИТЬ в качестве грамматического показателя "ирреалиса" используется в иврите и палестинском арабском [Givyn 1982: 147].

Своеобразное значение **невозможности** ситуации (что-то вроде 'при том, что (или: даже если бы) я попытался Р, сделать Р мне не удастся') выражается в русском языке при помощи конструкции с *поди* || *пойди* и императивом; аналогичная конструкция "двойного императива" с *halax* 'идти' имеется в иврите, ср. *lex ta'amin* 'поди поверь (что я тебя встречу)', *lxi dabri* 'поди поговори (когда не желают слушать)', причем вспомогательный глагол имеет род, соответствующий полу говорящего (а не слушающего, как можно было бы предположить) [Храковский (ред.) 1992: 152].

2.2.8. Целевое значение

В нескольких языках ИДТИ/УХОДИТЬ функционирует как показатель, оформляющий **целевые отношения**, в основном как показатель целевого придаточного предложения.

Так, в работе [Драгунов 1952: 122] говорится о тенденции использовать в китайском языке глаголы движения *цюй* (*qiu*) ‘уходить’ и *лай* (*lai*) ‘приходить’ в качестве “формальных показателей для выражения идеи целевого перемещения (реального или только мыслимого)”; в работе [Горелов 1989: 179] эти глаголы причислены к “специальным лексическим средствам” оформления целевых отношений:

(2.37) китайский [Драгунов 1952: 122]

Во чу мэнь **цюй** май дяр дунси.
я покидать дверь **ЧТОБЫ** купить немного вещь
Я вышел из дому, чтобы кое-что купить.

В некоторых диалектах китайского языка процесс грамматикализации *цюй* (или *чи*) пошел еще дальше, и там можно говорить о показателе инфинитива *-чи*, восходящему к глаголу ‘уходить’, ср.:

(2.38) китайский (дт. провинции Ганьсу) [Драгунов 1952: 123]

Фо-чи хо фо, цзвучи кэ нань (дихэн).
говорить-INF хорошо говорить делать-INF PTC трудно
Сказать-то легко, а вот сделать трудно.

В австронезийском языке палау в целевом придаточном обязательно повторяется один из трех глаголов движения, в т.ч. *то* ‘уходить (от говорящего)’, *eko* ‘идти (к слушающему)’ [Josephs 1975: 302-3], ср.:

(2.39) палау [Josephs 1975: 303]

Ak mo kɔ a blil a Toki kl **mo** mkɔuul a kall.
я идти.PRS DEF PTC дом PTC Токи [SUB **идти**.PRS готовить PTC еда]
Я иду в дом Токи, чтобы приготовить еду.

Аналогичное использование ИДТИ/УХОДИТЬ в целевой конструкции отмечается в африканских языках — в гребо и др. языках группы кру [Heine et al. 1993: 108-9], в шона [Fortune 1955: 333-335], йоруба [Ward 1952: 171], нгбака ма’бо [Heine et al. 1993: 109].

(2.40) гребо [Innes 1966: 85]

ne₁ di₁-ε₂ ne₂ be₄ **mi**₂-ε₁ kē₁ y_i₂-₁.
я прийти-сегодня ... [я **идти**-сегодня вождь видеть]
Я пришел, чтобы сегодня увидеть вождя.

В языке мбунду суффикс *-ela* || *-ila* (видимо, < *ila* ‘идти, уходить’) используется при обозначении ситуации, имеющей некоторую цель или мотив (“аппликатив”, ср. *tila* ‘бежать’ ⇒ *til-ila* ‘убегать, сбегать (куда-то)’, *fa* ‘умирать’ ⇒ *f-ila* ‘умирать за, из-за чего-то’), а также при указании на предназначение объекта ‘служащий для’ [Valente 1964: 302-306].

В креоле Гвинейского залива в качестве показателя цели употребляется *ba* (< португ. *va* ‘идёт’), использующийся и как предлог направления [Heine et al. 1993: 109]. В карибских креольских языках *go* (реже *kot* и *gan*) также функционирует в качестве по-

казателя целевого придаточного, причем не исключено, что подобное употребление развилось под влиянием африканских языков [Washabaugh 1981: 95-96, 99].

В языке рама (Никарагуа; семья чибча) к глаголу *bang* ‘идти’ восходят послелог цели *ba(ng)*, показатель целевого зависимого предложения *bang* (см. (2.40)), а также глагольный “реляционный преверб” (*relational preverb*), указывающий, что у данного глагола имеется аргумент с семантической ролью цели [Craig 1991: 461-462, 469-470].

(2.40) рама [Craig 1991: 469]

kruubu	tamaaski	ui	tabi-i	kumaa	i-sung-bang.
тигр	утро	каждое	выходить-PRS	[женщина	3-видеть]-SUB

Каждое утро тигр выходит, чтобы увидеть женщину.

См. также дальнейшее обсуждение и примеры в 4.1.4.3.

2.2.9. Следование событий во времени

Океанийские языки предоставляют такой интересный пример грамматикализации глагола ИДТИ/УХОДИТЬ, как превращение его в показатель **следования во времени**, или смены событий в повествовании (*sequencing*). Как отмечает Ф. Лихтенберг, часто употребление ИДТИ/УХОДИТЬ как показателей длительной ситуации в конечной позиции (см. 2.2.2) сигнализирует не только о том, что ситуация длилась долго, но и о том, что она была прервана другой ситуацией или привела к другой ситуации. В ряде языков (тоабаита и др.) показатель, восходящий к ИДТИ/УХОДИТЬ, используется перед глагольной группой и обозначает уже не столько то, что ситуация длится долго, но главное, что затем за ней следует другая ситуация: ‘имело место P, и вот наконец...’ [Lichtenberk 1991: 491-493]. Меняется, тем самым, точка зрения: акцент делается не на длительность некоторой ситуации, а на сменившую ее ситуацию. ИДТИ/УХОДИТЬ (ниже редуцированная форма *laa-lae*) становится фактически показателем смены событий в дискурсе:

(2.41) тоабаита [Lichtenberk 1991: 492]

Roo	wela	na'i ki	laa-lae	keka	ba'ita	na'a...
два	ребенок	этот PL	ИДТИ	они	быть.большим	PERF

Наконец, эти два ребенка выросли...

Р. Кисинг отмечает также, что “дискурсивное” использование глаголов движения характерно для некоторых креольских языков Меланезии (автор говорит о трех “диалектах меланезийского пиджина”), субстратной основой которых явились восточные океанийские языки. В таких языках, как неосоломоник и бислама, используемых в качестве второго языка, глаголы *go* и *kat* употребляются в тех же функциях, что и их соответствия в родных для говорящих океанийских языках, т.е. имеет место даже не “грамматикализация” как таковая, а фактически калькирование исходной субстратной модели; любопытно, что в языке с другой субстратной основой, ток-писине, “дискурсивное” использование *go* и *kat* не отмечается [Keesing 1991: 320-322, 332-324]. Ср. (2.42), в котором глагол *go* указывает, что “событие, упомянутое в предыдущем предложении, предшествует событию, маркируемому вспомогательным глаголом”.

(2.42) меланезийский пиджин [Keesing 1991: 332]

olketa	pipol	olketai	go	taleaot	long hem moa.
PL	люди	они	ИДТИ	рассказывать	LOC это больше

И потом люди рассказали об этом.

Интересное явление имеется в языке марги (Африка), где глаголам движения свойственно “плеонастическое использование”: они употребляются при указании на новое,

выделенное событие в дискурсе или введении нового персонажа (при этом описываемая ситуация не обязательно связана с перемещением персонажа в пространстве) [Hoffmann 1963: 210-211]. В языке море глаголу ‘идти (к)’ свойственно употребляться в качестве сочинительного союза ‘и’ [Heine et al. 1993: 108]. Э. Траугот отмечает также, что механизм обозначения следования при помощи глагола ИДТИ/УХОДИТЬ имеется в языках эве, суахили и коса (кафир) [Traugott 1978: 383-384]. В целом, однако, в языках Африки (в т.ч. в некоторых из названных) встречается скорее использование в “дискурсивной” функции ПРИХОДИТЬ, см. 2.3.9.

2.2.10. Модификатор именной группы, аффикс существительного

ИДТИ/УХОДИТЬ, как и многие глаголы движения, в ряде языков претерпел эволюцию в сторону превращения в модификатор именной группы типа предлога/послелого (реже падежного аффикса). Обычно такие модификаторы имеют пространственное значение, при этом имеются случаи как превращения в показатель со значением удаления от цели (< конструкция ‘уходить из’), так и приближения к цели (< конструкция ‘идти к’).

Так, в африканском языке эве и в креоле Гвинейского залива глагол ‘идти, уходить’ функционирует как предлог ‘к’, в языке /хам аналогичная функция имеется у глагола ‘идти, бежать’ [Heine et al. 1993: 108]. В языке рама (Центральная Америка) к глаголу ‘идти, уходить’ восходит послелог с целевым движением ‘за чем’, см. 4.1.4.3.

С другой стороны, в америндском языке чакобо глагол ‘идти, уходить’ превратился в показатель ‘из’ и аналогичный послелог, восходящий к глаголу ‘уходить, покидать’, имеется в африканском языке нама [Heine et al. 1993: 108, 134-135]. По предположению П. Я. Скорика, в чукотском и корякском языках показатель отправительно-го/продольного падежа возводится к глаголу *эп-ык* ‘идти от, по’ [Скорик 1961: 435-437].

Особый случай превращения глагола в суффикс существительных представлен в адыгских языках (адыгейский, кабардино-черкесский): словообразовательный суффикс деятеля *-кIуэ* происходит из глагола *-кIуэ-н* ‘идти’ (в основе лежала конструкция со значением ‘идти делать’), ср. *тха-кIуэ* ‘писатель’, *гъэса-кIуэ* ‘воспитатель’; при этом в ряде образований еще ощутима связь с идеей перемещения при осуществлении действия: *хъуйнчIа-кIуэ* ‘грабитель’ (≈ “идуший грабить”) [Кумахов 1964: 124].

Еще одним случаем употребления глагола ИДТИ/УХОДИТЬ в качестве именного модификатора является его использование с существительными типа *край, сторона, конец* и пр. при указании на более далекое от говорящего расположение объекта (‘тот, дальний’). Данная функция свойственна показателям с этимологией ‘идти, уходить’ в океанийских языках (вангуну, каириу) [Lichtenberk 1991: 498], ср.:

(2.43) каириу [Lichtenberk 1991: 498]
 Ramat tai a-tu qai valu-ng lieq.
 человек один он-стоять дерево сторона-его ИДТИ
По ту сторону дерева стоит человек.

В этих же языках расположение на ближнем (с точки зрения говорящего) краю, стороне и т.п. выражают показатели, восходящие к глаголу ПРИХОДИТЬ, см. 2.3.10.

Об использовании глаголов движения в качестве именных модификаторов в целом см. далее 4.1.4.4.

2.2.11. Периферийные пути грамматикализации

2.2.11.1. Пространственная и временная дистанция

В ряде случаев показатели, восходящие к глаголам движения, употребляются, когда надо указать не на направление развития ситуации относительно дейктического центра, а о характеристике места, где происходит ситуация, в терминах близости к дейктическому центру. Глагол ИДТИ/УХОДИТЬ может в таком случае превращаться в показатель **пространственной дистанции** со значением ‘ситуации происходит в месте, удаленном от дейктического центра’. Ср. пример из океанийского языка вангуну:

(2.44) вангуну [Lichtenberk 1991: 495]

Riqa lavata-na i-ni ko la pa sule pia.
потоп большой-его ФОС-это есть ИДТИ в река этот

Там на реке большое наводнение {река находится далеко от говорящего и слушающего}.

Подобные показатели отмечаются в океанийских языках (вангуну, манам), см. [Lichtenberk 1991: 495-496], а также в некоторых языках Африки. Так, в нама к ‘уходить к’ восходит наречный показатель со значением ‘там, далеко’ [Heine et al. 1993: 110-111], а в языке мупун к ‘идти, уходить’ восходит демонстратив, указывающий на дальний объект [Heine et al. 1993: 108]. Отметим также, что в языке бемба показатель, восходящий к глаголу ‘идти’, указывает на “пространственное несовпадение” ситуации, о которой идет речь, с речевой ситуацией [Аксенова 1997: 32-33] (т.е. также имеет значение типа ‘там, не здесь’). (См. также некоторые примеры выше в 2.1.)

В океанийских языках (вангуну, манам) ИДТИ/УХОДИТЬ может обозначать также большую **временную дистанцию** относительно точки отсчета; отмечается подобное употребление со словами, обозначающими определенные точки на временной оси:

(2.45) манам [Lichtenberk 1991: 496]

а. zamalu ‘послезавтра’

б. zamalu-la’o ‘позже чем послезавтра’ (= “послезавтра-ИДТИ”)

Дейктическим центром является в данном случае положение говорящего не в пространстве, а во времени, т.е. момент речи. Ситуация, удаленная от момента речи во времени, осмысливается как уходящая, далекая от дейктического центра.

2.2.11.2. ИДТИ/УХОДИТЬ при указании на временной отрезок

Выше приводились примеры того, как ИДТИ/УХОДИТЬ используется при указании на время осуществления события, являясь глагольным показателем будущего времени. Глаголы движения, однако, могут участвовать в выражении временных отношений и другим образом — употребляясь со словами, обозначающими временные отрезки (типа *неделя, месяц* и т.п.), они указывают на то, когда имеет место данный период времени.

ИДТИ/УХОДИТЬ, обычно фигурируя в относительном предложении, зависящем от временного слова, указывает на отрезок времени в прошлом (т.е. это “период Т, который уходит”), ср. русск. *в уходящем году*, т.е. в прошлом году). Аналогичные конструкции существуют во многих языках, ср. португальское *na semana passada* ‘на прошлой (букв. “прошедшей”) неделе’ или пример с ИДТИ/УХОДИТЬ из океанийского языка мбамбатана:

(2.46) мбамбатана [Lichtenberk 1991: 498]

vuiki sa la
 неделя REL идти
 прошлая неделя (= “неделя которая ушла”)

Именно в океанийских языках глагол движения претерпел превращение в специальный показатель, обозначающий отнесенность в прошлое некоторого временного отрезка. Исходной для такого превращения послужила, видимо, все та же конструкция с относительным предложением, однако в некоторых языках показатель типа *la* является чистым модификатором имени:

(2.47) вангуну [Lichtenberk 1991: 498]

Ega varisaba ra buruburu la pia.
 я женился в год уходить этот
 Я женился в прошлом году.

Аналогичные примеры из языка палау см. в [Josephs 1975: 320, 464], из волеаи в [Sohn 1975: 235-6]. В данном употреблении конструкция с ИДТИ/УХОДИТЬ противопоставляется конструкции с ПРИХОДИТЬ, который указывает на предстоящий в будущем отрезок времени (см. 2.3.11.5).

2.2.11.3. *Вопросительность, эмфаза*

В языке коса глагол ИДТИ/УХОДИТЬ превратился в показатель, маркирующий фокусное выделение глагольной группы ‘делать именно Р’ [Heine et al. 1993: 110]; показатель удаления *lag* (< ‘идти, уходить’) фигурирует в качестве эмфатического показателя также в языке волеаи [Sohn 1975: 236-8].

В хинди глагол *calnā* ‘идти, двигаться’ (в прошедшем времени совершенного вида) с инфинитивом в косвенном падеже употребляется в недоуменных риторических вопросах, ср. *wah kyō aisā karne calā* ‘зачем он станет так делать?’ (= “он зачем так делать пошел?”) [Дымшиц 1986а: 153]. В африканском языке бака форма императива ‘уходи!’ используется в качестве вопросительной частицы ‘куда?’, а также в качестве усилительной частицы в вопросах (типа ‘ну так что же?’) [Heine et al. 1993: 111]. Форма ‘пойдем!’ того же глагола функционирует еще и в качестве междометия ‘ну ладно’ (там же).

2.2.11.4. *Сравнение*

В языке йоруба сравнительная конструкция образуется при помощи глагола *ju* ‘превосходить, превышать’, часто сопровождаемым также глаголом *lo* ‘идти’, ср. *Ojo gun ju Aina lo* ‘Оджо выше Айны’ (= “Оджо высокий превосходить Айна идти”) [Ward 1952: 112, 172; Яковлева 1963: 88-89].

В тайском языке глагол *paj* ‘идти, уходить’ используется с наречиями и прилагательными как показатель превышения нормы ‘очень, слишком’, ср. *rew paj* ‘слишком быстро’ (= “быстро уходить”) [Bilmes 1995: 39; Gandour 1978: 391]. (Возможно, данный случай следует отнести к предыдущему разделу как пример эмфатического выделения.)

2.2.11.5. *Дезидеративное значение*

Любопытный пример эволюции значения ИДТИ/УХОДИТЬ имеется в кетском языке: конструкция с инфинитивом и глаголом *boYom* || *boYon* имеет **дезидеративное** значение ‘хотеть осуществить Р’, ср. *исас boYam* ‘кушать хочу’, *усонос boYolden* ‘я спать хотел’ [Дульзон 1968: 360; Успенский 1968: 208]. Как отмечается в [Крейнович 1965: 284-6], это одна из интерпретаций данной конструкции; с некоторыми же глаголами она обозначает длительный процесс (хотя по мнению исследователя, кетами два значения

этой конструкции воспринимаются как единое значение). Интересно, что в близкородственном котском языке данный глагольный корень восстанавливается уже только со значением ‘хотеть’ [К. Ю. Решетников, личное сообщение].

2.2.11.6. Модификатор числительного

В багвалинском языке, по предположению С. Г. Татевосова, к причастию глагола ‘идти, уходить’ восходит показатель порядковых числительных $to=b$ ‘идуший’, ср. *has'al č'e-ra-la-to=b* ‘двенадцатый’ [Кибрик (ред.) 2001: 157] (в других дагестанских языках показателем порядковых числительных служит обычно причастие глагола ‘сказать’). Отметим, кстати, что к форме причастия глагола ‘идти’ восходит, по одной из гипотез, и русский суффикс числительных *-жды* ‘столько-то раз’ (древнерусское *-шьды*, ср. *два-шьды, три-шьды*) [Борковский, Кузнецов 1965: 324].

2.2.11.7. Словообразовательный суффикс глагола

В папуасском языке хуа в качестве одного из словообразовательных суффиксов глагола (помимо наиболее продуктивного *hu* < ‘делать’) отмечается *fu* < *vi* ‘идти’, ср. *za'za-fu* ‘быть длинным’, *briki-fu* ‘быть красивым’ и пр. [Haiman 1980: 117-8], см. также выше 2.2.4 о функционировании ИДТИ/УХОДИТЬ в качестве вербализатора с трансформативным значением ‘стать А’.

2.2.11.8. Классифицирующий вспомогательный глагол

ИДТИ/УХОДИТЬ наряду с некоторыми другими глаголами (главным образом глаголами позиции) часто входит в набор обязательных вспомогательных глаголов, несущих грамматические показатели в австралийских языках реки Дейли; с каждым из смысловых глаголов (которые сами по себе не несут грамматических показателей) употребляется такой вспомогательный глагол, и притом только один, см. подробнее 4.1.5.

2.3. Пути грамматикализации ПРИХОДИТЬ

Глагол ПРИХОДИТЬ является вторым “основным глаголом движения” наряду с ИДТИ/УХОДИТЬ; по частотности превращения в показатель грамматических категорий он сравнительно немного уступает своему дейктическому антониму. Среди результатов грамматикализации ПРИХОДИТЬ в различных языках отмечаются показатели с дейктическим значением, аспектуальные, темпоральные и модальные показатели, показатели синтаксических отношений.

ПРИХОДИТЬ в качестве источника грамматикализации зафиксирован в разного типа конструкциях, обозначающих как непосредственно движение к дейктическому центру (‘приходить, приближаться к чему-либо’), так и приближение из определенного источника перемещения (‘приходить откуда-либо’), так и само по себе перемещение (‘двигаться в определенном направлении’).

2.3.1. Будущее время, проспектив

Как и для ИДТИ/УХОДИТЬ, для ПРИХОДИТЬ превращение в показатель будущего времени является наиболее распространенным путем эволюции; с другой стороны, ПРИХОДИТЬ (опять же, наряду с ИДТИ/УХОДИТЬ) является одним из основных и

наиболее частотных путей возникновения будущего времени. Эта линия развития глаголов движения достаточно хорошо изучена; подробнее см. 4.1.1.1.

В настоящем разделе для начала приводятся данные по тем языкам из рассмотренных нами, в которых отмечается использование конструкции с ПРИХОДИТЬ для обозначения ситуации в будущем (говорят также о наличии в таких языках форм *COME-futures*, т.е. “ПРИХОДИТЬ-будущего”; ср. также термин Э. Даля *de-venitive constructions*). Отметим сразу, что практически всегда конструкции включают в себя целевой инфинитив смыслового глагола, т.е. означают ‘приходить к (определенной) цели’.

Формы будущего время с глаголом ПРИХОДИТЬ отмечаются в ряде языков Северной Европы: это конструкции с *kommer* и инфинитивом в датском, норвежском и шведском, а также более маргинальная форма с глаголом *tulla* в финском языке²⁹; скандинавские формы являются сравнительно молодыми и встречаются лишь начиная с XVII века [Dahl 2000b: 320]. По крайней мере для шведской конструкции *komer att + inf.* отмечается “высокая степень грамматикализации”, а также наличие “прогностической семантики” [Маслова-Лашанская, Чекалина 2000: 363], ср.:

(2.48) шведский [Маслова-Лашанская, Чекалина 2000: 363]

Du **kommer** sdker-t att misslyckas.

ты **приходить**.PRS достоверный-N РТС терпеть.неудачу.INF

Ты, конечно же, потерпишь неудачу (= “приходишь терпеть неудачу”).

В романских языках широко распространена конструкция с ИДТИ/УХОДИТЬ (*ir, anar, andare*), см. 2.2.1; однако конструкция с ПРИХОДИТЬ имеется в ретороманском языке: это *vegnir a (ad) inf.* в сурсельвском диалекте, *gnir a (ad) inf.* в энгадинском [Бородина 1969: 73-78; Алисова и др. 1987: 265], причем аналогичная аналитическая форма употребляется и в швейцарско-немецком языке/диалекте [Dahl 2000b: 321].

Ареалом, в котором будущее время с ПРИХОДИТЬ встречается очень часто, является Тропическая Африка. Такие конструкции отмечаются в языках всех трех основных африканских макросемей.

Больше всего примеров данного развития имеется в макросемье нигер-конго, причем в различных ее группах. Группа манде представлена здесь близкородственными языками бамана, малинке и мандинка, а также ваи, диула, коно [Heine et al. 1993: 41-42]; группа гур — языками море, где отмечается выражение удаленного будущего с вспомогательным глаголом *wa* [Alexandre 1953: 106], а также догон, где имеется конструкция со значением будущего с суффиксом, предположительно восходящим к глаголу ‘прибыть, достигать’ [Heine et al. 1993: 14]. Представители языка с ПРИХОДИТЬ-будущим среди адамауа-восточных — мбум [Nagige 1970: 209] и занде [Heine et al. 1993: 43]. Немало аналогичных примеров в языках ква и кру, ср. акан, гбари [Heine et al. 1993: 42-43], эве [Westermann 1954: 74; Heine, Reh 1984: 131], нконья [Reineke 1972: 53]; о языках кру подробнее см. также [Heine, Reh 1984: 131].

Связь показателей, восходящих к ПРИХОДИТЬ, с выражением будущего времени, чрезвычайно распространена в языках банту: так, например, обстоит дело в языках гусии, дуала, курия, ньякьюса, суахили, ши [Аксенова 1997: 31; см. также примеры на сс. 17-20], лаади [Schaub 1978: 123], ронга [Quintro 1951: 106]. Из рассмотренных подробно языков банту отметим также биса с двумя вспомогательными глаголами будущего времени с переводом ‘приходить’ [Prost 1950: 33, 45], лингала с конструкцией с -у-, имеющей “антиципативное” значение (‘вот-вот’) [Топорова 1994: 187, 197], нкоре-кига с

²⁹ В последнем случае форма с глаголом ПРИХОДИТЬ предположительно возникла как калька с соответствующей шведской формы и употребляется сравнительно редко [Dahl 2000b: 320].

“ближайшим будущим”, состоящим из глагола *-ija* в форме прогрессива с инфинитивом смыслового глагола [Taylor 1985: 153] и аналогичную конструкцию с *-za* в шона [Fortune 1955: 333-335]; также язык мвера с “будущим отдаленным”, состоящим из глагола *-jia* || *-jiya* в форме “ближайшего будущего” и инфинитива [Harties 1950: 99, 105] и, наконец, две формы будущего в руанда с глаголом *-za* : “ближайшее будущее” с вспомогательным глаголом в форме настоящего времени и просто “близкое будущее” с тем же глаголом в “ближайшем будущем” [Дубнова 1979: 63, 67]. Ср. также пример из языка чагга, о котором подробнее ниже:

(2.49) чагга [Emanatian 1992: 3]

пан'чйблика	(< na-i- cha -i-alik-a)	mkoyngi.
он.приходит.жениться	(3SG-PROG- приходить -INF-жениться-IND)	вторая.жена

Он собирается взять вторую жену.

В языках семьи бенуэ-конго, не относящихся к группе банту, превращение конструкции с ПРИХОДИТЬ в средство выражения будущего времени также имеет место, ср. языки джукун и эфик [Heine et al. 1993: 43].

В кордофанском языке кронго будущее время также выражается при помощи конструкции с ПРИХОДИТЬ (а также ИДТИ, см. 2.2.1) [Bybee et al. 1994: 252].

Нило-сахарская макросемья представлена такими языками с ПРИХОДИТЬ-будущим, как ачولي, ланго, лотуко, со (тепес), все из шари-нильской группы [Heine, Reh 1984: 131-132, 142]. Кроме того, конструкция с вспомогательным глаголом ПРИХОДИТЬ выражает будущее время в луо [Tucker 1994: 467-8], а в масаи суффикс будущего времени *-in* восходит к **-biun* ‘приходить’ [Heine 1994: 42]. “Удаленное” будущее выражается при помощи показателя *ka* (< ‘приходить’) в языке сонгай [Prost 1956: 96, 425].

Наконец, по данным [Stora 1972: 98-99], в койсанском языке /хам вспомогательный глагол *se* || *si* выражает будущее время (см. также 2.2.4).

Интересно, что в ряде африканских языков сосуществуют две формы будущего времени, происходящих из конструкций с глаголами движения: и с ИДТИ/УХОДИТЬ, и с ПРИХОДИТЬ. Два таких будущих времени зарегистрированы, например, в языках лотуко и дуала [Heine, Reh 1984: 131-132], в курия и ши (возможно и бемба) [Аксенова 1997: 31-33], биса [Prost 1950: 33, 45], а также в луо [Tucker 1994: 467-8] и др. Ср., по-видимому, синонимичные формы будущего в лотуко и луо:

(2.50) лотуко [Heine, Reh 1984: 132]

a.	a- ttu	nl	IEtEn.	b.	a- Ю	nl	soxupo.
	я- ПРИХОДИТЬ я	уходить			я- ИДТИ	я	возвращаться
	<i>Я (сейчас) ухожу.</i>				<i>Я (сейчас) вернусь.</i>		

(2.51) луо [Tucker 1994: 467]

a.	gweno	bnro	bътно.	b.	wб- dhn	nyйдho.
	курица	приходит	высиживать		1PL- идем	дойть
	<i>Курица(, похоже,) собирается</i>				<i>Мы собираемся доить.</i>	

высиживать яйца.

С другой стороны, в языках группы кру формы, восходящие к разным глаголам движения, семантически дифференцированы: в одних языках развилась форма “близкого будущего” на основе глагола ИДТИ/УХОДИТЬ, в других — форма “потенциального” или отдаленного будущего на основе ПРИХОДИТЬ [Heine, Reh 1984: 131]. Семантические различия между подобными формами, если они и есть, изучены недостаточно. (О проблеме семантической эволюции форм ПРИХОДИТЬ-будущего см. подробнее 4.1.1.1.)

Следует упомянуть и об интересном случае грамматикализации будущего времени в языке чагга: там имеются две синонимичные “проспективные” формы с глаголами *-nde* ‘идти’ и *-che-* ‘приходить’. Имеется и аффикс простого будущего времени *-chi-*, при этом сам этот аффикс восходит к глаголу ПРИХОДИТЬ (протобантуское **ujj*) [Emanatian 1992: 28]. Таким образом, в чагга (и, вероятно, во многих других языках банту) сосуществуют два показателя, находящихся на разных точках шкалы грамматикализации, но восходящих к источникам одного типа.

Переходя к “африканской” части Африки, отметим язык марги, в котором вспомогательный глагол *l̥əgə̀l̥i* ‘приближаться, подходить близко’ используется для обозначения ситуации, которая произойдет вот-вот или скоро [Hoffmann 1963: 222].

В Азии формы будущего с ПРИХОДИТЬ также попадают, но существенно реже; как правило, они характеризуются не как “будущие времена”, а как специальные “описательные формы”. Так, в хинди имеются конструкции с глаголом *ānā* и инфинитивом в косвенном падеже или с послелогом *ko*, обе из которых обозначают “близкую реализацию” ситуации, ее осуществление “вот-вот” [Дымшиц 1986а: 153, 156, 351-352, 364]; таково же значение у конструкции с причастием (“предрезультативная совершаемость”) [Липеровский 1984: 205-8]. Аналогично характеризуется конструкция с инфинитивом и *vaa-* в тамильском (по значению она синонимична конструкции с ИДТИ, см. 2.2.1) [T. Lehmann 1993: 217].

(2.52) хинди [Липеровский 1984: 206]

<i>merā</i>	<i>kalejā</i>	<i>to</i>	<i>abhī</i>	<i>se</i>	<i>umṛ-ā</i>	<i>ā-tā</i>	<i>hai.</i>
мой	сердце	теперь	переполняться-PART	приходить-PART	есть		

Теперь мое сердце готово разорваться (= “приходит переполниться”).

В языке лаху показатель *la* (< *la* ‘приходить’), помимо дейктического значения приближения может при сочетании с глаголами обозначать также “близость ситуации к осуществлению (*almost coming to pass; nearly V*)”; ср. *šī la* ‘быть близким к смерти’, *chu la* ‘быть близким к полноте’, *pə la* ‘быть почти завершённым’; аналогично значение сложного показателя *la-pânê* ‘рядом’ [Matisoff 1973: 319-21; Matisoff 1991: 396].

Наконец, в тибетском языке имеется форма будущего времени, образуемая присоединением к основе глагола вспомогательного глагола *-yol* ‘приходить’; кроме того, в разговорном языке “понятие близости наступления действия” выражается при помощи глагола *cer-thug* ‘приближаться’ [Рерих 1961: 89, 98] (см. также 2.4.2.1 об использовании глагола ХОДИТЬ в этой функции).

В языках Австралии и Океании, а также Нового Света конструкции ПРИХОДИТЬ-будущего нам практически не встретились. Одно из немногих упоминаний относится к языку палау, в котором *te* ‘приходить (к говорящему)’ (как и два других глагола, со значением ‘идти от говорящего’ и ‘идти к слушающему’) используется в качестве вспомогательного глагола будущего времени, см. также 2.2.1 [Josephs 1975: 270-1]. Кроме того, по данным [Vybe et al. 1994: 252], в языке тукано суффикс будущего восходит к ПРИХОДИТЬ.

Про конструкции ПРИХОДИТЬ-будущего справедливо будет сказать то же, что выше было сказано про будущее время с ИДТИ/УХОДИТЬ (2.2.1.2). Обычно такая конструкция является лишь одним из способов выражения ситуации в плане будущего, при этом имеется и более нейтральная форма будущего времени. Хотя в подавляющем большинстве примеров на формы будущего времени с глаголами движения вспомога-

тельный глагол стоит в форме настоящего времени, обычно данная конструкция может выступать в любом времени. При этом часто она выступает в прошедшем, хотя в принципе может выступать и в будущем: так, в чагга молодые “перспективные” показатели могут сочетаться и со “старым” аффиксом будущего времени [Emanatian 1992: 8].

По нашему мнению, к области будущего времени / перспективности можно отнести и показатели, значение которых характеризуется как ‘чуть не’: ср., например, показатель *-nt-* ‘приходить из’ в языке монго (Африка), напр. *a-ĩm ’ǰkwε* ‘он чуть не упал’ [Аксенова 1997: 32]. Возможно, в этом языке употребление данного показателя ограничено прошедшим временем, однако для перспективных показателей в прошедшем времени как раз типично обозначать находившуюся на грани осуществления, но так и не осуществленную ситуацию. В [Heine et al. 1993: 45] показатель, восходящий к ПРИХОДИТЬ, в языке кран, имеет значение ‘почти (сделать)’ и характеризуется как “ALMOST-aspect”, однако здесь мы тоже не стали бы говорить об особом значении.

О другом подходе к значению ‘почти/чуть не случиться’ см. [Kuteva 1998], а также ниже 4.1.1.1.

Но если конструкции с вспомогательными глаголами движения сочетаются с различными собственно временными показателями, закономерен вопрос о том, что же именно выражают сами эти формы? Это значение не вполне совпадает с будущим временем как таковым, и выше оно было названо “перспективным”: это обозначение определенного положения дел в точке отсчета, которое должно привести к осуществлению ситуации после точки отсчета. Напомним, что в описаниях многих языков формы типа описанных выше и не называют собственно будущим (ср. термины типа “обозначение близкой реализации действия”, “ситуация на грани осуществления” и пр.).

В этом разделе охарактеризованы самые разные формы конкретных языков, общие по происхождению. Не исключено, что среди них имеются формы разной степени продвинутой по степени грамматикализации: возможно, что некоторые из форм являются пока еще сравнительно молодыми “перспективами”, тогда как другие — уже достаточно развитыми “собственно будущими”; материал, приводимый обычно в грамматиках, не позволяет сделать здесь какие-либо обобщения.

О семантической эволюции будущего времени в целом см. далее 4.1.1.1.

2.3.2. Имперфективные значения

ПРИХОДИТЬ достаточно часто встречается в аспектуальных конструкциях, выражающих длительность или постепенность развития ситуации; аналогичное значение, как показано выше, отмечается и для конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ, при этом в ряде языков обе эти конструкции сосуществуют (например, в романских, алтайских языках, хинди и др.).

В иберо-романских языках для обозначения длительной и постепенно развивающейся ситуации используется конструкция с герундием: *venir + ger.* в испанском [Левинтова, Вольф 1964: 92] и каталанском [Badia Margarit 1962: 395-396] и *vir + ger.* в португальском [Вольф, Никонов 1965: 104-105; Никонов 1981: 161] и галисийском [Rojo 1974: 111-112]. Аналогичное значение имеет итальянская конструкция *venire + ger.* [Squartini 1998: 289-299].

Конструкции с *vir / venir* являются гораздо менее употребительными, чем с глаголом *ir / andar*; что же касается их значения, то им свойственна и г р а д а т и в н а я интерпретация ‘ситуация развивается в направлении постепенного накопления результата’ (“все больше и больше”), однако в большинстве случаев просто д у р а т и в н а я ‘в пери-

од времени, включающий момент речи, ситуация Р длится' (ср. примеры (2.53а-б)) или хабитуальная (ср. (2.53в-г)):

(2.53) а. испанский [Левинтова, Вольф 1964: 92]

Desde hace mucho te **vengo** observando.

Я уже давно наблюдаю (= "прихожу наблюдая") за тобой.

б. португальский [Costa 1976: 238]

Vem pensando.

Он размышляет (= "приходит думая").

в. итальянский [Squartini 1998: 291]

Lo **vengo** ripetendo da mesi.

Я повторяю (= "прихожу повторяя") это месяцами.

г. португальский [Squartini 1998: 298]

Nго se passa um dia que nго **venha** chegando gente.

Не проходит и дня, чтобы не приходили (= "не приходили бы проходя") люди.

Конструкция с ПРИХОДИТЬ и причастием (как и с ИДТИ и ХОДИТЬ, см. 2.2.2. и 2.4.1) употребляется также при обозначении длительного состояния "с оттенком результативности", ср. испанский пример *Viene muy cansado* 'он очень устал(ый)' (= "он приходит усталый") [Васильева-Шведе, Степанов 1981: 94].

В тюркских языках конструкция с ПРИХОДИТЬ используется для обозначения постепенного развития процесса (и приближения его к пределу развития) с глаголами "перехода из одного состояния в другое":

(2.54) а. башкирский [Юлдашев 1965: 77]

Ит беше-п **килq**.

мясо варить-CONV **приходить.PRS.3SG**

Мясо доваривается (= "варясь приходит").

б. татарский [СТЛЯ 1969: 281]

Иген-нqр элгер-еп **килq**.

хлеб-PL зреть-CONV **приходить.PRS.3SG**

Хлеба постепенно созревают (= "зрея приходят").

С другими глаголами данная конструкция часто имеет значение "типичности", т.е. употребляется в **хабитуальных** контекстах, ср. башк. *тикшере-п килq* '(он) проверяет (ежедневно)' (= "проверяя приходит") [Юлдашев 1965: 77], татар. *эшлq-п килде* '(он) постоянно работал (до определенного момента)' (= "работая приходил") [СТЛЯ 1969: 282] и пр.

Конструкции с ПРИХОДИТЬ с дуративным и/или хабитуальным значением имеются в таких языках, как узбекский [Кононов 1960: 267], башкирский [ГСБЯ 1981: 218-219], турецкий [Кононов 1956: 211], сарыг-югурский [Тенишев 1976а: 104], саларский [Тенишев 1976б: 169], каракалпакский [Баскаков 1952: 382-383], татарский [СТЛЯ 1969: 281-282; 1971: 29; Ганиев 1963: 138-139; 1982: 105]. Как правило, подобные конструкции демонстрируют существенные ограничения на сочетаемость с разными смысловыми глаголами, что говорит об их слабой степени грамматикализации.

Так, по нашим данным, полученным в результате исследования (в мишарском диалекте татарского языка) сочетаемости конструкции *-p kil-* с разными типами смысловых глаголов, большинство глаголов допускает использование в данной конструкции лишь с "буквальным" значением 'прийти, сделав Р'. С некоторыми глаголами (как правило, неконтролируемыми) сочетание вообще неграмматично; наконец, с рядом глаголов (в списке из около 90 лексем их

было обнаружено 15, т.е. шестая часть) конструкция указывает на длительное или неоднократное осуществление ситуации. Ср. такие сочетания, как *üsep kilä* ‘всё растёт и растёт’, *süner kilä* ‘постепенно угасает’, *awırтыр kilä* ‘(уже давно) болит’, *anlatыр kilä* ‘(с малых лет ему) объясняют’ и т.п. (к числу таких глаголов относятся также ‘загораться’, ‘закипать’, ‘любить’, ‘желать’, ‘жить’, ‘терять’ и пр.).

Дуративные/хабитуальные конструкции с ПРИХОДИТЬ выступают, как правило, в имперфективных формах (т.е. вспомогательный глагол ПРИХОДИТЬ употребляется обычно в настоящем времени или имперфекте), т.е. сама по себе “имперфективность” выражается в грамматической форме конструкции. Вклад же вспомогательного глагола ПРИХОДИТЬ является более специфическим и проявляется во взаимодействии с семантическим (аспектуальным) типом смыслового глагола. Значение этой конструкции не является в полном смысле “аспектуальным”, а затрагивает скорее уровень семантического типа предиката (“акциональность”); ср. аналогичную ситуацию у дуративных/хабитуальных конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ в ряде языков (2.2.2, см. также обсуждение в 4.1.2.1).

В кумыкском языке конструкция *-a/-й гел-* обозначает совершение действия “с соблюдением определенного порядка” [Джанмавов 1967: 219-220], т.е. здесь тоже передается идея постепенности развития процесса, ср.:

- (2.55) кумыкский [Джанмавов 1967: 219-220]
 Хата-лар-ынг-ны тюзле-й гел-е-мен.
 ошибка-PL-2SG-ACC исправлять-CONV **приходить-PRS-1SG**
Я (по порядку) исправляю твои ошибки (= “исправляя прихожу”).

Длительность процесса выражается и конструкцией с вспомогательным глаголом *ota* в корейском [Sohn 1994: 335], а в японском конструкция с *kьru* может указывать как на развитие процесса “все больше и больше”, так и на внезапное начало длительного процесса [Martin 1975: 537-8] (аналогичные значения имеют и сочетания с ИДТИ/УХОДИТЬ, см. 2.2.2).

Возможно, с близким значением мы имеем дело в монгольском в случае с сочетанием деепричастий на *-ж* или *-саар* и глагола *ирэх*, ср. *унишж ирэв* ‘читать какое-то время до момента речи включительно’ [Шеввернина 1982: 165; Тодаева 1951: 118-119].

В марийском языке имеются целых две конструкции с глаголами *толаш* ‘приходить’ и *мияш* ‘приходить (туда)’, выражающие длительность “с оттенком постепенного нарастания силы и эффекта” [СМЯ 1961: 215-216]; ср. пример из староторьяльского диалекта: *tudo zernam šij-эн мija* ‘он понемногу молотит зерно’ (= “молотя приходит”) [Вострикова 2001].

Как часто отмечают исследователи алтайских и романских языков, разница в использовании конструкций с дуративным значением с глаголами ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ заключается в том, что в первом случае речь идет о длительном действии, развивающемся “от настоящего к будущему, от близкого к далекому”, а во втором — “от прошлого к настоящему, от далекого к близкому” [Васильева-Шведе, Степанов 1980: 221, 223; ср. Squartini 1998: 293]. Ситуация в обоих случаях представляется как длительная: при этом в случае с глаголом ИДТИ/УХОДИТЬ акцент делается на то, что она имеет место в точке отсчета и будет длиться еще некоторое время после точки отсчета; в случае же с глаголом ПРИХОДИТЬ утверждается, что ситуация, о которой идет речь, развивалась на протяжении значительного периода времени до точки отсчета, включая последнюю (ср. также [Кононов 1960: 267; Дымшиц 1986а: 342-344; Lichtenberk 1991: 483] о подобном эффекте в тюркских, индоарийских, океанийских языках). Нетрудно заметить, что интерпретация временных отношений происходит в

ное и континуативное значение передается более сложным сочетанием с деепричастием смыслового глагола, деепричастием *kon-ṭu* глагола ‘держать’ и вспомогательным глаголом *vaa-* ‘приходить’ [Т. Lehmann 1993: 208-209].

Хабитуальное значение свойственно конструкции *pres.part + vatstsu* в телугу [Петруничева 1960: 76]:

- (2.60) телугу [Петруничева 1960: 76]:
 aṭlu chēyu-tu vāchchi-inā-nu.
 так делать-CONV **приходить**-PRS-1SG
Я все время так делаю (= “прихожу делая”).

Аналогичный спектр значений демонстрируют конструкции *conv. + varuka* ‘приходить’ и *conv. + pōruka* ‘приходить, сопровождать’ в языке малайлам [Андронов 1993: 171-172; Секхар, Глазов 1961: 62, 64]; а также *conv. + banniṅg* ‘приходить’ в брауи [Андронов 1971: 127].

В хинди конструкции *part.ipf. + ānā* ‘приходить’ (или + *calā ānā* ‘приближаться’) связываются с “прогрессивной совершаемостью”, примеры в основном демонстрируют градативную интерпретацию, но встречается также континуативная [Липеровский 1984: 198-199; Дымшиц 1986а: 342-346, 361-364; 1986б: 158], ср. примеры с данными конструкциями в аналитических формах прошедшего имперфективного и настоящего времени:

- (2.61) хинди [Дымшиц 1986а: 342, 344]
 а. dīn khul-tā ā-tā thā.
 день раскрываться-PART **приходить**-PART быть.PST.IPF
Становилось всё светлее и светлее (день все более раскрывался, = “приходил раскрывающийся”).
 б. rāni gir-tā cal-ā ā-tā hai.
 вода падать-PART **двигаться**-PART **приходить**-PART быть.PPS
Дождь всё идет и идет (= “вода падающая приходит”).

Несколько аналогичных конструкций с прогрессивным, дуративным, хабиутальным значением имеется в панджаби [Смирнов 1976: 269-275]. Градативное/дуративное значение имеет конструкция *conv.pst + oмаd-* в таджикском языке [Расторгуева, Керимова 1964: 242-244].

Конструкция с ‘приходить’ *waye + part.pf* в неварском языке выражает постепенное развитие процесса [Королев 1989: 80-81].

Значение “длительности, продолжающегося действия или состояния” свойственно показателю *-va-* ‘приходить откуда-то’ в ганда (банту) [Аксенова 1997: 32]. На постепенность осуществления ситуации (“*devenir progressivement*”) указывают показатель *gà* в языке санго [Boyd (ed.) 1995: 154] и *vɔ* в эве [Westermann 1954: 135-136]. Длительное, безостановочное действие обозначает вспомогательный глагол *-hʏl* ‘приходить из’ в языке тунен [Dugast 1971: 363]. В дага вспомогательный глагол *onaG* образует сочетание, обозначающее, что “действие продолжается долгий период, возможно годы” [Murane 1974: 129-30].

Превращение глагола *mai* ‘приходить’ в дуративный показатель (хотя он и назван *continuative marker*) зафиксировано в некоторых океанийских языках: маори, тоабаита [Lichtenberk 1991: 482-483].

В качестве показателей прогрессива отмечается ПРИХОДИТЬ в океанийском языке моту и америндском языке гуайми в [Bybee et al. 1994: 128]; в камаюра конструкция с

вспомогательным глаголом ‘приходить’ (а также ‘идти, уходить’) описывается как прогрессивная в [Seki 2000: 142-143].

2.3.3. Перфект, прошедшее время, перфектив

ПРИХОДИТЬ используется для обозначения ситуаций в прошлом не так часто, как ситуаций в будущем, однако такая эволюция также засвидетельствована во многих языках по всему миру. Эти два пути в определенном смысле противоположны по значению, однако сразу укажем на то, что и исходные конструкции являются различными: если применительно к будущему речь шла об исходной структуре ‘приходить к (определенной) цели’, то в данном разделе мы будем в основном иметь дело с конструкциями, означающими ‘приходить из (определенного) источника’.

В языках Европы примеры такого рода немногочисленны. Так, во французском языке форма, традиционно именуемая *Passé immédiat*, т.е. конструкция *venir de inf.*, используется для обозначения события, случившегося незадолго до момента речи, “только что”, ср. *Je viens d’arriver* ‘я только что приехал’; в [Мельчук 1998: 75] предлагается считать, что в данном случае выражается граммема ‘близкая временная дистанция’. Аналогичное значение отмечается у конструкции *vir de inf.* в португальском [Costa 1976: 216] и галисийском [Rojo 1974: 127], ср.:

(2.62) галисийский [Rojo 1974: 127]

Vica de rematar a licenciatura cando empezyu a guerra.

Он только-только защитил диплом (= “шел от защитит”), когда началась война.

В последнем примере конструкция, о которой идет речь, стоит в форме имперфекта и указывает, что событие в прошлом ‘он защитил диплом’ имело место незадолго до другого события в прошлом ‘началась война’.

Хотя традиционно это значение подается действительно как “близкое прошедшее”, более удачной ее характеристикой представляется **перфект** ‘ситуация осуществилась до точки отсчета и сохраняет свою релевантность к этой точке’ (ср. также [Comrie 1976: 106 et pass.]); контекст же близости к точке отсчета является типичным, хотя и не обязательным, для перфекта в силу того, что релевантна для момента речи будет скорее совершившаяся непосредственно перед ним ситуация (так наз. “иммедиатный перфект”).

В качестве показателя перфекта характеризуются конструкции с ПРИХОДИТЬ в папуасском языке ягариа, а также африканском языке канури [Bybee et al. 1994: 64, 67].

ПРИХОДИТЬ отмечается в качестве одного из наиболее распространенных источников показателей **прошедшего времени** в языках Африки [Heine, Reh 1984: 129-130]; таковы прошедшие времена по крайней мере в языке тесо и йидду, диалекте сомали (где клитическая форма вспомогательного глагола образует прошедшее время, а будучи сама в прошедшем времени, также плюсквамперфект).

В языках группы кру (клао, ньябо) ПРИХОДИТЬ также превратился в показатель прошедшего времени, а в языке сото — в префикс “близкого прошлого” [Heine et al. 1993: 49]. В языке букусу форма с глаголом *-am-a* ‘приходить из’ показывает, что “действие только что состоялось” [Аксенова 1997: 32]:

(2.63) букусу [Аксенова 1997: 32]

ba:mб хщбтнб.

3PL.AT.приходить видеть.INF

Они только что увидели.

В языке марги отмечается использование вспомогательного глагола *ghə́dǎ́* ‘приходить из, возвращаться из’ для выражения значений, близких перфекту (“*to have done before*”, “*in the past*”; [Hoffmann 1963: 220]), а помимо этого значение “*to have done before*” выражается служебными элементами *ṣ ə́vǎ̀r* и *ṣ ə́ghǎ̀rà*, происходящими из глагола *ṣi* ‘приходить’ [Hoffmann 1963: 224-5]. Значение ‘приходилось (хотя бы раз) делать’ называют обычно “экспериментальным” или “общефактическим”, и оно часто рассматривается как одно из частных значений перфекта (см. 4.1.1.3). Отметим, что одним из наиболее регулярных способов выражения данного значения в русском языке является как раз использование глагола *приходиться* (< ПРИХОДИТЬ); в каком-то смысле данный глагол можно считать специализированным “экспериментальным” вспомогательным глаголом.

Еще одним языком, где ПРИХОДИТЬ превратился в показатель прошедшего времени, является китайский: речь идет о показателе *лай* (или *лай-чже*), использующимся в данной функции в некоторых диалектах [Драгунов 1952: 129, 131-132]. Он показывает, что “действие отнесено к недавнему прошлому, или же что некоторое состояние дел имело место “в отдаленном или неопределенном прошлом”, ср.:

(2.64) китайский [Драгунов 1952: 132]

- а. Во цзор ю чу чэн лай-чжэ.
я вчера также выходить город PST
Я вчера тоже выезжал в город.
- б. Гэйжэньцзя кань ню лай.
для люди смотреть корова PST
(— А те два года ты чем занимался?) — Работал пастухом.

В диалекте лхаса тибетского языка показатель “заглазного прошедшего” *-byuŋ* восходит к форме перфектива ‘приходить’ [Willett 1988: 77, 83]; тем самым, данный показатель выражает еще и значение категории эвиденциальности (см. также об использовании в тибетском ИДТИ/УХОДИТЬ для маркирования засвидетельствованности в 2.2.3).

В океанийском языке палау показатель прошедшего времени *mle* восходит, по всей видимости, к прошедшему времени *mle* глагола *me* ‘приходить’; этот показатель образует прошедшее время у стивных глаголов, тогда как у активных (как и самого глагола *me*) оно образуется при помощи инфикса [Josephs 1975: 118, 124, 174, 500]. В языке атчин показатель прошедшего времени восходит к ПРИХОДИТЬ, причем конструкция имела ранее перфектное значение [Bybee et al. 1994: 56, 82, 86].

В языке гбайя показатель *tE* (< ‘приходить’) является маркером временного придаточного с перфективным значением (употребляясь в случаях типа “когда он открыл” (но не “открывал”)) [Boyd (ed.) 1995: 39-40].

Наконец, в некоторых индоарийских языках ПРИХОДИТЬ используется как один из вспомогательных глаголов, служащих “перфективными модификаторами”, ср. подробнее 2.11.1.1. Похоже и использование конструкции *conv.pst.* + *amadú* в языке хазара [Ефимов 1965: 70].

2.3.4. Наступление нового состояния, инхотатив

В ряде языков конструкции с ПРИХОДИТЬ используются для того, чтобы ввести в рассмотрение наступление нового состояния. Часто значение таких конструкций трактуется по-разному в зависимости от того, с глаголами какого типа она встреча-

ется, однако нам кажется, что речь идет лишь о разных подтипах единого значения. В некоторых языках такие конструкции описываются и как чисто и н х о а т и в н ы е ; о них см. ближе к концу раздела.

Использование ПРИХОДИТЬ при указании на наступление нового состояния характерно прежде всего для иберо-романских языков; при этом для смыслового глагола используется не “процессуальная” форма герундия (ср. с имперфективными формами выше), а форма инфинитива с предлогом *a* ‘к’. Таковы конструкции *venir a inf.* и *llegar a inf.* в испанском [Левинтова, Вольф 1964: 92]; *vir + inf. / a inf.* и *chegar a inf.* в португальском [Вольф, Никонов 1965: 105-106; Никонов 1981: 156, 160]; *vir a inf.* и *chegar a inf.* в галисийском [Rojo 1974: 152-154].³¹ В каталанском языке в данной функции используется конструкция *arribar a inf.* с глаголом ‘прибывать’ [Badia Margarit 1962: 395].

Романские конструкции с ПРИХОДИТЬ традиционно описываются как выражающие “окончание действия”, “достижение результата”, “завершенность”; как правило, имеются в виду примеры типа следующих:

(2.65) а. испанский [Канонич 1991: 137]

Llegamos a encontrar la casa del mѐdico

Нам удалось найти (= “пришли к найти”) дом врача.

б. португальский [Никонов 1981: 161]

Fechou a porta, e **veio** sentar-se junto do filho...

Он закрыл дверь и уселся (= “пришел к сесть”) рядом с сыном.

в. португальский [Вольф, Никонов 1965: 106]

O velho barro **veio** a morrer.

Старый барон (в конце концов) умер (= “пришел к умереть”).

С другой стороны, в других примерах конструкции с ПРИХОДИТЬ используются в случаях, когда речь идет непосредственно о начале некоторого нового состояния или неопредельного процесса, ср.:

(2.66) а. португальский (♥)

A minha mѐe nunca **chegou** a saber porque fizemos aquilo.

Мама так никогда и не узнала (= “пришла к знать”), зачем мы сделали это.

б. португальский (♥)

Mas podemos **vir** a estar.

(— Надеюсь, мы никогда не окажемся так далеко друг от друга!) — Но можем оказаться (= “прийти к быть”).

в. португальский [Никонов 1981: 161]

Houve um murmѐrio, alguns **chegaram** a gritar.

Прошёл ропот, некоторые закричали (= “пришли к кричать”).

Фактически в обоих случаях речь идет именно о возникновении нового состояния: про первую группу примеров можно сказать, что здесь это как бы итоговое состояние некоторого процесса (“не умирал-не умирал, и вот в конце концов умер”, “искали-искали, и вот нашли” и т.п.). Интересно, что в этих примерах используются пунктивные глаголы ‘найти’, ‘сесть’, ‘умереть’, обозначающие мгновенный переход к новому положению дел (тогда как во второй группе примеров, напротив, представлены

³¹ Глаголы *vir / venir* и *chegar / llegar* оба означают ‘приблизиться к дейктическому центру’: но если в первом случае дейктическим центром является всегда говорящий, то втором — также и любой другой ориентир.

стативы и непредельные глаголы); с собственно же предельными глаголами, при указании на достижение этого предела (типа “я дописал письмо”, “мясо доварилось” и пр.), конструкция не встречается.

Близкое значение имеют конструкции с глаголом *кил-* / *кел-* / *гел-* в некоторых тюркских языках. Так, кумыкская конструкция *-п гел-* обозначает как “возникновение, зарождение действия или состояния”, например, *чыгъ-ып геле* ‘начинает давать всходы’ (= “поднимаясь приходит”) или *тюз-юне гири-п геле-ген* ‘начинала приобретать (цвет меда)’ (= “в цвет входя приходила”) — так и “неожиданность действия”, например, *башыма тийи-п геле* ‘(неожиданно) упал на голову’ (= “головы коснувшись пришел”), *ур-уп геле* ‘(вдруг) ударил’ (= “ударив пришел”) [Джанмавов 1967: 219]. “Начало и завершенность” выражается и конструкцией *-п кел-* в тувинском, ср. *хады* ‘дуть’ ⇒ *хады-п кел-* ‘подуть (о ветре)’, *кэзул* ‘виднеться’ ⇒ *кэст-п кел-* ‘возникнуть’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 413].

Оттенок неожиданности наступления нового состояния имеется у конструкции *-ан кэл-* в якутском языке, ср. *тур-ан кэллэ* ‘он вдруг встал’, *тыалыр-ан кэллэ* ‘вдруг начался ветер’ [Харитонов 1960: 74-75].

Не исключено, что в некоторых тюркских языках одни и те же конструкции с ПРИХОДИТЬ допускают как интерпретацию ‘начало нового состояния’, так и обозначение развития процесса (разница связана, в частности, с видо-временной формой самого вспомогательного глагола: стоит он, например, в прошедшем или настоящем времени): так, в тувинском *ажилда-* ‘работать’ ⇒ *ажилда-п кел-* ‘работать вплоть до настоящего момента’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 413]. Ср. также данные о японской конструкции, где именно такое совмещение бесспорно присутствует, в 2.3.2.

Возникшая под тюркским влиянием конструкция *-са вуыны* с аспектуальным значением имеется в удмуртском языке, однако ее значение в точности неизвестно [Серебренников 1960: 265-266; 1963: 280].

“Интенсивное начало” выражает конструкция с глаголом *ерэхэ* в бурятском [Бертагаев, Цыдендамбаев 1962: 42].

В качестве показателя возникновения нового состояния (*ingressive / inchoative marker*) описывается аффикс *mai* в океанийских языках (фиджи, вангуну, тоабаита): он употребляется со стативными глаголами типа ‘быть темным’, ‘быть усталым’, ‘быть большим’ и обозначает вступление в состояние, обозначенное данным глаголом. Данный показатель используется при этом только для обозначения постепенного перехода в состояние, но не его резкой смены [Lichtenberk 1991: 487-488].

Инхоативное значение характерно для глагола ПРИХОДИТЬ в ряде германских языков, например для конструкции *komen + inf.* в нидерландском [Миронов и др. 2000а: 286; 2000б: 243], *komma att + inf.* в шведском [Маслова-Лашанская, Чекалина 2000: 362] (в последнем случае отмечается “внезапный”, “неожиданный” характер наступления ситуации), ср. также такие употребления английского *come*, как *come to love* ‘полюбить’, *I came to know him better* ‘я узнал его лучше’, *you will come to understand* ‘в конце концов вы поймете’ и т.п. (Отчасти эти конструкции близки по значению к романским, описанным выше.)

В финском конструкция (возможно, возникшая под шведским влиянием) с *tulla* и транслативным падежом означает ‘стать кем-либо’ [Heine et al. 1993: 41]. О возможной связи этой конструкции с выражением будущего времени в германских и финских языках см. 2.3.1. В родственном хантыйском языке конструкция с глаголом *ji-* и транслативным падежом существительного или прилагательного также обозначает начало нового состояния, ср. *luw kasanni jis* ‘он заболел’ (= “он больным стал/пришел”); будущее же

время, однако, образуется при помощи конструкции с инфинитивом и глаголом *pit-* ‘падать’ [Николаева 1995: 119-120].

В нигерийском пиджине *kom* используется для обозначения начала состояния, ср. *A kom veks* ‘я разозлился (= я прийти быть-злым)’, *Im kom kres* ‘Она сошла с ума (= она прийти безумный)’ [Fagaclas 1996: 52, 77-78, 201]. Аналогичное значение имеет показатель *bi* (видимо, из португ. *vir*) в креоле Гвинейского залива [Heine et al. 1993: 41].

Инхоативное значение имеет и показатель *-ch-* в языке гусии (банту), напр.: *ba-ga-ch-a ko-manjekan-a* ‘они стали известны’ (= “они пришли стать-известными”) [Аксенова 1997: 32], а также ряд конструкций с *-y-* в лингала [Топорова 1994: 187, 194, 197]. В языке чагга конструкция с ПРИХОДИТЬ в прошедшем времени обозначает наступление нового состояния как завершающее событие в имевшей место цепочке событий (≈ ‘в конце концов Р’; примеры типа “в конце концов он узнал” или “в конце концов он умер” аналогичны приводившимся выше из романских и германских языков) [Emanatian 1992: 9, 14-15].

Как видно по некоторым из примеров, наступление нового состояния может выражаться при помощи той же конструкции, которая в данном языке имеет также проспективное значение; при этом инхоативное значение (а также такая специфическая разновидность, как ‘в конце концов Р’), как правило, проявляется в том случае, если вспомогательный глагол стоит в прошедшем перфективном времени (“пришел к ситуации Р”), тогда как проспективное значение, как указывалось выше, всегда выражается конструкцией с глаголом движения в имперфективной форме (“приходит/приходил к ситуации Р”). О случаях инхоативно-проспективной полисемии см. также 4.1.1.1, 4.1.2.3.

Чисто инхоативное значение (только для обозначения начала процесса) имеет и конструкция с *ja* и основой несовершенного вида в арабском языке побережья Персидского залива [Holes 1990: 196]. В чадском языке мупун сериальные конструкции с ‘идти’ и ‘приходить’ “подчеркивают начало ситуации” [Frajzyngier 1993: 233-5].

2.3.5. Модальные значения: возможность, необходимость

Конструкции с ПРИХОДИТЬ достаточно часто приобретают модальные значения, причем разные их типы. Здесь можно выделить несколько более частных путей грамматикализации, каждый из которых демонстрирует весьма любопытные сдвиги исходного пространственного значения.

Чаще всего ПРИХОДИТЬ связан с выражением **возможности** в самом широком смысле. Речь может идти, например, о внутренней возможности, способности самого субъекта (“поссибилитив”). Так, в панджаби значение ‘мочь, уметь’ предается конструкцией с инфинитивом и глаголом *āiṅā* [Смирнов 1976: 361], а хинди также используется аналогичная конструкция с *ānā* ‘приходить’, наряду с синонимичной конструкцией с *jānnā* ‘знать’³² [Дымшиц 1986а: 149-150, 351], ср. *tairnā ātā hai* ‘ты умеешь (= “приходишь”) хорошо плавать’; в маратхи возможность, способность выражается сочетанием имперфективного деепричастия и глагола *uṅē* [Катенина 1963: 202-3, 219], аналогичные сочетания имеются в авадхи [Липеровский 1997: 142] и браджа [Липеровский 1988: 107].

³² Полисемия значений ‘знать’ и ‘уметь’ типологически широко распространена, ср. франц. *savoir* или исп. *saber*, а также, например, (устаревшее или диалектное) русск. *Не пори, коли шить не знаешь*.

Несколько примеров использования ПРИХОДИТЬ для выражения внутренней способности субъекта приводятся также в [Heine et al. 1993: 15-16]: это языки гуайми (Центральная Америка), коранко и луо (Африка) и лаху (Азия), вспомогательные глаголы в данном случае переводятся обычно как ‘прибывать в, достигать’ (примеры из лаху см. в [Matisoff 1991: 406], а про гуайми см. также [Bybee et al. 1994: 188, 190]).

Ср. также пример из вьетнамского языка, в котором отрицательная форма глагола *lại* ‘приходить’ используется для обозначения отсутствия (внутренней) возможности:

(2.67) вьетнамский [BPC 1961: 303]

anh kháng cự nó không lại đâu.

вы.М сопротивляться он NEG **приходить** NEG

Вы не можете (не в силах) сопротивляться ему (= “не приходит сопротивляться”).

Достаточно широкий спектр значений возможности демонстрируют дравидийские языки, в частности каннада и телугу. Так, в телугу конструкция *inf.* + *waccu* / *waccuni* (глагол ‘приходить’ в застывшей стативной форме 3SG, так наз. “*obsolete habitual form*”) употребляется со значениями, аналогичными значениям английского глагола *may* [Krishnamurti, Gwynn 1985: 223]. Судя по примерам, прежде всего ей свойственно значение внешней возможности (“пермиссив”) ‘субъекту ситуации разрешается осуществить действие’, ср.:

(2.68) телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 223]

miir(u) uN-tee uND-a-waccu,

вы оставаться-COND оставаться-INF-ПРИХОДИТЬ

weL-tee weLL-a-waccu.

идти-COND идти-INF-ПРИХОДИТЬ

Если вы хотите остаться (= “остаетесь”), можете остаться; если уходите, можете уходить.

Судя же по примерам, приводимым в работе [Петруничева 1960: 77], эта форма употребляется и для выражения внутренней возможности, ср. *cheppa-vatstsunu* ‘я / ты / он могу (-ешь, -ет) говорить (в состоянии)’. Наконец, та же форма (сравнение с глаголом *may* здесь вполне уместно) употребляется и для выражения эпистемической возможности (“пробабилитив”), указывая на то, что говорящий предполагает, что ситуация с большой вероятностью имеет/имела место (‘может быть’, ‘возможно’, ‘вероятно’) [Дзенин, Гуров 1972: 735]. Если форма *inf.* + *waccu* / *waccuni* обозначает возможное, вероятное событие в настоящем / будущем (типа “может пойти дождь” или “в какой-то степени это возможно”), то конструкция *past.part* + *uNDa-waccu* (с пробабилитивной формой от глагола ‘быть’) обозначает возможное, вероятное событие в прошлом [Krishnamurti, Gwynn 1985: 225-226], ср.:

(2.69) телугу [Krishnamurti, Gwynn 1985: 226]

atanu ninnanee wacci uND-a-waccu.

он вчера приехать быть-INF-ПРИХОДИТЬ

Возможно, он приехал (may have arrived) вчера.

В языке каннада для выражения эпистемической возможности (“возможность, вероятность действия в ближайшем будущем”) используется конструкция с инфинитивом или отглагольным именем смыслового глагола и показателем *баху* 2, представляющим собой “архаичное причастное имя” среднего рода единственного числа от глагола *баралу* ‘приходить’ [Андронов и др. 1979: 756], например:

- (2.70) каннада [Андронов и др. 1979: 756]
 траину айду минутатад-алли бар-а-бахуу.
 поезд пять минута-ADV приходит-**INF-ПРИХОДИТЬ**
Поезд может прибыть через пять минут.

Отметим также выражение эпистемической возможности при помощи *te* ‘приходить’ в африканском языке гбайя, ср. *te ɔ gɔy* ‘возможно, это так и есть’ (= “приходить быть так”) [Samarin 1966: 115].

Что же касается отрицательных форм указанных дравидийских конструкций, то они зачастую связаны уже не с выражением (отсутствия) возможности, а с выражением (отсутствия) **необходимости**. Так, в телугу соответствующая *inf.* + *waccu* отрицательная форма *inf.* + *rādu* является одним из “способов выражения запрещения” (а именно, ‘не надо делать P’) [Петруничева 1960: 79], т.е. указывает уже на отсутствие необходимости (отрицательный “дебитив”). Возможно, причина здесь в том, что отрицательные варианты таких значений (‘не должен’, ‘не нужно’, ‘не следует’) близки как раз к зоне возможности (‘не должен P’ = ‘может не-P’) ³³.

Про каннада говорится также, что отрицательная форма ПРИХОДИТЬ употребляется для выражения невозможности или неуместности (*impropriety*) ситуации [Spencer 1950: 311]; судя по приводимым примерам с данной формой (*an eye which cannot open, thou must not steal, he ought to read that book*), она встречается и в POSSIBILITY-контекстах, и в DEBITIVE-контекстах.

Необходимость, тем самым, является второй большой модальной зоной, в которой встречаются показатели, восходящие к ПРИХОДИТЬ. Для некоторых языков в качестве значения таких показателей указывается именно необходимость, без значений возможности. Так, в кашмири один из “безличных оборотов долженствования” образуется от инфинитива при помощи вспомогательного глагола *wāt-* (в форме 3SG конъюнктива) [Захарьин, Эдельман 1971: 86, 102], ср:

- (2.71) кашмири [Захарьин, Эдельман 1971: 102]
 tas k'ā wāt-'ъ kar-un ?
 этот.OBL.SG что приходит-CONJ делать-INF
Что с ним следует делать?

В тамильском языке одним из способов передачи значения ‘должен, вынужден (в силу внешних обстоятельств)’ является сложная конструкция с инфинитивом смыслового глагола, деепричастием или отглагольным именем модального глагола *veentu* ‘хотеть, быть должным’ и финитной формой глагола *vaa-* ‘приходить’ [T. Lehmann 1993: 213], тем самым данную конструкцию можно понять примерно как “сделать что-либо долженствование приходит”. В кечуа одна из конструкций долженствования также включает в себя вспомогательный глагол *chaga-* ‘прибывать’ (смысловый глагол содержит дополнительно показатель “облигатива”) [Cole 1982: 157], ср.:

- (2.72) кечуа [Cole 1982: 157]
 cuka-ta tarpu-na chaya-n.
 я-ACC сажать-OBLIG приходит-PRS.3
Мне надо сажать. {= Время сажать прибыло ко мне.}

³³ Ср. также у И. А. Мельчука: «‘быть должным’ представимо через ‘мочь’: ‘X должен делать P’ = ‘X не может не делать P’» [Мельчук 1998: 213].

В турецком языке конструкция *-mağā gel-* с дательным падежом имени действия и отрицательными финитными формами глагола *gel-mek* ‘приходить’ также выражают отрицательную дебитивность, например (с формой 3SG настоящего-будущего времени): *harp etmeğē gel-mez* ‘нельзя объявлять войну’, *oynamağā gel-mez* ‘шутить (играть) [с водой] не приходится’ и пр. [Михайлов 1965: 113-114].

Нельзя не вспомнить и русскую конструкцию *приходиться* + *инф.*, также имеющую дебитивное значение и употребляющуюся в этом значении обычно в форме положительной polarity, ср. *Чтобы успеть написать диссертацию к сроку, пришлось не спать ночами.* Данную конструкцию можно, с некоторой натяжкой, считать грамматикализовавшейся в русском языке с дебитивным значением (с оттенком неизбежности), ср. включение в справочник [Heine et al. 1993: 48] русской и аналогичной латышской формы *pākties*. Значение вынужденности, видимо, является у данного глагола вторичным по сравнению со значением ‘иметь опыт, выпасть на долю’ (напр. *мне уже приходилось бывать у него*), отмечаемым также у декаузативных глаголов движения *приводиться* и *доводиться*; об этом, значении, называемом “экспериенциальным”, см. 2.3.3.

Отметим, кстати, что в русской конструкции, как и в соответствующих дравидийских, турецкой, кашмири, ПРИХОДИТЬ употребляется в безличной форме 3 лица: это свойство конструкций с ПРИХОДИТЬ, имеющих модальное значение возможности/необходимости, является характерным для данного пути грамматикализации. Субъектом движения в данном случае выступает, следовательно, не субъект модальности (т.е. тот участник, который должен что-то сделать), а сама ситуация, “приход” которой осмысливается как появление у участника ситуации некоторой обязанности.

Наконец, встречаются и особые случаи использования ПРИХОДИТЬ при выражении модальных значений. Так, в нескольких африканских языках группы кру ПРИХОДИТЬ маркирует протазис, т.е. условие, условного предложения; т.е. ‘если он есть рис...’ выражается приблизительно как “он приходит есть рис...” [Heine et al. 1993: 46-47].

В нигерийском пиджине глагольный показатель *kom* описывается как показатель “реалиса”, т.е. реального наклонения. Он употребляется не очень часто, по крайней мере он не обязателен в каждом предложении; в вопросах и при отрицании, т.е. в контекстах пониженной ассертивности, *kom* обычно отсутствует, но может использоваться в нарративе, если говорящему необходимо подчеркнуть убедительность своих слов и развеять возможные сомнения слушающего [Faraclas 1996: 208-9, 214]. (О *kom* в качестве показателя наступления нового состояния см. также 2.3.4.)

О модальных значениях в целом см. также 4.1.3.

2.3.6. Императивные значения

Использование при выражении императивных значений зафиксировано и для ПРИХОДИТЬ, и для ИДТИ/УХОДИТЬ, см. 2.2.5.

В качестве показателя собственно **императива**, т.е. повеления к собеседнику, ПРИХОДИТЬ отмечается в разговорном тибетском языке, где показатель *-sog* представляет собой основу повелительного наклонения глагола [Рерих 1961: 91]. В нунггубую (Австралия) императив выражается либо формой будущего времени, либо сочетанием с глаголом *-ani*, более не употребляемым в других контекстах [Heath 1984: 343-344]. В шона (Африка) глагол *-bva* ‘приходить из’ образует императивную конструкцию со значением ‘не забудь сделать, непременно сделай’ (“*be sure and do*”) [Fortune 1955: 353-355], ср.:

(2.73) шона [Fortune 1955: 354]

I-**bva**-yì ma-rega ku-zariga musuo.
ИМП-**приходить**-ИМП2PL-оставить INF-закреть дверь
He забудь закрыть (= “не приди оставив закрыть”) дверь!

Часто показатели, восходящие к ПРИХОДИТЬ, являются факультативными и усиливают императивное значение. Так, в язгулямском языке в качестве побудительных частиц выступают формы императива глагола *yāt* || *za(y)*- (а также глагола ‘ходить’, см. 2.4.2.2) [Эдельман 1966: 87].

В хишкарьяна (Южная Америка) факультативные частицы *otok*, *omontxok* (формы императива глагола ПРИХОДИТЬ) используются, если надо подчеркнуть, что при исполнении действия необходимо движение [Derbyshire 1979: 17-18, 141-142].

В марги конструкция ‘давай же, делай!’ может включать элемент *ázógù* (переводится как “come!”) [Hoffmann 1963: 225]. В африканских языках бака и нгбака ма’бо есть аналогичные показатели [Heine et al. 1993: 47].

Следует вообще отметить, что подобное “эмфатическое” использование ПРИХОДИТЬ характерно для германских языков, ср. немецкое *komm* или английское *come, come on* ‘давай!’. В новогреческом языке императив *ýla* ‘приди’ также используется в цепочке с другой императивной формой [Joseph, Philippaki-Warburton 1987: 191-192], ср.:

(2.74) новогреческий [Joseph, Philippaki-Warburton 1987: 192]

ýla рбметазн!
приходить.ИМП идти.ИМП вместе
Давай пойдём (= “придем идем”) вместе!

Последний пример демонстрирует значение **гортатива**, т.е. призыв к совместному действию. ПРИХОДИТЬ довольно часто используется именно в гортативной функции.

Так обстоит дело в койсанских языках нама и !ора (в нама также и в императиве) [Heine et al. 1993: 47-48]. Гортатив образуется с глаголом *va* ‘приходить’ (или с глаголом ‘давать’) в эве, ср. *va míḍu nu* ‘давай поедим!’ (= “приходить мы-есть вещь”) [Westermann 1954: 77; Храковский (ред.) 1992: 215].

Форма гортатива образуется при помощи императива глагола *vow*- ‘приходить’ в ягнобском языке; смысловой глагол стоит при этом в форме 1-го лица настоящего времени сослагательного наклонения [ОИЯ 1987: 693]:

(2.75) ягнобский [ОИЯ 1987: 693]

vou-t čukerŭn-im-š.
приходить-ИМП.PL пугать-CONJ.1PL-3SG.OBJ
Давайте испугаем его (= “придем напугать”)!

В армянском языке гортатив выражается формой будущего времени желательного наклонения, при этом факультативно используются также специальные частицы *ari* || *ek* ‘давай’ и *ekek* ‘давайте’, представляющие собой формы императива глагола *gal* ‘приходить’ [Храковский (ред.) 1992: 132]. В хинди гортатив выражается сослагательным наклонением, однако часто в качестве побудительных частиц используются формы императива глаголов *ānā* ‘приходить’ (а также ‘идти, двигаться’, ‘приносить’, ‘брать’) [Дымшиц 1986а: 315].

В иврите одним из средств выражения гортатива является конструкция с императивом глагола *ba* ‘приходить’ (используются также глаголы ‘идти’, ‘подходить’ и ‘вставать’), ср. *bo’ nelex* ‘давай пойдём’ с формой будущего времени смыслового глагола

[Храковский (ред.) 1992: 27]. Реже, но иногда императив этого глагола используется и с императивной формой глагола движения в качестве усиления повеления, ср. *'aba, bō-tavo* 'папа, давай иди' [Храковский (ред.) 1992: 146].

В агульском языке гортативная частица *law* || *lav* (в конструкции с инфинитивом или имперфективной основой) является супплетивным императивом от *las* (основа перфектива *adi-*) 'приходить' [Магометов 1970: 142-143]. Аналогичная частица есть и в абхазском языке, однако она употребляется факультативно с формой будущего времени, самой по себе функционирующей и как гортатив [Hewitt 1979: 176].

В языке дирбал и родственных ему австралийских языках гортативные частицы, возможно, также восходят к ПРИХОДИТЬ [Dixon 1972: 18, 116].

2.3.7. Пассивная конструкция

Использование ПРИХОДИТЬ для образования **пассивной конструкции** встречается несколько реже, чем использование ИДТИ/УХОДИТЬ в аналогичной функции (см. 2.2.6) и отмечается оно в тех же группах языков, прежде всего в индоиранских.

Пассивная конструкция с ПРИХОДИТЬ имела или имеется в ряде собственно иранских языков: в раннем классическом персидском языке для выражения пассива использовалась конструкция с *amddn* 'приходить' и пассивным причастием [ОИТИИЯ 1975б: 324; ОИЯ 1982: 150]; данная конструкция существовала наравне с другими конструкциями с глаголами движения ('идти, делаться', 'бродить, вращаться'). Из современных иранских языков пассив образуется при помощи глагола *hatin* в курдском, причем только в диалекте курманджи (тогда как в сорани используется другая, синтетическая форма) [Курдоев 1978: 166, 188], а также в северном диалекте татского языка [ОИЯ 1982: 277-278].

Кроме того, такая конструкция есть в дардских языках вотапури [Эдельман 1965: 98; 1978: 301], с глаголом *ga-*, и кашмири [Эдельман 1965: 193; Захарьин, Эдельман 1971: 105], с глаголом *yun-* || *yъ-*.

(2.76) вотапури [Эдельман 1978: 301]

men	zidā	ciraŋ	gā	thū.
моя	одежда	порванная	пришла	есть
<i>Моя одежда порвалась.</i>				

Среди индоарийских языков отметим маратхи, где конструкция с ПРИХОДИТЬ (и местным падежом отглагольного имени) является основным средством выражения пассива [Катенина 1963: 251-2], тогда как форма с ИДТИ более редка. Напротив, в хинди конструкция с глаголом *ānā* ‘приходить’ является одним из “грамматических синонимов инактивного залога”, основным средством выражения которого является конструкция с *jānā* ‘идти, уходить’ [Липеровский 1984: 218].

Наконец, в итальянском в качестве перифрастической формы пассива используется (помимо конструкции с *andare*) конструкция с глаголом *venire* ‘приходить’ [Алисова, Муравьева 1997: 71-72], ср. *Il libro viene letto da Maria* ‘книга читается Марией’; эта конструкция подчеркивает именно процесс, а не результат действия. В [Серебренников 1974: 223-224] отмечается также использование аналогичного глагола в пассиве в энгадинских диалектах ретороманского языка. Еще один случай использования ПРИХОДИТЬ в пассиве встретился в мальтийском языке (причем конструкции с ИДТИ там в такой функции нет) [Borg 1981: 20, 79-80]; не исключено, что в этом следует видеть влияние итальянского языка.

(2.77) мальтийский [Borg 1981: 79]

Ganni **g̃il** (= kien) maqtul.

Джон **пришел** (= был) убитый

Джон был убит.

2.3.8. Оформление целевого придаточного

В китайском языке глагол *лай* (*lǎi*) ‘приходить’ используются в качестве средства оформления “целевых отношений” [Драгунов 1952: 122; Горелов 1989: 179] (об аналогичной функции глагола *цзюй* (*qǔ*) ‘уходить’ см. раздел 2.2.3.8.2). Дж. Матисофф также упоминает о превращении глагола *lǎi* в показатель **целевого придаточного** в [Matisoff 1991: 402].

(2.78) китайский [Драгунов 1952: 122]

Во цзюй чжэцзи тяоле **лай** чжэнмин...

я приводить эти.несколько примеры **ЧТОБЫ** показать

Я привел эти несколько примеров из жизни, чтобы показать...

Использование ПРИХОДИТЬ в целевой конструкции отмечается в шона [Fortune 1955: 333-335], ронга [Quintro 1951: 156], а также в языке сапо (банту) [Heine et al. 1993: 46]. В йоруба в целевой конструкции обязательно повторение одного из двух основных глаголов движения, в т.ч. *wa* ‘приходить’, ср.:

(2.79) йоруба [Ward 1952: 171]

mo fẹ wa s'ile **wa** j̃eun.

я нравится приходить к-дому [**приходить** есть]

Мне нравится приходить домой (чтобы) поесть.

Как представляется, близким случаем является использование отрицательной формы ПРИХОДИТЬ в языке суахили для выражения “негативно-модального значения превентивности (чтобы событие не состоялось)” [Аксенова 1997: 31], типа *ni-s-j-e ni-kaitw-a* ‘(чтобы) я не заболел’. Ср. также другой пример:

(2.80) суахили [Аксенова 1997: 22]

Fanya haraka u-si-**j-e** u-ka-chelew-a.

поторопись [**ты-не-пришел-бы** ты-опоздал]

Поторопись, (чтобы) тебе не опоздать.

Один из трех основных глаголов движения, в т.ч. *те* ‘приходить’, обязательно повторяются в целевом зависимом в австронезийском языке палау [Josephs 1975: 302-303], см. также выше 2.2.8.

По-видимому, развитие значения цели у подобных конструкций происходит по тому же пути, что и развитие значения будущего времени (исходная конструкция приближения к конечной точке); см. подробнее 4.1.4.3.

2.3.9. Следование событий во времени

В разделе 2.2.9 было показано, что глагол ИДТИ/УХОДИТЬ используется в ряде языков как показатель следования одного события за другим, показатель смены событий в дискурсе. В некоторых языках аналогичная функция свойственна показателям, восходящим к ПРИХОДИТЬ.

Если использование ИДТИ/УХОДИТЬ как показателя следования больше распространено в океанийских языках, то ПРИХОДИТЬ — в африканских. (Хотя, например, в упоминавшихся в 2.2.9 меланезийских креольских языках в функции маркера следования используется и глагол *go*, и глагол *kam* [Keesing 1991: 333].) Так, Э. Траугот отмечает, что механизм обозначения следования (*sequencing*) при помощи глагола ПРИХОДИТЬ представлен в языках суахили и коса (наряду с ИДТИ/УХОДИТЬ) и гвинейском креоле [Traugott 1978: 383-4]. ПРИХОДИТЬ при обозначении следования событий используется также в языке биса [Prost 1950: 46] и сонгай [Prost 1956: 96, 115, 425]. В [Heine et al. 1993: 46] аналогичные показатели (“консекютивные маркеры”) упоминаются также в языках годье и шона (про шона см. также [Fortune 1955: 353-355]).

Несомненной аналогией является и столь интересное явление в языке марги, как “плеонастическое использование глаголов движения”, когда разные глаголы движения используются при указании на новое, выделенное событие в дискурсе или введении нового персонажа [Hoffmann 1963: 210-11].

2.3.10. Модификатор именной группы

ПРИХОДИТЬ в ряде языков отмечается в качестве модификатора именной группы типа предлога/послелого — как правило, с пространственным значением источника движения, но также и с другими пространственными и временными значениями. Как видно, в перечисленных ниже случаях в “фокус внимания” попадает то указание на источник движения: ‘приходить из’, то на его цель: ‘прибывать’.

Так, в марги ‘приходить из, подниматься’ используется как предлог ‘из’ [Hoffmann 1963: 259-60]. В суахили, лингала и эве ‘приходить из’ используется как локативный или темпоральный предлог ‘из, начиная с’; в камба ‘приходить из’ используется как локативный предлог ‘из’, а ‘прибывать’ как локативный или темпоральный предлог ‘до, вплоть до’; в бака предлог, восходящий к ‘прибывать’, имеет значения ‘в, к, до тех пор’ [Heine et al. 1993: 14-15, 48]. В йоруба один из двух глаголов ‘приходить’ *de* имеет функцию предлога ‘в, на, к’ [Маянц 1982: 97]. (Другой глагол йоруба — *ti* ‘приходить от’ употребляется как усиливающий маркер **посессива**, причем автор указывает в качестве параллели на использование в качестве посессивных предлогов, указывающих на источник движения, в германских языках, ср. англ. *of* и пр. [Маянц 1982: 94].) По предположению П. Я. Скорика, в чукотском и корякском языках показатель дательного-направительного падежа возводится к глаголу *эт-ык* ‘идти к, за’ [Скорик 1961: 435-437].

В кикуйю ‘прибывать’ используется как модификатор глагольной группы, оформляющий нефинитное временное придаточное ‘с тех пор, как; пока не’ [Heine et al. 1993: 15].

В языке фиджи показатель *mai* используется как предлог источника движения, ср. *mai na vale* ‘из дома’ (= “приходить ART дом”) [Schutz 1985: 344-5; Lichtenberk 1991: 485-486]. Расширением данной функции *mai* стало превращение его в показатель, маркирующий **агенса** в пассивной конструкции (‘X-ом, посредством X-а’ выражается как “*mai X*”, т.е. “из/от X-а”): являясь источником воздействия на объект, агент переходного глагола осмысливается как источник движения, [Schutz 1985: 275-8; Lichtenberk 1991: 486]; А. Шютц отмечает также, что в таких употреблениях речь идет об агенте, не полностью контролирующем ситуацию (‘вдруг’, ‘случайно’). Кроме того, *mai* в фиджи используется в сравнительной конструкции как показатель **эталона сравнения** (‘чем X’)

(2.81) фиджи [Lichtenberk 1991: 487]

E vavaku cake na kau oqō **mai** na kau oqōgī.
это толстый более ART древесина этот [ПРИХОДИТЬ ART древесина тот]
Эта деревяшка потолще, чем та деревяшка.

Типологически использование показателей удаления (‘из, от’) при маркировании эталона сравнения широко распространено; Л. Стассен в типологическом исследовании сравнительных конструкций расценивает данный тип (*separative*) как, возможно, наиболее частотный среди пяти основных типов сравнительных структур (эта разновидность отмечена в 30% языков его выборки) [Stassen 1985: 39].

В фиджи ПРИХОДИТЬ в качестве предлога употребляется также в случаях, когда необходимо подчеркнуть **пространственную дистанцию** объекта от говорящего [Lichtenberk 1991: 483-484], ср. пример, в котором употребление *mai* было бы невозможно, если бы сам говорящий также находился в лодке:

(2.82) фиджи [Lichtenberk 1991: 484]

Sa: tiko **mai** waqa na koto.
ASP находится ПРИХОДИТЬ лодка ART ящик
Ящик находится (там) в лодке {сам говорящий не в лодке}.

Наконец, еще одним случаем пространственного употребления ПРИХОДИТЬ в океанийских языках является его использование в качестве модификатора существительных типа *край, сторона, конец* и пр., указывающего на более близкое к говорящему расположение объекта [Lichtenberk 1991: 489]. (Расположение на дальнем с точки зрения говорящего краю, стороне и т.п. выражают показатели, восходящие к глаголу ИДТИ/УХОДИТЬ, см. 2.2.10.)

(2.83) каириру [Lichtenberk 1991: 489]

Ramat tai a-tu qai valu-ng **myai**.
человек один он-стоять дерево сторона-его ПРИХОДИТЬ
Между деревом и мной (= по эту сторону дерева) стоит человек.

2.3.11. Периферийные пути грамматикализации

2.3.11.1. Рефактивное значение

Среди наших данных имеется несколько случаев использования конструкций с глаголом ПРИХОДИТЬ для обозначения повторного осуществления ситуации, т.е. со значением **рефактива** (см. о рефактиве подробнее 4.1.2.4).

Как показано в 2.10.1, значение рефактива является наиболее частым результатом грамматикализации для ВОЗВРАЩАТЬСЯ. Тем не менее, ПРИХОДИТЬ также используется как показатель рефактива в ряде языков Африки и Юго-Восточной Азии. Речь идет, например, о глаголе *-am-a* ‘приходить откуда-либо’ в языке аква [Аксенова 1997:

32] и *ben* (< *bɛn* ‘приходить’) в динка, ср. употребление в последнем случае этого же глагола и в качестве смыслового: *ku ben ben* ‘и (он) пришел снова’ (= “и приходит приходит”) [Nebel 1948: 100].

Подобное же использование есть у глагола *Jai* во вьетнамском языке [Панфилов 1993: 191-192] и родственного ему глагола в мьонг [Соколовская, Нгуен Ван Тай 1987: 49, 58]. Ср. примеры из вьетнамского: *nó lại đi cho í* ‘он опять пошел развлекаться’ (= “он приходит идти играть”), *làm lại* ‘переделать’ (= “делать приходит”) [BPC 1961: 303].

Помимо этого, во вьетнамском языке тот же глагол используется для выражения “ответного способа действия”, который можно продемонстрировать примерами: *uêu* ‘любить’ ⇒ *uêu lại* ‘полюбить в ответ’, *đá* ‘ударить’ ⇒ *đá lại* ‘врезать в ответ’ [Панфилов 1993: 192].

Аналогичное использование глагола ПРИХОДИТЬ имеется в кхмерском языке: глагол *мэ:к* с наречием *винь* ‘снова, обратно’ “выражает повторное или ответное действие, действие, противопоставляемое предшествующему действию, действие как реакцию на другое действие...”; те же значения имеет и менее употребительное сочетание *тэу-винь* с глаголом ‘уходить’ [Горгониев 1966: 198]. Ср.:

(2.84) кхмерский [Горгониев 1966: 198]

теань сиеупхэу пи: дай пьо:н мэ:к-винь

тянуть книга из рука младший.брат приходит-снова

(Однако Соран тоже хотела рассмотреть все поближе, и она...) в свою очередь тянула книгу из рук брата к себе.

Подобное использование ПРИХОДИТЬ можно считать частным случаем рефактивного: в последнем случае ситуация также повторяется, хотя и с другой расстановкой актантов (можно сказать, что участники ситуации меняются ролями); см. подробнее о широком понимании рефактивности в 2.10.1.

Вообще, значение кхмерских показателей может быть и более широким; они употребляются и в случаях, когда ситуация как таковая не повторяется, однако действительно является реакцией на предшествующую, противоположную ей ситуацию (ср. пример *И тогда он услышит немедленный ответ*, где также употреблен *мэ:к-винь* [Горгониев 1966: 198]: здесь уже происходит “возвращение” другого рода, возвращение к той ситуации, которая вынудила данное действие.

2.3.11.2. Бенефактив

В языке лаху показатель *lv* (< *la* ‘приходить’) используется как показатель **бенефактива** (участника, для которого, в чью пользу совершается действие); этот показатель является глагольным модификатором, указывая при опущении именной группы, в пользу какого лица совершено действие. При этом *lv* в данной функции оказывается противопоставленным другому показателю *pí*, восходящему к глаголу ‘давать’: если первый используется в том случае, если бенефактивный актант является 1 или 2 лицом, то второй — с 3-им лицом, ср.: *chə lá* ‘наколоть для меня / нас / тебя / вас’, *chə pí* ‘наколоть для него / нее / них’ [Matisoff 1973: 324-30; 1991: 396].

В качестве объяснения распределения глаголов ‘приходить’ и ‘давать’ в зависимости от лица актанта можно указать на то, что, что ‘приходить’ как дейктический глагол связан с приближением к местоположению говорящего (и слушающего), так что неудивительно, что

показатель *lv* оказывается связанным именно с 1-2 лицами; глагол же ‘давать’, можно сказать, “индифферентен” к лицу актанта, поэтому может использоваться и в качестве маркера при 3-ем лице (кроме того, действие давания обычно мыслится как направленное от говорящего, ср. 2.1).

Близкий случай использования глагола *мэ:к* ‘приходить’, но на этот раз при маркировании бенефактивной именной группы, находим в кхмерском языке: данный глагол используется как “показатель адресата действия”, ср.:

- (2.85) кхмерский [Горгониев 1984: 518]
so:m aou siqwpHgW nih **mLk** khrom.
прошу дать книгаэтот **приходить** я
Дайте мне, пожалуйста, эту книгу.

Глагол со значением ‘прибывать, идти к’ маркирует дативный/бенефактивный актант и в австронезийском языке ябем [Bisang 1995: 151].

Эволюция ПРИХОДИТЬ в показатель бенефактивной именной группы засвидетельствована также в языках подгруппы сенуфо семьи гур (Африка) [Carlson 1991: 211-212; Heine et al. 1993: 46; Lord 1993: 41-42]; это употребление развилось на основе значения приближения к цели, свойственного модификаторам именной группы, восходящим к ПРИХОДИТЬ (см. 2.3.10).

2.3.11.3. Дезидеративное значение

Наличие конструкции с глаголом ПРИХОДИТЬ, имеющей **дезидеративное** значение ‘субъект хочет, чтобы ситуация имела место’, по-видимому, является исключительной особенностью тюркских языков; по крайней мере, среди рассмотренных языков других аналогичных примеров не встретилось. (В связи с этим, мы решили рассмотреть этот случай отдельно от других модальных значений.)

Считается, что еще в древнетюркском глагол *кел-* (*kel-*) в сочетании с именами существительными (в прямом падеже либо в “форме принадлежности”) использовался для создания сложных глаголов чувственного восприятия типа *цркд кел-* ‘сердиться’ от *цркд* ‘гнев, раздражение’, и *кел-* ‘хотеть спать’ от *и* ‘сон’ (ср. русское *что-то сон не идет*) [СИГТЯ 1988: 436-437; Юлдашев 1965: 103-108]. На основе этой своего рода словообразовательной модели для глаголов чувственного восприятия “возникла глобальная оппозитивная спрягаемая форма на -*у* *кел-* с типовым деривационным значением ‘хотеть совершения действия или состояния, обозначенного производящей глагольной основой” [СИГТЯ 1988: 437]. Во многих языках конструкция *-гы кел-* (где *-гы* — аффикс “имени действия”) продолжает функционировать в качестве дезидеративной; в других языках аналогичное значение имеют созданные на ее основе конструкции *-сы кел-* (татарский, турецкий), *-ыр кел-* (карачаево-балкарский) [Юлдашев 1965: 109]:

- (2.86) а. татарский [СТЛЯ 1969: 266]
ал-асы-м килч ‘мне хочется взять’
ал-асы-м килде ‘мне захотелось взять’
б. башкирский [Юлдашев 1965: 109; ГСБЯ 1981: 269]
бар-фы кил- ‘хотеть пойти’
уйла-фы кил-мқи ‘не хочется (об этом) думать’.

В турецком существуют две синонимичные конструкции с дезидеративным значением: *-(y)acak /-(y)ecek gel-* и *-(y)asi /-(y)esi gel-* [Кононов 1956: 248; Михайлов 1965: 118-

120]. Например: *bağır-ası-m geli-yor* ‘мне хочется (приходит-3SG) кричать’, *iz-esi-m geli-yor* ‘мне хочется (приходит-3SG) пить’ (-m — “аффикс принадлежности, указывающий в данном случае на лицо субъекта). “Двигается” в данном случае в буквальном смысле сама ситуация, которая “приходит” к субъекту модальности (участнику).

2.3.11.4. Кунктатив (‘еще не’)

В суахили показатель *-ja-*, представляющий собой отрицательную форму от ‘приходить’, имеет значение кунктатива ‘еще не’ (“ретардивное”, в терминах И. С. Аксеновой), напр. *ha-tu-j-a som-a* ‘мы еще не читали’ (= “мы-не-пришли читать”) [Аксенова 1997: 31; см. также примеры на сс. 21, 79]; структурно эта конструкция, как кажется, не совпадает с целевой конструкцией, о которой шла речь выше. В булу конструкция с *-za-* ‘приходить’ также выражает значения ‘пока не; прежде, чем’ (“*not yet tense*”) [Alexandre 1966: 122].

В языке волоф *-ag* ‘приходить, достигать’ с отрицательной частицей обозначает еще не совершившееся действие [Никифорова 1981: 45]. В койсанском языке Ꞥххомани глагол *si || sija* также обозначает, что “ситуация еще не началась” [Stopa 1972: 98-99].

2.3.11.5. ПРИХОДИТЬ при указании на временной отрезок

В 2.2.11.2 уже указывалось на то, что использование глаголов движения для обозначения временных отношений не сводится к маркированию глагольного времени. Глаголы движения могут употребляться и со словами, обозначающими временные отрезки (типа *неделя, месяц* и т.п.), указывая на то, идет ли речь о прошедшем периоде времени, или об ожидающемся в будущем.

ПРИХОДИТЬ указывает в этом случае на то, что рассматриваемый отрезок времени наступит (“придет”) после момента речи (ИДТИ/УХОДИТЬ в таком случае функционирует, напротив, как показатель отнесенности данного отрезка времени в прошлое, см. 2.2.11.2). ПРИХОДИТЬ используется так, например, в относительном предложении, определяющем вершинное имя–название временного периода. Ср. пример из языка мбамбатана (Соломоновы о-ва):

(2.87) мбамбатана [Lichtenberk 1991: 488]

vuiki sa me.
неделя REL **приходить**
следующая неделя

а также его коррелят, например, в португальском языке: *na semana que vem* ‘на будущей неделе’ (букв. “которая приходит”). Аналогичные примеры из океанийского языка палау см. в [Josephs 1975: 320, 464], из волеаи в [Sohn 1975: 235-6].

Грамматикализовался глагол ПРИХОДИТЬ в данной функции в некоторых океанийских языках (вангуну), где он стал уже регулярным модификатором имени с временным значением [Lichtenberk 1991: 488-489].

2.3.11.6. Приближенная оценка

Конструкция с глаголом ПРИХОДИТЬ и числительным используется при обозначении **приблизительного количества** в испанском языке: так, выражение *viene a tener ochenta años* означает ‘ему около 80 лет’ (= “(он) приходит к иметь 80 лет”). Аналогичную функцию имеет и глагол *lái* в китайском языке, ср. *liǎng mí lái gāo* ‘около 2 метров высотой’ (букв. “два метра приходит высокий”) [Matisoff 1991: 401].

Кроме того, в испанском языке, а также в каталанском, та же конструкция *venir a inf.* употребляется в случаях “смягчения категоричности утверждения”, когда речь идет

не о тождестве двух ситуаций, а лишь о некотором приближении между сравниваемыми сущностями. Так, каталанская фраза *vindra a ser el mateix* (в будущем времени) или испанская *eso viene a ser lo mismo* (в настоящем) означают ‘это как будто то же самое; это в сущности то же’ (= “это приходит к быть тем же”) [ИРС 1988: 784; Badia Margarit 1962: 394-395].

2.3.11.7. Каузатив

В шведском и исландском конструкция с *komma* и инфинитивом имеет каузативное значение (в шведском также значение будущего времени и инхотатива, см. 2.3.1. и 2.3.4) [Берков 2000: 179; Маслова-Лашанская, Чекалина 2000: 361], ср.:

(2.88) шведский [Маслова-Лашанская, Чекалина 2000: 361]
 Han kom mig att tro det.
 он приходит.PST меня INF верить это
 Он заставил (= “пришел”) меня поверить этому.

По-видимому, к глаголу ПРИХОДИТЬ восходит и показатель *ka* в языке сонгай, имеющий значение ‘заставить X-а сделать P’ при сочетании с глаголом с одушевленным субъектом и ‘сделать P с помощью X-а’ при неодушевленном субъекте [Prost 1956: 107].

2.3.11.8. Предикатная анафора

В китайском языке, в котором глагол *lái* является источником нескольких вспомогательных элементов, данный глагол используется также в качестве своеобразного предикатного анафорического слова (*pro-verb*) наподобие английского *do* [Matisoff 1991: 401-402].

2.3.11.9. Сочинительный союз

В архаическом и доклассическом древнекитайском языке в качестве сочинительного союза (оформляющего связь между актантами) использовался глагол *lǎp /ta/* ‘приходить, достигать’ [Старостин 1994: 101].

2.4. Пути грамматикализации ХОДИТЬ

Глагол ХОДИТЬ подвергается грамматикализации достаточно часто, демонстрируя при этом небольшой разброс итоговых значений. Интересно, что ХОДИТЬ является единственным из рассмотренных глаголов движения, обладающим чистой неопределенной семантикой (у таких глаголов, как ИДТИ или ПРИХОДИТЬ предельность или неопределенность может специально подчеркиваться только в рамках целой конструкции). В силу этого обстоятельства основные итоговые значения для конструкций с ХОДИТЬ совпадают со значениями глаголов позиции, как будет видно в главе 3; см. также 4.2.2.3.1.

Существенной проблемой является разграничение собственно ‘ходить’ и глагола ‘идти’, могущего также выступать в роли “чистого” глагола движения. В качестве случаев, относящихся к ХОДИТЬ, мы рассматривали те конструкции, в которых глагол обозначался по-русски как *ходить* или переводился как англ. *walk, travel*, фр. *marcher* и пр. Прежде всего учитывались случаи, где такой глагол отмечался отдельно от “основного” глагола движения типа ИДТИ (ср. *ir* vs. *andar* в иберо-романских или *бар-* vs. *йҮр-* в тюркских языках).

В данном разделе рассмотрены также немногочисленные конструкции с исходным глаголом БРОДИТЬ.

2.4.1. Имперфективные значения

Наиболее распространено употребление конструкций с глаголом ХОДИТЬ для обозначения длящихся и повторяющихся ситуаций. Это аспектуальные значения из имперфективной области; имперфективные конструкции с глаголами ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ уже обсуждались выше, а подробнее о понимании зоны аспектуальности в настоящей работе говорится в разделе 4.1.2. Сразу отметим, что спектр значений имперфективных конструкций с ХОДИТЬ несколько более узок, чем это наблюдалось для названных выше глаголов.

Нам встретились подобные конструкции главным образом в алтайском и романском ареалах.

Имперфективное значение грамматикализованных конструкций с ХОДИТЬ характерно прежде всего для иберо-романских языков. В испанском языке конструкция *andar + ger.* “выражает длительность привычного или повторного действия” [Левинтова, Вольф 1964: 91], придает действию “характер постоянного занятия чем-нибудь” [Васильева-Шведе, Степанов 1980: 223; 1981: 100]. Аналогичное значение отмечается у конструкции *andar + ger. / a inf.* в португальском [Вольф, Никонов 1965: 104; Никонов 1981: 156] и у конструкции *andar + ger. / a inf.* в галисийском [Rojo 1974: 106-108, 117-118].

Продemonстрируем употребление конструкций с глаголом *andar* на примере португальского языка (из художественной литературы). Примеры (2.89) демонстрируют употребление *andar a inf.* в собственно **дуративном** контексте, т.е. вводят в рассмотрение длящиеся на протяженном отрезке времени неопределенные ситуации, соответственно, в настоящем и прошедшем времени:

(2.89) португальский (♥)

- а. Assustei-vos? O que й que **andam** aqui a fazer?
Испугал я вас? А что это вы тут поделяваете (= “ходите делая”)?
- б. Nro eram vocks que **andavam** a cochichar?
Разве ж это не вы там всё шептались (= “ходили шепчась”)?

Примеры (2.90а-б), также в настоящем и прошедшем времени, демонстрируют **хабитуальное** значение конструкции ‘ситуация имеет место в течение длительного периода времени, например, регулярно повторяется на протяжении этого периода’:

(2.90) португальский [Никонов 1981: 156; (♥)]

- а. Расікнсіа?! **Andas** a pedir-me расікнсіа һб um sйculo.
Терпение?! Да ты уже сто лет призываешь (= “ходишь прося”) меня к терпению.
- б. Ao tempo que **andava** a juntar dinheiro para uma bicicleta...
В то время, когда я копил (= “ходил собирая”) деньги на велосипед...

Другой тип конструкции — с глаголом *andar* и причастием — имеет в иберо-романских языках **стативное** значение; она обозначает длительное/хабитуальное состояние и употребляются, как правило, с глаголами эмоционального состояния [Васильева-Шведе, Степанов 1981: 92; Никонов 1981: 156; Rojo 1974: 140], ср.:

(2.91) а. испанский [Васильева-Шведе, Степанов 1981: 92]

...todo el pueblo **andaba** alboratado.

...все жители находились в беспокойстве (= “ходили обеспокоенные”).

б. португальский [Никонов 1981: 156]

Muito homem **anda** an mordido por ela...

Многие мужчины влюбены в нее (= “ходят терзаемые ею”)... {но она, похоже, не собирается ни за кого выходить замуж.}

Деепричастная конструкция типа *-n йҮр-* распространена во многих тюркских языках [Юлдашев 1965: 72-73]. Как отмечает А. А. Юлдашев, эта конструкция образует “сложные глаголы” со значением “заниматься чем-либо (напр., работой, учебой)”. Судя по приводимым примерам, речь идет о том же спектре значений из области дуративности/хабитуальности: ср. башкирские примеры *кере-п йөр-өй* ‘(он) имеет обыкновение заходить’ (= “заходя ходит”), *иҫән һепере-п йөр-өй* ‘(он) подметает полы’ (= “полы метя ходит”). Вообще, если с глаголами “активного действия” башкирская конструкция *-п йөр-* имеет значение ‘заниматься Р’ (ср. *лекция укы-п йөр-өй* ‘заниматься чтением лекций’ с глаголом ‘читать’), то с глаголами эмоционального состояния — ‘находиться в состоянии Р’ (ср. *асыулан-ып йөр-өй* ‘он сердится’, с глаголом ‘злиться’) [ГСБЯ 1981: 218].

В кумыкском языке конструкция с глаголом *юрю-мек* “выражает действие, происходящее регулярно, постоянно” [Джанмавов 1967: 221]; в узбекском конструкция *-б юр-* выражает “длительное действие, совершающееся во время движения или перемещения” [Кононов 1960: 266]; в татарском конструкция *-п йөр-* обозначает “длительное и непрерывное” действие [СТЛЯ 1969: 282; Ганиев 1963: 137; 1982: 104]; в каракалпакском конструкции *-п джюр-* и *-а джюр-* с глаголом ‘двигаться, ходить, бродить’ также обозначают “длительное”, “периодическое”, “часто повторяющееся” действие [Баскаков 1952: 365-366]; а в сарыг-югурском конструкция *-р још-* означает, что “действие регулярно повторяется в течение длительного периода” [Тенишев 1976б: 105].

Данные характеристики вполне подтверждаются приводимыми авторами примерами, ср. татар. *тырышы-п укы-п йөр-иләр* ‘(они) очень старательно учатся’ (= “стараясь учась ходят”) [Ганиев 1963: 137], или узб. *самолетлар уч-иб юр-ди* ‘самолеты летали (над городом)’ (= “летая ходили”) [Кононов 1960: 266].

Якутские конструкции *-а сырыт-*, *-ып сырыт-* с глаголом ‘ходить, двигаться, пребывать’ имеют значение “постоянства, обычности” действия [Харитонов 1947: 221; 1960: 67-68], а долганская конструкция с глаголом *һырыт-* имеет значение ‘заниматься чем-либо’ [Убрятова 1985: 154].

В карачаево-балкарском языке в аналогичной конструкции *-б айлан-* используется этимологически, по-видимому, неродственный глагол ‘ходить, ездить, вращаться’, однако конструкция также имеет хабитуальное значение, ср. *окъу-б айлан-ады* ‘(он) учится (в городе)’ [Алиев 1973: 147-148].

Насколько можно понять, во всех указанных языках конструкции с ХОДИТЬ употребляются как в настоящем, так и в прошедшем времени. Вместе с тем, в некоторых описаниях тюркских языков формы, восходящие к конструкции с глаголом ХОДИТЬ и деепричастием, описываются исключительно как одно из “настоящих времен”. В турецком “настоящее 1-ое” восходит к сочетанию с глаголом *-уор* ‘ходить’ [Кононов 1956: 223]; в саларском аффикс “настоящего 1-ого” *-por* восходит к **-p јор* с глаголом ‘ходить, двигаться’: данная форма употребляется для обозначения ситуаций, имеющих место как в момент речи, так и регулярно [Тенишев 1976а: 138-139]. В уйгурском языке глагол *жҮр-* является одним из 4 вспомогательных глаголов, при помощи которых образуется форма настоящего времени; настоящее время с этим глаголом имеет “оттенок продолжительности, регулярности, периодичности действия”, например: *йези-п жҮр-Үнсән*

означает ‘ты пишешь (например, статьи в газету)’ [Наджип 1960: 99]. В тувинском языке конструкция *-п чор-* является одной из четырех [Исхаков, Пальмбах 1961: 380], а конструкция *-ын чир-* в хакасском языке — одной из трех перифрастических форм настоящего времени (используются также глаголы СИДЕТЬ, СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ, см. 3.4.1). При этом в хакасском эта форма обозначает как ситуации, имеющие место “в данный момент”, т.е. имеет **прогрессивное**, или актуально-длительное значение:

- (2.92) хакасский [ГХЯ 1975: 207]
 Панюк кір **чир.**
 Панюк входит.CONV **ходить.PRS.3SG**
 (Визу:) *входит Панюк.*

так и ситуации длительные или повторяющиеся (см. примеры там же). Данное употребление разумно считать частным случаем использования дуративной конструкции с ХОДИТЬ: очевидно, в указанных языках использование конструкции ограничено настоящим временем, в связи с чем исследователи данных языков склонны считать ее собственно временной, нежели чисто видовой, как в других тюркских языках.

Помимо тюркских языков, аналогичная конструкция имеется в монгольских: это, например, деепричастные сочетания с глаголом *ябаха* в бурятском [ГБЯ 1962: 193; Бертагаев, Цыдендамбаев 1962: 43], а также с *явах* в монгольском [Яхонтова 1997: 116]; их значение характеризуется как “длительное” или “продолженное”. Тот же оттенок “длительности” (а также “совершения действия во многих местах” отмечается у достаточно редкой марийской конструкции с деепричастием и *кошташ* [Серебренников 1960: 200; СМЯ 1961: 216].

Отметим также использование в таджикском языке конструкции с деепричастием прошедшего времени и глаголом *гашт-ан* ‘вращаться, двигаться, ходить’, которая имеет значение “длительности процесса или действия, охватывающего целый отрезок жизни субъекта...” и употребляется в прошедшем, настоящем и будущем временах [Расторгуева, Керимова 1964: 229-235]. Аналогичное дуративное и хабитуальное значение имеет конструкция с *gaštū* ‘ходить, передвигаться’ в языке афганских хазара [Ефимов 1965: 70].

Наконец, в баскском языке сочетание глагола *ibili* с причастием в падеже образа действия на *-z* (“медиативе”) также обозначает длительную ситуацию, ср. *murmurikatu-z badabila* ‘он все бормотал и бормотал’ [Lafitte 1979: 351]. В африканском же языке нгити сочетание вспомогательного глагола *ubhita* ‘ходить, двигаться’ с отглагольным именем с послелогом³⁴ имеет значение прогрессива, обозначая развивающийся в точке отсчета процесс [Kutsch Lojenda 1994: 275], ср.:

- (2.93) нгити [Kutsch Lojenda 1994: 275]
 та **múbbi** ngbángba nánzì rǒ.
 я 1SG-**ходить** ребенок звать.VN POST
 Я зову (≈ “хожу у зова”) ребенка.

По данным [Bybee et al. 1994: 128], к конструкции с ХОДИТЬ восходит показатель прогрессива в ток-писине.

³⁴ Значение локативного послелога *rǒ* в данной конструкции не вполне ясно; в одном месте он переводится как ‘against’ и используется в таких сочетаниях, как, например, “опираться о дом” или “спуститься с горы”; восходит он к конструкции ‘на теле’ [Kutsch Lojenda 1994: 314].

Вкратце упомянем и о встретившихся нам случаях использования глагола БРОДИТЬ. В языке ятве (Африка) отмечается использование глагола с этим значением *aga* ('wander') в сериальной конструкции в качестве показателя хабиутальности [Heine, Reh 1984: 129]. В хинди конструкция с имперфективным причастием и *phirnā* 'бродить, крутиться, вертеться' характеризуется как средство выражения "рассредоточенной совершаемости", т.е. "разнонаправленности и нелокализованности (не только пространственной, но и временной) действия" [Липеровский 1984: 200-201]. Впрочем, судя по приводимым примерам ("учитель долго разыскивал его", "она оплакивала свою горькую участь"), речь в данном случае идет скорее о выражении дуративности/ хабиутальности; такая трактовка поддерживается и данными [Дымшиц 1986а: 186, 365].

Итак, в целом конструкциям с ХОДИТЬ свойственны именно те имперфективные значения, которые часто возникают у конструкций с глаголами позиции (см. 3.2): дуративность и хабиутальность.³⁵ Менее свойственно им прогрессивное значение, и совсем не отмечается столь характерная для глаголов ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ его градативная разновидность. Данное явление обсуждается подробнее в 4.1.2.1.

2.4.2. Периферийные пути грамматикализации

2.4.2.1. Проспективное значение

Проспективное значение 'в момент T имеется положение дел, которое является предпосылкой для осуществления ситуации P после T', о котором уже шла речь в 2.2.1 и 2.3.1, обнаруживает конструкция с инфинитивом *чир-* + *inf.* в хакасском языке [ГХЯ 1975: 245] (помимо этого, существует синонимичная ей конструкция с глаголом *ит-* 'делать' и инфинитивом):

(2.94) хакасский [ГХЯ 1975: 245]

Адай пози-рға чцр.
собака срываться-INF ходить.PRS.3SG
Собака вот-вот сорвется (= "ходит сорваться").

В тибетском языке "идея близости действия" (примеры переводятся обычно как 'собираться сделать') также выражается сочетанием с вспомогательным глаголом 'gro (а также *grabs* 'подготовить') [Рерих 1961: 98].

Схожим образом, как выражающая "близкое будущее" (*futuridad inmediata*) и "ситуацию, находящуюся на грани осуществления" (*accijn a punto de suceder*), описывается конструкция *andar a/prá inf.* в галисийском языке [Rojo 1974: 99], а также *andar para inf.* в португальском [Costa 1976: 239-240], ср. португ. *Ando para o visitar* 'я подумываю навестить его' (= "хожу к навестить"), *Anda para fugir* 'он собирается сбежать' (= "ходит к убежать").

О проспективе и будущем времени см. также 4.1.1.1.

2.4.2.2. Императивные значения

Использование отрицательной формы глагола ХОДИТЬ в конструкции *-п йәрәмә-* отмечается в башкирском языке: употребляясь с "глаголами активного действия", она имеет значение 'не стоит заниматься P'. В качестве примера приводится употребление

³⁵ Для "сериальной" конструкции с *ходить* в русском языке также отмечается оттенок "подчеркивания многократности действия", ср. "Он ходит выпендривается = Он везде <всегда> выпендривается" [Вайс 2000: 371]. Об этом типе конструкций см. также 1.3.2.2.

данной конструкции в императиве с глаголами движения: *бар-ып йөр-әмә* ‘не ходи, не стоит ходить’, *кере-п йөр-әмә* ‘не заходи’ [Юлдашев 1965: 73; ГСБЯ 1981: 72].

Остается неизвестным, ограничено ли употребление ХОДИТЬ здесь именно **прохибитивным** контекстом (выражение отрицательного императива ‘не делай Р’), либо конструкция имеет более общее модальное значение. Как бы то ни было, нам встретился еще один случай, связанный с использованием ХОДИТЬ в императивной конструкции: в язгулямском языке в качестве “побудительной частицы” используется форма **императива** глагола *tıyd || tež* ‘ходить, бродить’ (а также форма глагола ПРИХОДИТЬ, см. 2.3.6), ср. *ná-kən taž* ‘не делай (этого)’, букв. “не делай ходи” [Эдельман 1966: 87].

Об императивных значениях см. также 4.1.3.1.

2.4.2.3. Пространственный показатель

В океанийских языках отмечено превращение ХОДИТЬ в локативные показатели, см. краткое упоминание в [Heine et al. 1993: 150, 228, 235].

2.5. Пути грамматикализации ВХОДИТЬ

Глагол ВХОДИТЬ нечасто подвергается грамматикализации — в нашем материале имеется чуть более десятка конструкций с данным глаголом; при этом наблюдается большое сходство итоговых значений.

2.5.1. Инхоативное значение

Основной путь грамматикализации конструкции с ВХОДИТЬ — приобретение **инхоативного** значения. Такие конструкции, вводящие в рассмотрение начальную фазу динамической ситуации, отмечаются в некоторых алтайских языках, в хауса, а также (в качестве крайней периферии) в португальском языке.

В тувинском это деепричастная конструкция *-п кир-*, ср. *ажылда-* ‘работать’ ⇒ *ажылда-п кир-* ‘приступить к работе’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 413]; в кумандинском диалекте алтайского языка употребляется аналогичная конструкция, ср. *ич-* ‘пить’ ⇒ *ич-ип кир-* ‘начать пить’ [Баскаков 1972: 63]. В якутском инхоативная конструкция *-п киир-* употребляется редко, более распространенной является сложная конструкция *-ан киир-эн бар-*, которая включает в свой состав глагол *киир-* ‘входить’ внутри конструкции *-ан бар-* с инхоативным значением (см. раздел 2.2.4); эта сложная конструкция выражает интенсивное начало процесса, ср. *Плээ-эн киир-эн бар-да* ‘(он) начал энергично, всю работу’, *мөһөн киир-эн бар-да* ‘(он) начал сильно ругать’ [Харитонов 1960: 75-76].

Аналогично, в качестве средства выражения интенсивного начала процесса, рассматривается конструкция с деепричастием и глаголом *орохо* в бурятском, ср. *Пнгэжэ оробо* ‘принялась трепать’, *шуумайжа оробо* ‘помчалась’ [Бертагаев, Цыдендамбаев 1962: 42].

Инхоативная конструкция с глаголом *shiga* имеется в языке хауса, ср.:

(2.95) хауса [Смирнова 1960: 54, 70]

- а. Suka **shiga** nema...
3PL.PST **входить** искать

Они приступили к поискам...

б. sai kuma aka **shiga** rarraba kyauta...
 потом и это.PST **входить** распределять приз
 (Когда судьи окончили осмотр выставки,) ...начали распределять призы (...среди тех, кто победил).

Португальская глагольная перифраза *entrar a inf.* с инхоативным значением является крайне малоупотребительной [Вольф, Никонов 1965: 105; Costa 1976: 237]; более распространены другие перифрастические конструкции с данным значением (с глаголами *comezar* ‘начинать’, *pfr-se* ‘браться’).

(2.96) португальский [Вольф, Никонов 1965: 105]

Um dia os lucros **entraram** a escassear.

И вот настал день, когда доходы стали уменьшаться.

Об инхоативном значении см. также 4.1.2.3.

2.5.2. Модификатор именной группы

Глагол ВХОДИТЬ функционирует как именной модификатор типа **предлога** в ряде изолирующих языков Юго-Восточной Азии и Западной Африки; как правило, они имеют пространственное значение ‘внутри, внутрь’, иногда ‘к’. Ср. показатель *bo* ‘в’ в йоруба [Маянц 1982: 97], *khaw* ‘к’ в лаха [Солнцева, Хоанг Ван Ма 1986: 79], *vào* во вьетнамском [Matisoff 1991: 434; Heine et al. 1993: 75].

В [Серебренников 1963: 357] отмечается также возможное происхождение послелога *рур* ‘через’ в пермских языках из глагола *рурпу* (хотя в целом послелоги глагольного происхождения в этих языках нетипичны).

О превращении глаголов движения в модификаторы именной группы см. также 4.1.4.4.

2.5.3. Периферийные пути грамматикализации

2.5.3.1. Видо-временной показатель

В языке диери глагол *widi* является одним из шести видо-временных показателей и обозначает близкое прошедшее (прошедшее “вчерашнего дня”) [Austin 1981: 90]; об особой ситуации с диери см. подробнее 4.1.1.3. В языке нама отглагольный показатель *#da* обозначает длительные ситуации, “продолжающиеся в течение всего дня (до заката)”, см. [Heine et al. 1993: 75].

2.5.3.2. Следование во времени

В языке марги глагол *dzùgwà* (производный от корня со значением ‘спускаться’) используется как показатель со значением ‘сразу после этого произошло Р; и вот произошло Р’ [Hoffmann 1963: 218-9], т.е. выражает следование во времени, см. также [Heine et al. 1993: 75].

2.6. Пути грамматикализации ВЫХОДИТЬ

Глагол ВЫХОДИТЬ достаточно редко подвергается грамматикализации (главным образом в алтайских языках) — в нашем материале имеется порядка двух десятков конструкций с данным глаголом.

По крайней мере в двух случаях (кумыкский, таджикский) у глаголов, означающих ‘выходить’, отмечается также значение ‘подниматься’; эти глаголы рассмотрены в настоящем разделе. О глаголе со значением ‘подняться, выйти, уйти’ в языке /хам см. 2.7.2.2.

2.6.1. Перфективное значение

Наиболее широко представленными в нашем материале оказались конструкции с ВЫХОДИТЬ, имеющие **перфективное** значение.

Они представлены прежде всего в тюркских языках и характеризуются как выражающие “исчерпывающий охват объекта действия” (см. (2.97а)) или “законченность перехода из одного состояния в другое” (см. (2.97б)) [Юлдашев 1965: 81-83].

(2.97) башкирский [Юлдашев 1965: 81-83]

а. Мин был китап-ты ук-ып **СЫК-ТЫ-М.**
я этот книга-ACC читать-CONV **ВЫХОДИТЬ-PST-1SG**
Я прочел (= “читая вышел”) эту книгу.

б. Сәй кайна-п **СЫК-ТЫ.**
чай кипеть-CONV **ВЫХОДИТЬ-PST**
Чай вскипел (= “кипя вышел”).

С таким набором интерпретаций деепричастные конструкции типа *-п чык-* употребляются также в узбекском языке [Кононов 1960: 265], каракалпакском [Баскаков 1952: 378-379], башкирском [ГСБЯ 1981: 221], татарском [СТЛЯ 1969: 284, 1971: 30; Ганиев 1963: 142-143; 1982: 107]. Похожим образом характеризуется конструкция с деепричастием и *гараха* в бурятском языке [Бертагаев, Цыдендамбаев 1962: 42], а также возникшие под тюркским влиянием конструкции с глаголом *лекташ* в марийском [Серебренников 1960: 196; СМЯ 1961: 209-210] и с глаголом *потыны* в удмуртском [Серебренников 1960: 265-266; 1963: 280].

Конструкции *-п чык-* часто свойственен тоталитативный оттенок значения ‘действие затрагивает субъекта или объект целиком (“сделать полностью, все до конца”): если в случае с непереходными глаголами целиком “охвачен” субъект ситуации (например, каракалпакское *джыйла-п шыкь-* ‘выплакаться’ [Баскаков 1952: 379]), то с переходными — ее объект: ср. татар. *ук-ып чык-* ‘прочесть (до конца)’ [СТЛЯ 1969: 284], каракалп. *кыдыр-ып шыкь-* ‘изъездить (страну)’ [Баскаков 1952: 379]. В случае с множественным объектом переходного глагола мы имеем дело с объектно-дистрибутивным значением (‘неоднократное осуществление ситуации в один период времени с переменным набором однотипных участников’, по [Храковский (ред.) 1989: 34 и сл.]), ср. татар. *пбе-п чык-* ‘перечеловать’ [СТЛЯ 1969: 284], а также пример на совокупный локативный актанта (амбулативное значение): *кибет-ләр-не йөр-еп чык-* ‘обойти (все) магазины’ [Храковский (ред.) 1989: 119]. Ср. также:

(2.98) татарский, мишарский дт. (♣)

bala-lar-ga	şarka-lar-ın	kigez-ep	чык-ты.
ребенок-PL-DAT	шапка-PL-ACC	надевать-CONV	ВЫХОДИТЬ-PST

(Он) на (всех) детей шапки надел (= “надев вышел”).

В кумыкском языке конструкция *-п чыкъ-* выражает “законченность действия, которое обычно совершается неосновательно, поверхностно, невнимательно”, например:

(2.99) кумыкский [Джанмавов 1967: 222]

Китап-ны	бир	оху-п	ЧЫКЪ -ды-м.
книга-АСС	один	читать-CONV	ВЫХОДИТЬ -PST-1SG
<i>Книгу я один раз (так) прочел.</i>			

Помимо алтайских и финно-угорских языков, конструкция с **ВЫХОДИТЬ** используется в таджикском (*conv.pst + боромадан* ‘выходить, подниматься’), причем также с тоталитативным оттенком, ср. *дидан* ‘смотреть’ ⇒ *дида ме-барояд* ‘просмотрит (со всех точек зрения)’, *хондан* ‘читать’ ⇒ *хонда баромада* ‘прочитав (от начала и до конца)’, *фикр кардан* ‘думать’ ⇒ *фикр карда баромадӣ* ‘обдумать’ [Расторгуева, Керимова 1964: 270-272].

В индоарийских языках (например, хинди и панджаби) **ВЫХОДИТЬ** используется в качестве одного из перфективных модификаторов. Подробнее об использовании глаголов движения в качестве системы перфективных модификаторов см. 2.11.

В языке марги к **ВЫХОДИТЬ** восходит суффикс *-бб*, являющийся одним из десяти продуктивных деривационных глагольных суффиксов, выступающих в качестве средства перфективации (часто при сохранении исходного локативного значения ‘движение изнутри наружу’), ср. *lâ* ‘копать’ ⇒ *lâbâ* ‘выкопать’, *gû* ‘копать’ ⇒ *gûbâ* ‘выкопать’ и пр. [Hoffmann 1963: 122, 125].

О перфективном значении и перфективации в целом см. также 4.1.2.2.

2.6.2. Периферийные пути грамматикализации

2.6.2.1. Инхоативное значение

В некоторых алтайских языках конструкции с **ВЫХОДИТЬ** имеют **инхоативное** значение, вводя в рассмотрение начальную фазу динамической ситуации или обозначая вступление в состояние.

Инхоативное значение характерно для тувинской конструкции *-л □н-*, ср. *ырла* ‘петь’ ⇒ *ырла-л □н-* ‘запеть’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 414], хакасской *-ыл сых*, ср. *ойла* ‘бежать’ ⇒ *ойла-л сых-* ‘начать бежать, побежать’ [ГХЯ 1975: 186], а также монгольской *-ж гарах*, ср. *униших* ‘читать’ ⇒ *унишиж гарах* ‘начать читать’ [Шевернина 1982: 165; Яхонтова 1997: 116].

В случае же якутской *-ан таһыс-* речь идет о неожиданном и интенсивном возникновении и осуществлении ситуации, например, *аатыр-ан таһыс-та* ‘(он) неожиданно приобрел известность’, *улаат-ан таһыс-* ‘неожидано сильно возрасти’ [Харитонов 1960: 76-77]. Не исключено, что данную конструкцию следует отнести скорее к случаю выражения перфективного значения; о связи перфектива и инхоатива см. 4.1.2.2.

Об инхоативном значении см. также 4.1.2.3.

2.6.2.2. Модификатор именной группы

В качестве предлога (в форме инфинитива) используется, например, *ки-ита* (< **ВЫХОДИТЬ**) в языке кикуйю: данный показатель может иметь как собственно про-

странственное ‘из’, так и временное значение ‘с (тех пор)’ [Heine et al. 1993: 150-151]. О превращении глаголов движения в модификаторы именной группы см. также 4.1.4.4.

2.6.2.3. Модальные значения

В каракалпакском языке форма *шыгъ-ар*, представляющая собой глагол *шыкъ-* в форме причастия будущего времени (которое само по себе обозначает ситуацию “обычно имеющую место” или “вообще возможную”) функционирует как неизменяемая модальная частица со значением ‘навверное’ [Баскаков 1952: 379]. Близок к этому случай в тайском языке, где в качестве одного из значений лексемы *ōk^* ‘выходить, появляться’ приводится ‘по-видимому, пожалуй’ [TPC 1964: 871].

В кикуйю отмечена еще одна конструкция с глаголом *ku-ита*: безличная форма со связкой *по ku-ита* ‘вот-вот выйдет, должно выйти’ используется для обозначения долженствования ‘должен, нужно’ [Heine et al. 1993: 151]. Видимо, структурно конструкция здесь параллельна такой, например, английской модальной форме, как *to be to* ‘быть должным’ (букв. “быть, чтобы...”), но в кикуйю она имеет вид “выходить (или “быть на выходе”), чтобы...”.

О модальных значениях см. далее 4.1.3.

2.6.2.4. Близкое прошедшее время

Также в языке кикуйю вспомогательный глагол *ku-ита* образует близкое прошедшее время (“только что было”), а также используется для обозначения ситуации, находившейся на грани осуществления (‘чуть было не’) [Heine et al. 1993: 151]. О значении ‘ситуация на грани осуществления’ см. далее 4.1.1.1.

2.6.2.5. Быстрое осуществление действия

В ацтекском языке конструкция с вспомогательным глаголом (*celerative auxiliary*) *quīza* обозначает быстрое осуществление ситуации: ‘сделать что-либо быстро’ [Heine et al. 1993: 49]; кстати, такое же значение выражает и сочетание с глаголом ‘падать’ [там же, с. 85]. Значение быстроты, стремительности совершения действия отмечается также для некоторых тюркских конструкций с СПУСКАТЬСЯ (см. 2.8.1); о ‘падать’ см. 4.2.5.3.

2.6.2.6. Перемещение участника относительно агенса

В языке не-персе глагольный суффикс, произошедший из глагола ВЫХОДИТЬ, используется (обычно с переходными глаголами) при обозначении ситуации, в ходе которой один из участников переместился в пространстве относительно агенса (например, в контекстах типа “он спросил их (пока они проходили мимо)”) [Rude 1991: 190].

2.7. Пути грамматикализации ПОДНИМАТЬСЯ

Глагол ПОДНИМАТЬСЯ весьма редко подвергается грамматикализации — в нашем материале представлено лишь порядка десятка случаев его употребления, главным образом в качестве инхотативного показателя в языках Юго-Восточной Азии.

Кроме этого, в двух случаях значение ‘подниматься’ отмечается у глаголов, означающих также ‘выходить’: это кумыкский *чыкъмакъ* ‘выходить, взбираться’ и таджикский *боромадан* ‘выходить/ подниматься’; конструкции с данными глаголами рассмотрены в разделе 2.6. Иногда ПОДНИМАТЬСЯ совпадает также с ВСТАВАТЬ, см. 3.4.

2.7.1. Инхоативное значение

В ряде языков Юго-Восточной Азии (аустроазиатских, тайских и сино-тибетских) ПОДНИМАТЬСЯ используется в качестве показателя **инхоатива**, обозначая начальную фазу ситуации (как процесса, так и состояния).

Так, кхмерский “вспомогательный элемент” *лаЭНГ* (этимологически ‘подниматься, взбираться’) характеризуется как показатель “начинательного вида” [Горгониев 1966: 143-145].

(2.100) кхмерский [Горгониев 1966: 144]

- а. нух баэ сднгкреам пхтух-**лаЭНГ**
вот если война взрываться-**подниматься**
И если разразится война...
- б. ка:-йуэльсрр:п летьлы:-**лаЭНГ**
понимание появляться-**подниматься**
Начали появляться признаки взаимопонимания.

Возможно также употребление *лаЭНГ* с прилагательными: в этом случае показатель играет роль вербализатора и обозначает приобретение признака (трансформативная разновидность значения: ‘стать А’), ср. *тхуэм лаЭНГ* ‘стану большим’, или процесс более интенсивного его проявления (‘еще более, еще сильнее А’), ср. *кхланг лаЭНГ* ‘еще сильнее (напр., болеть)’ [Горгониев 1966: 204-5]. (О сложном кхмерском показателе рефактива *лаЭНГ-винь* см. в разделе 2.10.1.)

Во вьетнамском глагол *lên* также связан с выражением начала ситуации; он употребляется с глаголами, обозначающими “ситуации, поддающиеся зрительному или слуховому восприятию” (‘сверкать’, ‘кричать’, ‘плакать’), обозначающими “душевное состояние” (‘ревновать’, ‘обижаться’) или проявление такого состояния (‘браниться’), а также с прилагательными [Панфилов 1993: 191]. Ср.: *hát* ‘петь’ ⇒ *hát lên* ‘запеть’, *rú* ‘кричать, выть’ ⇒ *rú lên* ‘закричать, завывать’, *ú’c* ‘быть обиженным’ ⇒ *ú’c lên* ‘разобидеться’, *ghen* ‘ревновать’ ⇒ *ghen lên* ‘взревновать’, *run* ‘дрожащий’ ⇒ *run lên* ‘задрожать’ [Панфилов 1993: 186, 188, 191]. Что касается прилагательных, то данный глагол предпочитает употребляться со словами, обозначающими признаки, “воспринимаемые как положительные”, и в этом случае (как и в кхмерском) означает ‘стать более А’, ср. *đẹp* ‘красивый’ ⇒ *đẹp lên* ‘стать красивее’ [Панфилов 1993: 186, 194].

Функцию вербализатора имеет и лаосский глагол *кхын*, причем в зависимости от смыслового глагола значение ‘стать более А’ передается как сочетанием с этим глаголом, так и сочетанием с его антонимом *лонг* ‘опускаться’, ср. *пхиу кхын* ‘потолстеть’, *вай кхын* ‘стать быстрее’, но *тьоой лонг* ‘похудеть’, *саа лонг* ‘замедлять’ и пр. [Морев и др. 1972: 145-146]. Близкой аналогией является использование в океанийских языках показателей ПОДНИМАТЬСЯ / СПУСКАТЬСЯ при сравнении ‘более, чем’ / ‘менее, чем’, см. ниже.

Инхоативное значение свойственно конструкциям с китайским глаголом *ци* (*qǐ*), обозначающим движение строго вверх (в отличие от глагола *шан* (*shàng*), который может обозначать и перемещение наверх какого-либо объекта, см. [Яхонтов 1957: 58]). Глагол *ци* является одним из модификаторов “результативно-направительных глаголов”

(в работах [Горелов 1984; 1989] он описывается в качестве суффикса), ср. *шуо* ‘говорить’ ⇒ *шуо-ци* ‘заговорить’ (подробнее о результативных глаголах см. раздел 2.11).

Сложный вспомогательный глагол *ци-лай* (*qǐlai*) (‘подниматься’ + ‘приходить’) также связан с введением в рассмотрение начальной фазы ситуации, употребляясь с глаголами, не связанными с идеей перемещения в пространстве, и прилагательными [Яхонтов 1957: 96; Горелов 1989: 52], ср.: *чан* ‘петь’ ⇒ *чан-цилай* ‘запеть’, *ку* ‘плакать’ ⇒ *ку-цилай* ‘заплакать’, *чи* ‘есть’ ⇒ *чи-цилай* ‘начать есть’ [Яхонтов 1957: 96].

Вне ареала Юго-Восточной Азии использование ПОДНИМАТЬСЯ для выражения инхоатива засвидетельствовано в арабском языке Персидского залива [Holes 1990: 196]; конструкция с глаголом *gaat*, однако, менее частотна в данной функции, чем с *ja* ‘приходить’, см. 2.3.4.

2.7.2. Периферийные пути грамматикализации

2.7.2.1. Пространственный показатель

В некоторых океанийских языках показатель, восходящий к ПОДНИМАТЬСЯ, используется в качестве пространственного модификатора со значениями ‘вверх’, а также ‘на, сверху’ и ‘из’ [Heine et al. 1993: 16].

2.7.2.2. Перфективное значение

В языке марги к ПОДНИМАТЬСЯ восходит один из непродуктивных деривационных глагольных суффиксов *-di*, выступающих в качестве средства перфективации [Hoffmann 1963: 149-150]. Глагол */oä* со значением ‘подниматься, выходить, уходить’ в языке /хам отмечается в качестве вспомогательного глагола, указывающего на завершенность ситуации [Stora 1972: 98-99].

Об использовании ПОДНИМАТЬСЯ среди других глаголов движения в качестве перфективного модификатора см. 2.11.

2.7.2.3. Континуативное значение

В языке гахуку глагол *it*- является одним из двух вспомогательных глаголов (наряду с ИДТИ, см. 2.2.2) в конструкции со значением континуатива ‘ситуация продолжает иметь место’ [Deibler 1976: 59-60].

2.7.2.4. Императивное значение

В разговорном варианте языка малайлам к ПОДНИМАТЬСЯ восходит один из нескольких суффиксальных показателей императива *-eer* < *eeRuka* [Андронов 1993: 121].

2.7.2.5. Показатель сравнения

В некоторых океанийских языках (например, фиджи) к прото-океанийскому глаголу ПОДНИМАТЬСЯ восходит показатель сравнения ‘более, чем’ [Heine et al. 1993: 16]. Ср. также 2.8.2.2 о СПУСКАТЬСЯ.

2.8. Пути грамматикализации СПУСКАТЬСЯ

Глагол СПУСКАТЬСЯ достаточно редко подвергается грамматикализации — в нашем материале конструкции с данным глаголом представлены практически исключительно в тюркских языках, однако и там они не являются слишком распространенными.

СПУСКАТЬСЯ иногда выражается так же, как ПАДАТЬ; о грамматикализации ПАДАТЬ см. 4.2.5.3.

2.8.1. Интенсивное, аттенуативное, континуативное значение

В тюркских языках конструкции с глаголом *тҮш-*, имеющим значения ‘спускаться, падать’, представлены двумя разновидностями. Сочетание с деепричастием одновременности смыслового глагола *-а тҮш-* выражает “незначительную интенсификацию” процесса или действия [Юлдашев 1965: 80]. Вместе с тем, характер этой “интенсификации” может быть различным. Так, в ряде случаев мы явно имеем дело с выражением **аттенуативного** значения ‘ситуация имеет ослабленную интенсивность’ (“чуть-чуть”, “слегка”, “не до конца”). При сочетании с глаголами, обозначающими некоторое эмоциональное состояние, данная конструкция обозначает незначительную “степень охвата” субъекта данным состоянием, ср. татар. *курк-а төш-те* ‘немного испугался’ [СТЛЯ 1969: 283], башк. *кауша-й төш-тә* ‘несколько растерялся’ [ГСБЯ 1981: 229].

С другими глаголами данная конструкция обозначает незначительное удлинение времени протекания ситуации, ср. якут. *олор-о тҮс-* ‘посидеть еще немного’ [Юлдашев 1965: 81], или просто удлинение этого периода: ср. кирг. *жаз-а тҮш* ‘пиши еще’, *оку-й тҮш* ‘читай еще’ [Юлдашев 1965: 80]. Употребляясь с глаголами движения, данная конструкция обозначает перемещение на чуть более дальнее расстояние по сравнению с исходной точкой движения, ср. татар. *ал-а уза төш-те* ‘(он) чуть прошел вперед’ [Ганиев 1963: 142], каракалп. *кел-е тјос-* ‘подходить поближе’, *бар-а тјос-* ‘идти дальше’ [Баскаков 1952: 337].

Здесь следует упомянуть также о китайском сложном вспомогательном глаголе *xia-qi* (*ся-цюй*) (‘спускаться’ + ‘уходить’). Данный глагол означает ‘спускаться (отсюда)’ и выражает “продолжение действия” [Горелов 1989: 52], или же “возобновление действия после перерыва” [Яхонтов 1957: 96], ср. *чан* ‘петь’ ⇒ *чан-сяцюй* ‘продолжать петь’, *шо* ‘говорить’ ⇒ *шо-сяцюй* ‘продолжать говорить’ [Яхонтов 1957: 96]. Как показатель континуатива этот глагол характеризуется и в [Vybee et al. 1994: 164].

Что же касается тюркских языков, то в них в некоторых случаях, возможно, следует говорить даже о выражении собственно **интенсива** ‘ситуация имеет повышенную интенсивность’ (“сильно”, “много”, “очень”): так, каракалп. *сәйле-й тјос-* имеет значение как ‘говорить еще’ [Юлдашев 1965: 80], так и ‘говорить много, долго’ [Баскаков 1952: 337].

С другой стороны, в тех же или других тюркских языках конструкция типа *-а тҮш-* может обозначать мимолетность, внезапность осуществления действия (одна из разновидностей интенсивного значения: ‘субъект осуществляет действие быстро, за короткий промежуток времени’), ср. якут. *олор-о тҮс-* ‘присесть мимолетно, посидеть немного’, *кәр-ә тҮс-* ‘взглянуть быстро, поглядеть немного’ [Харитонов 1960: 69]. В тувинском, хакасском, долганском аналогичная конструкция имеет то же значение; в татарском оно выражается при помощи конструкции с деепричастием предшествования *-п төш-*. Ср. тувин. *тур-а дҮш-* ‘остановиться внезапно’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 414], хакас. *одыр-а тјас-* ‘сесть (внезапно)’ [ГХЯ 1975: 185], долган. *бар-а тјус* ‘сбегай быстро’ [Убрятова 1985: 155], татар. *коелы-п төш-те* ‘вдруг растерялся’ [СТЛЯ 1969: 282].

Тем самым, в тюркских языках конструкция с СПУСКАТЬСЯ имеет ряд аспектуальных интерпретаций, с трудом поддающихся систематизации; в целом все итоговые значения так или иначе связаны со степенью интенсивности протекания ситуации.

2.8.2. Периферийные пути грамматикализации

2.8.2.1. Пространственный показатель

В некоторых океанийских языках, а также в африканском языке эве, показатель, восходящий к СПУСКАТЬСЯ, используется в качестве пространственного модификатора со значениями типа ‘вниз, внизу, под’ [Heine et al. 1993: 68-69, 111].

2.8.2.2. Показатель сравнения

В некоторых океанийских языках (например, фиджи) к СПУСКАТЬСЯ восходит показатель сравнения ‘менее, чем’ [Heine et al. 1993: 69]. Ср. также 2.7.2.5 о ПОДНИМАТЬСЯ в сравнительной конструкции.

Некоторую аналогию представляет собой и использование пары ПОДНИМАТЬСЯ / СПУСКАТЬСЯ в лаосском при деривации глаголов от прилагательных ‘стать более А’ / ‘стать менее А’, см. подробнее 2.7.1.

2.8.2.3. Интенциональное значение

Конструкция с инфинитивом (в косвенном падеже, с послелог *par*) и глаголом *utarnā* ‘спускаться, сходить’ в хинди выражает намерение, готовность совершить действие, ср. *talāś karne par utar āe* ‘(если) человек вознамерился искать’, букв. “поиск делать-к спустился” [Дымшиц 1986а: 155].

2.8.2.4. Императивное значение

В кхмерском языке одной из императивных частиц (наряду с *day* от глагола ‘идти, уходить’, см. 2.2.5) является *chux*, восходящая к ‘спускаться’, ср. *day chux* ‘иди!’ [Храковский (ред.) 1992: 258].

2.9. Пути грамматикализации ПРОХОДИТЬ / ПЕРЕХОДИТЬ

Рассмотрение глаголов ПРОХОДИТЬ и ПЕРЕХОДИТЬ мы позволили себе объединить в одном разделе, поскольку довольно часто исходные конкретно-языковые единицы в нашем материале имеют оба этих значения. Кроме того, показатели, восходящие к тому и другому глаголу, имеют практически один и тот же (и крайне ограниченный) набор итоговых значений.

2.9.1. Сравнительная конструкция

Наиболее распространено использование ПРОХОДИТЬ и ПЕРЕХОДИТЬ в **сравнительной конструкции**; такое использование характерно для тайских языков и многих языков Африки.

В тайских языках распространенной моделью для выражения сравнения является конструкция с глаголами *kwaā2* ‘проходить через’ (в юго-западных тайских) и *taāb, dua2, kwaā5* ‘переходить через’ (в кам-суйских и северных тайских языках). Сравнительные конструкции имеют вид “А большой переходит/проходит Б” (= ‘А больше Б’) и

выражают “относительную градацию” свойств объекта — за точку отсчета при описании некоторого свойства объекта Б принимается аналогичный признак у другого объекта А, и утверждается, что А этот признак свойственен в большей степени [Морев 1991: 175-176]. Ср.:

- (2.101) маонан [Морев 1991: 176]
 ng2 vong1 **тааб** fia2.
 ты высокий ПРОХОДИТЬ.ЧЕРЕЗ я
Ты выше меня.

Аналогичная конструкция имеется и в ряде африканских языков, ср. (2.102) из нило-сахарского языка нанди, где глагол *-sh:r* используется в данном случае в форме сослагательного наклонения [Creider, Creider 1989: 150-151]:

- (2.102) нанди [Creider, Creider 1989: 150]
 а: кв:у ко-**sh:r** kipro:по.
 я высокий 3-ПРОХОДИТЬ Кипроно
Я выше Кипроно.

Подобная же конструкция (не обязательно в сослагательном наклонении) встречается в самых различных группах конго-кордофанской семьи. Речь идет о глаголах *shǝǝ* в бабунго [Schaub 1985: 113-4], *daŋ* в эвондо [Redden 1980: 120], *seŋ* в тви [Heine et al. 1993: 165; Lord 1993: 142-146]; а в бака *wətǝ* ‘проходить, идти дальше’ используется как при собственно сравнении ‘больше, чем’, так и в значении ‘слишком’ [Heine et al. 1993: 165].

В нигерийском пиджине сравнительная конструкция строится на основе глагола *pas* (англ. < *pass*), в то время как эквативная на основе *rich* ‘достигать’ [Faraclas 1996: 78, 109-113, 237], ср. следующую пару:

- (2.103) нигерийский пиджин [Faraclas 1996: 78]
 — Ущ по drink **rich** мм.
 ты не пить достигать меня
 — А drink **pas** ущ, drink pas ол.
 я пить проходить тебя пить проходить все
 — *Ты выпил не столько, сколько я.*
 — *Я выпил больше тебя, больше всех.*

В америндском языке камаюра одним из средств выражения сравнения (с непереходными глаголами) является конструкция, в которой эталон сравнения сопровождается номинализованной формой ‘*apurahapara* ‘превосходящий’, восходящей к сочетанию “переходящий через край” с глаголом *ahap* ‘переходить’ [Seki 2000: 142-143].

Не менее часто, нежели с ПРОХОДИТЬ и ПЕРЕХОДИТЬ, в языках мира сравнительная конструкция строится на основе глагола с общим значением ‘превосходить’: такого рода примеры имеются, в частности, и в тайских, и в африканских языках; некоторые случаи указаны, соответственно, в [Морев 1991: 173 и сл.; Heine et al. 1993: 210-211]. См. также 4.1.4.2.

2.9.2. Комитативный способ действия

В ряде языков конструкции с ПРОХОДИТЬ обозначают действие, совершаемое субъектом попутно, т.е. выражают **комитативный** способ действия ‘субъект совершает действие, имея в качестве основной цели другое действие’ (“по дороге”, “попутно”, “заодно”).

Так, в каракалпакском и татарском языках в качестве второго значения конструкций с ПРОХОДИТЬ (помимо перфективного, см. ниже) отмечается “совершение действия попутно, мимоходом”, ср. татар. *белеше-п уз-* ‘справляться мимоходом’ [Ганиев 1963: 142; 1982: 106]. Попутное совершение действия не обязательно предполагает ситуацию движения в пространстве: речь идет вообще о ситуации, не являющейся основной целью субъекта, ср. каракалп. *айты-п ёт-* ‘коснуться в разговоре’ [Баскаков 1952: 380]. Аналогичное значение имеет узбекская конструкция *-б ўт-* [Кононов 1960: 266].

Таджикская конструкция *conv.pst + гузашт-ан* ‘проходить, переходить’ также связывается с обозначением “недостаточной тщательности совершения” действия [ОИЯ 1982: 193].

Во вьетнамском языке в качестве переносных значений глагола *qua* ‘проходить, переходить (через, мимо)’ отмечаются также ‘мимоходом, небрежно, кое-как, вкратце’ [ВРС 1961: 425].

2.9.3. Экспериенциальное значение

В ряде языков Юго-Восточной Азии показатели, восходящие к ПРОХОДИТЬ и ПЕРЕХОДИТЬ, используются для выражения **экспериенциального**, или общефактического, значения ‘субъекту ситуации Р уже приходилось (хотя бы раз) совершать Р’.

В китайском языке суффикс *-го (-guo)*, восходящий к глаголу ‘проходить, переходить’, указывает, что “единичное или повторявшееся несколько раз действие имело место в неопределенное время в прошлом” [Горелов 1989: 57, ср. Яхонтов 1957: 121], например:

(2.104) китайский [Драгунов 1952: 130]

Цюй-го и-цы.

идти-EXPER один.раз

(— Вы когда-нибудь бывали в Шанхае?) — Раз был (= “ходил”).

Трактовка китайского *-го* как экспериенциального показателя содержится и в типологических работах [Comrie 1976: 59; Dahl 1985: 180].

Во многих тайских языках (кам-суйских, северных, ли) конструкции с ПРОХОДИТЬ также имеют экспериенциальное значение; по предположению Л. Н. Морева, данная конструкция возникла как калька с соответствующей китайской [Морев 1991: 170-171]. В языке ну семьи мяо-яо глагол *kwo5* ‘проходить (через)’ описывается как служебное слово, указывающее на то, что положение дел “налицо в данный момент”, или на “завершенность” ситуации, ср. *naw2 kwo5* ‘(— Ты уже поел?) – Уже поел!’. Впрочем, как отмечает автор описания, речь идет скорее об указании на “испытанность” действия, причем аналогичный (в т.ч. фонетически) показатель используется и в тайском языке чжуан [Москалев 1978: 213].

2.9.4. Модификатор именной группы

Показатели, восходящие к ПРОХОДИТЬ и ПЕРЕХОДИТЬ иногда функционируют как именные модификаторы типа **предлогов/послелогов** с пространственным значением ‘через, сквозь, мимо’. Ср. показатель *pasa* в креольском языке Гвинейского залива, *khvat* в тайском, *geze* в турецком и *tu* в эве [Matisoff 1991: 434; Heine et al. 1993: 63, 111, 164-165].

В эве, подобный показатель может иметь и причинное значение ‘по причине, благодаря’ [Heine et al. 1993: 165]. Кроме того, в японском отмечается “союз-послелог” *to:ri* ‘как’ (в смысле “согласно тому, как”), восходящий к глаголу *to:ru* ‘проходить’ [Сыромятников 1978: 282]. В языке лаху заимствованный из тайского глагол *pt(n)* ‘проходить мимо’ получил также значение ‘освобождаться’ и употребляется в том числе в сочетании, означающем ‘кроме’ [Matisoff 1991: 414].

О превращении глаголов движения в модификаторы именной группы см. также 4.1.4.4.

2.9.5. Периферийные пути грамматикализации

2.9.5.1. Перфективное значение

Перфективное значение характерно для конструкций с ПРОХОДИТЬ и ПЕРЕХОДИТЬ в некоторых тюркских языках: *-n ёт-* в каракалпакском характеризуется как выражающая “совершение действия от начала и до конца”, например, *айлан-ып ёт-* ‘обойти’, *бол-уп ёт-* ‘состояться’ [Баскаков 1952: 380]; “исчерпанность” выражает татарская конструкция *-n уз-* (*ут-*), например *сәйлә-п ут-* ‘переговорить’ [Ганиев 1963: 142; 1982: 106].

Таджикская деепричастная конструкция с *гузашт-ан* ‘проходить, переходить’ также связывается с выражением законченности действия [ОИЯ 1982: 193]. Наконец, законченность действия выражает конструкция с глаголом *кағиука* в языке малаялам [Секхар, Глазов 1961: 63].

О перфективном значении см. также 4.1.2.2.

2.9.5.2. Трансформативное значение

В иберо-романских языках — а именно, галисийском и португальском, — глагол *pasar/passar* ‘проходить, переходить’ образует конструкцию с целевым инфинитивом *pasar/passar a inf.*, имеющую значение наступления состояния, перехода в новое состояние. Такая конструкция употребляется, как правило, с глаголами стативной семантики; наиболее употребительна она с глаголом *ser* ‘быть’ [Вольф, Никонов 1965: 106; Rojo 1974: 144-145]:

(2.105) португальский [Вольф, Никонов 1965: 106; (♥)]

а. **Passei** a ser uma glúria nacional.

Я стал (= “перешел к быть”) национальной гордостью.

б. ...o Quicas **passou** a fazer parte de família.

...(кот) Кикаш стал членом семьи (= “перешел к делать часть семьи”).

Об инхоативном значении, в т.ч. его трансформативной разновидности, см. также 4.1.2.3.

2.9.5.3. *Оптатив*

В тамильском языке конструкция *inf.* + *kaṭa-* ‘переходить’ в форме будущего времени является одним из способов выражения **оптативного** значения ‘говорящий хочет, чтобы ситуация Р имела место (“хорошо бы”, “о если бы”)’ [Андронов 1960: 41].

(2.106) тамильский [Андронов 1960: 41]

nī ceuṭa-**kkāṭa**-v-āy.

ты делать.INF-**переходить**-FUT-2SG.M

Пусть ты сделаешь (= “ты делать перейдешь”).

О модальных значениях см. также 4.1.3.

2.10. Пути грамматикализации ВОЗВРАЩАТЬСЯ

Глагол ВОЗВРАЩАТЬСЯ достаточно часто подвергается грамматикализации, хотя главным образом имеющиеся в нашем распоряжении случаи сосредоточены в двух ареалах — океанийском и африканском; встречаются аналогичные случаи и в некоторых языках западной Европы и Юго-Восточной Азии.

2.10.1. Рефактивное значение

Наиболее частым случаем грамматикализации ВОЗВРАЩАТЬСЯ является его превращение в показатель **рефактива** со значением ‘ситуация воспроизводится повторно (“еще раз”, “заново”); для обозначения данного значения иногда используют также термин *repetitive*, реже встречается менее удачный ярлык *iterative*.

Данное употребление характерно для иберо-романских языков — а именно, испанских конструкций *volver / tornar a inf.* [Левинтова, Вольф 1964: 92; Васильева-Шведе, Степанов 1980: 248] и португальских *voltar / tornar a inf.* [Вольф, Никонов 1965: 105; Никонов 1981: 160], буквально означающих ‘возвращаться к деланию’³⁶, ср. (2.107); кроме того, повторно осуществление обозначает и итальянская конструкция *tornare a inf.* [Алисова, Муравьева 1997: 71-72], а в сардинском отмечается превращение глагола *torrare* в наречие *tmrra* ‘снова, заново’ [Heine et al. 1993: 187-188].

(2.107) а. испанский [Канонич 1991: 137]

Volviy a llamar a la puerta.

Он снова постучался в дверь.

б. португальский [Никонов 1981: 160]

Quando **voltou** a falar, a voz tremia-lhe ligeiramente.

Когда он вновь заговорил, (его) голос слегка дрожал.

Сходным образом используются показатели, восходящие к глаголу ВОЗВРАЩАТЬСЯ, в ряде океанийских языков — *pule* в вангуну, *hoki* в маори, *kFbi* в лонвонволе [Lichtenberk 1991: 499-504], а также *liu ... (foki)* в ниуэ [Полинская 1995: 68] и *lmuut* в паллау [Josephs 1975: 314].

³⁶ Глаголы *volver / voltar*, помимо ‘возвращаться’, имеют также значение ‘поворачивать(ся)’, та же полисемия отмечается у соответствующего глагола в эве, см. ниже.

(2.108) а. ниуэ [Полинская 1995: 68]

Ne **liu** kit-ia (**foki**) a кое.
PST **возвращаться** видеть-STAT (**возвращаться**) ABS ты
Тебя опять видели (= “вернулись видеть”).

б. палау [Josephs 1975: 314]

Ak **liluut** kl mknguuiu kt a hong.
я **вернулся** SUB читать DEF PTC книга
Я перечитал книгу (= “вернулся прочесть”).

Ф. Лихтенберг выделяет в океанийских языках в качестве отдельного пути грамматикализации ВОЗВРАЩАТЬСЯ его превращение в “присоединительный маркер” (*additive marker*) — модификатор именной группы со значением ‘тоже, также’. Употребление такого показателя сигнализирует о том, что имела место ситуация того же типа, но с другим участником. (Так, предложение “Я *вернуться* поймал голубя” означает ‘Я *тоже* поймал голубя’ [Lichtenberk 1991: 503].)

Судя по приводимым примерам, в языках вангуну и маори рефактивные и “присоединительные” показатели формально не различаются, так что можно говорить скорее об употреблении одного и того же показателя в разных синтаксических позициях (свойство “дистрибутивной вариативности” [Мельчук 1997: 165-166], или “транскатегориальности” [Плунгян 2000а: 25-26]). Это показатель рефактивного значения “в широком смысле”: он указывает на то, что ситуация определенного типа имела место повторно. При этом “по умолчанию” набор актантов тождествен (показатель является модификатором глагола: ‘ситуация Р происходит повторно’); при модификации же именной группы можно указать на то, что ситуация повторяется, но на этот раз с другим участником (‘X также участвует в повторной ситуации Р’).

Заметим, что такое рефактивное значение “в широком смысле” является, по сути, особым случаем выражения “множественности ситуаций” (следует учесть, однако, что речь идет о единичном повторении): в терминах работы [Храковский (ред.) 1989] этот тип можно описать при помощи признаков ‘каждая из повторяющихся ситуаций осуществляется в отдельный период времени’ и ‘в каждой из повторяющихся ситуаций участвуют тождественные или не полностью тождественные наборы актантов’. Первый подтип (рефактив в узком смысле) представляет собой частный случай итератива в исчислении В. С. Храковского, второй же (рефактив в широком смысле) соответствует как раз тому случаю, где в исчислении поставлен “минус” [Храковский (ред.) 1989: 23-24].

Возникновение показателей рефактива из ВОЗВРАЩАТЬСЯ отмечается в различных группах языков Африки. Из языков банту подобное развитие имеется в эвондо [Redden 1980: 120], ронга [Quintro 1951: 162], а также кикуйю, сото и зулу [Heine et al. 1993: 186-7]; далее, следует упомянуть об аналогичных случаях в адамауа-восточных языках банда и санго [Boyd (ed.) 1995: 100, 159], мбум [Нагиги 1970: 216-7], нгбака [Thomas 1963: 205-6] и нгбака ма’бо [Heine et al. 1993: 187], в также в креолизованном санго в сочетаниях глагола *knɔn* ‘возвращаться’ с *gɔ* ‘приходить’ или *goe* ‘идти, уходить’ [Samarin 1967: 206]. Такая же эволюция засвидетельствована в языках диола [Sapir 1965: 104], эве [Westermann 1954: 90], сонгай [Prost 1956: 115], море и креоле Гвинейского залива [Heine et al. 1993: 186-7].

Повторность ситуации выражается при помощи ВОЗВРАЩАТЬСЯ в таких языках Юго-Восточной Азии, как бирманский (глагол *pran* [Еловков 1977: 116]) и лао (глагол *khuun2* [Морев 1991: 113]). Упомянем также о кхмерском составном показателе *лаэнг-винь*, также выражающем “повторность, возобновление действия” [Горгониев 1966: 198]. Сам глагол *лаэнг* означает ‘подниматься’ и используется также для обозначения начала ситуации (см. 2.7.1); наречие *винь* имеет значение ‘обратно’. Таким образом, данное со-

четание, по-видимому, выражает тот же смысл ‘возвращаться’, однако особым образом — как ‘подниматься обратно’.

Наконец, в арабском рефактивное значение может передаваться конструкцией с глаголом *ʔāda* [Гранде 1963: 250, 440-441].

2.10.2. Пространственный показатель

Сохраняя пространственное значение, ВОЗВРАЩАТЬСЯ может превращаться как в глагольный, так и в именной модификатор.

Так, в ряде океанийских языков он используется при введении в рассмотрение ситуации, развивающейся в направлении **обратно к дейктическому центру** (*reditive*): так, ситуация ‘уйти обратно’ может быть представлена как ‘уходить + возвращаться’; ситуация ‘положить обратно’ — как ‘класть + возвращаться’ и т.п. Реже речь может идти о процессах, не связанных напрямую с перемещением в пространстве, ср.:

(2.109) лонвонвол [Lichtenberk 1991: 500]

Timia-rUl tE-kE1 kEbu nE ...
отец-их.TR он.PAST-сказать **ВОЗВРАЩАТЬСЯ** TRANS
Их отец ответил (answered back; = “вернулся сказать”) ...

В данном случае субъект (“отец”) не перемещается в пространстве, но сама ситуация ответа осмысливается как возвращение: ответ является действием, направленным противоположно относительно вопроса, он в определенном смысле возвращает ситуацию “обратно”, т.е. к задавшему вопрос собеседнику. Данное употребление близко также “ответному способу действия”, ассоциируемого иногда с рефактивом, см. выше.

Суффикс *-oo* в хауса, восходящий к прото-чадскому ‘возвращаться, приходить, входить’, отмечается в качестве глагольного показателя приближения в [Heine et al. 1993: 41, 186].

В качестве предлога ‘к’ возводимый к ВОЗВРАЩАТЬСЯ показатель зафиксирован в кикуйю [Heine et al. 1993: 188], а в языке мыонг предлог *βél* аналогичного происхождения употребляется при введении в рассмотрение темы речи (‘о ком’) [Соколовская, Нгуен Ван Тай 1987: 60].

2.10.3. Периферийные пути грамматикализации

2.10.3.1. Рефлексив

Из языков, материал которых попал в наше рассмотрение, превращение глагола ВОЗВРАЩАТЬСЯ в показатель **рефлексива** отмечено лишь в нескольких океанийских языках (вангуну, паама) [Lichtenberk 1991]. Кстати, в этих языках показатель рефлексива формально совпадает с показателем рефактива, см. выше.

Рефактивная ситуация и ситуация рефлексивная, являются в некотором смысле противоположными: в первом случае речь идет о ситуации, воспроизводимой п о в т о р н о (возможно, с тождественным набором актантов), тогда как во втором — о единичной (т.е. не обязательно происходящей повторно) ситуации, два участника которой совпадают “в одном лице”, ср.:

(2.110) паама [Lichtenberk 1991: 503]

Iti Amin sān metel mini-e-ris.

Идин Амин он.REAL.давать медаль DAT-ему-ВОЗВРАЩАТЬСЯ
Иди Амин сам себя награждает медалями.

См. о рефлексиве также 4.1.4.1.

2.10.3.2. Показатель противоречия ожиданиям

Упоминание о еще одном использовании ВОЗВРАЩАТЬСЯ, предполагающим не-тривиальное переосмысление его пространственной семантики, встретилось в двух далеких друг от друга языках. Как отмечается в работе [Морев 1991: 156], одной из морфем тайского языка, которые “привносят сопутствующее значение” глаголу, является *klap2* ‘возвращаться’. Употребленная в позиции перед полнозначным глаголом, эта морфема имеет значение ‘делать вопреки ожидаемому’, т.е. оказывается близкой **адмиративу** ‘говорящий не ожидал, что ситуация имеет место’; среди переводов, указанных для данной лексемы в словаре, имеются ‘наоборот, напротив; все-таки, тем не менее’ [TPC 1964: 44].

В языке же шона группы банту вспомогательный глагол *-dzoka* используется при обозначении ситуации, осуществляемой “против ожидания или правильного хода событий” [Fortune 1955: 359], ср.:

- (2.111) шона [Fortune 1955: 359]
 tí-no-**dzoka** to-ра tu-pukanana.
 1PL-PRS-**возвращаться** 1PL-давать XII-микробы
(Вместо того, чтобы давать своему телу витамины,) мы даем ему микробы.

2.10.3.3. Показатель отрицания

В языке масаи к ВОЗВРАЩАТЬСЯ в форме третьего лица имперфективного вида восходит показатель отрицания *etitú* ‘(все еще) не’ в перфективных формах [Heine et al. 1993: 188]. Возможно, данный тип эволюции семантически можно сблизить со случаем “противоречия ожиданиям”, см. выше.

2.10.3.4. Показатель сравнения

В языке эве вспомогательный глагол *gbɔ* образует конструкцию сравнения ‘больше, чем’, аналогичную тем, которые обсуждались в 2.9.1 для глаголов ПРОХОДИТЬ и ПЕРЕХОДИТЬ [Heine et al. 1993: 188].

2.10.3.5. Прохибитив

По данным, приводимым в [Westermann 1954: 77], в языке эве показатель *ga* (< *gba* ‘возвращаться, поворачиваться’) используется при образовании прохибитива; данное употребление, возможно, связано с такой функцией этого глагола, как обозначение повторного действия (см. выше), однако, по-видимому, рефактивный оттенок не обязателен, ср.:

- (2.112) эве [Westermann 1954: 77]
 а. mé-**gà**-yí о.
 NEG-**возвращаться**-идти NEG
Не иди (снова; = “не возвращайся идти”).
 б. mé-**gà**-wɔ dɔ о.
 NEG-**возвращаться**-2SGработать NEG
Не работай (= “не возвращайся работать”).

2.10.3.6. Будущее время

В языке тохолабаль семьи майя показатель будущего времени восходит к глаголу ВОЗВРАЩАТЬСЯ, по данным [Bybee et al. 1994: 252, 267]; при этом авторы данного исследования относят этот случай к разряду ПРИХОДИТЬ-будущих (см. 2.3.1). В более ранней работе [Bybee et al. 1991: 30] не исключается также возможность того, что исходным глаголом мог быть ‘входить’.

2.11. Глаголы движения и “аналитический перфектив”

В предыдущих разделах мы рассматривали конструкции с конкретными глаголами движения, сопоставляя каждой конструкции определенные результирующие значения. В настоящем же разделе мы рассмотрим весьма любопытные случаи другого рода, когда в пределах одного языка конструкции с несколькими вспомогательными глаголами имеют в целом одну и ту же функцию (а именно, по нашему мнению, выражают перфективное значение), но при этом разные вспомогательные глаголы распределены в зависимости от типа основного глагола (или от выражаемого “оттенка” значения). Это явление мы ниже называем наличием в языке “системы аналитических перфективаторов”.

В предыдущих разделах было видно, что конструкции с глаголами ИДТИ/УХОДИТЬ, ПРИХОДИТЬ, ВЫХОДИТЬ и ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ используются для выражения перфективного значения в ряде языков. Этим конструкциям могли быть в той или иной степени свойственны определенные ограничения на сочетаемость со смысловым глаголом; однако в целом предполагалось, что возникновение перфективного значения у конкретной конструкции не связано со значением прочих конструкций с глаголами движения в том же языке.

Следует оговориться, что группа вспомогательных глаголов, о которых пойдет речь, не во всех языках бывает ограничена только глаголами движения. Тем не менее, глаголы движения играют в этой группе обычно ключевую роль, так что исключить из рассмотрения в нашей работе явление “аналитической перфективации” мы не могли.

2.11.1. Системы аналитических перфективаторов

Языки с системами аналитических перфективаторов, насколько нам известно, распространены прежде всего во многих языках Азии: сино-тибетских, индоарийских (и отчасти также дравидийских), аустроазиатских, тайских; по-видимому, из алтайских языков по крайней мере тюркские также следует отнести к этому же типу. Параллелей описываемому явлению за пределами Евразии пока не было обнаружено.

Ниже приводятся примеры систем аналитических перфективаторов; некоторые обобщения сделаны в 2.11.2; см. также 4.1.2.2 в связи с обсуждением перфективности в целом.

Достаточно часто конструкции, называемые нами здесь “аналитическими перфективными”, описываются в языках в качестве подмножества всех вообще аналитических форм или разного рода “сложных глаголов”. Оговоримся, что, согласно методике данного исследования, ниже рассматривается только использование вспомогательных глаголов в роли продуктивных модификаторов, употребляющихся с целыми классами смысловых глаголов каждый. Группа “сложных глаголов” во многих языках включает в себя, помимо таких случаев, и идиоматичные лексикализованные сочетания; такие явления мы не рассматриваем.

2.11.1.1. Индоарийский вариант

Для большинства индоарийских языков характерно противопоставление “простых” глагольных форм и форм с особым набором вспомогательных глаголов³⁷; последние называются, как правило, “сложными” или “составными” глаголами”. В русской традиции распространены также термины “интенсивные” и “(результативно-)комплетивные” глаголы (З. М. Дымшиц, Т. Е. Катенина, Ю. А. Смирнов), ср. также “предельные формы” (В. П. Липеровский). В англоязычных работах эти особые вспомогательные глаголы называются обычно “векторными” (*vector verbs* или просто *vectors*), при этом смысловой глагол иногда именуют “*polar verb*” (ср. работы П. Хука, У. Сингха и др.).

Конструкции образованы при помощи нефинитной формы (деепричастной, причастной или чистой основы) смыслового глагола и одного из 10-15 вспомогательных глаголов в финитной форме. В качестве “векторных” выступают как глаголы движения (наиболее частотен в этой функции *jaa* ‘идти/уходить’, реже встречаются *aa* ‘приходить’, *uTh* ‘подниматься, вставать’, *cal* ‘идти, ходить, двигаться’), так и такие глаголы, как ‘брать’, ‘давать’, ‘бросать’, ‘оставаться’, ‘класть’ и пр. — т.е., в самом общем виде, это глаголы, обозначающие “изменение местонахождения или действие, вызывающее подобное изменение” [Hook 1991: 59-60].

Рассмотрению особенностей тех или иных конкретных вспомогательных глаголов авторы описаний не всегда уделяют достаточно внимания. Но в целом для хинди, например, отмечается, что глаголу *jaa* свойственно употребляться с “оттенком удаления”, при обозначении вхождения в состояние, в контексте “опробетчивости, ошибочности” действия; глаголу *aa* — с “оттенком приближения” и также при обозначении начала ситуации; глаголу *uTh* — при введении в рассмотрение ситуаций “внезапного начала”, “проявления эмоции” или “поступательного приобретения состояния”; глаголу *cal* — при введении в рассмотрение начальной стадии длительного действия или с оттенком “постепенности” и т.п. [Липеровский 1984: 174-180]. Наличие “оттенков значения” (помимо общего перфективного значения) является важным свойством описываемых конструкций. Другое важное свойство состоит в том, что возможные сочетания смыслового и вспомогательного глагола сильно ограничены: ни один смысловой глагол не может сочетаться со всеми “векторными”.

Эти свойства подробнее рассмотрены в обобщающем разделе 2.11.2. Пока же приведем типичные примеры использования конструкций с “векторными глаголами” (в прошедшем времени) в хинди и маратхи:

(2.113) а. маратхи [Hook 1991: 70]

to purtaats gOndhaLun **gelaa.**

онполностью запутываться **УШЕЛ**

Он совершенно запутался (*became confused*; = “запутываться + ушел”).

б. маратхи [Hook 1991: 66]

tyaana katsraa Taak-un **dilaa.**

он-ERG мусор выбрасывать-CP ДАЛ

Он выбросил (*threw out*; = “выбрасывать + дал”) мусор.

в. маратхи [Hook 1991: 70]

sagLe kaadag mi phaaRun **Taakle.**

все бумаги я рвать **БРОСИЛ**

Я разорвал (*tore up*; = “рвать + бросил”) все бумаги.

³⁷ Мы говорим об “особом наборе”, т.к. в индоарийских языках (и других из рассмотренных ниже) имеется, как правило, и значительное число “тривиальных” аналитических форм с глаголом ‘быть’.

г. хинди [Hook 1991: 70]

ek aadmii ne apnii patnii ko ain mauqe par pakar liyaa.
один человек ERG его жена DAT верный момент в ловить ВЗЯЛ
Мужчина поймал (caught; = “ловить + взял”, ≈ застучал) свою жену.

Из языков, учтенных в данной работе, конструкции с “векторными глаголами” описываются в хинди и урду [Баранников, Баранников 1956: 128 и сл.; Липеровский 1984: 164-187; Дымшиц 1986а: 350, 1986б: 127-133], маратхи [Катенина 1963: 214-215], панджаби [Смирнов 1976: 278-279, 357-360], ассамском языке [Бабакаев 1961: 98], браджа [Липеровский 1988: 162-164], авадхи [Липеровский 1997: 201-202], бенгали [Быкова 1966: 91-95]; ср. также специальные работы по векторным глаголам в хинди [Hook 1974; Agha 1994] и по бенгальским конструкциям [Dasgupta 1977; Chatterjee 1988: ch. 3-4]. Существуют и работы, в которых делается попытка обобщить данные индоарийских языков (часто это работы общего характера, не посвященные специально аспектуальному значению конструкций), см. [Vale 1948; Masica 1976: ch. 5; Singh et al. 1986; Hook 1991; Singh 1998].

В отличие от “простых” глаголов, конструкции с “векторными” обладают определенным аспектуальным значением. Так, П. Хук считает, что эти конструкции “стали частью системы регулярных семантических противопоставлений, частью глагольной парадигмы” и выражают перфективность в смысле “рассмотрения события или процесса как единого целого по отношению к определенному моменту или временному интервалу” [Hook 1991: 62-63], противопоставлены же они “аспектуально немаркированным” простым формам. В. П. Липеровский говорит о данных конструкциях в хинди в связи с “категорией предельности” и сообщает о том, что здесь аналитические “предельные формы” противопоставлены формам, “в которых признак предельности не выражен” [Липеровский 1984: 164 и сл.]. Аналогично, отмечая, что служебный глагол в таких случаях “определяет характер протекания... действия: интенсивность, полноту завершения, внезапность, неожиданность и т.п.”, З. М. Дымшиц заключает, что в целом этот служебный глагол указывает на “предельность действия, имеет видовое значение” [Дымшиц 1986б: 127]. Р. Чаттерджи показывают, что дистрибуция конструкций с векторными глаголами в значительной мере параллельна дистрибуции славянских перфективных форм (так, они не могут сочетаться с обстоятельствами длительности ‘как долго?’, с фазовыми глаголами ‘начать’ и ‘закончить’ и т.п.) [Chatterjee 1988: 105-109].

В качестве иллюстрации см. примеры выше, а также два дополнительных примера с глаголом *jaa* ‘идти/уходить’ (в прошедшем времени): в первом случае, употребляясь с глаголом, обозначающим процесс, конструкция выражают “полноту” действия [Hook 1991: 70], достижения предела развития:

(2.114) маратхи [Hook 1991: 70]

ek dzaaNiv sagLyaa haal madhe sarsarun geli.
IND беспокойство весь зал в распространяться УШЛО

Чувство беспокойство распространилось (= “распространилось + ушло”) по всему (экзаменационному) залу.

Во втором случае с глаголом состояния конструкция указывает на момент наступления состояния:

- (2.115) хинди [Hook 1991: 71]
 is kalpanaa ke Dar mE Duubaa mAI so **gayaa.**
 эта мысль GEN страх в погруженный я спать **УШЕЛ**
Охваченный страхом из-за этой мысли, я уснул (= “спать + ушел”).

2.11.1.2. Дравидийский вариант

В дравидийских языках ситуация с вспомогательными глаголами во многом похожа на индоарийский вариант: в большинстве языков существует большое количество аналитических форм с самыми разными вспомогательными глаголами. Однако, количество собственно “перфективаторов” в дравидийских языках значительно меньше; кроме того, они, насколько нам известно, никогда не описываются в качестве самостоятельной подгруппы вспомогательных глаголов.

Тем не менее, по данным [Андронов 1960; 1987], в тамильском языке “завершенность” передается конструкциями с глаголами ‘идти, уходить’, ‘оставлять, покидать’, ‘бросать’, ‘класть’, ‘толкать’, ‘заканчивать’. Из 19 аналитических конструкций, отмечаемых в языке малайлам, 12 связываются с выражением “завершенности” [Секхар, Глазов 1961: 62-64], в другом источнике аналогично характеризуются по крайней мере глаголы ‘идти/уходить’, ‘бросать’, ‘класть’, ‘отпускать’ и ‘падать’ [Андронов 1993: 169-173]. Сходная ситуация наблюдается и в телугу [Петруничева 1960: 76-79]. О телугу см. также материал в [Singh et al. 1986; Singh 1998], где показано, что хотя в этом языке по сравнению с индоарийскими используется гораздо меньшее число “векторов”, они используются гораздо шире и характеризуются более широкой сочетаемостью. Приведем некоторые примеры:

- (2.116) а. тамильский [Андронов 1987: 221]
 ras vantu **viTTatu.**
 автобус приходит.CONV **оставлять.PST**
Автобус приехал (= “приехав оставил”).
- б. тамильский [Андронов 1960: 59]
 avan irantu **pōṇṇ.**
 онумирать.CONV **уходить.PST**
Он умер (= “умерев ушел”).
- в. тамильский [T. Lehmann 1993: 224]
 raanaṭ uṭai-ntu **rooy-ir-ru.**
 горшок биться.CONV **уходить-PST-3SG.N**
Горшок разбился (= “разбившись ушел”).
- г. малайлам [Андронов 1993: 172]
 avan rooyi-**iTTu.**
 он уходить.CONV-**класть.PST**
Он ушел (= “уйдя положил”).
- д. малайлам [Андронов 1993: 172]
 avan rooy-**kkaLanṇhu.**
 он уходить.CONV-**бросать.PST**
Он сбегал (скрылся; = “уйдя бросил”).

Как видно по примерам (2.116г-д), сочетания разных вспомогательных глаголов с одним смысловым может сопровождаться передачей дополнительных смысловых оттенков. Дальнейшее обсуждение см. в разделе 2.11.2.

2.11.1.3. Тюркский вариант

Выше не раз говорилось о конструкциях с глаголами движения, имеющих перфективное значение, в тюркских языках. Действительно, часто в описаниях тюркских языков весьма подробно характеризуются аналитические формы с вспомогательными глаголами; эти формы передают различные значения, в том числе аспектуальные, и в частности значение “завершенности”, “полноты охвата” действия. Как правило, эта последняя группа форм не получает самостоятельного описания, поэтому решение вопроса о выделении в тюркских языках “систем аналитических перфективаторов” не так бесспорно, как в случае с индоарийскими языками. Разберем несколько характерных примеров из языков различных групп данной семьи.

В хакасском языке (уйгурская, или северо-восточная группа) деепричастные аналитические формы с глаголами ‘посылать’, ‘класть’, ‘идти, уходить’, ‘брать’, ‘давать’ и более редкими ‘приходить’, ‘спускаться’, ‘оставаться’, ‘бросать’, ‘садиться’ прямо связываются с выражением “совершенного вида” (“действие ограничено пределом”) [ГХЯ 1975: 183-186]; судя по примерам, значение разных конструкций действительно не отличается, так что не исключено, что их распределение связано с семантическими типами смысловых глаголов.

(2.117) хакасский [ГХЯ 1975: 183-186]

ыс- ПОСЫЛАТЬ: *синеб-ис-* ‘измерить’, *санаб-ыс-* ‘сосчитать’, *парыб-ыс-* ‘уйти’ и пр.

нар- ИДТИ/УХОДИТЬ: *майых нар-* ‘устать’, *ул нар-* ‘умереть’, *узіл нар-* ‘порваться’ и пр.

сал- КЛАСТЬ: *ит сал-* ‘сделать’, *хас сал-* ‘выкопать’ и пр.

ал- БРАТЬ: *тынаньп ал-* ‘отдохнуть’, *санап ал-* ‘сосчитать (для себя)’, *уҗреніп ал-* ‘выучиться’ и пр.

пир- ДАВАТЬ: *нас пир-* ‘написать (для кого-л.)’, *ырлап пир-* ‘спеть (для кого-л.)’, *түзеп пир-* ‘постелить (для кого-л.)’ и пр.

В чувашском языке (булгарская группа) ситуация похожа, хотя автор и предупреждает о том, что соответствие сложных форм с деепричастием на *-са/-се* и глаголами ‘давать’, ‘брать’, ‘уходить’, ‘приходить’, ‘посылать’, ‘садиться’, ‘класть’, ‘падать’, ‘бросать’ и пр. с русскими глаголами совершенного вида является лишь условным [Егоров 1957: 177-182].

(2.118) чувашский [Егоров 1957: 177-182]

кай ИДТИ/УХОДИТЬ: *зунса кай* ‘сгореть’ (< ‘гореть’), *тинсе кай* ‘засохнуть’ (< ‘сохнуть’), *вилсе кай* ‘умереть’ (< ‘умирать’), *зывӑрса кай* ‘заснуть’ (< ‘спать’)

ӳк ПАДАТЬ: *зиленсе ӳк* ‘разгневаться’ (< ‘сердиться’), *хараса ӳк* ‘испугаться, ужаснуться’ (< ‘бояться’)

ил БРАТЬ: *вуласа ил* ‘прочитать’ (< ‘читать’), *палласа ил* ‘узнать’ (< ‘знать, узнавать’)

лар САДИТЬСЯ: *хӳрса лар* ‘засохнуть’ (< ‘сохнуть’), *шӳнсе лар* ‘промерзнуть’ (< ‘мерзнуть’)

нар ДАВАТЬ: *вуласа нар* ‘прочитать (мне)’ (< ‘читать’), *лесзе нар* ‘отнести (кому-л.)’ (< ‘нести’)

яр ПУСКАТЬ/ПОСЫЛАТЬ: *кулса яр* ‘засмеяться’ (< ‘смеяться’), *юрласа яр* ‘запеть’ (< ‘петь’), *зисе яр* ‘съесть’ (< ‘есть’).

Обратимся, наконец, к материалам татарского языка (северо-западная, или кыпчакская, группа), наиболее полно описанного из тюркских языков России.

Из значительного числа аналитических форм с деепричастиями порядка 15 упоминаются как выражающие, в нашей терминологии, перфективное значение [Закиев (ред.) 1993: 186-190]. Среди вспомогательных глаголов отмечаются ‘уходить’, ‘проходить’, ‘давать’, ‘брать’, ‘посылать’, ‘выходить’, ‘ставить’, ‘достигать’ и пр. С этими глаголами конструкции обозначают “завершенность” или “исчерпанность”, иногда с дополнительными оттенками значения типа “внезапности, интенсивности”. Приведем некоторые примеры:

(2.119) татарский [Закиев (ред.) 1993: 198-199]

- а. Ялгыш-ын сиз-еп ал-ды.
ошибка-ACC чувствовать-CONV брать-PST
Он почувствовал (= “почувствовав взял”) свою ошибку.
- б. Утын яр-ып жуй-ды-к.
дрова колоть-CONV ставить-PST-1PL
Раскололи (= “поколов поставили”) мы дрова.
- в. Су жылын-ып жит-ге.
вода греться-CONV достигать-PST
Вода нагрелась (= “нагревшись достигла”).
- г. Агач-лар яшеллән-еп кит-ге.
дерево-PL зеленеть-CONV уходить-PST
Деревья позеленели.
- д. татарский, мишарский дт. (♣)
аһ реһ-ер чык-ты.
суп вариться-CONV выходить-PST
Суп сварился (= “сварившись вышел”) (... теперь можно есть).

Вспомогательным глаголам, как и во всех перечисленных ранее случаях, свойственны ограничения на сочетаемость со смысловыми глаголами. Некоторые данные о таких ограничениях мы получили при обследовании (в мишарском диалекте татарского языка) списка из порядка 90 смысловых глаголов; приведем в качестве примера сведения о сочетаемости для некоторых глаголов движения. Так, *кит-* ‘уходить’ в качестве глагола-перфективатора сочетается с порядка 25 смысловыми глаголами (это менее трети глаголов из списка); с большинством из них он обозначает достижение ситуацией конечного предела развития, часто с оттенком неожиданности (‘погас’, ‘умер’, ‘вспахал’, ‘испортился’, ‘потерялся’ и пр.), или “начальный предел”, т.е. возникновение новой ситуации (‘закипел’, ‘полюбил’, ‘загорелся’, ‘рассердился’, ‘обрадовался’, ‘заснул’), в ряде случаев обозначается мгновенное действие (‘взглянул’, ‘лопнул’); со всеми остальными глаголами сочетание невозможно или интерпретируется буквально как ‘сделав что-то, уйти’. Вспомогательный глагол *чык-* ‘выходить’ лишь менее, чем с 10 глаголами передает собственно перфективное значение (‘вскипел’, ‘сломался’, ‘взорвался’, ‘вспахал’, ‘сгорел’), но с порядка 25 глаголами допускает дистрибутивную интерпретацию (‘переубивал’, ‘перечеловал’, ‘пооткрывал’, ‘понадевал (на каждого)’, ‘поспилил (всё)’, ‘переслушал (всё)’ и т.п.). Наконец, глагол *жит-* ‘достигать’ в качестве вспомогательного сочетается также менее чем с третьими смысловыми глаголами, передавая значение достижения результата (‘дописал’, ‘доварился’, ‘доломался’ и пр.).

Дальнейшее обсуждение см. в разделе 2.11.2.

Переходя к языкам Юго-Восточной Азии, скажем для начала несколько слов об отмечаемом в этих языках противопоставлении “простых” и “сложных” глаголов. Среди различных типов сложных глаголов нас будет интересовать один особый подтип, традиционно именуемый “результативными глаголами”: в таких сочетаниях первый компонент указывает на некоторую ситуацию, а второй на результат осуществления этой ситуации³⁸. Примеры результативных глаголов приведены в (2.120):

(2.120) а. тайский [Осипов 1969: 77-78]

<i>кха-май</i> ‘убивать’	← <i>кха</i> ‘убивать’	+ <i>май</i> ‘умирать’
<i>от-май</i> ‘умирать от голода’	← <i>от</i> ‘голодать’	+ <i>май</i> ‘умирать’
<i>кхен-кха</i> ‘убивать’	← <i>кхен</i> ‘бить’	+ <i>кха</i> ‘убить’
<i>май-хэне</i> ‘засыхать’	← <i>май</i> ‘умирать’	+ <i>хэне</i> ‘быть сухим’
<i>нгог-сунг</i> ‘вырастать’	← <i>нгог</i> ‘расти’	+ <i>сунг</i> ‘быть высоким’

б. китайский [Горелов 1989: 53]

<i>shūo-míng</i> ‘пояснять’	← <i>shūo</i> ‘говорить’	+ <i>míng</i> ‘ясный’
<i>suō-xiǎo</i> ‘уменьшить’	← <i>suō</i> ‘сжать’	+ <i>xiǎo</i> ‘маленький’
<i>dǎ-dǎo</i> ‘свергнуть’	← <i>dǎ</i> ‘ударить’	+ <i>dǎo</i> ‘упасть’

в. вьетнамский [Солнцев и др. 1960: 50]

<i>tìm thấy</i> ‘найти’	← <i>tìm</i> ‘искать’	+ <i>thấy</i> ‘видеть’
<i>chạy trốn</i> ‘убежать’	← <i>chạy</i> ‘бежать’	+ <i>trốn</i> ‘убегать’

В то время как простые глаголы считаются нейтральными по отношению к виду, результативные глаголы обозначают ситуации, обладающие определенной внутренней аспектуальной характеристикой: а именно, это ситуации, имеющие определенный результат, или предел развития. Сложные глаголы обозначают “не просто действие как таковое, а определенный переломный момент в совершении этого действия — обычно момент достижения этим действием какого-либо результата...”, причем как правило речь идет о “естественном логическом результате данного действия” [Яхонтов 1957: 91 и сл.]. Чаще всего результативные глаголы обозначают завершенные ситуации, в связи с чем они иногда не употребляются в имперфективных контекстах (например, не сочетаются с имперфективными модификаторами или обстоятельствами длительности [Яхонтов 1957: 97]).

Сами по себе “результативные модификаторы” образуют открытый список лексических единиц: практически любой глагол или прилагательное могут выступать в роли второй части результативного глагола; такие сочетания, как обычно говорится, “создаются в процессе речи” и обладают аддитивностью значения. (Ср. выше примеры использования одних и тех же глаголов и в качестве смысловых, и в качестве модификаторов.) Образование результативных глаголов в целом подвержено семантическим и синтаксическим ограничениям; некоторая семантико-синтаксическая процедура, предсказывающая способность пары глаголов объединяться в результативную конструкцию в китайском языке, предлагается в [Li 1994].

³⁸ Тем самым, термин “результативный” в данном случае соответствует понятию “результат действия”, но не соотносится с более узким понятием “результатив” в смысле ‘грамматическое значение, обозначающее с о с т о я н и е, наступившее в результате осуществления действия’ (т.е. это не результатив в смысле классической работы [Недялков (ред.) 1983]).

Тем не менее, ряд глаголов выступает в качестве модификаторов наиболее часто; эти глаголы во многом претерпели утрату исходного лексического значения, они способны сочетаться с очень большим количеством смысловых глаголов и часто проявляют формальные признаки несамостоятельных слов (утрату ударения или этимологического тона). Количество таких продуктивных модификаторов различно в разных языках; ниже приводятся примеры нескольких систем, начиная с наиболее “богатых”.

2.11.1.4. Сино-тибетский вариант

В китайском языке в качестве продуктивных результативных модификаторов описывается порядка 20 глаголов, иногда называемых также “результативными суффиксами” [Горелов 1984: 76]. В. И. Горелов разделяет модификаторы на “собственно-результативные” и “направительно-результативные”, при этом к последним относятся следующие 8 глаголов движения: *shàng* ‘подниматься’, *qǐ* ‘подниматься (двигаться строго вверх)’, *xià* ‘спускаться’, *chū* ‘выходить’, *jìn* ‘входить’, *guò* ‘проходить’, *huí* ‘двигаться обратно (возвращаться)’, *kāi* ‘двигаться в сторону’ [Горелов 1984: 81; 1989: 53-54]. Сочетаются они с широким класом глаголов, причем не обязательно пространственной семантики, ср.:

(2.121) китайский [Горелов 1984: 80-81; 1989: 54]

shàng ‘подниматься’ ⇒ *zhù shàng* ‘прожить’, *ài shàng* ‘полюбить’,
kuā shàng ‘сесть (на лошадь)’

qǐ ‘подниматься’ ⇒ *shuō qǐ* ‘заговорить’, *huíyǐ qǐ* ‘вспомнить’

xià ‘спускаться’ ⇒ *fàn xià* ‘совершить’, *bō xià* ‘посеять’

chū ‘выходить’ ⇒ *xiǎng chū* ‘выдумать’, *zuò chū* ‘сделать, выполнить’

jìn ‘входить’ ⇒ *mǎi jìn* ‘закупить, приобрести’

guò ‘проходить’ ⇒ *shuǐ guò* ‘проспать’, *shèng guò* ‘превзойти’

kāi ‘двигаться в сторону’ ⇒ *xiào kāi* ‘рассмеяться’, *diào kāi* ‘отвернуться’

huí ‘двигаться обратно’ ⇒ *jiù huí* ‘спасти’.

Модификаторы результативных глаголов дополнительно распределены с точки зрения сочетаемости с классами смысловых глаголов: глаголы каждого из классов сочетаются только с одним из модификаторов “результативного вида”. Так, С. Е. Яхонтов (рассматривая в качестве модификаторов только одну пару глаголов движения) выделяет две группы: одни глаголы образуют “результативный вид” при помощи *shàng* (*шан*) ‘подниматься’, а другие — при помощи *xià* (*ся*) ‘спускаться’, ср. *се-шан* ‘написать’, *чи-шан* ‘съесть’, *чжун-шан* ‘засеять’, но *цзо-ся* ‘сесть’, *то-ся* ‘снять (одежду)’, *дю-ся* ‘потерять’ [Яхонтов 1957: 92]. Эти два глагола движения наиболее далеко продвинулись по пути грамматикализации в качестве модификаторов результативных конструкций: согласно [Яхонтов 1957: 87], они теряют в этой конструкции ударение и тоны. Подробнее о *shàng* см. также [Антонян 1990].

Среди других модификаторов (не только глаголов движения) наиболее частотными являются *dào, de, zháo* (все три ‘достигать’), *zhù* ‘жить’, *jiàn* ‘видеть’, *hǎo* ‘хороший’, *chéng* ‘удаваться’, *wán* ‘заканчивать’ и некоторые другие [Яхонтов 1957: 86-87; Горелов 1989: 53].

В качестве другого примера “сино-тибетской модели” можно привести также тангутский язык, где префиксы направленности (исходно глаголы движения), образующие

глаголы “совершенного вида”, также распределены по типам глаголов [Кепинг 1985: 176 и сл].

2.11.1.5. Тайский вариант

В тайских языках в качестве результативных модификаторов используются глаголы движения, которые могут сочетаться как с глаголами, так и с прилагательными [Морев 1991: 160 и сл.]. Три пары глаголов употребляются наиболее часто: это ‘уходить’ ~ ‘приходить’, ‘входить’ ~ ‘выходить’, ‘подниматься’ ~ ‘спускаться’. Разные смысловые глаголы также предпочитают разные модификаторы, ср.:

(2.122)	тайские	[Морев 1991: 163-165]			
	лао	<i>khyt3 mmk5</i>	‘придумать’	= ‘думать’	+ ВЫХОДИТЬ
	лао	<i>fang2 maa2</i>	‘услышать’	= ‘слышать’	+ ПРИХОДИТЬ
	лы	<i>tyn2 maa2</i>	‘проснуться’	= ‘просыпаться’	+ ПРИХОДИТЬ
	лы	<i>lum4 paj1</i>	‘забыть’	= ‘забывать’	+ УХОДИТЬ
	мулам	<i>taaj1 paaj1</i>	‘умереть’	= ‘умирать’	+ УХОДИТЬ
	суй	<i>laaw4 tang1</i>	‘стать большим’	= ‘большой’	+ ПРИХОДИТЬ
	тайск.	<i>nyk4 khyn3</i>	‘вспомнить’	= ‘мыслить’	+ ПОДНИМАТЬСЯ

Тем самым, даже когда глагол не связан с идеей перемещения в пространстве, модификатор “продолжает придавать ему некоторую воображаемую пространственную характеристику” [Плам 1965: 28]. При этом каждая конкретная ситуация связана именно с определенным пространственным представлением: так, в тайском глагол *lum* ‘забывать’ может сочетаться только с модификатором *ny* ‘уходить’, но никак не с *ma* ‘приходить’, а глаголы *nyut* ‘сказать’ или *nyam* ‘чихать’ сочетаются только с модификаторами *ok-ma* (‘выходить’ + ‘приходить’), но не с *kaun-ny* (‘входить’ + ‘уходить’) или даже *kaun-ma* (‘входить’ + ‘приходить’).

Противопоставление ‘подниматься’ ~ ‘спускаться’ связано также с указанием на увеличение или, соответственно, уменьшение по некоторому параметру (ср. тайск. *jaaw khyn* ‘стать длиннее’ и *sân loj* ‘стать короче’, см. также 2.7.1), тогда как противопоставление ‘уходить’ ~ ‘приходить’ часто связано с оценкой изменения состояния относительно нормы, причем использование ‘уходить’ указывает на изменение в сторону отклонения от нормы (например, в ситуациях ‘сломаться’, ‘забыть’, ‘упасть в обморок’, ‘сойти с ума’, ‘стать узким’ и пр.) [Gandour 1978: 383, 387-389]. (С указанием на отклонение от нормы при помощи тайск. *paj* ‘уходить’ связано также его использование, о котором шла речь в 2.2.11.4.)

Примеры использования результативных модификаторов в языке сэк см. в [Морев 1988: 39-42]; о результативной конструкции в чжуан см. [Москалев 1971: 188].

2.11.1.6. Аустроазиатский вариант

Во вьетнамском языке для обозначения “переломного момента в развитии действия или существовании признака” [Панфилов 1993: 186] используются 4 глагола движения — *đi* ‘идти’, *ra* ‘выходить’, *laj* ‘приходить’ (последний также используется как показатель рефактива, см. 2.3.11.1), а также *lên* ‘подниматься’, использующийся прежде всего для обозначения начала ситуации и рассмотренный в 2.7.1. Эти глаголы как части сложной конструкции также обозначают “результат действия или состояния, названного основным глаголом” и сочетаются с глаголами и прилагательными, ср.:

(2.123)	вьетнамский	[Панфилов 1993: 186-195; ВРС 1961: 181]
а.	<i>tìm</i> ‘искать’	+ ВЫХОДИТЬ ⇒ <i>tìm ra</i> ‘найти’

<i>ti`nh</i> ‘бодрствовать’	+ ВЫХОДИТЬ	⇒ <i>ti`nh ra</i> ‘проснуться’
<i>chết</i> ‘умирать’	+ УХОДИТЬ	⇒ <i>chết đi</i> ‘умереть’
<i>lấy</i> ‘брать’	+ УХОДИТЬ	⇒ <i>lấy đi</i> ‘взять’
<i>hát</i> ‘петь’	+ ПОДНИМАТЬСЯ	⇒ <i>hát lên</i> ‘запеть’
<i>ú`c</i> ‘быть обиженным’	+ ПОДНИМАТЬСЯ	⇒ <i>ú`c lên</i> ‘разобидеться’
б. <i>gầy</i> ‘худой’	+ УХОДИТЬ	⇒ <i>gầy đi</i> ‘похудеть’
<i>tre</i> ‘молодой’	+ ПРИХОДИТЬ	⇒ <i>tre lại</i> ‘помолодеть’
<i>run</i> ‘дрожащий’	+ ПОДНИМАТЬСЯ	⇒ <i>run lên</i> ‘задрожать’

Имеется и распределение данных глаголов-модификаторов в зависимости от семантики смыслового глагола: так, *ra* сочетается с переходными глаголами (‘искать’, ‘организовывать’), глаголами ментального состояния (‘знать’, ‘помнить’), а также экспериментальными глаголами (‘слушать’), и прилагательными, обозначающими проявление “положительного” признака (‘похорошеть’, ‘пополнеть’); напротив, *đi* — с глаголами, обозначающими исчезновение или утрату (‘забывать’, ‘умирать’, ‘ломаться’) и прилагательными, обозначающими проявление “отрицательного” признака (‘подурнеть’, ‘похудеть’) [Панфилов 1993: 190-193].

Кроме того, как отмечается в [Солнцев и др. 1960: 50], вспомогательные глаголы *đu`ợ`c* ‘получать’ и *nổi* ‘мочь’ в качестве результирующих модификаторов могут сочетаться практически с любым глаголом, напр. *mua đu`ợ`c* ‘купить’, *tìm đu`ợ`c* ‘найти’, *tìm nổi* ‘найти’ (ср. *tìm ra* ‘найти’ выше) и пр.

* * *

Использование многочисленных вспомогательных глаголов часто считают характерной ареальной чертой языков Южной и Юго-Восточной Азии, а также алтайских языков (см., среди прочих, обзор в [Masica 1976: ch. 5], а также [Крючкова 1995: 200], где делается вывод о возможном возникновении многочисленных аналитических форм в таджикском языке под тюркским влиянием).

Распространена также гипотеза о том, что в индоарийских языках конструкции с векторными глаголами являются инновацией и возникли под влиянием дравидийских или алтайских языков [Hook 1991: 60-61]. Что касается дравидийского влияния, то оно может быть оспорено, поскольку как раз в дравидийских языках система векторных глаголов далеко не так развита, как в индоарийских [Masica 1976: 144-145]. С другой стороны, в дравидийских языках хотя и используется меньшее число вспомогательных глаголов, они обладают более широкой сочетаемостью и употребляются более часто [Singh 1998: 180]; и что также интересно, в наиболее близких дравидийскому ареалу индоарийских языках, таких как бенгали и ория, наблюдается похожая ситуация [Singh et al. 1986: 256].

Мы бы хотели подчеркнуть, однако, что нас в данном случае интересует не только сам по себе факт использования в этих языках многочисленных вспомогательных глаголов, но то, что целая группа таких глаголов имеет общую функцию, которую пока мы условно называем “перфективацией”. Это обстоятельство привлекало внимание исследователей в гораздо меньшей степени.

Наконец, следует упомянуть о явлении, близком к “аналитической перфективации”, в языках, не относящихся к указанным ареалам — это некоторые из нахско-дагестанских языков. Хотя ареальное влияние (тех же тюркских языков) и здесь нельзя исключить, отметим, что, во-первых, подобное явление зафиксировано лишь в некото-

ная часть непереходных одноместных предикатов — ‘повисать’, ‘наполняться’, ‘вставать’, ‘болеть’, ‘лаять’ и т.д. [Кибрик (ред.) 2001: 122-123].

Перфективные аналитические конструкции имеются также в арчинском языке (лезгинские): хотя перфективное значение передает и синтетическая форма аориста, имеется набор конструкций, подчеркивающих значение ‘действие завершено, доведено до конца’. В качестве вспомогательных глаголов в этих конструкциях используются ‘идти’, ‘приходить’, ‘посылать’, ‘кончатся’, ‘кончать’, а смысловой глагол стоит в форме перфективного деепричастия. Для каждого из вспомогательных глаголов характерны ограничения на сочетаемость: так, ‘посылать’ и ‘кончать’ сочетаются только с переходными, а остальные с непереходными смысловыми глаголами [Кибрик и др. 1977: 77-78].

Интересно, что два охарактеризованных выше случая относятся к языкам разных групп внутри нахско-дагестанской семьи; языки эти ареально не близки. В других нахско-дагестанских языках системы “аналитических перфективаторов”, по-видимому, отсутствуют или же пока не были описаны.

2.11.2. Типологические особенности “аналитической перфективации”

Обобщим свойства “аналитических перфективаторов” в рассмотренных языках.

1) Формально эти конструкции представляют собой **сериализацию** в широком понимании этого термина (см. 2.1): сочетание двух и более глагольных форм используется для обозначения одной ситуации (исходная структура — обозначение последовательности двух ситуаций, “действие + его результат”).

2) В качестве продуктивных вспомогательных единиц используются прежде всего следующие **глаголы движения**: УХОДИТЬ, ПРИХОДИТЬ, ВХОДИТЬ, ВЫХОДИТЬ, ПОДНИМАТЬСЯ/ВСТАВАТЬ, СПУСКАТЬСЯ, достаточно часто встречаются также глаголы каузации движения или изменения положения в пространстве: ДАВАТЬ, БРАТЬ, БРОСАТЬ, СТАВИТЬ, КЛАСТЬ; наконец, реже используются другие динамические глаголы изменения состояния: ПАДАТЬ, САДИТЬСЯ, ОСТАВЛЯТЬ, ДОСТИГАТЬ, ПРОХОДИТЬ, ТОЛКАТЬ, ПОСЫЛАТЬ, УБИВАТЬ, УМИРАТЬ, ВЫНОСИТЬ, ТЕРЯТЬ(СЯ), ЕСТЬ. Набор перфективных модификаторов, следовательно, довольно сильно ограничен, особенно это касается наиболее частотных модификаторов — среди них одни и те же глаголы встречаются практически во всех языках.

3) Общее свойство модификаторов в составе описываемых конструкций состоит в том, что каждый из них имеет те или иные **лексические ограничения** на сочетаемость со смысловыми глаголами. Характер таких ограничений практически не исследован, но, по всей видимости, сформулированы они могут быть лишь при учете нескольких факторов, таких как аспектуальный класс смыслового глагола (статический/динамический, предельный/непредельный и т.п.), особенности его лексической семантики (глаголы восприятия, глаголы с неотменимым результатом типа глаголов разрушения и уничтожения и т.п.), переходность/непереходность глагола и, возможно, другие. Основной же эмпирический факт состоит в том, что конкретные смысловые глаголы (или классы смысловых глаголов) “предпочитают” конкретные глаголы-модификаторы, так что сочетаемостные возможности смысловых глаголов и модификаторов существенно ограничены. (Едва ли не единственное статистическое исследование сочетаемости смысловых и вспомогательных глаголов, проведенное на материале семи индоарийских и дравидийских языков, показало, что из теоретически возможных сочетаний 117 выбранных для

исследования смысловых глаголов со всеми “векторными глаголами” в этих языках грамматичным является менее 1% сочетаний, а от 68 до 98% смысловых глаголов способны сочетаться лишь с 1-6 модификаторами [Singh et al. 1986: 251]).

4) В семантическом отношении рассмотренные нами конструкции в разных языках также демонстрируют значительное сходство.

Мы уже отмечали, что в описаниях эти конструкции обозначаются весьма разнообразно: часто используются чисто формальные термины типа “сложные глаголы”, “составные глаголы”, “конструкции с векторными глаголами” (ср. также “*modified verbal expressions*” [Рошнзка 1967-1969], “*explicator compound verbs*” [Masica 1976] и т.п.). Среди “семантических” ярлыков фигурируют “интенсивные”, “комплетивные” или “предельные” (и как синоним “терминативные”), а также “результативные” глаголы.

Терминологические расхождения, однако, не представляют собой особой проблемы, поскольку важнее то, как именно характеризуется семантика данных форм и как она демонстрируется в приводимых примерах. По предыдущим разделам было видно, что при описании значения этих конструкций используются обычно (в самых различных лингвистических традициях и языках описания) едва ли не буквально совпадающие формулировки. Прежде всего это касается упоминания такой функции конструкций, как “указание на переломный момент в развитии ситуации”, “достижение определенного результата действия” и т.п. Часто исследователи разных языков отмечают и некоторое сходство в семантике таких конструкций с русским совершенным видом — всегда, правда, с оговоркой, что сходство это не является абсолютным.

Данная авторами описаний характеристика значения конструкций, о которых идет речь, а также приводимые ими примеры позволяют сделать вывод о том, что функция этих конструкций заключается именно в выражении **перфективности**. Набор интерпретаций, свойственный этим конструкциям, является типичным для перфективных показателей, засвидетельствованных в языках мира (см. 4.1.2.2): для части глаголов это прежде всего указание на достижения предела развития (“комплетивная интерпретация”), для части глаголов это указание на возникновение ситуации (“инхоативная интерпретация”). Еще одна важная функция перфектива состоит в обозначении ситуации, ограниченной во времени, происходящей в рамках ограниченного периода времени (ср. русские глаголы с приставками *по-* и *про-*). Подобная интерпретация, называемая “лимитативной”, свойственна аналитическим перфективаторам в меньшей степени, но и она возможна; (2.125) с вспомогательным глаголом *сал-* ‘класть’ является одним из таких немногочисленных примеров:

(2.125) хакасский [ГХЯ 1975: 184]

Завод-та ікі чыл тоғын сал-ған.
завод-LOC два год работать.CONV класть-PST

На заводе проработал (= “поработав положил”) два года.

Тем самым, аналитические перфективные конструкции подтверждают тот типологически засвидетельствованный факт, что языки с грамматикализованным перфективом “различаются в отношении того, какова в них доля каждого из компонентов прототипической перфективности” [Bybee, Dahl 1989: 88], ср. близкую формулировку в [Плунгян 1998а: 379-380].

Перфектив в рассмотренных нами языках ближе, действительно, к одному из двух основных типов перфективности, распространенных в языках мира, так называемому “славянскому перфективу”, в этом смысле аналогия с русским совершенным видом вполне уместна. Как свойственно языкам со “славянским перфективом” (а среди этих языков имеются не только славянские, но и, например, некоторые чадские, микронезий-

ские языки или некоторые языки Северной Америки), количество модификаторов перфектива достаточно велико, при этом каждому из них свойственны свои лексические ограничения и свои “оттенки значения”; наконец, семантически функция таких показателей сводится в основном к указанию на “выделенную точку” в составе ситуации, а не на ограниченность ситуации временными рамками. В целом, “славянский перфектив” является всегда более слабо грамматикализированным и теснее связан со словообразованием с его нерегулярностью и лексической избирательностью.

Подробнее сопоставление систем аналитических перфективаторов и их сравнение с перфективом славянского типа проведено в [Maisak 2000]. О типологии перфектива и месте “аналитических перфективных конструкций” в этой типологии см. также 4.1.2.2.

2.12. Удвоенные конструкции с глаголами движения

В предыдущих разделах рассматривались конструкции с тем или иным конкретным глаголом движения; в настоящем же разделе будут охарактеризованы случаи употребления глаголов движения в так называемых “удвоенных” конструкциях. Под удвоенной конструкцией понимается аналитическая или сериальная конструкция с повторением смыслового глагола (V) и использованием двух глаголов движения (V_M) в качестве служебных единиц, т.е. конструкцию типа “V V_{M1} + V V_{M2}”.

2.12.1. Множественная ситуация: альтернатив, итератив

Наиболее распространено использование подобных удвоенных конструкций для выражения частных значений **множественности ситуаций** (в смысле работы [Храковский (ред.) 1989]). Такое использование удвоенных конструкций характерно для языков Юго-Восточной Азии.

Как правило, удвоенные конструкции связаны с выражением мультипликативного значения ‘ситуация осуществляется неоднократно в один период времени с тождественным набором актантов’, и прежде всего такой его разновидности, как **альтернатив** (ситуация разнонаправленного движения в пространстве). Так, в кхмерском языке альтернатив выражается при помощи удвоенной конструкции с парами действительности антонимичных глаголов движения: **чень** ‘выходить’ ~ **чу:л** ‘входить’, **чух** ‘спускаться’ ~ **Леунг** ‘подниматься’, **дау** ‘уходить’ ~ **мак** ‘приходить’, например:

(2.126) кхмерский [Храковский (ред.) 1989: 225]

<i>кхньум</i>	<i>Теур</i>	<i>дау</i>	<i>Теур</i>	<i>мак.</i>
я	ходить	уходить	ходить	приходить
<i>Я ходил туда-сюда.</i>				

Во вьетнамском аналогичную функцию выполняют конструкции с глаголами *đi* ‘уходить’ ~ *lại* ‘приходить’, *ra* ‘выходить’ ~ *vào* ‘входить’: при помощи этих конструкций могут быть обозначены не только пространственные ситуации (собственно альтернатив), типа *đi ra đi vào* ‘ходить взад-вперед’ ⇐ *đi* ‘идти, уходить’, *chạy đi chạy lại* ‘бегать туда и обратно’ ⇐ *chạy* ‘бежать’, но и ситуации непространственные, которые можно охарактеризовать скорее как **итеративные** (‘неоднократное осуществление ситуации’), например: *đọc đi đọc lại* ‘читать и перечитывать’ ⇐

đoc ‘читать’, *gia'ng đĩ gia'ng ļai* ‘(он) все объяснял и объяснял (но его так и не понимали)’ \Leftarrow *gia'ng* ‘объяснять’ [Храковский (ред.) 1989: 231; Панфилов 1993: 192].

В китайском языке конструкции с глаголами *lái* ‘приходить’ и *qù* ‘уходить’ также используются как с глаголами перемещения в пространстве — и в этом случае выражают значение альтернатива, например: *fēilái fēiqù* ‘летать взад-вперед, летать в разные стороны’ \Leftarrow *fēi* ‘лететь’ — так и с другими глаголами, в этом случае удвоенная конструкция обозначает многократное или длительное, часто безуспешное действие, например: *zhǎolái zhǎoqù* ‘везде искал, долго искал’ \Leftarrow *zhǎo* ‘искать’, *xiang lái xiang qù* ‘(он) думал и думал (но ничего хорошего так и не надумал)’ \Leftarrow *xiang* ‘думать’ [Храковский (ред.) 1989: 241-242; Liu 1999: 124-125].

Отметим также интересный случай выражения альтернативного значения (а также совершения действия без определенной цели) в таитянском языке при помощи конструкции с одним глаголом *haere* ‘идти, ходить’, ср. *imi haere* ‘искать то здесь, то там’ и *inu haere* ‘пить то здесь, то там’, а также *parau haere* ‘говорить о том, о сем’, *ori haere* ‘разгуливать без цели’ и пр. [Torss 1961: 104].

2.12.2. Симметричность ролей: реципрок

В китайском языке удвоенная конструкция “V-ПРИХОДИТЬ V-УХОДИТЬ” подверглась дальнейшей грамматикализации: она употребляется не только для выражения множественности, неоднократного воспроизведения ситуации, но и для выражения **реципрока**. Реципрокальная ситуация имеется в том случае, если два (или более) участника играют в ситуации двойную роль — каждый из них, например, является одновременно и агенсом (источником воздействия), и пациенсом (объектом воздействия):

(2.127) китайский [Liu 1999: 124]

tamen da lái da qu.

они ударить **приходить** ударить **уходить**

Они побили друг друга.

Реципрокальная интерпретация удвоенной конструкции возможна не всегда, для ее появления необходимо выполнение определенных условий (переходный глагол, оба актанта должны быть одушевленными, имеется соответствующая контекстная поддержка) [Liu 1999]. Очевидно, однако, что значение реципрока появляется у данной конструкции как одно из значений из области глагольной множественности: движение в разных направлениях > неоднократное осуществление ситуации > осуществление ситуации с “симметричным” распределением ролей между двумя участниками.

ГЛАВА 3. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ПОЗИЦИИ

Данная глава посвящена разбору путей грамматикализации глаголов позиции. Два основных пути диахронического развития глаголов позиции хорошо известны типологам и отмечались в [Williams 1994; Kuteva 1999] и многих общих работах: речь идет о функционировании глаголов позиции в качестве бытийных глаголов (в т.ч. об их развитии собственно в глагол ‘быть, находиться’) и о превращении их в аспектуальные показатели с различными имперфективными значениями. Однако многие периферийные пути грамматикализации глаголов позиции (часто не совпадающие у разных глаголов) систематизируются в данной главе, по-видимому, впервые.

Превращение глагола позиции в бытийный глагол не является примером собственно грамматикализации, а представляет собой случай развития лексического значения. Тем не менее, ввиду того, что этот путь развития глаголов позиции чрезвычайно важен типологически и обычно является предпосылкой дальнейшей эволюции, он также кратко характеризуется в **разделе 3.1**. **Раздел 3.2** посвящен превращению глаголов позиции в имперфективные показатели и содержит общий обзор таких случаев (в основном на примере языков, в которых данную функцию приобрели все три основных позиционных глагола). В **разделе 3.3** кратко рассматривается использование глаголов позиции в качестве собственно “позиционных” модификаторов, т.е. с сохранением их исходного значения. **Разделы 3.4-3.6** посвящены путям грамматикализации каждого из трех основных глаголов позиции: сами глаголы, а также разбираемые пути их развития, упорядочены в соответствии с частотностью случаев грамматикализации в языках мира.

3.1. Глаголы позиции в бытийном употреблении

В языках мира существует несколько основных путей появления бытийных глаголов (‘быть’, ‘существовать’, ‘находиться’, ‘становиться’ и т.п.), а также во многом близкого им класса глаголов обладания (‘иметь’, ‘обладать’).

Так, к глаголу ‘расти, становиться’ (индоевр. **bhew-*) восходят английский *be*, немецкий *bin*, латинский *fin*, славянский *бы-(ть)*; к ‘существовать, находиться’ (индоевр. **Hes-*) восходят английский *is*, немецкое *ist*, испанское *es*; к ‘жить’ (прагерм. **wes-*) восходят английское *was* или немецкое *war* [Lehmann 1995 (1982): 26]. Бытийные глаголы могут получаться из исходного ‘оставаться’, ср. португ. *ficar*, функционирующий в настоящее время фактически как ‘быть’. Глаголы обладания часто имеют в качестве источников глаголы физического контакта, ср. исп. *tener*, португ. *ter* < лат. *tenere* ‘держат’, англ. *have* < прагерм. **haffan* ‘хватать’ и пр. При этом как предикаты обладания могут использоваться для обозначения существования, так и наоборот, ср. франц. *il y a* ‘существует’ (= “здесь имеется”, от *avoir* ‘иметь’) или русск. *у него есть* ‘он имеет’.

Еще одним источником глаголов бытия являются **позиционные глаголы**. Ниже систематизируются данные, встретившиеся нам в ходе исследования. Отметим, однако, что задача систематически исследовать возможность бытийного использования глаголов позиции специально не ставилась, так что мы опираемся только на те сведения, которые обычно приводятся в грамматиках (в грамматиках же данное явление может и не полу-

чать должного освещения, поскольку относится оно, как уже говорилось, прежде всего к развитию лексического значения слов).

3.1.1. Обзор языков с “бытийным” использованием позиционных глаголов

Использование позиционных глаголов в бытийных предложениях — прежде всего в локативных (‘находиться где-л.’) — встречается в ряде индоевропейских языков (где имеются также и отдельные чисто бытийные глаголы).

Про русские глаголы *сидеть*, *стоять*, *лежать* говорилось в 1.3.2.1-1.3.2.2 выше; близкая ситуация имеется по крайней мере в болгарском [Kuteva 1999]. Ситуация, похожая на славянские языки, наблюдается в некоторых германских: норвежском, шведском, датском, нидерландском (но не в английском). Пример (1.1) из шведского см. выше; ср. также более или менее параллельные русскому случаи:

(3.1) а. норвежский [Kuteva 1999: 201]

Spiker-en	ligg-er	pe	plank-an.
гвоздь-DEF	лежать-PRS	на	доска-DEF

Гвоздь лежит на доске.

б. датский [Kuteva 1999: 200]

Smm-et	sidd-er	i	brætt-et.
гвоздь-DEF	сидеть-PRS	в	доска-DEF

Гвоздь “сидит” в доске (вбит в доску).

Интересно, что в русско-норвежском пиджине руссенорск чисто бытийный глагол отсутствовал и его функцию выполняли глаголы *stannom / stannop* ‘стоять, вставать’, *liggene / ligga ned* ‘лежать’ и, реже, *slipom* ‘спать’, часто они выступали как синонимичные, ср. (*ras / dag* — синонимы, соответственно, русского и норвежского происхождения):

(3.2) руссенорск [Belikov 1993]

а.	Kor	ju	stan om	raa	gammel	ras?
	где	ты	стоять	в	старый	день
б.	Kor	ju	ligga ned	raa	gammel	dag?
	где	ты	лежать	в	старый	день

Где ты был (= “стоял / лежал”) вчера?

Очевидно, данное явление развилось в руссенорске непосредственно под норвежским влиянием (возможно встречное влияние и со стороны русского, однако для русского не характерно использование позиционных глаголов как в примере (3.2)).

Возможно, бытийное использование глаголов позиции было представлено еще в древних индоевропейских языках; по крайней мере, в хеттском языке глагол *ki-* ‘лежать’ мог использоваться с неодушевленными именами при обозначении расположения в пространстве [Kuteva 1999: 199]. В древнегреческом языке глаголы $\alpha\sigma\iota\tau\alpha\iota$ ‘сидеть’, $\kappa\alpha\tau\alpha\lambda\iota\mu\alpha\iota$ ‘лежать’ и $\sigma\tau\alpha\iota$ ‘стоять’ также использовались в качестве “заменителей” бытийного глагола (*be-replacers*) [Verhaar (ed.) 1973: 203-205, 217-222], а в современном языке форма глагола ‘стоять’ от основы перфектива используется как синоним бытийного глагола [Verhaar (ed.) 1968: 75].

Из языков Евразии можно отметить также малаялам, в котором *irikkuka* ‘сидеть’ часто выступает в качестве эквивалента бытийного глагола (напр., его можно употребить в предложениях типа ‘они дома’, ‘книга на столе’ и пр.) [Verhaar (ed.) 1968: 102-103].

Широко представлено использование глаголов позиции в качестве бытийных в австралийских языках. Р. Диксон отмечает, что обычная связка типа ‘быть’ в австралийских языках часто отсутствует и ее функцию выполняют позиционные глаголы; если в языке и встречается бытийный глагол, то недавнего происхождения, причем он может происходить как раз из глагола позиции. В языке валмадьярри, например, глагол *ṛuna-* ‘быть’ скорее всего соответствует однокоренному ‘лежать’ родственных языков; при этом в валмадьярри возник новый глагол ‘лежать’ неизвестной этимологии [Dixon 1980: 120]; см. также о превращении ‘лежать’ > ‘быть’ в [Austin 1981: 106]. В качестве языков с использованием глаголов позиции при обозначении существования вообще приводятся также дирбал и йидин [Dixon 1977: 500-501], диери [Austin 1981: 103-104] (см. пример ниже), муринабата и валбири [Williams 1994]. СИДЕТЬ в качестве бытийного глагола используется в языках бидяра и гунгабула [Breen 1973: 71], а также питтапитта [Blake 1979: 223] и мангарай [Merlan 1982: 23-24].

(3.3) диери [Austin 1981: 104]

ṛara ṛiṇa rantu-ṛi **pada-yi.**
 вода большая озеро-LOC **лежать-PRS**
В озере много воды (“лежит”).

В папуасских языках глаголы позиции в бытийном использовании также иногда встречаются: так, в амеле глагол ‘быть’ отсутствует и его заменяют три основных глагола позиции, а также ‘класть’ и ‘бить’ [Roberts 1987: 64-5]; ср. пример “нейтрального” использования в амеле *bil-* ‘сидеть’ (если бы речь шла о больном человеке, был бы употреблен *nij-* ‘лежать’):

(3.4) амеле [Roberts 1987: 65]

uqa me **bil-i-a.**
 он хороший **сидеть-3SG-PST**
Он хорошо себя чувствует (= “он сидит хороший”).

Три позиционных глагола используются в качестве бытийных в имонда [Kuteva 1999: 204]; в языке кева в качестве бытийных глаголов используются СИДЕТЬ, а также СТОЯТЬ и др. [Franklin 1971: 70, 74].

Из языков близкого ареала можно отметить также океанийский язык фиджи. В фиджи в качестве глаголов существования используются *tiko* ‘оставаться’, а также (реже) *tū* ‘стоять’, причем последний указывает обычно на постоянное, а не временное, существование или пребывание [Schütz 1985: 83-84, 101-102].

В других ареалах бытийное использование глаголов позиции отмечается крайне редко. Регулярные примеры такого рода имеются в койсанском языке кхое (со всеми тремя основными глаголами позиции) [Kuteva 1999: 204-205], см. также об этом 1.3.2.2. В нубийском языке в качестве бытийных глаголов используются *āg* и *tēg* ‘сидеть’ (только с одушевленными именами), *bū* ‘лежать’ и *tēb* ‘стоять’; часто употребление глаголов является весьма обобщенным: например, *bū* имеет непосредственный смысл ‘лежать’ только с одушевленными именами, но может быть использован и в высказывании типа “стул находится (лежит) там”, хотя стул в обычной позиции скорее “стоит” [Armbruster 1960: 380-381].

Пример бытийного использования глаголов позиции в языках Америки имеется в языке мандан группы сиу, в котором семь глаголов позиции (часть из них производна от основных трех) широко употребляются в бытийных предложениях, а также с demonstra-

тивами (т.е. говорится не просто “этот там”, а “этот лежащий/стоящий и т.п. там” [Kuteva 1999: 202-203]).

Позиционные глаголы в бытийном использовании, как уже было сказано, фактически “классифицируют” имена существительные, разделяя их на несколько групп в зависимости от одушевленности, физических свойств или функции их референтов. Это свойство глаголов позиции (как и глаголов некоторых других лексических классов) часто заставляет их считать одним из средств “именной классификации” наравне со счетными словами и другими типами классификаторов (так называемые “*predicate classifiers*” или “*verbal classifiers*”; см. [Allen 1977: 287; Aikhenvald 2000: 295-300]). Некоторые примеры языков (в основном папуасских, а также австралийских и некоторых америндских) с использованием глаголов позиции в качестве “классифицирующих бытийных глаголов” имеются в [Aikhenvald 2000: 299].

3.1.2. Случай превращения позиционного глагола в бытийный

Второй случай, который имеет смысл рассмотреть, это превращение глагола позиции в чисто бытийный глагол. Данный случай имеет место, если один из глаголов позиции расширяет свою сочетаемость настолько, что начинает обозначать существование или местоположение объекта независимо от его топологических характеристик. Иными словами, в данном случае не позиционный глагол используется в бытийном предложении (оставаясь при этом позиционным), а скорее глагол перестает быть позиционным и становится чисто бытийным.

Эволюция глагола позиции в бытийный глагол хорошо известна по романским языкам. К латинскому *stāre* ‘стоять’ восходят *estar* ‘быть’ в иберо-романских языках, *stare* ‘быть’ в итальянском (только во французском он утрачен, там *ktre* ‘быть’ < *estre* < нар.-лат. *essere* восходит непосредственно к лат. *esse* ‘быть’). В иберо-романских языках значительная часть форм другого бытийного глагола *ser* восходит к лат. *sedēre* ‘сидеть’ (а часть к нар.-лат. *essere*)⁴⁰ [Pountain 1982; Heine et al. 1993: 202, 206]. Разница между этими глаголами сводится, в самом общем виде, к обозначению постоянного свойства или положения дел (*ser*) или временного свойства, актуальной ситуации (*estar*), ср. типичные примеры использования из португальского:

(3.5) португальский (♥)

- а. *Ï por causa do Chico que **estou** nervoso!*
Это из-за Шичу я нервничаю (= “я есть нервный”)!
- б. *Estas férias **são** grandes de mais...*
Эти каникулы слишком большие (= “являются большими”)...

К тому же индоевропейскому корню **stā-* ‘стоять’, что и в лат. *stāre*, восходят современные бытийные глаголы кельтских языков, например, ирландское *ta* или шотландское *tha* [Devitt 1990: 104], а также некоторые формы бытийных глаголов в индоарийских языках, ср. *tha* ‘был’ в хинди [Verhaar (ed.) 1968: 41]. Нельзя не вспомнить также и русское *стать*, функционирующее в настоящее время как глагол приобретения состояния (ср. *стал космонавтом*) или инхоативный вспомогательный глагол (*стал думать*).

⁴⁰ Интересно, что на определенном этапе развития испанского и португальского языков (XII-XVI вв.) в качестве одного из глаголов, близких бытийным или “связочным”, выступал и *jazer/yazer* ‘лежать’, впоследствии полностью утративший этот тип употребления [Pountain 1982: 153-154].

В современном японском языке глагол *i-* (*iru*) ‘быть (об одушевленных субъектах)’ восходит к *wi-* с исходным значением ‘сидеть’ [Bart Mathias, личное сообщение]⁴¹. Ср. застывшее выражение *itemo tatte mo irarenai* ‘мне очень плохо (букв. “хоть сидя, хоть стоя не могу быть”)’ в котором данный глагол употреблен дважды: в *i-te-mo* он сохраняет исходный позиционный смысл, а в отрицательной форме POSSIBILITY *i-rare-nai* ‘не могу быть’ он выступает как вспомогательный глагол в длительной конструкции с формой на *-te*.

В качестве чисто бытийного глагола, возможно, следует квалифицировать и *qqim* ‘сидеть’ в кабийском языке; по крайней мере, только этот глагол функционирует в качестве бытийного [Kuteva 1999: 203] (однако, неизвестно, продолжает ли он использоваться также для обозначения позиции ‘сидя’). В языке валмадьярри к ЛЕЖАТЬ восходит бытийный глагол *nyina-* ‘быть’ (более, видимо, не употребляющийся в качестве позиционного глагола) [Dixon 1980: 120].

3.1.3. Немаркированность одного из глаголов позиции в бытийном употреблении

Итак, в языках мира позиционные глаголы могут выступать практически в качестве бытийных глаголов, в т.ч. и тогда, когда в языке имеется самостоятельный глагол ‘быть’ (как в германских, славянских и пр. языках). Более того, иногда сам глагол ‘быть’ происходит из бывшего глагола позиции. Если же глагола ‘быть’ в языке нет, глаголы позиции являются фактически единственным средством выражения существования и местонахождения.

Как правило, в функции бытийного глагола могут выступать любые из трех основных глаголов позиции. Интересен в этой связи вопрос, какой из них является типологически наиболее нейтральным (или наименее “маркированным”), т.е. какому из них свойственна наиболее широкая сочетаемость? Исходя из торетических соображений, можно высказать предположение о том, что это скорее будет СТОЯТЬ как глагол, обозначающий “каноническую” позицию человека. Попробуем теперь понять, подтверждается ли данная точка зрения материалом.

Сначала рассмотрим ситуацию использования глаголов позиции в качестве эквивалентов бытийных глаголов.

В славянских и германских языках в целом, по-видимому, наиболее часто употребим глагол СТОЯТЬ, хотя в соответствующих работах конкретных указаний по этому поводу обычно не содержится.

В руссенорске бытийное употребление имеют только СТОЯТЬ и ЛЕЖАТЬ, и также только СТОЯТЬ используется в фиджи. В языке кхое СТОЯТЬ наиболее нейтрален и частотен и фактически близок глаголу-связке [Kuteva 1999: 205].

Австралийские языки различаются по тому, какой из глаголов наиболее нейтрален и используется в качестве бытийного глагола в наибольшем числе контекстов. Обычно это бывает СИДЕТЬ (корень вида *nyii-n* || *nyina-y*); вместе с тем, в языке вик-мункан немаркированным глаголом является ЛЕЖАТЬ [Dixon 1980: 116]. В языке валмадьярри, по-видимому, немаркированным также был ЛЕЖАТЬ, превратившийся в чисто бытийный глагол (см. выше). В языке йидин *wina-n* ‘лежать’ используется в качестве бытийного глагола также наиболее широко (хотя все же в случаях, когда объект действительно “лежит”; если речь идет о высоком объекте, употребляется СТОЯТЬ), этот глагол озна-

⁴¹ Ситуация, однако, осложняется тем, что у этимологически родственных глаголов в других алтайских языках значения ‘сидеть’ не обнаруживается [А. В. Дыбо, личное сообщение].

чает также ‘жить’; напротив, в дирбале немаркирован СИДЕТЬ и общее значение ‘жить’ выражается им. Кроме того, в этих языках именно немаркированный глагол позиции употребляется в сочетании ‘жениться’, букв. “лежать/сидеть с женщиной” [Dixon 1977: 500-501].

Для языка мангарай отмечается немаркированность СИДЕТЬ в бытийных предложениях и при выражении смысла ‘жить’, а также в топонимах, построенных по модели ‘это находится там’; при этом СТОЯТЬ предпочтительнее с высокими, а ЛЕЖАТЬ — с длинными горизонтальными объектами [Merlan 1982: 23-24]. В диери о степени обобщенности глаголов позиции не говорится, однако заслуживает внимания тот факт, что смысл ‘иметь, обладать’ передается при помощи глагола *ɲama* ‘сидеть’ с транзитивирующим суффиксом *-lka* [Austin 1981: 146-147].

Видимо, именно СИДЕТЬ наиболее нейтрален среди глаголов позиции в папуасских языках амеле [Roberts 1987: 64-5] и кева [Franklin 1971: 70, 74]. В языке диегеньо (группа хока) глагол *t-wā* ‘сидеть’ отмечается как наиболее общий и часто используемый, когда позиция субъекта при совершении действия не важна [Langdon 1970: 168].

Обратимся теперь к данным языков, в которых глагол позиции превратился в чисто бытийный глагол. Как указано выше, в романских и кельтских представлен случай происхождения ‘быть’ из СТОЯТЬ (в русском это также глагол становления), а в японском и кабийском (и также романских) из СИДЕТЬ; в некоторых же австралийских из ЛЕЖАТЬ.

Итак, по имеющимся у нас данным СТОЯТЬ нельзя признать основным (типологически) кандидатом на роль бытийного глагола; не менее часто самым нейтральным глаголом позиции является СИДЕТЬ, и только ЛЕЖАТЬ явно маргинален, хотя и не невозможен, в этой роли.

3.1.4. Грамматикализация глагола позиции vs. бытийного глагола

Превращение позиционного глагола в бытийный относится к лексической истории глагола, т.е. еще как бы к этапу “преграмматикализации”. Повторим, что в данной главе рассматриваются именно случаи грамматикализации позиционного глагола, а не все вообще случаи грамматикализации глаголов, которые когда-либо были позиционными.

Здесь может возникнуть вопрос о критериях того, в каком случае следует говорить о грамматикализации именно глагола позиции, а в каком — о грамматикализации бытийного глагола (пусть и восходящего к глаголу позиции). Мы руководствовались следующими соображениями: если известно, что глагол позиции функционирует отчасти как бытийный глагол, но при этом выступает и как основное лексическое средство кодирования определенного пространственного расположения, мы рассматриваем грамматикализованные конструкции с этим глаголом; если же данный глагол в качестве средства обозначения определенной позиции более не употребляется (напр., романские языки), конструкции с ним не рассматриваются. В случаях, когда подробной информации об использовании данного глагола не имелось, мы ориентировались просто на перевод его в грамматиках (“стоять/ сидеть / лежать” vs. “быть”).

Интересно, что в справочнике [Heine et al. 1993: 202, 206] среди путей грамматикализации глаголов позиции приводятся и случаи превращения глагола позиции в бытийный глагол (*copula*), — по крайней мере упоминаются романские *ser* и *estar*, о которых говорилось выше. С теоретической точки зрения это не вполне верно, если считать глагол БЫТЬ обычной глагольной лексемой, как и глагол позиции. Однако, бытийный глагол занимает в системе языка обычно настолько особую роль (он может выступать, например, в качестве “глагола-связки” в

именном сказуемом, являться вспомогательным глаголом и т.п.), что относится к грамматике, пожалуй, в большей степени, нежели остальные глагольные лекемы. Ср. также работу [Devitt 1990], в которой семантическая эволюция бытийного глагола рассматривается в рамках теории грамматикализации как однонаправленный процесс: от глагола позиции к локативному глаголу ‘находиться’, затем к бытийному глаголу, затем к связке со значением временного состояния, а также, возможно, к глаголу с модальным значением ‘вероятно; может быть’.

Другая проблема касается имплицативных отношений между использованием глаголов позиции в качестве бытийных и их грамматикализацией (прежде всего превращением в имперфективные показатели). Является ли развитие у позиционного глагола бытийного употребления *необходимым* условием его грамматикализации? (Аналогичный вопрос в связи с глаголами движения рассматривался в 2.1.)

То, что развитие у позиционного глагола бытийного употребления не является достаточным условием его грамматикализации, скорее всего верно: существуют языки, в которых нет грамматикализированных конструкций с позиционными глаголами, но они, тем не менее, имеют бытийное употребление (многие австралийские языки; отчасти также и русский).

Вопрос о *необходимости* этого условия не так однозначен. Т. Кутева, исследовав употребление конструкций с позиционными глаголами в 8 языках из нескольких генетически и ареально далеких групп (болгарском, норвежском, датском, шведском, кабилском, мандан, имонда, кхое), формулирует следующую закономерность: в языках, обладающих аспектуальными конструкциями с позиционными глаголами, эти глаголы используются и в качестве бытийных. Бытийное использование позиционных глаголов является первичным и служит предпосылкой дальнейшей грамматикализации благодаря тому, что при данном использовании позиционные глаголы все более десемантизируются и становятся более частотными [Kuteva 1999: 197, 205]. По мнению Т. Кутевой, предпосылкой для приобретения конструкциями с глаголами позиции аспектуального значения является именно их использование для обозначения “немаркированного, канонического расположения физических объектов в пространстве”, под которым понимается обозначения, “наиболее часто встречаемые в повседневном языке и более когнитивно значимые (*salient*), нежели другие” [Kuteva 1999: 192, 197, 201, 205, 207].

Мы, однако, не уверены, что существует строгая импликация вида: “Если в языке глаголы позиции грамматикализированы (с имперфективным значением), то они обязательно используются и в качестве бытийных глаголов для обозначения немаркированного пространственного расположения объекта”.

Во-первых, имеются языки с активной грамматикализацией глаголов позиции, в которых, однако, эти глаголы, как кажется, для обозначения канонического расположения объектов не используются (например, тюркские языки). (Повторяем, что речь не идет о невозможности для глагола позиции хоть в каких-то случаях употребляться по-хожим на бытийный глагол образом, но об отсутствии ситуации регулярного и “наиболее значимого” использования в таких контекстах.) Во-вторых, есть языки, в которых грамматикализован вообще лишь какой-то один из глаголов позиции, и для них верно также и то, что сказано только что (ср. дравидийские языки). В этом случае мы явно имеем дело с “индивидуальной судьбой” глагола позиции, не связанной напрямую с бытийным использованием.

Не совсем понятно также, насколько утверждение Т. Кутевой может касаться других путей грамматикализации глаголов позиции (которых, хотя многие из них и редки, все же довольно много): важно ли для них, используются ли глаголы позиции для канонического маркирования расположения объекта? По нашему мнению, для периферийных путей эта связь еще менее релевантна.

Итак, можно утверждать, что, как и для глаголов движения в роли показателей ориентации, для глаголов позиции приобретение бытийного использования не является непременной предпосылкой дальнейшей грамматикализации, хотя сама по себе такая корреляция достаточно частотна и заслуживает внимания.

3.2. Глаголы позиции в имперфективных конструкциях

Использование конструкций с глаголами позиции для обозначения процесса развития ситуации, ее длительности или повторяемости характерно для многих языков мира. Это основной путь грамматикализации глаголов позиции, засвидетельствованный во всех основных языковых ареалах. Очень часто этот путь отмечается как раз в тех языках, в которых глаголы позиции широко используются в функции бытийных глаголов (см. 3.1), однако однозначной взаимозависимости здесь нет (см. ниже).

В настоящем разделе представлен общий обзор использования конструкций с глаголами позиции для выражения имперфективных значений, приводятся прежде всего примеры из языков, в которых данное значение имеют все три основных глагола позиции. Более частные случаи и особенности имперфективных конструкций с конкретными глаголами рассмотрены ниже в разделах 3.4-3.6.

Среди языков Европы своими характерными конструкциями с глаголами позиции известны многие германские языки. Так, в нидерландском видовое значение “длительности” имеет конструкция с несколькими вспомогательными глаголами и инфинитивом (с препозитивной частицей *te*): среди вспомогательных глаголов основные глаголы позиции *staan* ‘стоять’, *zitten* ‘сидеть’ и *liggen* ‘лежать’, а также *hangen* ‘висеть’ и глагол движения *lopen* ‘бежать’ (иногда переводится как ‘идти, ходить’; см. об этом глаголе также 2.2.2). Конструкция “выражает длящееся действие с уточнением положения субъекта в пространстве” [Братусь, Рубцова 1985: 93], см. также [Миронов и др. 2000а: 286], ср. (3.6). Более древняя конструкция представляла собой сочинение двух финитных форм глагола, лишь потом смысловой глагол стал выступать в форме причастия, а позже в инфинитиве [Миронов и др. 2000б: 245]:

(3.6) нидерландский [Братусь, Рубцова 1985: 93; Миронов и др. 2000б: 245]

- а. Zij **zit** te lezen.
она **сидеть**.PRS INF читать.INF
Она (сидит) читает.
- б. Hi **sat** ende at.
он **сидеть**.PST и есть.PST
Он (сидел и) ел.

Аспектуальное значение конструкции в (3.6а) можно определить, видимо, скорее как прогрессивное ‘динамическая ситуация Р в момент наблюдения проходит одну из фаз своего развития’; вместе с тем, отмечается также, что если сочетанию с *staan* ‘стоять’ свойственно именно прогрессивное значение, то форме с *zitten* ‘сидеть’ и *liggen* ‘лежать’ скорее хабитуальное [Heine et al. 1993: 139, 201].

В фризском языке имперфективная конструкция с глаголами позиции также включает смысловой глагол в форме инфинитива [Ebert 2000а: 607]. В шведском же, норвежском и датском ситуация в целом сходна — в аналогичных конструкциях используются три основных глагола позиции, формально конструкции выглядят как сочинительные с союзом *og* || *och* ‘и’, значение они имеют также прогрессивное и хабитуальное [Kuteva 1999: 195-196]. К. Эберт описывает такие конструкции как средство выражения прогрес-

сива в первую очередь, но отмечает и их совместимость с хабитуальной интерпретацией [Ebert 2000a: 627].

В грамматиках германских языков названные конструкции фигурируют далеко не всегда (видимо, в силу того, что аспектуальное значение у них проявляется не в чистом виде, а “дополнительно” к обозначению позиции). Аналогична ситуация с традицией описания таких форм в славянских языках. Так, в своей специальной работе Т. Кутева характеризует болгарские конструкции с СТОЯТЬ, СИДЕТЬ, ЛЕЖАТЬ как выражающие видовые значения дуративности/ хабитуальности, причем часто (как кажется по переводам примеров) без обязательных пространственных коннотаций, ср.:

(3.7) болгарский [Kuteva 1999: 208-209]

а. Дрехите **седят** и събират прах.

Одежда постоянно собирает пыль (= “сидят и собирают”; ≈ русск. “висит пылится”).

б. Башта му през цялото време **стои** и мърмори.

Его отец все время ворчит (“= стоит и ворчит”; ≈ русск. “ходит ворчит”).

В традиционных, в т.ч. больших, болгарских грамматиках (Л. Андрейчина, Ю. С. Маслова и пр.) данное явление не отмечалось. То же можно сказать и о русских конструкциях с глаголами позиции типа тех, которые приведены выше в качестве примерных болгарских аналогов. В академической грамматике 1980 года данные конструкции кратко упоминаются в качестве одного из типов сказуемого [Шведова (ред.) 1980: 240]. Формально эти конструкции привлекают внимание морфологической симметричностью (это сочетание двух финитных форм глагола), фактически они представляют собой типичный пример сериализации (даже при узком ее понимании) [Подлеская 1993: 133]. Именно формально-синтаксические аспекты таких сочетаний (“двойных глаголов”, “энумеративных предикатов”) были предметом рассмотрения в работах [Литвинов 1984] и [Вайс 2000] (см. также подробную библиографию в последней работе).

Конструкции типа *сидит пишет, сидит плачет, стоит курит* и т.п. разделяют свои формальные особенности и с конструкциями с другими глаголами (*пойти, ходить, взять*). Вместе с тем, бесспорно, что если конструкциям с глаголами позиции (а также *ходить*) и свойственна некоторая функция, то это подчеркивание длительности или повторяемости ситуации; Д. Вайс, отмечая “известную десемантизацию” глаголов позиции, пишет о том, что “особенно глагол *сидеть* выражает в таких сочетаниях идею длительности, ничем не нарушаемого процесса” [Вайс 2000: 370]. Ср. также примеры из русских диалектов: *дерева сохнут стоят, он все стонет ходит*; как отмечает один из авторов коллективной монографии В. И. Трубинский, здесь “глаголы движения (состояния) выступают в ослабленном лексическом значении, получая одновременно значение, близкое к грамматическому” [Мещерский (ред.) 1972: 214].

Степень семантического развития глаголов позиции в данных конструкциях, конечно, не очень значительна (практически полностью сохраняется исходный смысл ‘делать Р стоя/сидя/лежа’, из-за чего имеются значительные ограничения на сочетаемость и со смысловыми глаголами, и с типами субъекта (ср. **она сидит бежит, *ветер сидит воет* [Вайс 2000: 370]). Более продвинутая грамматикализация глаголов позиции встречается в языках Азии.

Особенно показательны в этой связи тюркские языки. Глаголы позиции используются в качестве вспомогательных в конструкциях с деепричастием (предшествования на *-n* или одновременности на *-a*) смыслового глагола: это конструкции *-n тор-* || *-a тор-* с ‘стоять’, *-n ят-* || *-a ят-* с ‘лежать’, *-n отур-* || *-n ултыр-* с ‘сидеть’ [Юлдашев 1965: 53-72]. Диапазон интерпретаций этих конструкций таков же, какой обсуждался выше: ср.

(3.8a) с прогрессивным и (3.8б) с хабитуальным значением для конструкции с глаголом СТОЯТЬ:

(3.8) башкирский [Юлдашев 1965: 66, 71]

а. Ел эрә-п тор-а.
ветер дуть-CONV стоять-PRS
Дует ветер (= “ветер дует стоит”).

б. Хат-ы кил-еп тор-а.
письмо-3SG приходит-CONV стоять-PRS
От него письма приходят регулярно (= “его письма приходят стоят”).

В отличие от рассматривавшегося выше германского и славянского материала, в тюркских языках сохранение исходного позиционного смысла вспомогательных глаголов часто совершенно отсутствует: это видно и по приведенным примерам, и еще в большей степени по примеру ниже: в (3.9a) говорящий строит дом, конечно, не “лёжа”, а в (3.9б) для обозначения актуального процесса ‘он бежит’ используется вспомогательный глагол СИДЕТЬ:

(3.9) а. ногайский [Юлдашев 1965: 57]

Мен уй сал-а-ят-ыр-ман.
я дом строить-CONV-лежать-PRS-1SG
Я строю дом (= “строю лежу”).

б. башкирский [Юлдашев 1965: 64]

..ул тимер юл канау-ы буйлап йәгәр-әп ултыр-а ине.
он железный дорога канава-3SG по.краю бежать-CONV сидеть-CONV был
(Когда я выходил,) он бежал по обочине железнодорожной канавы (= “бежа сидел”).

В марийском языке (видимо, не без тюркского влияния) конструкции с деепричастием и глаголами *кияш* ‘лежать’ и *шогаш* ‘стоять’ также используются для выражения имперфективных значений, ср. *мушкын кият* ‘(весь день) моют полы’, *каен шога* ‘идут (бои)’ и пр. [Серебрянников 1960: 200-201]; ср. также примеры из староторьяльского диалекта: *nunən dene ere molodž rogən-en kija* ‘у них постоянно собирается молодежь’ (= “собираясь лежит”), *mašinaže ere pudərg-en-ak šoga* ‘его машина постоянно ломается’ (= “ломаясь стоит”) [Вострикова 2001].

В монгольских языках в качестве вспомогательных глаголов в имперфективных конструкциях используются СИДЕТЬ и ЛЕЖАТЬ: такие конструкции “характеризуют действие как длительное” (под этим имеется в виду как развитие ситуации, так и ее повторяемость) в монгольском языке [Яхонтова 1997: 116], калмыцком [ГКЯ 1983: 192], бурятском [ГБЯ 1962: 193; Бертагаев, Цыдендамбаев 1962: 42-44], см. также ниже.

Из языков Азии аспектуальные конструкции с глаголами позиции встречаются также в индоиранских и дравидийских языках, изредка также в сино-тибетских. В этих языках, однако, грамматикализации подвергся один-два глагола позиции, а значение конструкций часто осложняется дополнительными оттенками типа негативного отношения говорящего к ситуации; эти случаи рассмотрены ниже.

В афразийских языках отмечаются лишь случаи грамматикализации глагола СИДЕТЬ, см. 3.5. Среди языков Африки грамматикализация глаголов позиции практически не встречается в семье нигер-конго (если какие-то случаи и встречаются, то также с СИДЕТЬ), но засвидетельствована в койсанских и многих нило-сахарских языках.

Так, в языке кхое вспомогательные глаголы *tʰ* ‘стоять’, *//qǝ* ‘лежать’, *ʔnɿ* ‘сидеть’ описываются в [Kühler 1981: 530] в качестве суффиксов настоящего времени, однако при

этом отмечается, что по сути эти суффиксы выражают “не время, но способ расположения субъекта в пространстве”; кроме того, показателю *ʃnũ* ‘сидеть’ свойственно также обозначать ситуацию длительную или происходящую непосредственно в момент речи, а показатель *//qǝ* ‘лежать’ иногда обозначает обычную, привычную ситуацию. В [Kuteva 1999: 197; Heine et al. 1993: 201, 205] названные вспомогательные глаголы приводятся в качестве аспектуальных модификаторов (сохраняющих также пространственное значение). Ситуация здесь, как видно, близка к германской и славянской.

В нубийском языке конструкции с вспомогательными глаголами *āg* ‘сидеть’ и *tēb* ‘стоять’ имеют прогрессивное и хабиутальное значение, а сочетания с глаголом *bũ* ‘лежать’ — стативное и результирующее [Armbruster 1960: 266, 268-269, 273-275]. В других нило-сахарских языках чаще грамматикализуется один только СИДЕТЬ.

Грамматикализация глаголов позиции встречается в нескольких папуасских, океанийских и австралийских языках (причем в последних грамматикализуется тоже только СИДЕТЬ).

В америндских языках случаи грамматикализации глаголов позиции редки, но по крайней мере в языке мандан отмечается использование всех трех основных глаголов позиции с имперфективным значением [Kuteva 1999: 196]; в языке камаюра три позиционных глагола указывают на “длительность действия”, сохраняя при этом исходную семантику [Seki 2000: 142].

В заключение отметим, что глаголы позиции, превратившиеся в бытийные глаголы, в принципе выступают в конструкциях того же типа, что и названные выше грамматикализованные глаголы позиции: так, в итальянском и иберо-романских языках глагол *stare* || *estar* с герундием выражает прогрессив, а *ser* в сочетании с причастиями имеет стативное/результативное/пассивное значение, в японском глагол *iru* с деепричастием образует конструкции с длительным значением, и т.п. Впрочем, данные факты свидетельствуют скорее о типологических сходствах в семантической эволюции бытийных глаголов вообще, независимо от происхождения.

Напомним также, что превращение в имперфективный показатель является основным путем развития для одного из глаголов движения, а именно глагола ненаправленного перемещения ХОДИТЬ (см. 2.4.1). Эта близость ХОДИТЬ глаголам позиции обсуждается далее в 4.2.2.

3.3. Глаголы позиции и “позиционная ориентация”

Гораздо реже, чем глаголы движения, глаголы позиции все же могут использоваться как специальные показатели пространственной ориентации ситуации. В данном случае речь идет об обозначении того, в какой позиции субъект (прежде всего человек) совершает то или иное действие — стоя, сидя или лежа; этот специфический тип пространственной ориентации можно назвать “позиционной ориентацией”.

Обозначение “позиционной ориентации” характерно для конструкций с глаголами позиции, имеющими небольшую степень грамматикализации: так, в славянских и германских языках или в языке кхое имперфективные конструкции всегда или часто сохраняют исходный позиционный компонент (см. выше).

Иногда глаголы позиции отмечаются в качестве тех глаголов, которые чаще других в данном языке входят в сериальные конструкции (хотя они и не могут соревноваться в этом с глаголами движения, см. 2.1). Так, в австралийском языке диери в сочетаниях из двух глаголов вторым глаголом со значением “модификации адвербиального типа” мо-

жет быть одна из менее десятка лексем, среди них *ɲama* ‘сидеть’ и *ɬarka* ‘стоять’ (все прочие относятся к глаголам движения) [Austin 1981: 98-100].

В нубийском языке из двух синонимичных глаголов *āg* и *tēg* ‘сидеть’ (об одушевленных субъектах) только первый используется в качестве вспомогательного глагола в имперфективной конструкции, второй же образует специальную конструкцию только с пространственным смыслом ‘делать Р сидя’ [Armbruster 1960: 269]. В японском также отмечается специальная конструкция ‘делать Р стоя’, состоящая из основы *tachi* глагола *tatsu* ‘стоять’, существительного (в т.ч. отглагольного) и вспомогательного глагола *suru* ‘делать’, ср. *tachi-gui suru* ‘стоять, пока ешь’ (= “стоя-поедание делать”) [Hinds 1986: 330].

В тюркских языках имперфективные конструкции с глаголами позиции имеют ограничения не только на интерпретацию в зависимости от типа смыслового глагола, но и на саму возможность образования; с некоторыми глаголами такая конструкция может иметь только буквальный смысл ‘делать Р стоя/ сидя/ лёжа’ [Юлдашев 1965: 53 и сл.].

В заключение отметим, что глаголы позиции наиболее часто встречаются среди “классифицирующих” вспомогательных глаголов в австралийских языках реки Дейли: в этих языках имеется набор от 5 до порядка 20 обязательных вспомогательных глаголов, несущих грамматические показатели; с каждым из смысловых глаголов (которые сами по себе не несут грамматических показателей) употребляется один из таких вспомогательных глаголов, и притом только один, см. подробнее 4.1.5 [Tryon 1974: 298-299; Dixon 1980: 428-429].

3.4. Пути грамматикализации СТОЯТЬ

3.4.1. Имперфективные значения, результатив

СТОЯТЬ в составе конструкций с имперфективным значением используется в германских, славянских, тюркских и многих других языках, демонстрируя два основных значения: прогрессивное (или более общее дуративное), т.е. обозначение развития ситуации в точке отсчета, и хабитуальное, т.е. обозначение регулярно повторяющейся или постоянно имеющей место ситуации.

Помимо приведенных выше случаев, отметим использование дуративной конструкции с деепричастием прошедшего времени и глаголом *nilkkuka* в языке малаялам [Секхар, Глазов 1961: 64], дуративной/хабитуальной конструкции с глаголом *tū* в фиджи [Schütz 1985: 294-295] и с глаголом *lxh* в имонда. Ср. пример из последнего, показывающий полную утрату исходного пространственного значения СТОЯТЬ:

(3.10) имонда [Kuteva 1999: 196-197]

edia ka ntn li-lxh-f.

там я спать лежать-стоять-PRS

Я там (время от времени) сплю (= “лежа стою”).

В таджикском языке конструкция с деепричастием прешествования и глаголом *истодан* ‘стоять, пребывать’ имеет дуративное/хабитуальное значение [Расторгуева, Керимова 1964: 219-225], ср.:

(3.11) таджикский [Расторгуева, Керимова 1964: 220]

Об-аш лап-лап карда ме-истад.

вода-3SG плескделать.CONV PRS-стоять.3SG

Вода его все время плещется (= “плеск деляя стоит”).

В нило-сахарском языке нгамбай имперфективные конструкции с позиционными глаголами формально бывают устроены либо как обычные сериальные конструкции (ср. ‘я ем мясо’ = “я-стою я-ем мясо”), либо как сочетания с отглагольным именем и предлогом цели (т.е. примерно так, как в германских языках, см. выше):

(3.12) нгамбай [Heine, Reh 1984: 126]
m-áŋ mbā k-ùsà dā.
1SG-стоять для NOM-есть мясо
Я ем мясо (= “стою для поедания”).

В нубийском языке конструкция с глаголом *tēb* ‘стоять’ имеет дуративное и хабитуальное значение, являясь в большинстве случаев синонимичной конструкции с ‘сидеть’ [Armbruster 1960: 268-9] (см. ниже).

В языке дакота конструкция с СТОЯТЬ квалифицируется как показатель прогрессива в [Bybee et al. 1994: 128].

Иногда имперфективные конструкции с СТОЯТЬ трактуются в грамматиках особым образом — например, как показатели категории **времени**. Так, в хакасском языке суффикс *-дыр/-дip* “настоящего обычного” времени, имеющего хабитуальное значение, восходит к глаголу *тур-* (этот суффикс присоединяется к деепричастию смыслового глагола на *-а/-е*, а личные суффиксы присоединяются уже к *-дыр/-дip*); кроме того, отдельно описывается конструкция с деепричастием на *-н* и глаголом *тур-* (а также *одыр-* ‘сидеть’ и *чир-* ‘ходить’), которая также выражает “настоящее время”, причем имеет как прогрессивное, так и хабитуальное значение [ГХЯ 1975: 204, 207]. Представляется, что временная функция СТОЯТЬ в данном случае является вторичной — настоящее время вообще по своей сути является имперфективным контекстом, так что именно в настоящем времени конструкции с СТОЯТЬ, вероятно, употребляются наиболее часто. Тем более, по крайней мере конструкция с деепричастием на *-н* не ограничена настоящим временем и может использоваться и при другой временной референции, ср. [ГХЯ 1975: 182]. Тем не менее, именно временная трактовка форм с глаголами позиции иногда встречается в описаниях тюркских языков, см. также ниже. (Об аналогичной трактовке в кхое см. выше 3.2.)

Тюркские конструкции с СТОЯТЬ иногда имеют более специфическое значение. Так, форма *-а тур-* (именно с этим деепричастием) в некоторых языках обозначает незаконченный процесс, “совершаемый предварительно, в ожидании чего-либо” [Юлдашев 1965: 74], ср.:

(3.13) киргизский [Юлдашев 1965: 74]
Айыл-га бар-а тур.
деревня-DAT идти-CONV стоять.IMP
Отправляйся пока (= “идя стой”) в деревню.

В хакасском языке деепричастная конструкция *-ып тур-* с вспомогательным глаголом в императиве имеет такое же значение: действие должно совершаться “только до определенного предела” [ГХЯ 1975: 245], ср. *Син мында одыр тур* ‘ты пока посиди здесь’ (= “ты здесь сидя стой”).

В описаниях тюркских имперфективных конструкций с СТОЯТЬ часто можно встретить и примеры, в которых конструкция выражает **результативное** значение, т.е. обозначает результирующее состояние. Так, результативное/перфектное значение (в числе прочих) свойственно кумыкской конструкции *-н тур-*, про которую говорится, что

в некоторых случаях она может выражать “действие, которое произошло недавно” [Джанмавов 1967: 208], ср.:

(3.14) кумыкский [Джанмавов 1967: 208]

Мен	иш-ден	бириз алдын	гел-ип	тур-а-ман.
я	работа-ABL	недавно	приходить-CONV	стоять-PRS-1SG

С работы я пришел недавно (= “прийдя стою”).

Условия появления дуративного/хабитуального или результативного/перфектного значения не всегда ясны; можно утверждать, что данные значения в одном языке часто распределены по различным смысловым глаголам в зависимости от их семантического типа. Интересные сравнительные данные по различным типам интерпретаций конструкции с глаголом *тур* приводятся в [Недялков, Недялков 1987]. Так, в узбекском языке подавляющее большинство глаголов допускают в такой конструкции имперфективную интерпретацию, лишь несколько (в основном переходных) глаголов допускают результативное значение, а в некоторых диалектах возможно (в основном для предельных глаголов) значение перфекта. В карачаево-балкарском языке конструкция *-б/-н тур-а* (в настоящем времени) имеет лишь с небольшим кругом глаголов значение “настоящего времени” (3.15а), с большинством глаголов в активном залоге значение перфекта (3.15б), и с большинством пассивных глаголов и некоторыми активными и непереходными — результативное значение (3.15в):

(3.15) карачаево-балкарский [Недялков, Недялков 1987: 114, 116]

- а. Ол джукъла-б **тур-а-ды.**
онзасыпать-CONV **стоять-PRS-3SG**
Он спит (= “заснув стоит”).
- б. Ол юй-ню ишле-б **тур-а-ды.**
ондом-ACC строить-CONV **стоять-PRS-3SG**
Он дом построил (= “построив стоит”).
- в. Эшик (алкъын) ач-ыл-ыб **тур-а-ды.**
дверь все.еще открывать-PASS-CONV **стоять-PRS-3SG**
Дверь (все еще) открыта (= “открывшись стоит”).

По нашему мнению, все три последних примера можно интерпретировать как выражающие результатив (соответственно, “субъектный”, “посессивный” и “объектный”, т.е. указание на итоговое состояние субъекта непереходного глагола, агенса переходного глагола и пациента переходного глагола).

Как результативное или стативное можно также квалифицировать значение показателя *ki* (< *qā* ‘стоять’) в восточных арамейских диалектах [Traugott 1978: 390].

3.4.2. Периферийные пути грамматикализации

Периферийные пути грамматикализации СТОЯТЬ поражают своим разнообразием, хотя каждый из путей и представлен обычно лишь в 1-2 языках (близкая ситуация наблюдается и у других глаголов позиции). По количеству путей грамматикализации СТОЯТЬ превосходит два остальных глагола. Помимо собственно глагола состояния СТОЯТЬ в периферийных путях грамматикализации отмечается и глагол изменения состояния ВСТАВАТЬ; он рассмотрен после случаев с собственно СТОЯТЬ.

Конструкции с глаголами, переводимыми как ‘вставать, подниматься’, рассмотрены в настоящем разделе; отдельно про ПОДНИМАТЬСЯ см. 2.7.

3.4.2.1. Инхоативное значение

В татском языке конструкция, включающая вспомогательный глагол *payistəjn*, направляющий предлог *bəj* и инфинитив смыслового глагола, обозначает начало ситуации, ср. *payist bəj vəjəltərdəj* ‘(старушка) стала ругать (этого человека)’ [Грюнберг 1963: 93-94]. Аналогичный по структуре инфинитивный оборот существует в русском языке — это *стать* + *инф.* (этот глагол как позиционный ‘встать’ уже почти не функционирует). Русский *стать* в смысле ‘становиться’ употребим также в качестве связочного глагола с существительными, прилагательными, наречиями (*стал* ученым, *стал* известным, *стало* холодно), т.е. выражает и трансформативное значение.

“Известную степень десемантизации, грамматикализации” глагола *стать* отмечает и В. В. Лопатин, который приводит в качестве примеров “фазово-бытийных” глаголов, указывающих на начало действия, также однокоренные *настать*, *встать*, *предстать* и др. Напротив, *перестать* с инфинитивом, а также предикат *не стало* обозначают прекращение ситуации [Лопатин 1996: 247, 252-253]; см. также [Храковский 1987: 165-166].

3.4.2.2. Проспектив

В иврите глагол *amad* ‘стоять’ как вспомогательный образует конструкцию со значением проспектива (“ближайшего будущего”) [Williams 1994], ср. *ani omed lalexet* ‘я собираюсь пойти’, т.е. “стою пойти” [Б. С. Подольский, личное сообщение].

Аналогичный случай имеется по крайней мере в кумыкском языке, где сочетание смыслового глагола в форме (инфинитива?) на *-ма/ме* с глаголом *тур-* обозначает ситуацию, которая вот-вот произойдет или (в прошедшем времени) чуть было не произошедшую, ср. *Ол гет-ме тур-а* ‘он вот-вот уйдет’, *Ол гет-ме тур-а эди* ‘он собирался уходить’ (= “уходить стоит/стоял”) [Гаджихмедов 1998: 36, 40, 42]. В нубийском языке конструкция с глаголом *tēb* ‘стоять’, часто имеющая дуративное и хабитуальное значение (и синонимичная в этом случае конструкции с ‘сидеть’, см. 3.5.1), с некоторыми глаголами обозначает ситуацию на грани осуществления, ср. *tēb-nēr* ‘собираться спать’ (в этом случае конструкция синонимична проспективному сочетанию с ‘хотеть’) [Armbruster 1960: 269].

Интересно, что в некоторых романских языках аналогичная конструкция с бытийным глаголом, восходящим к СТОЯТЬ, имеет сходное значение, ср. в итальянском *stare per + inf.* ‘быть, чтобы Р’ [Heine et al. 1993: 206], аналогично в португальском *estar a/para + inf.*, ср. португ. *Estó para chover* ‘вот-вот пойдет дождь’ [Costa 1976: 240]

3.4.2.3. Словообразовательный модификатор глагола

В языке питтапитта к СТОЯТЬ восходит вербализующий суффикс, производящий непереходные глаголы (типа ‘стыдиться’, ‘быть испуганным’) от существительных [Blake 1979: 210]. В некоторых других австралийских языках СТОЯТЬ является одним из деривационных модификаторов, которые встречаются в сложных глаголах (в т.ч. со связанными корнями), см. про ритхарнгу в [Heath 1980: 85-86], про маунг в [Capell, Hinch 1970: 68-69]. Не исключено, что данное явление можно сопоставить с использованием “глаголов-классификаторов” как обязательных элементов аналитической глагольной словоформы в языках реки Дейли (см. 4.1.5).

3.4.2.4. Пространственный показатель

В языке нама *tâ* (< ‘стоять’) является глагольным показателем ограниченности ситуации в пространстве, ср. *!gû* ‘идти’ > *!gû-tâ* ‘ходить поблизости’, *!guru* ‘гремять (о громе)’ > *!guru-tâ* ‘гремять поблизости’ [Heine et al. 1993: 206]. В другом африканском

языке булу глагол ‘сидеть, стоять на чем-либо’ функционирует как наречие и предлог ‘возле, рядом’ [Heine et al. 1993: 202].

В адыгских языках глагольный преверб *m-* ‘на поверхности’ может восходить к глаголу *-ты* ‘стоять’ [Кумахов 1964: 170].

3.4.2.5. *Заглазное прошедшее время*

В хакасском языке заглазное прошедшее время образуется присоединением к основе или деепричастию на *-n* суффикса *-тыр/-тир* (< *тур-* ‘стоять’), к которому уже присоединяются личные окончания. Эта временная форма используется для обозначения ситуации в прошлом, в существовании которой говорящий не убедился лично, а узнал о ней из чужих слов, по ее наблюдаемым последствиям и т.п. [ГХЯ 1975: 218-219]. Данный случай правомерно сопоставить с развитием СТОЯТЬ в показатель результата/перфекта, о котором говорилось выше; одним из стандартных типов эволюции результата является именно превращение в заглазное прошедшее (см. также 4.1.1.3).

3.4.2.6. *Перфективное значение*

Глаголы ВСТАВАТЬ, а также ВСТАВАТЬ/ ПОДНИМАТЬСЯ отмечаются в числе глаголов, выступающих в качестве перфективных модификаторов, ср. *uṭh* ‘подниматься, вставать’ в хинди или панджаби. Перфективность выражает, по-видимому, и конструкция с деепричастием и *шогал-аш* ‘вставать’ в марийском языке, ср. *Элеса нимучаидымын лудын шогал-ын* ‘Элеса очень сильно испугалась’ [Серебренников 1960: 195; СМЯ 1961: 207]; ср. также пример из староторьяльского диалекта: *peledəš ləvəžg-en šogal-ən* ‘цветок завял’ (= “увянув встал”) [Вострикова 2001].

Для конструкций с этим глаголом характерно подчеркивание внезапности ситуации, ср. из хинди *ho uṭhā* ‘(вдруг) покраснел’, *ji uṭhā* ‘(вдруг) ожил’ [Дымшиц 1986б: 131]; в качестве средства выражения внезапности ситуации аналогичный глагол отмечается и в непали [Королев 1965: 122 и сл.]. Интересно, что в хинди на быстроту, внезапность, неожиданность действия указывает также конструкция из основы глагола и сочетания *khaṛā honā* ‘быть стоящим, стоять’ (к числу перфективных модификаторов автором не относимая), ср. *uṭh khaṛā huā* ‘тотчас вскочил’, *bhāg kharī huī* ‘вдруг убежала’ и пр. [Дымшиц 1986а: 163; 1986б: 171]. О системах перфективных модификаторов см. подробнее 2.11.

3.4.2.7. *Императивное значение*

В классическом иврите конструкция с *kam* ‘вставать’ служила одним из средств выражения гортатива — призыва к совместному осуществлению действия (в настоящее время в этой функции используются только глаголы ‘идти’, ‘приходить’, ‘подходить’, см. 2.2.5, 2.3.6) [Храковский (ред.) 1992: 146]. В нило-сахарском языке нгити неизменяемая императивная частица *ikò* (< императив глагола *ikòta* ‘вставать, стоять’) используется с формой сослагательного наклонения в контекстах типа ‘позвольте (мне) P’ [Kutsch Lojenda 1994: 264-265].

3.4.2.8. *Следование событий*

В среднеегипетском языке глагол ‘*h*’- ‘вставать, подниматься’ в прошедшем времени функционировал как показатель следования событий в нарративе: ‘и вот, и тогда (случилось P)’ [Heine et al. 1993: 206].

3.5. Пути грамматикализации СИДЕТЬ

3.5.1. Имперфективные значения

Грамматикализация СИДЕТЬ в имперфективный показатель неожиданным образом преобладает в языках Африки (в т.ч. афразийских) и Австралии; в австралийских языках этот глагол часто выступает также в функции бытийного, см. 3.1. СИДЕТЬ в этих языках, по нашим данным, почти всегда является единственным из грамматикализуемых глаголов позиции.

В арабском языке Персидского залива вспомогательный элемент *gaaʕid* (причастие от глагола ‘сидеть’) часто используется при имперфективной основе глагола для выражения прогрессива [Holes 1990: 196], ср.:

(3.16) арабский Персидского залива [Holes 1990: 196]

kint **gaaʕid** azraʕ baSalyoom jiiʔatik.

был.1SG **IPF** 1SG.сажатьлук когдаприходить.2SG

Я как раз сажал лук, когда ты пришел.

В работе [Givyn 1982: 147] отмечается также, что служебный элемент *g || gi || ge || gad*, восходящий к арабскому *gaʕad* ‘сидеть’, имеется в суданском креоле. В качестве показателя прогрессива (обычно не сочетающегося со стативными глаголами) показатель *qed* (< ‘сидеть, оставаться’) отмечается в мальтийском языке [Ebert 2000b: 765-766]. В кабилском языке глагол *qqim* ‘сидеть’ (по значению близкий бытийному) также используется для выражения дуративного/хабитуального значения [Kuteva 1999: 196]. В языке канакуру *duwo* ‘сидеть, оставаться’ является показателем хабитуалиса, а также континуатива [Heine et al. 1993: 201; Bybee et al. 1994: 154, 164].

Из нило-сахарских языков СИДЕТЬ является вспомогательным глаголом прогрессива прошедшего времени в мамву и универсального прогрессива в нгамбай, причем в последнем случае, как уже говорилось, используется как сериальная, так и целевая конструкция ‘сидеть, для того чтобы P’ [Heine, Reh 1984: 126; Bybee et al. 1994: 128]

В языке нобиин к глаголу ‘сидеть, жить’ восходит дуративный префикс *aa(g)-* [Heine et al. 1993: 201], а в нубийском диалекте донгола глагол *āg* ‘сидеть, в т.ч. на корточках’ передает хабитуальное и прогрессивное значения. В масаи *a-tyɔ* ‘сидеть’ в неизменяемой форме третьего лица настоящего времени выражает **континуатив** ‘все еще’ [Tucker, Mraayei 1955: 101], ср.:

(3.17) масаи [Tucker, Mraayei 1955: 101]

E-ton a-irrag.

3SG-сидеть 1SG-лежать.PRS

Я все еще лежу.

В семье нигер-конго грамматикализация СИДЕТЬ встречается реже. Дуративное/хабитуальное значение имеет конструкция с ‘сидеть, жить’ в шона [Heine et al. 1993:202] и, видимо, в другом языке банту языке (эси)луйана [Givyn 1982: 149]; в зулу *hlala* ‘сидеть, оставаться’ является хабитуальным вспомогательным глаголом [Heine 1993: 29]. В языке диола *lakɔ* ‘сидеть, оставаться’ выступает в роли вспомогательного глагола прогрессива в прошедшем времени [Sapir 1965: 104; Heine, Reh 1984: 118, 125]. В языке гбайя конструкция с *dɔŋ* ‘сидеть’ имеет по крайней мере прогрессивное и континуативное значения, ср. *bɔ dɔŋ ɔzɔ mɔ* ‘если они продолжают есть’ (= “если сидеть есть вещь”) [Samarin 1966: 112, 114, 161].

Среди австралийских и папуасских языков при помощи СИДЕТЬ в качестве вспомогательного глагола выражается прогрессив в мидага [Heine et al. 1993: 201], дуратив в гунья и континуатив в йандруванта [Breen 1979: 331], а также дуратив и хабитуалис в амеле [Roberts 1987: 256-259]. В качестве примера показателя прогрессива конструкция с ‘сидеть, оставаться, быть’ в языке альяварра приводится в [Bybee et al. 1994: 128].

Среди языков Азии грамматикализация СИДЕТЬ встречается чаще всего в тюркских и индоиранских.

Примеры (3.8-9) из башкирского языка см. выше. Отмечается также, что в тюркских языках конструкции с СИДЕТЬ встречаются реже, чем с ЛЕЖАТЬ, иногда сочетаемость этих вспомогательных глаголов ограничена глаголами движения или неопределенными глаголами типа ‘течь’, ‘гореть’ и пр. В таких языках, как алтайский, казахский, киргизский, хакасский и др. этот вспомогательный глагол часто употребляется в настоящем времени без специального показателя времени, в силу чего его самого считают таким показателем [Юлдашев 1965: 59-65]. В монгольском языке конструкция с *суух* ‘сидеть’ отмечается как имеющая продолжительное значение [Тодаева 1951: 117].

В маратхи вспомогательный глагол *bas^aṅē* ‘садиться, сидеть’ с имперфективным причастием используется для подчеркивания постоянной занятости субъекта одним и тем же действием, ср. *ṣikat bas^aṅē* ‘упорно учиться; только и делать, что заниматься’ [Катенина 1963: 217].

В таджикском языке конструкции с деепричастием предшествования и глаголами *нишастан*, *шишитан* ‘сидеть’ имеют дуративное/хабитуальное значение, часто сохраняя исходное значение “сидения при совершении действия”, ср. *чой хӯрда шиштааст* ‘(сидит) пьет чай’ [Расторгуева, Керимова 1964: 225-229]; иногда эта конструкция имеет также оттенок “бессмысленности, напрасности действия”. В языке афганских хазара сочетание деепричастия прошедшего времени с *šīštū* ‘сидеть’ выражает длительное, совершаемое без перерывов действие (значение, близкое континуативному) [Ефимов 1965: 70].

В агульском языке (нахско-дагестанской семьи) сочетание глагола *uq'as* ‘сидеть, садиться’ с деепричастием несовершенного вида используется для указания на продолжительное действие, ср. *hal-la raXaj uq'unaa* ‘до сих пор болтает’ (= “и-сейчас разговаривая сидит”), причем речь далеко не обязательно должна идти о сидящем человеке [С. Р. Мерданова, личное сообщение].

Из сино-тибетских языков использование СИДЕТЬ зафиксировано в неварском, где деепричастная конструкция с *swane* ‘сидеть, жить, находиться’ имеет дуративное и хабитуальное значения [Королев 1989: 80], а также в тибетском диалекте лхаса, где глагол *bsdad* ‘сидеть, оставаться’ служит показателем прогрессива или континуатива [Heine et al. 1993: 201; Hopper, Traugott 1993: 199].

Отметим также америндский язык диегеньо, в котором среди глаголов позиции в сериальных конструкциях наиболее нейтрален глагол *t-wā* ‘сидеть’ [Langdon 1970: 168]; в этих конструкциях глаголы позиции маркированы показателем прогрессива *t-* и, по-видимому, усиливают указание на длительность ситуации (ср. [Heine et al. 1993: 205]). В языках хиваро конструкция с ‘быть, сидеть’, в пима-альто с ‘сидеть, оставаться’ и в языке дакота конструкция с ‘сидеть’ квалифицируются как показатели прогрессива в [Bybee et al. 1994: 128].

3.5.2. Периферийные пути грамматикализации

3.5.2.1. Пространственный показатель

В некоторых языках пенути глагольный локативный суффикс со значением ‘наверх, сверху’, указывающий на пространственные координаты воздействия на объект, восходит к глаголу, имеющему в современных языках значения ‘сидеть’ или ‘оставаться, жить’ [Rude 1991: 190]. В одном из океанийских языков СИДЕТЬ превратился в пространственный показатель ‘внутри’, а в африканском языке булу глагол ‘сидеть, стоять на чем-либо’ функционирует как наречие и предлог ‘возле, рядом’ [Heine et al. 1993: 202].

3.5.2.2. Инхоативное значение

В некоторых иранских языках конструкция с СИДЕТЬ выражает начало ситуации, ср. в авестийском сочетание с *ni-had-* и причастием [Виноградова 2000: 21], а также в татском языке конструкция с инфинитивом и *пьялжп*, которая, правда, сохраняет пространственный смысл [Грюнберг 1963: 93-4] (ср. русск. *сели ткать* = ‘сели и начали ткать’).

3.5.2.3. Императивные значения

В австралийских языках прохибитив (т.е. отрицательный вариант императива: ‘не делай!’) часто выражается при помощи конструкции вида “не делай P, (делай Q)”, где ситуацию Q обычно обозначают глаголы ‘оставить’ и ‘сидеть’. Прохибитив, тем самым, выражается как “не делай (этого), оставь/сиди!”. Такая конструкция используется, в частности, в языках валбири и йидин [Dixon 1972: 112; Dixon 1977: 371]. В языке же питтапитта служебный элемент *paṅkala*, скорее всего восходящий к ‘сидеть’, используется (с показателем императива) для выражения повеления к 1-му или 3-му лицу: ‘пусть я...; пусть он...’ [Blake 1979: 203].

3.5.2.4. Перфективный модификатор, внезапность, негативная оценка ситуации

САДИТЬСЯ иногда отмечается в качестве перфективного модификатора; он встречается, видимо, не реже, чем ВСТАВАТЬ/ ПОДНИМАТЬСЯ в той же функции. В качестве примера можно привести конструкции с *baiṭhnā* в хинди и др. индоарийских языках (маратхи, панджаби). Для конструкций с этим глаголом, опять же, как и с ВСТАВАТЬ, характерно подчеркивание внезапности ситуации, ср. из хинди *uṭh baiṭhnā* ‘вскочить’ (<*uṭh* ‘подниматься, вставать’ (!), т.е. противоположный по семантике глагол), *kho baiṭhnā* ‘потерять’ и пр. [Дымшиц 1986б: 131]⁴², но в целом отмечается общее для аналитических перфективных модификаторов подчеркивание совершения действия в полном объеме, ср. из маратхи *khāūn basaṅṅē* ‘съесть без остатка’, *gamāūn basaṅṅē* ‘потерять безвозвратно’ и пр. [Катенина 1963: 215]. Перфективным модификатором является также *irikkuka* ‘садиться’ в языке малаялам [Verhaar (ed.) 1968: 109].

⁴² Интересно, что в хинди идея неожиданности выражается также в лексикализованных наречных сочетаниях из двух деепричастий, образованных от этого корня, ср. *baiṭhe-baiṭhe* ‘вдруг’ (= “усевшись-усевшись”), *baiṭhe-baiṭhāye* ‘вдруг’ (= “усевшись-усадивши”) [Дымшиц 1986а: 259].

Значение достижения предела развития ситуации характерно также для марийской формы с деепричастием и *шинч-аш* ‘садиться’, ср. *кид-ше пуал шинч-ын* ‘его рука опухла’ (= “рука-его опухнув села”), *вуд пўялалтын шинч-ын* ‘вода запрудилась’ (= “вода запрудившись села”) и пр. [СМЯ 1961: 205]. Малопродуктивный модификатор *хон-* (не употребляемый более как самостоятельный глагол ‘садиться’) обозначает внезапное ментальное действие в хакасском языке, ср. *кїре хон-* ‘войти (внезапно)’ [ГХЯ 1975: 185].

По крайней мере для перфективной конструкции с глаголом *baiṭhnā* в хинди отмечается такой ее дополнительный семантический оттенок, как “неуместность, нежелательность действия”, ср. *pūch baiṭhnā* ‘спросить (неуместно)’, *bol baiṭhnā* ‘сболтнуть’ и пр. [Дымшиц 1986б: 131]. В кумыкском языке сочетание с деепричастием и *олтур-* ‘сидеть’ описывается просто как выражающее “неожиданное действие, которое не одобряется говорящим”, ср. *чаши-камны сындырып олтура* ‘разбила мою чашку’ [Джанмавов 1967: 221]; видимо, однако, эта конструкция также выражает перфективность.

О системах перфективных модификаторов см. подробнее 2.11.

3.5.2.5. Перфектное значение

В арчинском языке (нахско-дагестанские) имеются две специальные конструкции, указывающие на “сохранение результата действия”; наиболее правильным кажется их характеристика как выражающих значение перфекта. В качестве вспомогательных глаголов в этих конструкциях используется *q'eljq'is* ‘садиться’, а с глаголами интеллектуальной деятельности другой глагол со значением ‘оставаться’ [Кибрик и др. 1977: 77-78].

3.5.2.6. Модальные значения

В хакасском языке особая конструкция с глаголом *одыр-* ‘сидеть’ имеет модальное значение ‘кажется, как видно; оказывается’ [ГХЯ 1975: 245], т.е. указывает на предположение или удивление говорящего по поводу осуществления ситуации.

В австронезийском языке були к глаголу ‘быть, сидеть, стоять’ восходит префикс со значением долженствования [Bybee et al. 1994: 182].

3.5.2.7. Кунктатив (‘все еще’)

В языке шона показатель, восходящий к глаголу ‘сидеть, жить’, имеет значение ‘всё также, тем не менее’, но с другой стороны и ‘ещё не’ (причем также в утвердительной форме) [Heine et al. 1993: 202].

3.6. Пути грамматикализации ЛЕЖАТЬ

3.6.1. Имперфективные значения, результатов

ЛЕЖАТЬ в составе имперфективных конструкций встречается в целом реже, чем другие глаголы позиции.

Для тюркских языков отмечается, впрочем, относительно большая распространенность конструкций с ЛЕЖАТЬ, чем с СИДЕТЬ; наиболее широко употребляется конструкция *-п ят-* или *-а ят-* в киргизском, казахском, тувинском, каракалпакском и др. языках [Юлдашев 1965: 53-59]; ср. выше пример (3.9а) из ногайского. А. А. Юлдашев отмечает характерную тенденцию считать этот (как и другие) вспомогательный глагол пока-

зателем настоящего времени и указывает на неверность такой трактовки; он приводит пример такого отличия конструкции с ЛЕЖАТЬ от простого настоящего времени, например, в ногайском языке (где форма *-а ят-* наиболее тесно связана с настоящим): настоящее время может быть образовано от любого глагола, а форма *-а ят-* имеет ограничения [Юлдашев 1965: 58]. Такие ограничения, действительно, характерны для аспектуальных значений, но не для временных.

Ср. также пример, показывающий отсутствие связи вспомогательного глагола с исходным позиционным смыслом:

(3.18) башкирский [ГСБЯ 1981: 216]

Шәп кенә эшл-әп **ят-а-лар.**
хорошо довольно работать-CONV **лежать-PRS-PL**
Они довольно хорошо работают (= “работая лежат”).

Интересный случай представлен в хакасском языке, где существует форма “настоящего времени” на *-ча/-че* (< **чат-* ‘лежать’), а в качинском диалекте также более редкая синонимичная ей форма на *-чадыр/-чедір* (< *-ча/че-* + *-дыр/-дир*, который восходит к *тур-* ‘стоять’) [ГХЯ 1975: 201, 204]. Если этимология показателей верна, данный случай является единственным в нашем материале сочетанием двух показателей, восходящих к глаголам позиции.

В бурятском языке конструкция с деепричастием и глаголом *хэбтэ-* указывает на длительность ситуации, совершающейся “при наличии затруднений, кое-как или медленно”, ср. *бэиэжэ хэбтэ-* ‘писать кое-как, не справляться с писанием’, *хэжэ хэбтэ-* ‘делать кое-как, медленно, спустя рукава’, *сабшажа хэбтэнэ* ‘(кося вручную,) долго возятся’ [ГБЯ 1962: 193; Бертагаев, Цыдендамбаев 1962: 42]. “Замедленность или инертность” действия отмечается в качестве значения монгольской деепричастной формы с *хэвтэх* [Тодаева 1951: 118].

В языке малаялам деепричастная форма с *kiTakkuka* ‘лежать’ указывает на длительное, продолжительное действие или на **результатирующее** состояние [Секхар, Глазов 1961: 64], ср. *ezhuti-kkiTakkunnu* ‘это написано (в третьей главе)’ (= “написано лежит”) [Андронов 1993: 172]. В тамильском языке конструкция с деепричастием и глаголом *kiṭa* (*kiTattal*) выражает длительное, стативное значение [Андронов 1987: 221], употребляется с непереходными глаголами и выражает также негативное отношение говорящего, который не одобряет ситуацию: ‘имеет место P, несмотря на то, что это плохо’ [Steever 1983: 382-388; T. Lehmann 1993: 223].

(3.19) тамильский [T. Lehmann 1993: 223]

anta arai puuṭṭ-ik **kiṭa-kkir-atu.**
этот комната закрываться-CONV **лежать-PST-3SG.N**
Эта комната (постоянно) закрыта (= “закрывшись лежит”).

Близка функция конструкции с причастием и глаголом *paṅnā* ‘лежать’ в формах совершенного вида в хинди (данный глагол означает также ‘падать’, но в данном случае он, видимо, означает уже ‘быть упавшим, т.е. лежать’): она указывает на “состояние неподвижности”, ср. *soyā paṅā thā* ‘(сын) спал’, *khulā paṅā thā* ‘(дверь) была открыта’, *rukī paṅī hāi* ‘(поезда) стоят’ [Дымшиц 1986а: 202, 364].

В нубийском языке к глаголу *bū* ‘лежать’ восходит суффикс статива/результатива *-bū-* || *-bū-*: он используется при описании состояния участника — агенса или пациенса [Armbruster 1960: 273-275]:

(3.20) нубийский [Armbruster 1960: 273-274]

<i>dī</i> ‘умирать’	⇒ <i>dī-bū</i> ‘быть мертвым, уничтоженным’
<i>nī</i> ‘пить’	⇒ <i>nī-bū</i> ‘быть выпивши’
<i>bāḡ</i> ‘писать’	⇒ <i>bāḡ-bū</i> ‘быть написанным // надписанным’
<i>nemdē</i> ‘сожалеть’	⇒ <i>nemdē-bū</i> ‘быть сожалеемым // в состоянии сожаления’

Отметим некоторые случаи грамматикализации ЛЕЖАТЬ и за пределами Азии и Африки.

В фиджи *koto* ‘лежать’ указывает на длительное действие, связанное с лежанием [Schütz 1985: 297]. В папуасском языке усаруфа длительность выражается (с непереходными глаголами, часто глаголами движения) при помощи глагола *wae* ‘лежать, спать’, и этот глагол входит также в состав показателя *kukae* (< *kuto* ‘спускаться, идти вниз’ + *wae*) со специфическим дуративным значением ‘спуститься и пробыть по крайней мере ночь’ [Bee 1973: 250, 253]. В языке амеле *nij*- ‘лежать’ в сериальной конструкции обозначает хабитуальное или продолжающееся действие [Roberts 1987: 256-259]:

(3.21) амеле [Roberts 1987: 257-258]

Sihul	ono	fulus-du-du	nij-i-a.
клан	там	возрастать-3SG-ITER	лежать-3SG-PST

(Они заняли эту землю, и) их род продолжал множиться там.

В австралийском языке альяварра конструкция с ‘лежать, быть’ (как и с СИДЕТЬ) квалифицируется как выражающая прогрессив в [Bybee et al. 1994: 128].

3.6.2. Периферийные пути грамматикализации

3.6.2.1. Прошедшее время

В австралийском языке диери глагол *pada* ‘лежать’ используется в качестве показателя прошедшего времени (временная дистанция “1-2 недели”) [Austin 1981: 90]; об особой системе вспомогательных глаголов в диери см. 4.1.1.3.

3.6.2.2. Словообразовательный модификатор глагола

Глагол ‘лежать, спать’ в языке ритхарнгу является одним из деривационных элементов, входящих в сложные глаголы [Heath 1980: 85-86], см. также 3.4.2.3.

3.6.2.3. Перфективное значение

Редкая марийская конструкция с глаголом *возаиш* ‘ложиться’, как и другие аналогичные формы с глаголами изменения позиции (ВСТАВАТЬ, САДИТЬСЯ), передает перфективное значение [Серебренников 1960: 195].

ГЛАВА 4. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ И ПОЗИЦИИ

Данная глава содержит выводы и обобщения на основе материала, представленного в основной части работы. Если в главах 2-3 рассматривался по отдельности каждый глагол движения и позиции и каждый засвидетельствованный путь грамматикализации этих глаголов, то ниже в **разделе 4.1** предпринимается общий обзор тех категорий и значений, которые являются результатами грамматикализации глаголов движения и позиции: здесь уже для каждой из встретившихся категорий приводятся данные о том, какие глаголы движения и позиции могут превращаться в показатели данной категории. Этот раздел имеет двойную цель: во-первых, дать обобщение путей грамматикализации глаголов движения и позиции, идя от итоговых значений, а не от конкретного глагола; во-вторых, предложить некоторые объяснения того, почему конструкции с глаголами движения и позиции смогли приобрести именно такие значения.

Наконец, **раздел 4.2** содержит некоторые выводы, сформулированные на основе представленного выше материала: эти выводы касаются статистических закономерностей грамматикализации глаголов движения и позиции (какие пути наиболее частотны для каких глаголов), общей проблемы мотивированности грамматикализации и возможности объяснения конкретных ее случаев, а также проблемы полноты представленных в нашей работе данных (существуют ли другие пути грамматикализации, грамматикализуются ли другие представители данных двух классов глаголов). Затрагиваются и некоторые другие теоретические вопросы.

4.1. Результаты грамматикализации глаголов движения и позиции: общий обзор категорий

Выше в главах 2-3 мы рассмотрели индивидуальную судьбу каждого глагола движения и позиции, последовательно останавливаясь на каждом засвидетельствованном для данного глагола пути грамматикализации. Даже беглое знакомство с путями грамматикализации различных глаголов (при том, что их достаточно много) поражает тем, что многие итоговые значения повторяются и встречаются в качестве результатов грамматикализации более чем у одного из рассмотренных 14 исходных глаголов, ср. некоторые примеры (приводятся все или некоторые основные, не периферийные пути грамматикализации):

(4.1) Повторяемость путей грамматикализации у разных глаголов

ИДТИ/УХОДИТЬ: Будущее время, проспектив; Имперфективные значения; Перфектив, прошедшее время, перфект; Инхоативное значение; Императивные значения; Пассивная конструкция; Модальные значения...

ПРИХОДИТЬ: Будущее время, проспектив; Имперфективные значения; Перфект, прошедшее время, перфектив; Наступление нового состояния; Модальные значения: возможность, необходимость; Императивные значения; Пассивная конструкция...

ХОДИТЬ: Имперфективные значения

ВХОДИТЬ: Инхоативное значение

ВЫХОДИТЬ: Перфективное значение; Инхоативное значение

ПОДНИМАТЬСЯ: Инхоативное значение
СТОЯТЬ: Имперфективные значения, результатив
СИДЕТЬ: Имперфективные значения
ЛЕЖАТЬ: Имперфективные значения, результатив

Интересно, что при учете всех путей развития, в т.ч. периферийных, также будет наблюдаться повторяемость многих путей у разных глаголов движения и позиции; см. более полные таблицы в 4.2.2.1 ниже.

Факт, предварительно продемонстрированный в (4.1), говорит о необходимости представить в нашей работе общий обзор тех категорий и значений, которые являются результатами грамматикализации глаголов движения и позиции. Такой обзор, по нашему мнению, может помочь и объяснению того, почему у рассмотренных глаголов во многих языках мира встречаются именно такие пути развития значения. Одна из наиболее очевидных гипотез состоит в том, что для тех путей, которые отмечены, например, у нескольких разных глаголов движения, некоторые особенности лексической семантики данных глаголов “нейтрализуются”, так что важным оказывается лишь то, что все эти глаголы обозначают именно движение, перемещение в пространстве. Соответственно, если некоторый путь развития отмечен и у глаголов движения, и у глаголов позиции, то, возможно, не является релевантным и само разграничение перемещения vs. покоя, но важно то, что в обоих случаях речь идет о характеристике пространственных координат субъекта. Напротив, для путей, засвидетельствованных лишь для какого-то одного глагола, очевидна значительная роль особенностей его исходной (ориентационной или позиционной) семантики.

Итак, данный раздел носит также объяснительный характер: в нем будет предложена попытка объяснения того, почему такие-то значения смогли развиваться именно у определенных конструкций с глаголами движения и позиции. Представляется, что самого по себе каталогизирования путей грамматикализации, без объяснительного компонента, недостаточно, поскольку оно не проясняет реальные механизмы возникновения и использования человеком определенных языковых форм. Необходимость объяснения языковых явлений, прежде всего с точки зрения их функции, неоднократно подчеркивалась в типологической литературе (из отечественных работ см. прежде всего [Кибрик 1992: 27 и сл.]): в отличие от чисто таксономической “КАК-типологии”, отвечающей на вопрос о том, как устроен язык, объяснительная “ПОЧЕМУ-типология” задается целью понять причины существования наблюдаемых языковых явлений.

Общий вывод о мотивированности грамматикализации и о возможности объяснения ее конкретных случаев дается в разделе 4.2.4.

Основная часть данного раздела организована по принципу “от категорий — к различным конструкциям, которые могут приобретать данное значение в ходе грамматикализации”. Для каждой из встретившихся нам категорий приводятся данные о том, какие глаголы движения и позиции могут превращаться в показатели данной категории. В наиболее важных и спорных случаях мы также подробнее останавливаемся на нашем понимании устройства данной категории (например, аспектуальности) и упоминаем основные типологические исследования, на которые мы ориентировались. Для многих значений также указывается, какую роль занимают глаголы движения и позиции среди ее диахронических источников: являются ли эти глаголы единственным или типологически наиболее частым источником, периферийным источником и т.п.

Для нашего обзора разные пути грамматикализации объединены в более общие области значений (ср. близкие термины “semantic/functional domain” у Т. Гивона и Дж. Байби или “семантическая зона” у В. А. Плунгяна, а также во многом аналогичное

понятие “функционально-семантическое поле” у А. В. Бондарко; в концепции Л. Талми грамматическим областям значений соответствуют “семантические схемы”, объединяемые в несколько более общих когнитивных “семантических систем” [Талми 1999б: 76 и сл.]).

Как было видно уже по предварительному сравнению в (4.1), наиболее значительная часть итоговых значений рассмотренных грамматикализованных конструкций относится к трем основным глагольным семантическим областям: виду (аспектуальности), времени (темпоральности) и модальности. Триада “вид-время-модальность” (*Tense-Mood-Aspect*) по крайней мере с середины 80-х годов XX века являлась предметом интенсивного обсуждения и исследования в типологических работах (ср. термин *TMA* (иногда *TAM*) *categories*, часто фигурирующий в западных исследованиях). Эти три крупных области рассмотрены в разделах 4.1.1-4.1.3. Раздел 4.1.4 посвящен случаям приобретения глаголами движения и позиции синтаксической функции; наконец, некоторые особые случаи рассмотрены в разделе 4.1.5.

Мы не рассматриваем в данном обзоре специфическую для глаголов движения функцию показателей глагольной ориентации; об этом было подробно сказано в 2.1; см. также 3.3 по поводу “позиционной ориентации”.

4.1.1. Темпоральные значения

Первой мы рассмотрим темпоральную семантическую область, или область выражения временных отношений. Глаголы движения и позиции (особенно первые) играют особую роль при выражении временных отношений в силу того, что сама по себе модель времени часто концептуализируется и выражается в языке через движение (или расположение в пространстве). Хотя глаголы движения и позиции относительно редко становятся показателями категории глагольного времени в чистом виде (это будет показано ниже), сама модель движения времени, связанная с этими глаголами, оказывается значимой для самых различных путей грамматикализации этих глаголов.

В рамках темпоральной семантической области характеризуется временная референция ситуации относительно точки отсчета. Эта референция может быть абсолютной: указывается на осуществление ситуации до, одновременно с или после фиксированной точки отсчета, т.е. момента речи (в данном случае говорят также о категории “абсолютного времени”, или просто “времени”). В случае относительной временной локализации в качестве точки отсчета выступает некоторая определенная ситуация, отличная от момента речи (в данном случае говорят также о категории “относительного времени”, иногда в качестве синонима используют более специфическое понятие “таксис”). Об общем устройстве темпоральной семантической области см. [Comrie 1985], а также [Маслов 1984: 5-8; Бондарко (ред.) 1987; 1990] и пр.

Ниже последовательно разбираются случаи превращения глаголов движения и позиции в показатели будущего времени (4.1.1.1), настоящего времени (4.1.1.2) и прошедшего времени (4.1.1.3) — во всех этих случаях, как будет показано, более верной (по крайней мере диахронически) является скорее аспектуальная, нежели временная трактовка значения исходных конструкций. Будет рассмотрен также случай использования глаголов движения и позиции как показателей следования событий во времени (4.1.1.4). Наконец, в разделе 4.1.1.5 мы рассмотрим, как именно при помощи глаголов движения и позиции представляется в языке модель времени и в каких категориях, помимо собственно глагольной темпоральности, она также проявляется.

4.1.1.1. Будущее время

В качестве примеров использования конструкций с глаголами движения для выражения будущего времени достаточно указать хотя бы на такие языки “среднеевропейского стандарта”, как английский и французский: ср. предложения типа *I'm gonna leave* или *Je vais partir* ‘я (сейчас) уйду, собираюсь уходить’ (букв. “иду уходить/покидать”). Как уже говорилось в 2.2.1 и 2.3.1, для конструкций с основными глаголами движения ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ верно, что:

- * наиболее частотным из путей их грамматической эволюции является именно приобретение значения будущего времени;
- * они, в свою очередь, встречаются наиболее часто среди источников показателей будущего времени в языках мира.

ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ как источники форм будущего времени встречаются приблизительно с равной частотностью, см. также ниже.

По крайней мере в одном языке показатель будущего времени восходит к конструкции с ВОЗВРАЩАТЬСЯ (2.10.3.6). Кроме того, в качестве периферийных путей грамматикализации отмечаются приобретение конструкцией с ХОДИТЬ проспективного значения (2.4.2.1), а с СПУСКАТЬСЯ интенционального значения (2.8.2.3).

4.1.1.1.1. Типология грамматикализации будущего времени

Типология будущего времени относится к одной из центральных тем исследования в области грамматической типологии по крайней мере с конца 70-х годов; этой теме посвящены такие специальные работы, как [Ultan 1978; Fleischman 1982; Comrie 1985: ch. 2.3; Bybee et al. 1991; Bybee et al. 1994: ch. 7]. Специально проблема диахронических источников будущего времени рассматривается в [Ultan 1978: 109-114] и особенно [Bybee et al. 1994: 251-253]; в этих работах см. также некоторые дополнительные примеры ИДТИ- и ПРИХОДИТЬ-будущих, помимо перечисленных выше в главе 2. Об эволюции будущего времени см. также [Серебренников 1974: 197-203; Гухман 1981: 16-18; Маслов 1990].

Помимо глаголов движения ИДТИ и ПРИХОДИТЬ (другие глаголы движения и позиции в качестве источников будущего времени редки и обычно даже не упоминаются в типологических работах) важными источниками будущего являются модальные конструкции со значением желания, необходимости/предопределенности или возможности (‘я хочу сделать Р, я должен сделать Р’ > ‘я сделаю Р’); иногда формы будущего времени восходят к сочетаниям с наречиями (‘потом’, ‘скоро’). Кроме того, формы настоящего времени (которые часто могут выражать запланированное будущее, ср. *Завтра я еду в деревню*) могут приобретать значение будущего времени в качестве основного, постепенно утрачивая другие свои функции [Bybee et al. 1994: 277; Haspelmath 1998].

Важное положение теории грамматикализация заключается в том, что формы с определенным значением, источниками которых были конструкции с разными лексическими источниками, достаточно длительное время продолжают сохранять следы своего исходного значения, что определяет особенности их семантики и дистрибуции. Имеют свои особенности и формы будущего времени, источниками которых послужили конструкции с глаголами движения — как правило, для них отмечаются такие оттенки значения, как временная близость ситуации к моменту речи (иммедиатность, ср. частый термин “близкое будущее”) или наличие у субъекта в момент речи намерения совершить действие в будущем (интенциональность).

В целом, однако, ни компонент ‘временная близость ситуации’, ни компонент ‘намерение субъекта’ часто не являются необходимыми для интерпретации подобных форм. Так, формы “интенционального” будущего могут употребляться и с субъектами,

не обладающими волей, ср. франц. *Il va pleuvoir* ‘(скоро) пойдет дождь (*собирается пойти)’; в примере же (4.2), по словам И. А. Мельчука, “очевидным образом не имеется в виду ближайшее будущее в точном смысле слова” [Мельчук 1998: 75]:

(4.2) французский [Мельчук 1998: 75]

L'année prochaine, je **vais** apprendre l'allemand.

В будущем году я буду (собираюсь) изучать немецкий язык.

С. Флейшман на материале романских перифрастических форм с глаголом ИДТИ убедительно показала в свое время, что такие ярлыки, как *immediate / proximal, inceptive / inchoative, intentional, imminent* и пр., не являются адекватными применительно к ИДТИ-будущим и что особенности семантики последних следует искать в другом [Fleischman 1982: 86-102]. Со временем утвердилось мнение о том, что подобные “будущие времена”, по крайней мере на ранних этапах своего развития, представляют собой не время как таковое, а скорее особый вид, а именно **проспектив** (*prospective aspect*). Соображение о скорее видовом, нежели временном характере таких форм подтверждается и тем, что часто проспективные показатели сочетаются с собственно временными, так что оказывается возможным как “проспектив настоящего времени”, так и “проспектив прошедшего времени” (см. примеры в главе 2), или даже “проспектив будущего времени”, ср. [Emanatian 1992].

Проспектив вводит в рассмотрение положение дел, которое содержит в себе “семена” (по выражению Б. Комри) для некоторой последующей ситуации [Comrie 1976: 64-65; Fleischman 1982: 17-20, 78 et pass.]. Конструкции типа ИДТИ-будущего фактически маркируют не будущее как таковое, а некоторое положение дел в настоящем (собственно, вспомогательный глагол в таких формах стоит как раз в настоящем времени): сообщается о том, что в момент речи положение дел таково, что оно при нормальном ходе вещей приведет к возникновению определенной ситуации в будущем. Значение будущего времени (в случае если отсчет идет от момента речи; соответственно, значение следования точке отсчета, если она не совпадает с моментом речи) возникает как прагматическая импликация.⁴³

Ср. следующий пример из языка хауса:

(4.3) хауса [Caron 1991: 189]

zâa a guwaa.

идти это дождить

Сейчас пойдет дождь. (= Il va pleuvoir.)

Как указывает автор описания, подобное высказывание приемлемо в контексте, когда, например, говорящий замечает, что погода на улице портится: начинается сильный ветер, показались тучи и т.п. Напротив, в контексте, когда ничто непосредственно в момент речи не указывает на наступление ситуации ‘пойдет дождь’, данная форма употреблена быть не может (в хауса используется другая форма будущего времени). Первый тип контекстов и является типично проспективным (наличие в точке отсчета намерения субъекта совершить действие (см. (4.2) выше) представляется частным случаем

⁴³ Аналогичный эффект наблюдается и у форм прошедшего времени, восходящих к результату/перфекту (см. ниже): исходно они обозначают состояние, которое имеется в момент речи (и в данном случае является результатом предшествующего действия). Тем самым, отсылка к моменту речи “является решающей ... для создания новых глагольных форм прошедшего и будущего, которые в силу сохраняющейся у них связи с конкретной речевой ситуацией являются более экспрессивными, чем старые формы” [Kuryiowicz 1965: 61].

перспективной ситуации). Когда же речь идет о ситуации в будущем, однако непосредственно в момент речи основания утверждать это у говорящего отсутствуют, контекст является предиктивным (или “прогностическим”). Так, можно произнести высказывание типа *В августе будут идти дожди*, основываясь лишь на том, что в прошлом августе дожди также шли — такое высказывание будет не более чем предсказанием о возможности ситуации в будущем, и чисто перспективные формы в подобных контекстах обычно невозможны.

Ср. также недопустимость ИДТИ-будущего во временном придаточном, относящемся к будущему: в примере (4.4), никаких “семян”, т.е. предпосылок, будущей ситуации в момент речи не наблюдается, т.к. вода только поставлена кипятиться и слушающий еще не находится в состоянии, когда он “вот-вот” увидит, как она закипает:

(4.4) французский [Franckel 1984: 66]

Je te prie de me priver venir quand tu verras (***vas** voir) l’eau bouillir.

Прошу тебя меня предупредить, когда ты увидишь, что вода кипит.

Как видно по примерам, приведенным в главе 2, для подавляющего большинства конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ (а также для периферийных с ХОДИТЬ и СПУСКАТЬСЯ) в качестве ядерного значения отмечается именно перспективность (по крайней мере это видно из приводимых в описаниях примеров). Тем самым, встретившиеся нам конструкции в основном являются “молодыми” формами будущего времени, находящимися на начальном этапе грамматикализации.

Диахронически интенциональные, более общие перспективные, далее предиктивные контексты и, наконец, употребление в придаточных времени и условия, развиваются у ИДТИ-будущих последовательно. Имея сначала не темпоральное значение, источники показателей будущего времени в ходе своего развития движутся в сторону все большей и большей “темпорализации” [Dahl 2000b: 313]: основное направление развития идет от выражения интенциональности к выражению более общей референции к будущему, включающей предиктивные контексты. Наиболее поздние стадии грамматикализации будущего — использование соответствующих показателей во временных и условных придаточных (см. также [Bybee et al. 1994: 271-275])⁴⁴.

Интересно замечание Э. Даля о том, что хотя самостоятельные показатели будущего времени так или иначе существуют в очень многих языках, случаи полной грамматикализации будущего времени не так частотны. В частности, все языки северной Европы, т.е. германские (за исключением английского) и финно-угорские (а возможно, и славянские на определенном историческом этапе), Э. Даль относит к так называемой “области без будущего времени” (*futureless area*): во-первых, в этих языках отсутствуют синтетические формы будущего, а во-вторых, не существует систематического разграничения контекстов настоящего и будущего времени (например, в типично предиктивных контекстах часто используются презентные формы) [Dahl 2000b: 325-326].

В заключение позволим себе несколько замечаний о статусе “перспективного вида” в современных типологических работах. Термин “перспектив” для обозначения указанного выше значения предложил использовать Б. Комри [Comrie 1976: 64-65] (причем именно в своей книге “Вид”, в книге же 1985 года “Время” данный термин Комри не использует). Этот термин не получил широкого распространения (хотя его использовала С. Флейшман), и в целом перспектив как самостоятельная категория не являлся предме-

⁴⁴ Кстати, по материалу баз данных Дж. Байби и Э. Даля, в языках, в которых показатели будущего времени употребляются в последнем типе контекстов, эти показатели всегда являются уже достаточно сильно морфологизированными, обычно аффиксальными [Dahl 2000b: 314].

том специального исследования. Так, в крупном типологическом исследовании Дж. Байби [Bybee et al. 1994] “проспектив” не упоминается, однако ему примерно соответствует “*immediate future*”; Э. Даль отмечает, что самостоятельный статус проспектива как межъязыковой категории сомнителен [Dahl 2000b: 317, 319]. Особое внимание проспективу уделил, пожалуй, лишь С. Дик в своей теории грамматических категорий; в его терминологии проспектив представляет собой одно из значений категории “фазового аспекта” (*phasal aspect*), т.е. категории, которая описывает, “что происходит в некоторой точке отсчета по отношению к описываемой ситуации” [Dik 1985: 9]. Дик выделяет по крайней мере семь значений фазового аспекта, ср. следующую схему из [Dik 1985], в качестве примера берется ситуация ‘писать’: 1) проспектив (*is going to write*), 2) ближайший проспектив (*is about to write*), 3) инхотатив (*starts writing*), 4) прогрессив (*is writing*), 5) эгрессив (*finishes writing*), 6) ближайший перфект (*has just written*), 7) перфект (*has written*). Для нас в данном случае интересен, во-первых, тот факт, что С. Дик считает (вслед за Комри) проспектив особым видом и подчеркивает его независимость от категории времени, а во-вторых, факт выделения двух разновидностей проспектива: “отдаленного” (ср. прерывистую черту на оси времени) и непосредственно предшествующего началу ситуации.

Схема 5.

Характеристику значений “фазового вида” Дик дает, как правило, в терминах состояния субъекта в точке отсчета; так, предложение *John is going to be a rich man* ‘Джон станет богатым’ интерпретируется следующим образом: “В момент речи утверждается, что Джон таков, что ситуация ‘Джон будет богат’ будет иметь место после момента речи” [Dik 1985: 10]. Основанием для того, чтобы рассуждать в терминах свойств субъекта служит тот факт, что часто в языках мира проспектив выражается при помощи исходной локативной конструкции ‘субъект X находится возле Loc’, где в качестве местоположения Loc используется обозначение ситуации (‘находиться возле падения’ = ‘вот-вот упасть’); см. также ниже.

Близкая трактовка проспектива как аспектуального показателя, маркирующего подготовительную стадию ситуации (“состояние, такое что имеются признаки начала ситуации”) содержится в [Плунгян 2000а: 297-298]; ср. также близкий по духу термин “предначинательность” в [Недялков 1987: 182].

В 1992 г. Б. Хайне “открыл” в языках Африки категорию, названную впоследствии “**проксимативом**” (*proximative*): она характеризуется как аспектуальная, указывающая на “временную фазу, расположенную непосредственно перед начальной границей ситуации, описываемой смысловым глаголом” [Heine 1994: 36] (ср. также более неформальный термин *ALMOST-aspect*, т.е. “аспект почти случившегося действия”). Среди средств выражения проксиматива упоминаются конструкции со значением желания, а также движения или местонахождения, при этом отмечается близость проксиматива к будущему времени — но, в отличие от Дж. Байби и Э. Даля, проксиматив не считается диахроническим предшественником будущего времени, но расценивается как независимый путь развития одних и тех же исходных конструкций (т.е. они могут превращаться или в проксиматив, или в будущее время) [Heine 1994: 43]. В качестве еще одного значения, имеющего самостоятельный статус, Т. Кутевой, последовательницей Б. Хайне, было предложено ‘нахождение ситуации в прошлом на грани осуществления’ (*action narrowly averted*), реализуемое в примерах типа *Я чуть было не упал*

[Kuteva 1998]. Выше уже говорилось о том, что конструкции с проспективным значением стандартно интерпретируются в прошедшем времени именно таким образом (см. 2.2.1.1). Т. Кутева, однако, приводит аргументы в поддержку той точки зрения, что значение типа “*action narrowly averted*” не сводится к проксимативу прошедшего времени.

Во всех названных случаях мы, очевидно, имеем дело с семейством концептуально близких категорий. Не исключено, что (как предлагал считать С. Дик) действительно имеет смысл различать два типа показателей “подготовительной стадии”. Поскольку, однако, “теория проспектива/близкого будущего” и “теория проксиматива” все время развивались не пересекаясь (по крайней мере, термин “проспектив” и работа [Comrie 1976], не говоря о [Dik 1985], в трудах Б. Хайне и его коллег в этой связи не упоминаются), данная проблема пока остается открытой.

4.1.1.1.2. Осмысление исходного значения

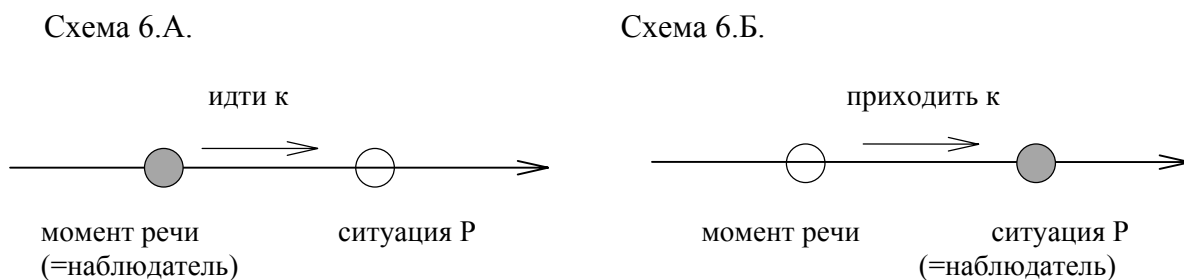
Наиболее важный факт, проясняющий возникновение у конструкций с глаголами движения значения проспектива/будущего времени, состоит в том, что исходная пространственная конструкция (всегда, когда ее этимология хорошо известна) имеет значение приближения к цели: речь идет о конструкции ‘идти к (осуществлению ситуации)’ в случае глагола ИДТИ/УХОДИТЬ и ‘приближаться к (осуществлению ситуации)’ в случае ПРИХОДИТЬ; не случайно обычно в проспективной конструкции используется “целевая форма” — инфинитив.

Редким исключением следует признать существование в одном из галисийских диалектов формы *ir de + inf.* ‘идти от’, характеризуемой как синонимичная форме с проспективным значением *ir (a) + inf.* в остальных диалектах [Rojo 1974: 93]. Если автор описания не ошибается, следует по крайней мере отметить тот факт, что подобный случай является единичным. Интересен еще и случай каталанского языка: если конструкция *anar a + inf.* ‘идти к’ в настоящем времени имеет значение проспектива, то *anar + inf.*, тоже в настоящем, превратилась в перфективное прошедшее время, см. 2.2.3, а также ниже 4.1.2.2.

Обозначение движения субъекта к некоторой точке в пространстве используется для обозначения его нахождения на пути к осуществлению некоторого действия или приобретению некоторого состояния. Проспективную интерпретацию можно представить в следующем виде: ‘положение дел в точке отсчета таково, что со временем оно может привести (т.е. субъект “придет”) к ситуации Р’. Поскольку исходно данная конструкция обозначает перемещение волевого субъекта (человека), прототипическим контекстом ее употребления является указание на намерение этого субъекта (‘идет сделать’ > ‘собирается сделать’); в дальнейшем она расширяет сферу употребления до неинтенциональных контекстов (типа ‘сейчас пойдет дождь’) и впоследствии может приобрести также предиктивное значение [Bybee et al. 1994: 270; Dahl 2000b: 8-10].

Некоторую дискуссию в типологической литературе вызвал вопрос о том, как можно объяснить использование ПРИХОДИТЬ для выражения будущего, если данный глагол сам обозначает приближение к говорящему (а не говорящего к чему-то другому). С. Флейшман высказала мнение о том, что если при использовании ИДТИ движение вдоль временной оси осмысливается действительно как движение субъекта из прошлого в будущее (“*moving-ego perspective*”), то конструкция с ПРИХОДИТЬ отражает представлением о том, что “движется” само время, приближаясь к моменту речи из будущего и уходя в прошлое (“*moving-event perspective*”) [Fleischman 1982: 78 et pass.]. Эту точку зрения справедливо оспорила М. Эманатян, указавшая на то, что говорить о модели “движения времени” во втором случае довольно странно, если учесть, что во многих языках глагол согласуется с подлежащим, т.е. “приходит” все же выраженный в предложении субъект движения, а не “время”. В случае с ПРИХОДИТЬ можно говорить скорее

о смене позиции наблюдения (*vantage point*): наблюдатель рассматривает ситуацию Р в будущем не с точки зрения момента речи, а с точки зрения самой Р [Emanatian 1992: 5-8, 16-18]. Ср. следующие приблизительные схемы:

Итак, основные глаголы движения ИДТИ и ПРИХОДИТЬ в качестве средств обозначения ситуации в будущем “преодолевают свою исходную антонимичность” [Bourdin 1992: 292]: важнее оказывается не их исходная разница в дейктической ориентации, а сам факт указания на движение по направлению к некоторой цели.

Тем не менее, ПРИХОДИТЬ-будущее в некоторых языках может оказаться вовсе не столь простым, как кажется. Так, Э. Даль предполагает, что по крайней мере применительно к германским конструкциям с ПРИХОДИТЬ могут быть основания говорить об особом пути грамматикализации: дело в том, что в настоящее время эти конструкции в основном используются в предиктивных контекстах, и нет никаких свидетельств в пользу того, что когда-либо раньше они употреблялись в интенциональных (т.е. “классический” путь развития от интенциональности к предиктивности здесь, вероятно, не имел места). Не исключено, что предиктивность возникла в этой конструкции на основе таких употреблений глаголов типа англ. *come*, при котором они обозначают неконтролируемое возникновение состояния как итог предшествующей цепочки событий, типа *I came to hate him* (≈ ‘случилось так, что я стал ненавидеть его’); однако в целом этот вопрос пока остается открытым [Dahl 2000b: 321-322]. О др. примерах выражения наступления нового состояния при помощи проспективных конструкций с ПРИХОДИТЬ см. также 2.3.4. Ниже в 4.1.2.3 показано, что и у проспективных конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ имеется определенная взаимосвязь с инхотивным значением.

Отметим, что на связь ПРИХОДИТЬ-будущих с обозначением начала ситуации указывает также Э. Траугот [Traugott 1978: 378] и Ю. С. Маслов [Маслов 1990: 77].

Если обратиться к более маргинальным конструкциям, то, по нашему мнению, для проспективных/интенциональных форм с ХОДИТЬ и СПУСКАТЬСЯ верно все то же, что было сказано для основных глаголов движения; отметим, что в тех случаях, когда значение всей конструкции известно (хинди, хакасский), она также обозначает движение субъекта к цели. По поводу конструкции с ВОЗВРАЩАТЬСЯ мы не решаемся предложить никакого объяснения.

Интересен также случай в языке тода (Южная Америка): в нем многочисленные суффиксы глагольной ориентации действия часто выражают дополнительные временные, аспектуальные или модальные значения; в частности, суффикс *-o-* с основным значением ‘при совершении действия субъект опускается на колени’ используется также при передаче значения ближайшего запланированного будущего [Raune 1990: 225].

Что же касается приобретения конструкцией с СТОЯТЬ проспективного значения, то здесь реализуется другая разновидность обозначения ситуации ‘на грани осуществления’: не через движение к ситуации, а через собственно нахождение рядом с ней (‘субъект находится возле Р’ > ‘субъект вот-вот осуществит Р’). Вообще, локативные показа-

тели типа ‘рядом, возле’ достаточно часто используются для передачи проспективного значения, ср. англ. *be about to* ‘быть около’ или служебные слова в ток-писине *klostu* || *klosap* (< *close to* || *close up* ‘вблизи, рядом’) [Romaine 1999].

4.1.1.2. Настоящее время

В качестве показателей настоящего времени иногда описываются конструкции с глаголами позиции в тюркских языках, а также, например, в африканском языке кхое (см. 3.2). По крайней мере в некоторых из этих языков, по-видимому, дистрибуция данных конструкций действительно ограничена настоящим временем, однако считать их чисто темпоральными мешает факт лексических ограничений на образование данных конструкций: такие ограничения нормальны для аспектуальных форм, но для форм, выражающих в чистом виде временную референцию, довольно странны. В связи с этим, уместно считать использование конструкций с глаголами позиции в настоящем времени частным случаем их использования как показателей имперфективных значений, о которых см. 4.1.2.1. Теоретически же, показатели настоящего времени в каком-то смысле вообще выражают подмножество имперфективных значений: иначе говоря, имперфектив, ограниченный ситуациями в настоящем, неотличим от настоящего времени (ср. [Bybee et al. 1994: 141]).

4.1.1.3. Прошедшее время

Превращение конструкций с глаголами движения (и очень редко глаголами позиции) в показатели прошедшего времени является случаем в чем-то противоположным, а в чем-то очень близким превращению в будущее время. Сходство заключается в том, что значение прошедшего времени возникает у данных конструкций главным образом также на основе исходно аспектуального значения, в данном случае перфекта ‘ситуация имела место в прошлом и сохраняет свою релевантность в момент речи’. Конструкции с ПРИХОДИТЬ чаще всего превращаются в показатели “иммедиатного” перфекта и прошедшего времени, обычно называемого “близким прошедшим” (2.3.3). Имеются редкие случаи превращения ИДТИ/УХОДИТЬ в показатель перфекта (2.2.3), ВЫХОДИТЬ в “близкое прошедшее” (2.6.2.4), СТОЯТЬ в “заглазное прошедшее” (3.4.2.5); возможно также приобретение конструкцией с САДИТЬСЯ значения перфекта (3.5.2.5).

Тот факт, что глагол ПРИХОДИТЬ может использоваться и для выражения ситуации в будущем, и для выражения ситуации в прошлом, объясняется различием исходных конструкций: показатели перфекта/прошедшего времени не восходят к конструкциям со значением движения к цели. Напротив, в тех случаях, когда исходная внутренняя форма конструкции прозрачна, она указывает на удаление от ориентира (ср. франц. *Je viens d'arriver* ‘я только что приехал’, букв. “прихожу от приехать”). Как и в случае с проспективом, такая конструкция указывает фактически на ситуацию, происходящую в момент речи; вообще вспомогательный глагол в формах перфекта стандартно стоит в настоящем времени (ср. англ. *has brought* или др.-русск. *есть принесль* ‘(он) принес’). (Отметим, что, опять же как и проспектив, перфект может быть ориентирован не только на момент речи, но и на иную точку отсчета, ср. (2.62), в котором такая точка отсчета расположена в прошлом.)

Заметим, что “проспективная” характеристика ‘идти к (ситуации)’ и “ретроспективная” ‘приходить от (ситуации)’ являются по сути симметричными: в первом случае речь идет о положении дел, которое может привести к некоторой ситуации Р в будущем, а во втором — о положении дел, к которому привела некоторая ситуация Р (локализованная в прошлом). Если проспектив описывает подготовительную стадию ситуации, то

перфект — ее результирующую стадию (“состояние, наступающее после конца ситуации”, ср. [Плунгян 2000а: 297-298], а также схему С. Дика выше). Если проспектив можно сравнить с “семенами” последующей ситуации, то перфект, напротив, с ее “плодами” (или даже “опавшими листьями”), которые говорят о том, что некоторая ситуация уже имела место и завершилась.

Отметим и то, что в обоих случаях при описании семантики этих конструкций как временных привлекается идея временной близости (“близкое будущее” ~ “близкое прошедшее”). Проспектив, действительно, чаще бывает связан с указанием на подготовительную стадию ситуации, близкую к ее началу — поскольку именно в этом случае скорее будут проявляться “семена” этой ситуации; аналогично, для момента речи скорее релевантна ситуация, имевшая место незадолго до него — и в этом проявляется типичная (но не обязательная) связь перфекта с временной близостью.

Диахроническая эволюция перфекта в простое или перфективное прошедшее время хорошо известна, она засвидетельствована во многих германских и романских языках (именно такое развитие произошло и в русском); см., среди прочих, [Маслов 1984; Comrie 1976; Dahl 1985; Bybee et al. 1994]. Тот факт, что среди рассмотренных нами путей грамматикализации наряду с прошедшим временем и перфектом отмечаются также эвиденциальный перфект и “заглазное прошедшее”, также не вызывает удивления. Во многих языках мира перфект маркирован по категории эвиденциальности как форма, вводящая в рассмотрение ситуацию, не засвидетельствованную говорящим лично. Не вдаваясь подробно в проблему эволюции эвиденциального перфекта, отметим лишь, что такие перфектные формы происходят из форм с **результативным** значением, обозначающим состояние, наступившее в результате (не наблюдавшейся говорящим) ситуации. По крайней мере формы с глаголом СТОЯТЬ (3.4.2.5) прошли скорее всего именно такой путь развития: от результата к перфекту и “заглазному” прошедшему. О результативном и стативном значении см. также ниже.

Наконец, упомянем также о случае приобретения конструкциями с ПЕРЕХОДИТЬ/ПРОХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ **экспериенциального** значения ‘ситуация Р осуществлялась (за релевантный период времени) хотя бы раз’. Экспериенциальное, или “общефактическое”, значение часто является одним из частных значений перфекта (“*experiential perfect*”, или “перфект жизненного опыта”, см. [Comrie 1976: 58-59; Dahl 1985: 132]). Вместе с тем, Э. Даль показал в свое время, что категория EXPERIENTIAL является в принципе независимой от перфекта [Dahl 1985: 139-144]. Эта точка зрения поддерживается и нашим материалом: конструкции с ПЕРЕХОДИТЬ / ПРОХОДИТЬ собственно перфектного значения ‘релевантность моменту речи’ не выражают (как и, например, русская конструкция с *приходиться*).

По-видимому, в случае с ПЕРЕХОДИТЬ / ПРОХОДИТЬ пройденный путь в пространстве осмысляется как некоторый период времени, пережитый субъектом и включающий определенные события как “вехи” на этом пройденном пути (ср. русское *Я через все это в свое время уже проходил*). Интересен случай русского *приходиться* (ср. *Мне это уже приходилось делать*): здесь не субъект “приходит” к ситуации, а сама ситуация “приходит” к субъекту (“выпадает на долю”) независимо от воли последнего.

Необычный и типологически едва ли не уникальный случай использования глаголов движения, позиции и некоторых других для выражения различных степеней **временной дистанции в прошлом** имеется в австралийском языке диери. Вообще, развитая система вспомогательных глаголов для австралийских языков нетипична (если не считать еще более интересный случай, представленный в языках семьи Дейли, см. 4.1.5); видимо, в диери (и нескольких родственных языках юга Австралии) столь экзотическая глагольная парадигма является не-

давшей инновацией [Dixon 1980: 430-431]. В этом языке вспомогательный глагол *wara* ‘бросать’ используется в качестве показателя прошедшего времени “сегодняшнего дня”, глагол *widi* ‘входить’ обозначает близкое прошедшее “вчерашнего дня”, глагол *pada* ‘лежать’ обозначает удаленность на “1-2 недели”, глагол *wapa* ‘идти, ходить’ указывает на ситуацию в прошлом, удаленную на “1-2 месяца”, а дистанцию “очень давно” выражает вспомогательный глагол со значением ‘искать’; при этом в будущем уровни временной дистанции не различаются [Austin 1981: 88-92]. Семантические основания такого использования вспомогательных глаголов в системе прошедших времен довольно загадочны; сам автор описания полагает, что хотя эти глаголы и функционируют в языке в качестве самостоятельных лексем, их семантика не связана с семантикой формально соответствующих им служебных единиц.

Итак, развитие темпоральных значений у конструкций с глаголами движения и позиции происходит на основе первичных аспектуальных значений (проспектив > будущее, перфект > прошедшее, имперфектив > настоящее), так что общая линия развития может быть представлена как “ВИД > ВРЕМЯ”.

4.1.1.4. Следование во времени

Итак, глаголы движения и позиции практически не становятся показателями абсолютной временной референции в чистом виде; временная референция является скорее вторичной и производной от определенных аспектуальных значений. Что же касается превращения глаголов движения и позиции в показатели относительной временной референции, то здесь нам встретился лишь такой интересный случай, как обозначение **следования событий во времени** (ср. термины *consecutive marker, sequencer*).

Чаще всего в данной функции используются основные глаголы движения ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ. Первый из них преобладает как показатель следования в океанийских языках (в т.ч. креольских), а второй используется в основном в языках Африки. В некоторых языках (суахили, коса, меланезийских креолах) роль маркера следования играют оба этих глагола (2.2.9, 2.3.9). Встречаются также единичные случаи превращения ВХОДИТЬ и ВСТАВАТЬ / ПОДНИМАТЬСЯ в показатели типа ‘и вот, и потом (случилось) P’ (см. 2.5.3.2, 3.4.2.8).

Все эти показатели функционируют в нарративном дискурсе (т.е. повествовании о последовательности событий) как указатели того, что описываемая в предложении ситуация следует за событиями, о которых говорилось в предыдущем предложении нарратива: ‘потом P’. Использование таких показателей в нарративе кажется несколько неожиданным и избыточным, поскольку сам нарратив, по определению, состоит из предложений, иконично упорядоченных в соответствии с временной последовательностью событий. Скорее всего, функционирование таких показателей связано с выделением некоторых ключевых моментов в повествовании (типа ‘случилось А, потом В, потом С, и вот произошло P’).

Отметим, в связи с этим, такое явление в чадском языке марги, как “плеонастическое использование” глаголов движения, при котором они употребляются при указании на новое, выделенное событие в дискурсе или при введении нового персонажа — при этом описываемая ситуация не обязательно связана с перемещением персонажа в пространстве [Hoffmann 1963: 210-211]. Так, использование глагола ПРИХОДИТЬ во фразе типа *Идите найдите дрова, чтобы люди могли (прийти-и-)поджарить вас на них* указывает не на перемещение людей на новое место, а на появление, ввод новых персонажей в нарративное повествование.

Обозначение следования событий во времени при помощи глаголов движения связано с определенным представлением о нарративной структуре: в основе лежит опреде-

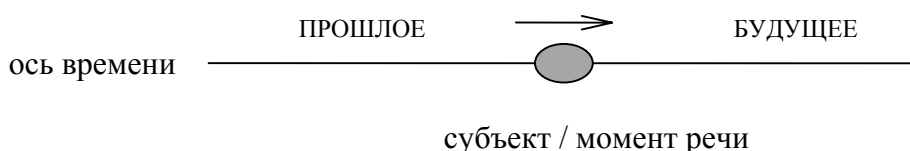
ленная пространственная модель, в соответствии с которой события представляются как пункты перемещения: “сначала (идет) P1, потом P2 и т.д.” При разворачивании повествования происходит, тем самым, “перемещение” от одного события к другому (ср. [Traugott 1978: 383-384]). Как и в случае с ИДТИ- и ПРИХОДИТЬ-будущим, при выборе одного или другого глагола меняется исходная точка зрения на перемещение событий: эта точка зрения, или наблюдения, может совпадать либо с ситуацией, которая “движется” к другой (ИДТИ), либо с той ситуацией, к которой происходит движение (ПРИХОДИТЬ).

4.1.1.5. Глаголы движения и модель временных отношений

Говоря выше об использовании глаголов движения в качестве показателей с темпоральным значением, мы не раз отмечали, что данные глаголы фактически являются средством выражения определенной модели временных отношений.⁴⁵ В данном разделе суммируются данные о модели (моделях) временных отношений, задаваемых глаголами движения; отметим, что сказанное ниже важно не только для уже рассмотренных временных категорий, но и для некоторых из категорий, о которых речь будет идти ниже.

В самом общем виде основную модель временных отношений, передаваемую при помощи глаголов движения, можно представить следующим образом: субъект движется во времени из прошлого к будущему, прошлое представляется как источник движения (ср. путь развития ‘приходить от’ > ‘перфект/ прошедшее время’), а будущее как его цель (ср. путь развития ‘двигаться к’ > ‘перспектив/ будущее время’). Момент речи в рамках этой динамической пространственной модели можно сопоставить с постоянно перемещающейся из прошлого в будущее точкой отсчета. Данная модель времени схематично изображена ниже; называют ее обычно “моделью движения субъекта” (*moving-ego*):

Схема 7.А.

Данная модель временных отношений проявляется также при интерпретации некоторых аспектуальных форм. Так, в 2.2.2, 2.3.2 отмечалось противопоставление в алтайских, романских и индоарийских языках дуративных конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ: в первом случае акцент делается на то, что ситуация имеет место в точке отсчета и будет длиться после точки отсчета (т.е. данный глагол “фокусирует” источник движения); в случае же с ПРИХОДИТЬ утверждается, что ситуация развивалась на протяжении некоторого периода времени до точки отсчета, включая последнюю (т.е. данный глагол “фокусирует” конечную точку движения). Тем самым, противопоставление

⁴⁵ Подобное использование глаголов движения и позиции является частным случаем общей тенденции — представлять время в терминах пространственных категорий, ср.: “... моделирование времени по данным языка не может миновать пространственных категорий: ключевые метафоры времени основываются на локальных и динамических значениях” [Арутюнова 1997: 53]. Само понятие “время” исходно может связываться с движением: так, славянское *время* восходит к имени действия от индоевропейского корня *uert- ‘двигать, поворачивать’ (ср. русск. *вертеть, вращать, ворочать*) [Красухин 1997: 64-65].

“проспективного” и “ретроспективного” взгляда на развитие ситуации здесь также имеет место.

Например, японские конструкции с глаголом *куру* ‘приходить’ рассматриваются “как имеющие конечную точку в пространстве или времени (наличие начальной точки не обязательно)”, тогда как *ику* ‘идти’ задает начальный ориентир (в т.ч. момент речи) [Алпатов (рук.): 3, 9]. В тайском языке глагол *най* ‘идти, уходить’ в качестве служебного слова соотносит действие с будущим, тогда как *м̄а* ‘приходить’ — с прошлым, хотя собственно темпоральными показателями эти глаголы не являются: ср. *т̄а т̄ам кан най* ‘будут делать’ (= “FUT делать (вместе) уходить”) и *т̄ам кан м̄а* ‘делали’ (= “делать (вместе) приходить”) [ГРС 1964: 965]. Согласно [Bilmes 1995], употребление этих глаголов указывает на ситуацию или период времени, который простирается либо от некоторого момента в прошлом до момента речи, либо от момента речи в будущее, ср.:

(4.5) тайский [Bilmes 1995: 38, 43]

а. raw tham kaan-bâan **maa** nan lɛɛn.

мы делать задание **приходить** долгоуже
Мы уже долго делаем домашнее задание.

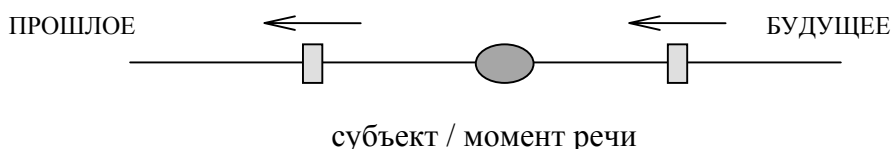
б. khəj **raɯ** kɔ̀ɔn.

ждать **уходить** раньше
Подожди еще немного.

Именно о движении во времени субъекта, т.е. основного участника ситуации, следует говорить применительно к тем случаям, когда глагол движения модифицирует смысловой глагол, обозначающий данную ситуацию. Как, однако, показано в 2.2.11.2, 2.3.11.5, глаголы движения как показатели временных отношений могут использоваться и как модификаторы другого рода — а именно, они могут модифицировать слова, обозначающие временные отрезки или точки на временной оси (*неделя, месяц, год*). Такие показатели восходят, по-видимому, к относительным предложениям, вершиной которых и является слово времени. В данном случае ИДТИ/УХОДИТЬ в качестве модификатора указывает на отнесенность периода времени к прошлому (“уходящий”, т.е. ‘прошедший’), а ПРИХОДИТЬ, напротив, к будущему (“приходящий”, т.е. ‘наступающий’).

Поскольку глагол движения модифицирует здесь уже слово времени, есть основания полагать, что речь идет именно о движении самого “времени”, а точнее, точек/отрезков на временной оси (ср. термины *moving-event* или *moving-time*): говорящий находится в некоторой неподвижной точке, каковой является момент речи, а время “приходит” навстречу ему из будущего и “уходит” в прошлое. Ср. следующее схематическое изображение:

Схема 7.Б.

Кажущееся на первый взгляд парадоксальным противопоставление моделей “движущийся во времени субъект” и “движущееся время” в действительности не является необъяснимым. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон посвящают парадоксу сосуществования “двух противоречащих образов времени” в английском языке отдельную главу своей известной книги [Lakoff, Johnson 1980: 41-45]. Они показывают, что в английском языке время может осмысляться как неподвижный объект, сквозь который мы движемся (ср. *As we go through the years...* ‘проходя

сквозь годы') либо как движущийся объект, устремляющийся нам навстречу (ср. *The time will come when...* 'придет время, когда'); в последнем случае реализуется метафора TIME IS A MOVING OBJECT (ср. также выражение *Time flies* 'время летит'), причем отрезки времени могут в ходе такого "перемещения" обозначаться как "предшествующие" (*preceding*) либо "следующие" (*following*) друг за другом. Важно, таким образом, то, что в обоих случаях речь идет о метафоре "прохождение времени" (TIME PASSES UP). Ср. также пример Э. Траугот, в котором присутствует одновременно выражение при помощи глаголов движения и одной, и другой модели: *I am going to do it come Friday* 'я сделаю это, когда наступит пятница', букв. 'я иду сделать это с приходом пятницы' [Traugott 1978: 383]; см. по данной проблеме также [Касевич 1996: 233-235; Radden 1996; 1997]. Применительно к русскому (и древнерусскому) языку проблема сосуществования двух моделей времени (в т.ч. как пример "парадокса темпоральной ориентации" и случай энантиосемии) обсуждается в работах [Падучева 1996: 290; 1999; Арутюнова 1997; Булыгина, Шмелев 1997].

4.1.2. Аспектуальные значения

Значения из аспектуальной области преобладают в качестве итоговых значений грамматикализованных конструкций с глаголами движения и позиции. Можно сказать, что в целом эти глаголы как диахронические источники грамматических показателей вносят наибольший вклад именно в развитие аспектуальных противопоставлений.

Аспектуальность в целом характеризует ситуацию с точки зрения ее протекания во времени (так наз. "внутреннее время" ситуации). Основным противопоставлением в рамках аспектуальности считают обычно противопоставление обозначения ситуаций в их развитии (указание на срединную стадию ситуации⁴⁶) и обозначения ситуаций как единого целого, ограниченного во времени (прежде всего это указание на наличие временных границ, ср. *почитать* (некоторое время), или на достижение ситуацией предела развития, ср. *прочитать* (целиком)). Вслед за Б. Комри [Comrie 1976] мы будем говорить в данном случае об имперфективных и перфективных значениях, соответственно; в целом, как имперфективность, так и перфективность не являются однородными категориями и включают в себя более частные противопоставления, о которых также будет идти речь ниже. Две эти основных группы итоговых аспектуальных значений характеризуются в 4.1.2.1 и 4.1.2.2. Отметим, что упоминавшиеся выше проспективное и перфективное значение также относятся к аспектуальным: они характеризуют ситуацию, так сказать, в более широком контексте — с точки зрения ее подготовительной или, напротив, результирующей стадий.

Все названные выше характеристики структуры ситуации относят иногда к "качественной аспектуальности", называемой также "линейной" в том смысле, что она описывает различные "качественно неоднородные фрагменты внутри ситуации" [Плунгян 2000а: 296], или ее отдельные "фазы" (см. схему С. Дика выше). Под категорией фазы (фазовости) в более узком смысле понимают также указание на существование/несуществование ситуации по сравнению с предшествующим моментом ('ситуация началась/ продолжается/ закончилась/ так и не началась'); некоторые фазовые значения рассмотрены в 4.1.2.3. "Качественная/линейная" аспектуальность противопоставляется "количественной" аспектуальности, в рамках которой выражаются различные типы глагольной множественности (разные типы повторяемости ситуации); количественная аспектуальная группа значений рассмотрена в 4.1.2.4. Наконец, к аспектуальным относят и более специфические значения, описывающие различную степень интенсификации

⁴⁶ Ср. термин Л. Юхансона "интратерминальность" (от лат. "intra terminos", т.е. "между пределами"), т.е. нахождение между временными границами, между началом и концом ситуации [Johanson 2000: 76].

сти (быстрота/ медленность осуществления ситуации, сильная/слабая степени ее проявления и пр.); они рассмотрены в 4.1.2.5.

Непосредственное отношение к аспектуальности как средству грамматического маркирования определенного “взгляда” на структуру ситуации (ср. англ. термин *viewpoint aspect*) имеет отношение так называемая “акциональность” (*actionality*) как лексическое свойство самого глагола (в русской традиции также “семантический”, “аспектуальный”, “таксономический” тип/класс предиката). Глагольная лексема, иногда также при определенном контекстном окружении, может сама по себе обозначать ситуацию определенного типа — действие или состояние (“стативный” глагол), процесс или мгновенное действие (“пунктивный” глагол), предельный или неопредельный процесс (соответственно, “предельный” или “непредельный” глагол); см. новаторские работы Ю. С. Маслова и З. Вендлера и последующие классификации Л. Юхансона, Б. Комри, Т. В. Булыгиной, Е. В. Падучевой, В. Броя и др. Одним из сложных направлений аспектологической теории является определение соотношения между акциональностью и собственно грамматическим маркированием вида; по мере возможности мы будем также обращать на это внимание, ср. особенно 4.1.2.2.

4.1.2.1. Имперфективные значения

4.1.2.1.1. Типы выражаемых имперфективных значений

Конструкции с глаголами движения и позиции иногда используются для “специализированного” выражения одного из значений, относимых традиционно к типу имперфективных, но могут одновременно выражать и несколько из них.

Достаточно специфичный оттенок значения свойствен обычно конструкциям с основными глаголами движения ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ (особенно в романских, индоарийских, тюркских языках). Исходная конструкция имеет значение ‘двигаться, осуществляя действие’, а передаваемое при этом аспектуальное значение можно охарактеризовать как ‘постепенное развитие в направлении накопления результата (“все больше и больше”)’. Это значение, называемое в нашей работе **градативным**⁴⁷, насколько нам известно, не отмечалось специально в типологических исследованиях. Во многом градатив близок прогрессиву — “прототипическому” имперфективному значению (называемому также “актуально-длительным”, “конкретно-процессным”), указывающему на развитие динамической ситуации в момент наблюдения (ср. *Не мешай, я (как раз) работаю!*). Тем не менее, практически все приводимые в описаниях примеры использования конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ имели именно градативный оттенок значения, так что характеристика их просто как прогрессивов не представляется адекватной.

Возможно, конструкции с градативным значением могут развиваться со временем в обычный прогрессив; так, в [Bybee et al. 1994: 122-130] приводятся некоторые примеры прогрессивных показателей, восходящих к глаголам движения (в языках моту, гуайми, ману, тохолабаль и др.). Вообще, показатели прогрессива обычно восходят к исходным пространственным

⁴⁷ Данный термин предложен В. А. Плуноном; он используется, хотя и в несколько другом значении (а именно, для обозначения определенного таксономического класса глагольных лексем типа русск. *усиливаться*, обозначающих “увеличение некоторого количественного параметра процесса на осязаемую величину”) в работе [Падучева 1996: 177]; ср. также понятие “градационной видовой пары” (типа *повышаться ~ повыситься, развиваться ~ развиваться* и др.) в работе [Зализняк, Шмелев 2000: 57-58]. К градативной семантике во многом близок и так наз. “эволютивный способ действия” (т.е. обозначение постепенного нарастания его интенсивности: *расхвораться, расшуметься* и пр.).

конструкциям со значением местонахождения ‘быть, находиться в/на (ситуации)’, ср. англ. *is singing* < **is on singing* ‘находится на пении’, см. также примеры в [Comrie 1976: 98 et pass.; Heine et al. 1993: 24 et pass.; Bybee et al. 1994: 129 et pass.]. Видимо, использование глаголов направленного движения в такой конструкции и обуславливает более специфичный оттенок значения — не просто нахождение в процессе развития, а нахождение в процессе постепенного, поступательного приближения к некоторой точке в развитии ситуации. По крайней мере, разница во внутренней форме между чисто локативными и динамическими конструкциями в данном случае позволяет объяснить разницу в результирующих значениях (см. об этом эффекте также ниже).

Прогрессивное значение может выражаться при помощи конструкций с ХОДИТЬ и глаголами позиции. Вместе с тем, эти конструкции употребляются в более широком круге контекстов. Прогрессив по определению связан с указанием на развитие динамической ситуации, т.е. ограничен в своей сочетаемости глаголами, обозначающими процессы. Конструкции же с ХОДИТЬ и глаголами позиции сочетаются с значительно большим кругом смысловых глаголов и имеют более общее значение, называемое в нашей работе **дуративным** (ср. термин *continuous* в [Comrie 1976: 24-40]). Дуратив является своего рода “обобщенным прогрессивом” — он указывает на то, что в некоторый процесс или состояние длится, но не обязательно относительно определенного точного “момента наблюдения” (‘как раз сейчас’; ср. понятие *focalization point*), а относительно более протяженного периода (ср. *весь вечер, уже два часа* и т.п.); ср. разграничение “сфокусированного” (*focalized*) и “дуративного” прогрессива в работах [Bertinetto et al. 2000; Johanson 2000: 85 и сл.].

Многие конструкции с глаголами движения не являются в полном смысле имперфективными (т.е. выражающими имперфективность как аспектуальное значение), поскольку, во-первых, совместимы и с перфективом (т.е. вспомогательный глагол может стоять в перфективной форме, а конструкция означает, что ситуация поступательно развивалась на протяжении закрытого периода времени), а во-вторых, имеют сочетаемостные ограничения, нехарактерные для “чистого” имперфектива: например, градативные конструкции плохо сочетаются с неопределенными глаголами и не сочетаются со стативными (см. некоторые данные в 2.2.2, 2.3.2; ср. также подробное обсуждение данной проблемы на примере романских языков в [Squartini 1998: 209-214 и сл.; Bertinetto 2000: 577-581]). Скорее, конструкции с глаголами движения находятся на пути развития от акциональности (в данном случае, дуративного типа), т.е. подчеркивания определенного акционального содержания некоторых глагольных классов, к собственно аспектуальности. В целом, эту линию развития можно представить как “АКЦИОНАЛЬНОСТЬ > ВИД” (ср. близкие идеи в [Squartini 1998: 301-302; Bertinetto et al. 2000: 539]).

Диахронически прогрессив имеет тенденцию развиваться в сторону более общего имперфектива, расширяя сочетаемость с разными типами глаголов, а также приобретая **хабитуальное** значение [Маслов 1984: 25-26, 31-32; Bybee et al. 1994: 140-144]. Хабитуальное значение отмечается у конструкций с основными глаголами движения, а также в высшей степени характерно для конструкций с ХОДИТЬ (и редким БРОДИТЬ) и СИДЕТЬ, СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ.

Хабитуалис занимает особое место среди аспектуальных категорий. Согласно известной трактовке Б. Комри, хабитуальная ситуация не является случайным свойством длительного периода времени, а характеризует весь этот период целиком [Comrie 1976: 27-28]. С. Дик, характеризуя хабитуалис в терминах состояния субъекта X ситуации, дает ему следующее толкование: ‘ситуация происходит (повторяясь) благодаря склонности X-а к осуществлению ситуации’ [Dik 1985: 10]. Хабитуальная ситуация — это ситуация “привычная или обычная, регулярно повторяемая на протяжении определенного периода времени” [Bybee et al. 1994: 317],

ср. *Я пишу стихи* или *По утрам я делаю зарядку*. Сама по себе повторяемость ситуации, впрочем, в строгом смысле не обязательна: ср. также описания свойств типа *В детстве я верил в привидения* или *На этом холме стояла церковь*, которые описывают непрерывные положения дел. Хабитуалис является средством маркирования такого важного разграничения, как “эпизодическая” (т.е. конкретная) vs. “генерическая” (т.е. обобщенная) ситуация [Dahl 1995]; ср. также понятие “временной локализованности/нелокализованности” в [Бондарко (ред.) 1987: 210 и сл.]. Хабитуальные предложения выражают обобщения о свойствах индивидов и ситуаций, и этот факт (переход от наблюдения за ограниченным набором ситуаций в реальном мире к обобщению о возможных мирах) приближает хабитуалис также к области модальных значений [Comrie 1985: 40].

Конструкциям с ХОДИТЬ и глаголами позиции свойствен, тем самым, весь “спектр” значений, традиционно относимых к имперфективным: прогрессив, дуратив, хабитуалис. Эти конструкции обычно являются средством выражения имперфектива в самом обобщенном смысле.

Конструкции с этими глаголами могут использоваться также для выражения чисто **стативного** значения (т.е. обозначать именно длительное состояние) — так обстоит дело, например, с романскими формами с ХОДИТЬ (а также ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ) и причастиями смысловых глаголов (см. 2.4.1). Стативное значение может иметь также **результативный** оттенок, т.е. может подчеркиваться, что имеющее место состояние наступило в результате определенного предшествующего действия; это значение наиболее характерно для конструкций с глаголами позиции (см. 3.4.1 и пр.) и в основном, по-видимому, свойственно сочетаниям с предельными смысловыми глаголами. Значение, близкое результативному, передается, по нашему мнению, и русскими (в основном диалектными) конструкциями с глаголами позиции, в которых смысловой глагол стоит в форме прошедшего времени, а глагол позиции в форме настоящего, ср. *назябся стоит, девчонка спужалась сидит* [Мещерский (ред.) 1972: 214].

Исходные конструкции в таких случаях имеют значение не ‘двигаться/располагаться, делая что-либо’, а ‘двигаться/располагаться, сделав что-либо’ (или ‘...будучи сделанным’ — в этом случае речь идет о состоянии пациенса). Типологически, опять же, статив и результатив выражаются именно такого типа сочетаниями — в основном с причастиями/деепричастиями предшествования (совершенного вида) и глаголом ‘быть’ [Недялков (ред.) 1983: 14; Bybee et al. 1994: 63 et pass.]. Об эволюции результатива в перфект уже говорилось выше, см. 4.1.1.3. Отметим, что результативность традиционно не рассматривается в рамках имперфективной области значений (ее скорее относят, напротив, к перфективности), и мы уделяем ей место именно в данном разделе лишь ввиду того, что данное значение в ряде языков может совмещаться с имперфективным (дуративным/хабитуальным) у одних и тех же конструкций.

Наконец, еще одним значением, часто выражаемым при помощи имперфективных конструкций с глаголами движения и позиции, является **континуативное** ‘ситуация Р продолжается’. Это значение в строгом смысле относится к фазовым (см. 4.1.2.3), однако в нашем материале оно чаще всего выступает в качестве одной из возможных интерпретаций имперфективных конструкций (например, с ИДТИ/УХОДИТЬ, ПРИХОДИТЬ и глаголами СИДЕТЬ, СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ). В качестве самостоятельных показателей континуатива отмечаются иногда конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ, ПОДНИМАТЬСЯ, СПУСКАТЬСЯ.

4.1.2.1.2. Осмысление исходного значения

Можно утверждать, что при использовании глаголов движения в качестве имперфективных показателей развитие ситуации во времени представляется как движение в пространстве, согласно распространенной метафоре ВРЕМЯ ЭТО ПРОСТРАНСТВО.

Как и в случае с превращением глаголов движения в показатели будущего времени, в данном случае происходит “нейтрализация” исходного дейктического противопоставления разных глаголов и более важным оказывается именно сам факт обозначения движения. (По словам П. Бурдена, на первый план выступает в большей степени “равнозначная кинетика” глаголов движения, нежели их “неравнозначная дейктичность” [Bourdin 1992: 296].) Исходные конструкции обозначают именно перемещение в ходе осуществления некоторого действия (смысловой глагол стоит, например, в форме деепричастия/причастия одновременности/несовершенного вида), а не указывают на цель или источник движения, как мы видели ранее на примере других значений; на этот факт обращается внимание также в [Heine et al. 1993: 152; Vybee et al. 1994: 11].

Отметим, что особую группу глаголов, с точки зрения грамматикализации, образуют ХОДИТЬ и глаголы позиции. Превращение в имперфективные показатели является единственным основным путем грамматикализации для всех этих глаголов. При этом они, в отличие от двух основных глаголов движения, “специализируются” на выражении дуративности/хабитуальности. Это объединение ХОДИТЬ с глаголами позиции не кажется удивительным: ХОДИТЬ (а также редкий БРОДИТЬ) является единственным из рассмотренных глаголов движения, не обозначающим направленного перемещения. Из всех глаголов движения именно ХОДИТЬ как глагол, обозначающий длительное или постоянное движение, более остальных глаголов подходит для выражения длительных или постоянных процессов и состояний, напоминая в этом глаголы СИДЕТЬ, СТОЯТЬ и ЛЕЖАТЬ.

Отметим, что в данном случае мы имеем дело с проявлением типичного для процесса грамматикализации эффекта: особенности итогового значения конструкции напрямую связаны с исходной семантикой глагола (ср. градативность у ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ vs. дуративность/хабитуальность у ХОДИТЬ и глаголов позиции). Одним из проявлений этого эффекта является также своеобразная согласованность акциональной сочетаемости таких конструкций с акциональными характеристиками исходных глаголов: так, в градативных конструкциях с предельными глаголами ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ предпочтительны предельные же глаголы, а в дуративных конструкциях с непредельными ХОДИТЬ и т.п. — непредельные. Данная ситуация подробно анализируется М. Сквартини, который приводит любопытные диахронические свидетельства о развитии итальянской конструкции с глаголом *andare*: исходно данная конструкция была предпочтительна с непредельными глаголами, со временем же ее сочетаемость изменилась, так что она теперь возможна в основном с предельными глаголами; этот путь развития коррелирует и с семантическим развитием самого вспомогательного глагола, который изначально обозначал ненаправленное движение (‘ходить’), а впоследствии стал стандартным ‘идти, уходить’. В испанском же языке, в котором имеется противопоставление глаголов *ir* ‘идти, уходить’ и *andar* ‘ходить’, соответствующие конструкции изначально находились в дополнительном распределении с точки зрения сочетаемости, и изменения этой сочетаемости не происходило [Squartini 1998: 223-234, 255-266].

Исходно использование ХОДИТЬ или позиционного глагола в качестве аспектуального имперфективного показателя в какой-то степени избыточно, поскольку часто смысловой глагол сам по себе имеет имперфективное маркирование (например, конструкция и так стоит в настоящем времени). Именно поэтому такие конструкции (например, в славянских языках) часто не приводятся в описаниях среди средств выражения аспектуальных значений. Фактически на ранних этапах развития названные вспомогательные глаголы просто подчеркивают или усиливают аспектуальное значение, являясь более экспрессивным средством его выражения. Возникновение “более экспрессивных” конструкций для подчеркивания некоторого значения является обычным явлением в ходе развития языка: возникая как “экспрессивные” средства, такие конструкции затем

используются при выражении некоторого значения все чаще, а потом постоянно, становясь обязательными; став обязательным, показатель употребляется уже независимо от коммуникативного намерения говорящего и превращается как бы в “грамматический фон”, теряя свою экспрессивность, — в результате чего возникают новые “экспрессивные средства”, и цикл повторяется снова (см. о подобном механизме, в частности, [Meillet 1912: 139-141; Lehmann 1985: 315-317]; данная проблематика в последнее время наиболее серьезно была рассмотрена в [Dahl 1998; Haspelmath 1999]).

Последовательность стадий развития имперфективных конструкций с глаголами позиции рассмотрена в работе [Kuteva 1999: 206-210] (выполненной в традициях когнитивного подхода Б. Хайне). В ходе развития исходная полипредикативная, т.е. состоящая из двух простых предложений, структура, превращается в монопредикативную; по мнению Т. Кутевой, свидетельствует об этом скорее семантика конструкции, а не ее формально-синтаксическое поведение: глагол позиции приобретает аспектуальное значение и модифицирует смысловой глагол, а не обозначает собственно стояние, сидение и т.п. объекта [Kuteva 1999: 194-195, 208]. В частности, глагол позиции может уже употребляться в случаях, когда о буквальном стоянии, сидении и т.п. объекта не может идти речь; множество субъектов расширяется и до неодушевленных физических объектов.

Впрочем, некоторые изменения в синтаксическом поведении самой конструкции также могут иметь место: так, Т. Кутева отмечает, что при использовании в болгарском языке глаголов позиции не в буквальном смысле, а для выражения имперфективных значений (т.е. фактически в роли вспомогательных глаголов) конструкция демонстрирует большую степень связности: обстоятельственные группы, относящиеся к глагольной группе, располагаются скорее вне ее, нежели внутри (т.е. они обычно уже не встречаются между глаголом позиции и смысловым глаголом) [Kuteva 1999: 208]. На аналогичную особенность русских конструкций типа *сидит пишет*, демонстрирующую их “синтаксическую целостность”, указывается и в русской Академической грамматике: управляемое имя в этих конструкциях может располагаться возле глагола позиции или движения, а не возле управляющего глагола, ср. *Обо мне сидит плачет, Смотрю сизу телевизор* и пр. [Шведова (ред.) 1980: 240]; см. также [Вайс 2000].

Одним из дальнейших путей развития имперфективной конструкции может оказаться превращение вспомогательного глагола в показатель настоящего времени (см. 4.1.1.2).

4.1.2.2. Перфективность

Значение, которые мы охарактеризовали как перфективное, появляется в качестве результата грамматикализации многих конструкций с глаголами движения (чаще всего ИДТИ/УХОДИТЬ) и позиции (в последнем случае используются обычно глаголы вхождения в состояние: ВСТАВАТЬ, САДИТЬСЯ, ЛОЖИТЬСЯ). В ряде случаев в языке может отмечаться перфективная конструкция с каким-либо одним из глаголов, но очень часто имеется целый набор перфективных конструкций с достаточно сложными правилами распределения (см. 2.11).

Перфективность является весьма “проблематичной” аспектуальной областью: в отличие от таких крупных межъязыковых типов значений, как будущее время или группа имперфективных значений, перфективные показатели типологически проявляют слишком значительную вариативность как в плане семантического наполнения, так и в плане его формального выражения; достаточно трудно говорить о “прототипической перфективности” как с точки зрения способов ее выражения, так и с точки зрения содержания. Ситуация осложняется также и сосуществованием принципиально отличных подходов к

таким понятиям, как собственно “перфективность”, “комплетивность”, “совершенный вид (славянского типа)”, а также к оценке взаимодействия перфективности с акциональными противопоставлениями (семантическими типами предикатов). В связи с этим, возможность трактовки рассмотренных конструкций с глаголами движения и позиции как перфективных нуждается в дополнительном обсуждении.

Согласно классическому и общепринятому в современной грамматической типологии определению, перфектив обозначает ситуацию, “рассмотренную в ее целостности”, без учета внутренних фаз ее развития [Comrie 1976: 12], в отличие от имперфектива, который представляет собой способа рассмотрения ситуации “изнутри”, в ее развитии. Типичной дискурсивной функцией перфектива является обозначение последовательности событий в нарративном повествовании.

Как в дальнейшем показали такие типологические исследования, как [Dahl 1985; Bybee, Dahl 1989; Bybee et al. 1994: ch. 3], перфективность не является однородной категорией и что в языках мира представлены по крайней мере две разновидности перфектива. Первый “перфективный прототип”, наиболее распространенный в языках мира, в частности в Западной Европе, ориентирован на представление ситуации как “единого целого” (*the total view of the situation*), или, более точно, как имеющей временные границы, заключенной в рамки “закрытого временного интервала”. Данный тип обычно представлен в так называемых “трехчастных” видо-временных системах, в которых темпоральное противопоставление имеется только в имперфективе (т.е. противопоставлены перфективное прошедшее, (имперфективное) настоящее и имперфективное прошедшее); формально такой перфектив регулярно выражается при помощи словоизменительных морфологических средств. Другой “перфективный прототип” представлен в славянских языках, а также отчасти в венгерском, литовском, осетинском, грузинском и др. языках мира. Системы славянского типа ориентированы на указание на существование предела развития ситуации (*limit, end-state*); в них аспектуальные и темпоральные противопоставления часто независимы друг от друга, а для формального выражения перфективного значения характерна нерегулярность и использование преимущественно деривационных средств (например, аффиксов с исходно пространственной семантикой).

Перфективные показатели (любого типа) имеют три стандартные интерпретации в зависимости от того, с глаголом какого типа они сочетаются: лимитативную, т.е. указание на ограниченность ситуации временными рамками (ср. *поработал*, англ. *worked* ‘работал некоторое время’ и пр.); комплетивную, т.е. указание на достижение предельной ситуацией (конечного) предела своего развития (ср. *написал, съел* и пр.), и инхоативную, т.е. указание на начальный предел, возникновение ситуации (ср. *поплыл, заговорил* и пр.)⁴⁸. (При помощи перфективных показателей возможно также указание на мгновенное осуществление ситуации, т.е. на точечное событие, ср. *нашел, достиг, скользнул* и пр.) Но если в языках с перфективом “целостного рассмотрения ситуации” основной функцией перфективных форм (типа простого прошедшего европейских языков) является обычно именно выражение лимитативности, то в языках с перфективом “славянского типа” перфективные формы в первую очередь используются для указания на конечную / начальную точку развития ситуации (т.е. предпочитают компле-

⁴⁸ Термин “лимитатив” в таком значении использован вслед за работой [Плунгян 2000а: 301-302] (ср., однако, [Бондарко (ред.) 1987: 45-47, 110-111], где “лимитативность” связывается с понятием предела в широком смысле, при этом отдельно рассматривается параметр “ограниченной длительности” как наличия у ситуации “внешнего предела”); термин “комплетив” достаточно часто встречается в типологических работах именно в указанном нами значении (например, см. [Bybee et al. 1994: 54 et pass.]); в работе [Dahl 1985: 95] ему приблизительно соответствует “*conclusive*”.

тивную / инхоативную интерпретацию при более маргинальном положении лимитативной).

Все сказанное выше важно постольку, поскольку перфективные конструкции с глаголами движения и позиции обнаруживают наибольшее сходство именно с перфективными показателями комплетивно-инхоативного типа. Практически всегда в описаниях такие конструкции характеризуются как выражающие законченность, полную исчерпанность действия; приводимые примеры практически всегда демонстрируют комплетивную интерпретацию. (Исключение составляют некоторые случаи типа каталанского прошедшего времени *anar + inf.* (< 'идти'), имеющего стандартные для европейских перфективных прошедших времен функции. Этот специфический случай рассмотрен в заключительной части раздела.)

Поскольку существование отдельной перфективной конструкции с каким-либо глаголом встречается в нашем материале достаточно редко (в основном для ИД-ТИ/УХОДИТЬ), обратимся к такому более распространенному явлению как "системы аналитических перфективаторов" (см. 2.11). Используемые в таких системах вспомогательные глаголы можно сопоставить, например, с перфективирующими приставками славянских языков: имеется несколько показателей, которые исходно, как правило, обладают пространственными значениями, причем следы этих исходных значений сохраняются, в результате чего те или иные конструкции передают особые оттенки значения (внезапность, полный охват множественного объекта и пр.). Перфективирующие вспомогательные глаголы, как и приставки, крайне избирательны в своей сочетаемости; в общем случае возможность сочетания произвольного смыслового глагола и конкретного вспомогательного, а также результирующий семантический "оттенок", не предсказуемы (см. обзор проблематики по приставочной перфективации в русском языке в [Кронгауз 1998: 55-98]). В этом смысле вспомогательные глаголы-перфективаторы, как и славянские приставки, по сути являются словообразовательным средством (нет причин не говорить об "аналитическом словообразовании"), используемым для выражения определенного грамматического противопоставления. (Ср. характеристику славянского перфектива как "грамматикализованной лексической категории" в [Dahl 1985: 89].)

В других языках с перфективом "славянского типа" используются показатели того же типа: так, в грузинском, литовском и венгерском перфективирующую функцию также имеют глагольные приставки; в чадском языке марги имеется несколько перфективирующих суффиксов, а в микронезийских языках кусаие, волеаи и др. в данной роли используются постпозитивные клитики с пространственным значением [Bybee, Dahl 1989: 87]. Показатели такого рода получили название "ограничителей" (*bounders*) в силу того, что они указывают на ограниченность ситуации пределом. Использование деривационных показателей для подчеркивания предельности типологически достаточно распространено; так, в английском языке с преимущественно лимитативным перфективом для указания на достижение предела часто используются постпозитивные адвербиальные частицы *up*, *down*, *out*, *off* и некоторые другие, см. подробнее [Brinton 1988: ch. 4] (ср. также рассуждения Л. Теньера об использовании пространственных приставок типа *ver-* или *aus-* в немецком языке для указания на достижение предела действия [Теньер 1988: 91, 321-322]).

Из не отмечавшихся в литературе случаев отметим также языки ареала Амазонии, в которых распространены направительные показатели (и восходят они к глаголам движения), для которых характерна связь с перфективностью: так, в языке ягуа суффиксы с первичными значениями типа 'действие осуществляется по прибытии на место', 'действие осуществляется при уходе из данного места' и пр. обладают "перфективными оттенками значения" и часто не сочетаются с имперфективными суффиксами; в языке ашанинка бывшие направительные суффиксы в настоящее время фактически приобрели аспектуальное значение и выражают достижение заключительной стадии в развитии ситуации [Payne 1990: 223-224, 226]. Более подробные сведения о подобных системах, однако, отсутствуют или недоступны.

Конструкции с вспомогательными глаголами-перфективаторами, рассмотренные нами, демонстрируют, как и многие показатели перфектива “славянского типа” (кроме прежде всего русского), слабую степень грамматикализации; однако встречаются и случаи явного продвижения в сторону большей грамматикализованности. Так, П. Хук на основе анализа корпуса текстов в хинди и маратхи, отмечает, что если в маратхи использованы 14 вспомогательных глаголов-перфективаторов (в среднем одна конструкция на 32 предложения), на пять самых частотных из них приходится 82% употреблений, а на самый частотный (ИДТИ/УХОДИТЬ) 32% употреблений, то в хинди использовано 10 глаголов (в среднем одна конструкция на 8 предложений), на пять самых частотных приходится 92% употреблений, а на ИДТИ/УХОДИТЬ 44% употреблений. В хинди использование перфективных конструкций более регулярно и частотно, а также приближается к обязательному в соответствующих контекстах [Hook 1991: 74-75, 78-79]. Тем самым, перфективные конструкции в хинди гораздо ближе к прототипическим словоизменительным показателям.

По нашему мнению, на такое интересное явление, как “системы аналитических перфективов” (и в какой-то степени на перфектив славянского типа в принципе) возможен и другой взгляд. Дело в том, что (в отличие, например, от русского языка) аналитические показатели перфектива далеко не всегда являются невозможными в имперфективных контекстах. Так, в примерах из хинди ниже конструкции с глаголами-перфективаторами используется в настоящем времени:

(4.6) хинди [Дымшиц 1986б: 129-130]

- а. *šarbat kuḍ nahī pī le-te?*
 шербет почему не пить.CONV **брать-PART**
Почему не пьешь (= “нья берешь”) шербет?
- б. *...kāṭe uṭh ā-te hāi.*
 волосы вставать.CONV **уходить-PART** есть.3PL
(Как только я вижу это, у меня) волосы становятся дыбом (= “вставая уходят”)
- в. *rah-rah-kaṅ māi sihar uṭh-ṭī hū.*
 оставаться-оставаться.CONV я дрожать **вставать-PART** есть.1SG
Время от времени я вздрагиваю (= “дрожа встаю”).

Аналогично, в примерах из татарского перфективные конструкции демонстрируются как в форме прошедшего, так и в форме настоящего времени (4.7а-б), а также в имперфективном прошедшем (4.7в):

(4.7) татарский, мишарский дт. (♣)

- а. *marat kʰr-nʰ ser-er čʰk-tʰ || čʰg-ä.*
 Марат поле-ACC пахать-CONV **выходить-PST** **выходить-PRS**
Марат поле (до конца) вспахал || допахивает (чуть-чуть осталось).
- б. *marat jʰkla-p kit-te || kit-ä.*
 Марат спать-CONV **уходить-PST** **уходить-PRS**
Марат заснул || засыпает (вот-вот заснет).
- в. *marat gel jʰkla-p kit-ä ide.*
 Марат всегда спать-CONV **уходить-PRS** был
(В детстве в это время дня) Марат всегда засыпал.

Указание на наличие предела во всех случаях, впрочем, сохраняется: при этом, в (4.6а) и (4.7а-б) речь идет об актуальном движении к достижению предела (‘в момент речи ситуация приближается к естественному результату’), а в (4.6б-в) и (4.7в) о неод-

нократном, повторяющемся достижении предела (в период времени, включающий и момент речи, или целиком относящийся к прошлому).

К сожалению, нам неизвестно, насколько аналогично положение дел в других изученных нами языках, но по крайней мере по поводу языков, в которых использование глаголов-перфективаторов не исключает и имперфективное рассмотрение ситуации, мы высказываем следующее предположение. Функция “перфективаторов” заключается не столько в маркировании определенного аспектуального значения, сколько в маркировании акционального типа глагола. Иначе говоря, роль вспомогательных глаголов состоит в изменении семантического типа глагола — в превращении его в предельный (своего рода “телисизация”, ср. англ. *telicity* ‘предельность’). На то, достигнут предел или не достигнут, указывает более широкий контекст или непосредственное грамматическое маркирование; но сами вспомогательные глаголы (и другие “ограничители”) указывают именно на то, что такой предел в структуре ситуации имеется. Этим “ограничители”, и отличаются от собственно аспектуальных показателей. (Ср. аналогичную трактовку аффиксальных “ограничителей” как показателей “трансформативности” (т.е. предельности) у Л. Юхансона, который отмечает, что лишь в славянских языках можно говорить о сдвиге таких акциональных модификаторов к собственно аспектуальным [Johanson 2000: 68-69, 135-142].)

Не удивительно в связи с этим, что в качестве вспомогательных глаголов (которые правильнее назвать “телисизаторами”) используются прежде всего лексемы со значением изменения состояния, в т.ч. предельные глаголы движения⁴⁹: условно говоря, каков бы ни был исходный акциональный класс смыслового глагола, он переводится в предельный при помощи предельного глагола-модификатора. Сходное утверждение, правда без комментариев, делается для китайского языка в работе [Li 1994: 352], где говорится, что при образовании результирующих глаголов непредельные глаголы (класс *activity* по З. Вендлеру), сочетаясь с пунктивным глаголом-модификатором (класс *achievement*), дает в результате сложный глагол, относящийся к предельным (класс *accomplishment*). Векторные глаголы в хинди характеризуются в [Agha 1994: 23] как {-durative; +punctate} (в частности, они не могут сочетаться с обстоятельствами типа “в течение (какого-либо времени)”). Интересно, что Л. Бринтон также отмечает, что английские постпозитивные частицы переводят глагол в класс *accomplishment* [Brinton 1988: 171 et pass.].

Противопоставление совершенного и несовершенного видов в славянских языках является в некотором смысле лишь более далеко продвинувшейся грамматикализацией аналогичного противопоставления. На определенном этапе развития славянских языков противопоставления по итеративности/ неитеративности (итеративность маркировалась суффиксально) и предельности/ непредельности (предельность маркировалась при помощи приставок) были независимы, так что, например, приставочный предельный (но не итеративный) глагол мог обозначать и достижение предела развития, и развитие процесса в направлении достижения этого предела. Ср. хрестоматийный пример *речьки ради яже втечеть въ двину именемъ полота* (XIV в.), где для обозначения ситуации в настоящем (‘река втекает в Двину’) используется приставочный и не имперфективированный глагол (в более поздних списках заменявшийся переписчиками на бесприставочный *течеть*) [Кузнецов 1953: 225]. Лишь впоследствии выражение достижения предела стало возможным только при помощи бывших предельных глаголов (теперь глаголов СВ), а выражение развития процесса только при помощи бывших итеративных глаголов (теперь глаголов НСВ), см. подробнее [Маслов 1984: 102-110]. Сама по себе приставочная перфективация, тем самым, лишь создала предпосылки для развития такого противопоставления, в целом же приставка “только вносит или подчеркивает значение

⁴⁹ Движение и изменение как концептуальные области очень близки; как отмечает Р. Лангакер, вводя термин “абстрактное движение”, его определение столь общо, что и любое изменение подходит под него [Langacker 1986: 463]; см. также [Radden 1997].

предельности” [Маслов 1984: 17]. Интересно, что в готском языке предельность также могла подчеркиваться при помощи приставки *ga-*: приставочные глаголы, как и славянские в раннюю эпоху, могли обозначать и развитие процесса в направлении достижения предела развития, и само достижение этого предела; дальнейшего развития противопоставление предельных и непредельных глаголов, однако, не получило [Маслов 1984: 209-224].

Фактически мы имеем дело с одним и тем же явлением на разных стадиях развития: если в английском языке “ограничители” используются редко и только для подчеркивания предельности ситуации, то в системах “аналитических перфективаторов” (а также в некоторых системах “славянского типа”) показатели телисизации используются почти всегда, если речь идет о предельном процессе; в таких же языках, как русский, телисизация перешла уже на уровень аспектуальности (превратившись в перфективацию как таковую) и приставочные глаголы с имперфективными контекстами более не совместимы.⁵⁰ Впрочем, не исключено, что “ограничители” являются в принципе показателями, которым никогда не суждено грамматикализироваться “до конца”: так, хотя русский язык всегда приводится в качестве примера наиболее сильно грамматикализованного перфектива славянского типа, даже для него верно, что противопоставление совершенного/ несовершенного видов все еще относится во многом к области акциональности (на примере сочетаемости с разными типами наречий это показано в недавней работе [Bertinetto, Delfitto 2000]). В русском языке до сих пор имеются контексты, в которых форма презенса СВ не имеет значения будущего времени, а фактически обозначает ситуацию в настоящем — ср. примеры типа *Вечно он все перепутает; Тебя не переспоришь; Не пойму, чего вы хотите; Почему ты не позвонишь ему? Он все никак не успокоится* и т.п. (см. подробный обзор в [Караванов 1997]), в т.ч. так наз. “наглядно-примерное” значение СВ, в примерах типа *Он как вернется с прогулки* (= ‘всегда, как возвращается...’), *сразу открывает окно*, при обозначении обычного, повторяющегося действия [Маслов 1984: 80-81; Зализняк, Шмелев 2000: 19].

Таким образом, как и в случае с некоторыми имперфективными конструкциями (см. выше), справедлив вывод о том, что исходной функцией перфективных конструкций является акциональная модификация (на этот раз “предельного”, или “телисизирующего” типа), а общая линия развития может быть представлена как “АКЦИОНАЛЬНОСТЬ > ВИД” (в случае с перфективностью даже “СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ > АКЦИОНАЛЬНОСТЬ > ВИД”). Если учесть, что временные значения часто появляются в процессе “темпорализации” аспектуальных (см. 4.1.1.1.1), то общую линию грамматикализации видо-временных значений можно представить как “АКЦИОНАЛЬНОСТЬ > ВИД > ВРЕМЯ”. (Ср. обсуждение некоторых подобных случаев в [Johanson 2000: 30, 34, 40-42 и др.])

В заключение остановимся на вопросе о **семантической мотивированности** использования глаголов движения и позиции в качестве перфективаторов (“телисизаторов”). Представляется, что характерная для перфективных систем славянского типа связь со словообразованием вполне понятна: разные ситуации очень сильно различаются с точки зрения того, имеется ли у них естественный предел развития, и если да, то какой. Поэтому для указания на результат действия используется целый набор показателей, выбор которых в высшей степени идиосинкратичен и зависит прежде всего от семанти-

⁵⁰ Речь идет только о русских глаголах совершенного вида (“вторичные имперфективы” типа *прочитывать* (< *прочитать*), конечно, тоже содержат приставку, но это уже другие глагольные лексемы).

ки смыслового глагола; это выбор на уровне конкретной глагольной лексемы или небольшого класса лексем.⁵¹

Телисизирующие показатели “классифицируют” глаголы с точки зрения того, каковы пространственные (или иные) характеристики результата действия, обозначенного данным глаголом. Для славянских языков гипотеза о связи между перфективирующей приставкой и значением смыслового глагола была сформулирована еще в середине XX века (так называемая “гипотеза К. Схонефельда”, или М. Вея — К. Схонефельда): имеется в виду, что, например, совершенный вид для русского *писать* выражается при помощи приставки *на-* (*написать письмо*), поскольку результат писания находится на верхней поверхности — например, листе бумаги; совершенный вид для *делать* выражается при помощи *с-* (*сделать*), т.к. в результате действия происходит концентрация нескольких объектов в одной точке — например, их соединение; и т.п.

Для вспомогательных глаголов связь между смысловым глаголом и вспомогательным часто еще более прозрачна, ср. хакасское *ыл nap-* ‘умереть’, мулам *taaj1 paaj1* ‘умереть’ или тамильское *irantu pō-* ‘умереть’, где во всех случаях используется перфективатор ИДТИ/УХОДИТЬ (‘умереть’ как “умерев уйти”, ср. русское *yūmu* *из жизни*).⁵² Существуют и идиоматичные случаи, ср. китайское *zhù shàng* ‘прожить’ с ПОДНИМАТЬСЯ или *fān xià* ‘совершить’ с СПУСКАТЬСЯ и пр. примеры в 2.11. Вообще же, одна и та же внеязыковая ситуация может мыслиться в разных языках как достаточно схожим образом, так и очень различно: ср. пример с ‘умереть’ выше или хакасское *тынаньп ал-* ‘отдохнуть’ и хинди *sustā lenā* ‘отдохнуть’, где в обоих случаях используется перфективатор БРАТЬ (оттенок совершения действия в собственных интересах); с другой стороны, ср. китайское *чу-шан* ‘съесть’ с ПОДНИМАТЬСЯ (как англ. *eat up*) и лао *kin2 long2* ‘съесть’ с СПУСКАТЬСЯ (как русск. *съ-есть*).

Отметим, что “классифицирующий” характер вспомогательных глаголов-перфективаторов отчасти напоминает использование именных классификаторов. В языках с классификаторами они также представляют собой особую, обычно немногочисленную группу служебных слов, каждое из которых сочетается с определенным классом существительных. Интересно, что одно существительное иногда может сочетаться и более чем с одним классификатором, в этом случае классификатор уточняет одну из возможных интерпретаций (ср. слово “деньги” как ‘монета’ с классификатором для круглых предметов, ‘кучка денег’ с классификатором для совокупностей, как ‘купюра’ с классификатором для плоских объектов и пр. [Allan 1977: 287]). Ср. с этим использование одного глагола с разными перфективаторами при передаче различных оттенков значения (которые связаны с разными типами достижения результата), см. примеры в 2.11. Как и средства перфективации, средства именной классифика-

⁵¹ Интересно, что в языках мира, по-видимому, не засвидетельствовано аналогичных “систем имперфективации”, т.е. наличия нескольких имперфективирующих показателей, которые были бы распределены по классам глаголов (на это обстоятельство наше внимание обратил А. Б. Шлуинский). Это говорит о том, что если для естественного языка важны различия в характере результата различного типа действий, то различия в типе протекания ситуации не столь существенны и необходимости в различном маркировании “срединной фазы” для разных ситуаций (глаголов) не возникает.

⁵² ИДТИ/УХОДИТЬ в роли модификатора достаточно часто сочетается с такими глаголами, как ‘умирать’, ‘засыпать’, ‘забывать’, ‘теряться’, глаголами уничтожения и разрушения типа ‘разрушать’, ‘ломать’, ‘портиться’ и т.п.; с ним также часто связан оттенок неожиданности действия или его неодобрения со стороны говорящего (см. 2.2.3, 2.11). Как представляется, основанием для такого использования является именно идея удаления от дейктического центра, которая переосмысливается как указание на “уход” от некоторого “нормального” положения дел (см. также 2.2.11.4, 2.11.1.5).

ции в языках мира представляют собой континуум грамматикализации, идущий в данном случае от счетных слов (часто большого инвентаря автономных служебных единиц) до модификаторов рода/согласовательного класса (обычно небольшого набора морфологизированных показателей), ср. [Craig 1992: 291-294].

Функция перфективаторов состоит, конечно, не столько в указании на сам по себе тип ситуации (как указание на тип объекта для именных классификаторов), сколько в указании на наличие у нее результата определенного типа. Более нейтральная, не связанная с аспектуальностью “глагольная классификация” представлена в языках мира значительно реже; см. ниже 4.1.5.

В целом, релевантные для естественного языка параметры классификации типов результатов действия (на материале сочетаемости глаголов с “ограничителями”) в настоящее время не исследованы, и это еще предстоит сделать. Но очевидно, что в первую очередь эти параметры связаны с пространственными характеристиками ситуации (часто метафоризованными), в связи с чем глаголы движения как средства пространственной ориентации играют в классификации ситуаций наиболее важную роль.

Как уже отмечалось в 2.2.3, особняком стоят перфективные конструкции некоторых романских языков: по форме они являются скорее проспективными, между тем как по значению они синонимичны перфективному прошедшему времени (причем это не перфектив “славянского типа”, а классический перфектив “целостного рассмотрения ситуации”). Эта конструкция — *vado* (‘идти, уходить’, наст. время) + *inf.* — существовала в XIII-XVI веках в провансальском и французском языках (и в меньшей степени в гасконском), а в каталанском и сейчас являющаяся эквивалентной синтетической форме перфективного прошедшего. Ее происхождение не связано с механизмом акциональной модификации, а имеет особую дикурсивную мотивацию, как показано в [Colon 1975: 48-52]. Данная конструкция часто использовалась в нарративном повествовании (в других жанрах она практически отсутствует) в качестве особого нарративного средства “оживления действия”, “вовлечения слушающего/читающего”, “внесения оттенка неожиданности” — т.е. как еще более “усиленная” дикурсивная стратегия по сравнению с “настоящим историческим”, которому самому по себе обычно свойственная функция “вовлечения адресата” и некоторый “элемент экспрессии” (см., например, обсуждение в [Падучева 1996: 287-292]); именно поэтому глагол ИДТИ чаще всего употреблялся в этой функции в настоящем времени⁵³.

Интересно, что именно в самом конце XV века независимо появляется структурно эквивалентная конструкция с проспективным значением (распространившаяся значительно позже, а ныне активно употребляемая практически во всех романских языках). По мнению Г. Колона, основной причиной исчезновения перфективной конструкции явилась попытка грамматистов (начиная с XV века) “изгнать” перифрастические формы из литературного языка (и в особенности перфективную форму, которая стала совпадать с “ближайшим будущим”); при этом каталанская литература как раз в этот период переживала упадок, и языку ничто не помешало сохранить утвердившуюся в разговорной речи форму до настоящего времени [Colon 1975: 59].

4.1.2.3. Фазовые значения

Из трех основных фазовых значений (‘ситуация началась’, ‘ситуация продолжается’, ‘ситуация прекратилась’) чаще всего в нашем материале встречается первое, т.е.

⁵³ Тем самым, данное явление имеет непосредственные параллели и со стратегией использования глаголов движения при обозначении следования во времени (см. 4.1.1.4).

инхоатив. Континуатив обычно отмечается как одна из интерпретаций имперфективных конструкций (4.1.2.1), однако в качестве специальных континуативных форм отмечаются конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ, ПОДНИМАТЬСЯ и СПУСКАТЬСЯ. Терминативное фазовое значение типологически вообще получает специальное грамматическое значение крайне редко, поскольку обычно неотлично от комплетивной интерпретации перфектива; нам чисто терминативные показатели также не встретились.

Что касается **инхоатива**, то здесь в первую очередь поражает разнообразие средств его выражения — даже если принимать во внимание только конструкции с глаголами движения и позиции, а не все типологически возможные случаи. (Разнообразны средства выражения инхоативности и в русском языке: они подробно характеризуются, например, в [Храковский 1987: 157 и сл.], к ним относятся несколько приставок (*за-*, *по-*, *вз-*, *воз-*, *раз-*) и порядка десяти фазовых глаголов.) Инхоативное значение, по нашим данным, выражается при помощи конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ, ПРИХОДИТЬ, ВХОДИТЬ, ВЫХОДИТЬ, ПОДНИМАТЬСЯ, ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ, СТОЯТЬ и СИДЕТЬ. Инхоатив может также выступать в качестве одной из интерпретаций перфектива, см. 4.1.2.2 (данная ситуация типологически стандартна: см. [Недялков 1987: 183; Плунгян 2000а: 301]).

Помимо собственно инхоатива, маркирующего начало ситуации вообще (и, в частности, начало процесса), нам встретилось также использование глаголов движения и позиции для выражения такой его разновидности, как *т р а н с ф о р м а т и в* — указание на начало состояния или приобретение свойства ('стать каким-либо').

Термин "инхоатив" является наиболее распространенным в русской традиции; такие обозначения, как "инцептив" или "ингрессив", обычно выступают в качестве синонимов [Мельчук 1998: 137], однако есть и попытки придать им более строгое толкование. Ср. у В. П. Недялкова: "инхоатив" как обозначение начала стативной ситуации (*заснуть, сесть*), "ингрессив" как обозначение начала неопредельного процесса (*заплакать, побежать*), "инцептив" как обозначение начала предельного процесса (*начать засыпать*) [Недялков 1987: 189 и сл.]. Терминами "инцептив" и "ингрессив" мы в данной работе не пользуемся.

Представляется, что развитие инхоативного значения происходит в первую очередь за счет переосмысления исходной структуры со значением '(резкое) изменение состояния с целью совершения действия'. Данная структура, конечно, не специфична для глаголов движения и позиции (она, по нашему мнению, реализуется и в таких инхоативных сочетаниях, как *броситься / пуститься + инф.* и т.п. в русском языке). Для глаголов движения и позиции она имеет более частный вид 'переместиться/ занять позицию с целью совершения действия'.

Так, конструкция с ИДТИ/УХОДИТЬ исходно интерпретируется как начало движения (от дейктического центра) с целью совершить некоторое действие; часто эта конструкция включает инфинитив смыслового глагола (2.2.4). Ср. в связи с этим русскую конструкцию *пойти + инф.* 'интенсивно начать совершать действие' (в предложениях типа *Он как поидет рассказывать — не остановишь; Пошла писать губерния!* и пр.): хотя данная конструкция и не является стилистически нейтральной, мы имеем дело с бесспорным случаем грамматикализации данного глагола. (Данный случай разбирается также в [Храковский 1987: 169-170].)

Нельзя не отметить близость исходной конструкции 'пойти с целью Р' и 'идти с целью Р', лежащей в основе показателей будущего времени (2.2.1). Интересно, что в испанском и португальском языках конструкция *ir (a) inf.*, выражающая проспективность при употреблении глагола в настоящем времени или имперфекте, обозначает начало ситуации, если вспомога-

тельный глагол стоит в перфективном прошедшем времени или в плюсквамперфекте [Левинтова, Вольф 1964: 92; Вольф, Никонов 1965: 103; Никонов 1981: 159], ср.:

(4.8) а. португальский [Вольф, Никонов 1965: 103]

Ele **foi** morar lб.

Он поселился (= “пошел жить”) там.

б. испанский [Левинтова, Вольф 1964: 92]

Fue a preguntar.

Он начал спрашивать (= “пошел спрашивать”).

По мнению В. П. Неद्याлкова, в таких случаях проявляется типологическая связь между “намеренностью” и “начинательностью”: существуют языки, в которых один и тот же суффикс в разных контекстах (или с разными глаголами) имеет то одно, то другое значение [Неद्याлков 1987: 182]; ср. также в нашем материале кечуа и некоторые языки банту (2.2.4). Представляется, что объясняется этот факт достаточно просто: если при употреблении в имперфективных формах конструкция имеет значение постепенного приближения к некоторой ситуации (‘идёт (к) делать’, т.е. имеет место “подготовительный процесс”), то при использовании перфективной формы типа *foi* ‘пошёл’ обозначается уже непосредственно изменение состояния, и ситуация ‘пошел делать’ интерпретируется так же, как в русском (‘начал делать’).

Для конструкций с ПРИХОДИТЬ и ВХОДИТЬ появление инхоативного значения поддерживается еще и тем фактом, что эти конструкции обозначают в первую очередь достижение конечного пункта движения: ‘прийти к (ситуации)’, ‘войти в (ситуацию)’. Поскольку ситуации часто осмысляются как местоположения или вместилища [Лакофф, Джонсон 1990: 413-415], вхождение в новое состояние, достижение его осмыляется как прибытие в новое местоположение. В этом смысле показательно употребление русского глагола *входить* в конструкциях типа *входить в азарт*, *входить в переговоры*, *входить в привычку* и пр., а также *приходить* в примерах типа *пришел в восторг* (≈ ‘начал восторгаться’) [Неद्याлков 1987: 181].

Аналогично объясняется и использование ПРИХОДИТЬ для выражения весьма своеобразного значения ‘в конце концов настало положение дел Р’ (< “участник пришел к ситуации Р”). Это значение близко к фазовым, однако имеет более сложную структуру: в рассмотрение вводится наступление нового состояния, однако при этом сам этот “переломный момент” начала состояния является заключительным в ряду цепочки предшествующих событий. (В. А. Плуноян относит такие “составные” значения, как ‘начать с того, что’ и ‘закончить тем, что’ к области “внешней фазы”, в которой имеет место “кумуляция фазового компонента с таксисным” [Плуноян 2000: 308].)

В этой связи интересна полисемия инхоативного (или “внешне-фазового” инхоативного) и проспективного значений у конструкций с ПРИХОДИТЬ в ряде языков (см. 2.3.4, а также 4.1.1.1): эти два значения могут выступать как “две стороны одной медали” так же, как и в случае с конструкцией с ИДТИ/УХОДИТЬ, о которой шла речь выше. Распределение этих двух значений таково же, как и у конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ: проспективность выражается в имперфективных контекстах (т.е. контекстах, фокусирующих постепенное приближение к конечной точке), инхоативность — в перфективных (т.е. контекстах, фокусирующих достижение нового местоположения).

Использование (с трансформативным значением) конструкции с ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ, исходно обозначающей перемещение к цели, относится к тому же типу случаев.

Для ПОДНИМАТЬСЯ приобретение инхоативного значения является основным путем грамматикализации (2.7.1). Помимо сказанного выше об исходной структуре ‘переместиться с целью совершения действия’, отметим еще и такое типологическое обстоятельство, как связь показателей инхоатива с обозначением движения вверх: ср. рус-

ские глаголы с приставками *вз-/воз-* с инхоативным значением *вз-выть*, *вос-пылать*, *воз-ненавидеть* (или нечленимое синхронно *воз-никнуть*) и аналогичные случаи в других языках [Недялков 1987: 182; Храковский 1987: 160-161], а также случаи использования в русском глагола *подниматься* для обозначения возникновения ситуации в сочетаниях типа *поднялся шум*, *поднялась буря*, *поднялось волнение*. Не исключено, что эти факты служат указанием на существование особой метафоры⁵⁴ ДВИЖЕНИЕ ВВЕРХ ЭТО НАЧАЛО (тогда движение вниз — завершение?): она может быть связана, например, с тем, что зарождение многих ситуаций сопровождается перемещением ее субъекта или объекта вверх, от “земли” как основной естественной опоры (ср. *огонь вс-пыхнул* ≈ “огни пламени взметнулись вверх”, *поднялся ветер* ≈ “возникнув у нижней точки опоры, распространился вверх и охватил окружающее пространство” и пр.).

Конструкции с СИДЕТЬ и СТОЯТЬ, насколько позволяют судить представленные в 3.4.2.1, 3.5.2.2 данные, исходно обозначают ‘занять определенную позицию для совершения действия (сесть/встать)’, что поддерживает наше исходное предположение.

Наличие случаев выражения при помощи ИДТИ/УХОДИТЬ чисто трансформативного значения (типа англ. *go mad* ‘обезуметь’, букв. “уйти безумным”) может свидетельствовать, однако, и о возможности другого пути осмысления исходного пространственного значения. В этой же связи можно упомянуть инхоативные конструкции с ВЫХОДИТЬ в алтайских языках, которые восходят явно не к целевой структуре, а к структуре типа “сделав/делая, выйти”. Видимо, в таких случаях речь идет об исходном значении удаления при совершении сопутствующего действия (или об уходе в некотором состоянии); целевой же компонент отсутствует. Тем самым, и само по себе удаление “со сцены” при совершении действия (или нахождении в состоянии) может также осмысляться как начало этого действия/состояния.

О специфическом значении кунктатива (‘ситуация еще не осуществилась’), иногда также относимом к фазовым, см. ниже 4.1.3.3.

4.1.2.4. Множественность ситуаций

Категория глагольной множественности, или “количественная” аспектуальность, характеризует ситуацию с точки зрения ее повторяемости. В качестве средств выражения значений из этой области используются лишь некоторые конструкции с глаголами движения.

Основным путем грамматикализации ВОЗВРАЩАТЬСЯ и одним из путей для ПРИХОДИТЬ является превращение в показатель **рефактива**, т.е. единичного повторения ситуации ‘Р еще раз, снова’ (2.10.1, 2.3.11.1). В обоих случаях для осмысления повторяющейся ситуации используется идея возврата, движения назад к исходному пункту (ср. также частую полисемию ‘возвращаться’ и ‘поворачиваться’). Итогом ситуации возвращения является нахождение субъекта в том же месте, которое он до этого покинул: возвращаясь, он снова занимает ту же точку пространства. Повторное воспроизведение ситуации может мыслиться как буквальное воспроизведение одной и той же ситуации во второй раз, хотя, впрочем, в большей части случаев имеется в виду не абсолютная идентичность исходной и повторяющейся ситуаций, а возобновление ситуации того же типа с отличиями по некоторым параметрам (см. 2.10.1).⁵⁵

⁵⁴ Некоторые метафоры, связанные с противопоставлением верха и низа, обсуждаются в [Лакофф, Джонсон 1990: 398 и сл.], однако об идее начала речь не идет.

⁵⁵ Отметим, что связь показателей “движения обратно” с рефактивом является типологически достаточно распространенным явлением: о совмещении данных значений можно говорить, например, в случае с латинской приставкой *re(d)-*. Как отмечается в [Sweetser 1988: 398-399],

Использование удвоенных конструкций с парами глаголов движения (ПРИХОДИТЬ ~ УХОДИТЬ, ВХОДИТЬ ~ ВЫХОДИТЬ) для выражения таких значений, как альтернатив или итератив (2.12.1), имеет вполне прозрачную мотивацию. Такие конструкции включают в свой состав два глагола движения, т.е. исходно обозначают пару ситуаций (дейктически разнонаправленных). Множественное, повторяющееся действие представляется в данном случае через движение в пространстве в разные стороны. В случае сохранения пространственной интерпретации мы имеем дело с обозначением ситуации, повторяющейся многократно при разнонаправленном движении актантов (альтернатив); при непространственной интерпретации речь идет просто о повторяющейся многократно ситуации (итератив) или о ситуации, продолжающейся долгое время (интенсив), см. также ниже.

Отметим, что близость к области глагольной множественности проявляет такое значение, как хабитуалис (ср. “узитатив” в работе [Храковский (ред.) 1989: 49-50], однако он представляется более сложным и исключительно с повторяемостью не связанным (см. 4.1.2.1).

4.1.2.5. Интенсивность

В качестве итоговых отмечаются некоторые значения, связанные с интенсивностью, или “степенью проявления” ситуации: так, конструкции с ВЫХОДИТЬ иногда указывают на быстрое осуществление действия (2.6.2.5), конструкции с СПУСКАТЬСЯ имеют интенсивное или аттенуативное (а также иногда континуативное) значение (2.8.1). Вообще, подобные оттенки значений (а также такие, как “внезапность”, “тщательность/небрежность” и др.) часто сопутствуют показателям с комплетивным значением на ранних стадиях грамматикализации (см. 2.2.3 и др., а также [Bybee et al. 1994: 57 et pass.]). Названные нами конструкции, однако, комплетивное значение, судя по описаниям, не выражают. Они являются крайне маргинальными и факторы, определяющие конкретное значение конструкции в зависимости от смыслового глагола (например, для СПУСКАТЬСЯ) неизвестны.

4.1.3. Модальные значения

Модальные значения в качестве итоговых значений грамматикализации глаголов движения и позиции встречаются реже, нежели темпоральные и аспектуальные, однако они представляют собой особый интерес ввиду того нетривиального переосмысления исходного пространственного значения конструкций, которое имеет в данном случае место.

Область модальности определить сложнее, нежели темпоральную или аспектуальную область: исследователи типологии модальности практически единодушны в том, что единого “понятийного центра” у модальных значений нет и что определить, что относится к модальности, можно главным образом на основе изучения диахронических взаимосвязей между множеством весьма разнородных типов значений (ср. обсуждение классификации “модальностей” в [Бондарко (ред.) 1990: 59 и сл.; Плуноян 2000а: 308-309; Palmer 1986; Bybee et al. 1994: 176-177]). Мы рассмотрим три основных типа модальных значений, а также некоторые более частные значения; выделение именно таких типов отчасти продиктовано тем, как представлена модальность в нашем материале. Первый тип — модальность, ориентированная на субъекта (в терминологии

англ. *again* ‘опять, снова’ прошло похожую эволюцию от ‘напротив’ (ср. *against*) через ‘в ответ’ и далее к ‘обратно’ и ‘опять’.

Дж. Байби, *agent-oriented modality*): это характеристика внешних и внутренних условий, налагаемых на субъекта действия, в терминах возможности и необходимости совершения этого действия. Вторым типом является эпистемическая модальность: это оценка говорящим истинности пропозиции с точки зрения вероятности осуществления выраженной в ней ситуации. Наконец, иллокутивная модальность (в терминологии Дж. Байби, *speaker-oriented modality*) выражается в высказываниях, имеющих функцию побуждения адресата (или, через адресата, другого лица) к совершению действия.

Императивные значения как типичные представители иллокутивной модальности рассмотрены в первую очередь (4.1.3.1) ввиду их высокого удельного веса среди результатов грамматикализации глаголов движения. Модальность, ориентированная на субъекта, и эпистемическая модальность рассмотрены в 4.1.3.2 вместе, поскольку встретившиеся нам показатели часто выражают оба типа значений. В 4.1.3.3 рассмотрено значение желания (дезидеративность) и некоторые другие значения из модальной области.

4.1.3.1. Императивные значения

Использование основных глаголов движения ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ в конструкциях с императивным значением является чрезвычайно частотным и относится к основным путям грамматикализации этих глаголов. Интересно, что чаще, чем в роли собственно показателей императива в узком смысле (т.е. повеления, обращенного к слушающему), эти глаголы функционируют как средства выражения гортатива, т.е. призыва к совместному осуществлению действия ('давай Р!'). Нам неизвестны типологические данные по диахроническим источникам гортатива, но очевидно, что конструкции с глаголами движения являются одним из основных таких источников.

Роль глаголов движения как источников императивных и гортативных показателей можно сравнить с их ролью как источников показателей будущего времени (4.1.1.1). Отметим в связи с этим, что исходные конструкции для императивных показателей и показателей будущего времени часто близки (указывается на движение к цели). В литературе указывалось, хотя и вне связи с глаголами движения, на то, что будущие времена иногда развиваются в императивы [Bybee et al. 1994: 210-211]. В нашем материале имеются примеры того, что для выражения гортатива в языке используются та же конструкция, что и для выражения будущего времени (в романских языках или в языке рама); однако для большинства случаев такая непосредственная взаимосвязь отсутствует.

В качестве более редких путей развития отметим также использование ХОДИТЬ при выражении императива и прохибитива (2.4.2.2), ПОДНИМАТЬСЯ и СПУСКАТЬСЯ также в императиве (2.7.2.4, 2.8.2.4), ВОЗВРАЩАТЬСЯ в прохибитиве (2.10.3.5), а также ВСТАВАТЬ и СИДЕТЬ в разных типах императивных конструкций (3.4.2.7, 3.5.2.3). Кроме того, ПЕРЕХОДИТЬ встречается в конструкции со значением оптатива — высказывания говорящего о собственном желании ('хоть бы имело место Р!'), см. 2.9.5.3.

Формы глаголов движения в императивных конструкциях в разных языках имеют различный статус: они могут как непосредственно маркировать гортатив (или, реже, императив), так и использоваться как факультативные императивные частицы; иногда возможны и оба типа использования.

В некоторых языках определенные формы глаголов движения (обычно императив или настоящее время) фактически функционируют уже как гортативные или императивные частицы (аналогично русскому *давай*, которое фактически включает в круг своих

употреблений все лица).⁵⁶ Так, “эмфатическое” использование ПРИХОДИТЬ в императивных высказываниях характерно для германских языков, ср. немецкое *komm* или английское *come, come on* ‘давай!’. Аналогично, во французском языке “дублирующие” формы императива глагола *aller* ‘идти’ могут использоваться при императивных формах в разных лицах, ср. *Va, n'exagure pas* ‘Ну уж, не преувеличивай!’, *Allez, videz votre sac* ‘Давайте же, выкладывайте все!’, *Allons! Ne reste pas dans sa tkte* ‘Ну же! Не замыкайтесь в себе’ [Храковский (ред.) 1992: 207]. (Ср. также франц. *vas-у* ‘давай!’, букв. “иди туда”).

В русских диалектах встречается интересное использование глагола *пойти* в императивных конструкциях: так, форма прошедшего времени используется при форме императива смыслового глагола как своеобразная частица побуждения, ср. *мам, пошел неси снопок!* (эта частица аналогична *нехай* в контексте повеления к 3-му лицу) [Мещерский (ред.) 1972: 215]. Кроме того, в качестве средства выражения “самопобуждения” используется безличная конструкция с *пойти* (реже другими глаголами движения) и инфинитивом, ср. *пойти поглядеть (кур)*; *пойти коня спутать*; *Яшку сбегать спросить* и пр., а также явно избыточное семантически *пойтишь сходить домой*, в котором “лексическое значение глагола движения ослаблено”; по словам В. И. Трубинского, глагол движения в таких сочетаниях “является... основным носителем модального значения самопобуждения, намерения совершить действие (обычно с оттенком большей или меньшей нерешительности)” [Мещерский (ред.) 1972: 232].

Использование глаголов движения, прежде всего ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ, для маркирования разных типов императивных значений представляется вполне мотивированным. Обратим внимание, что исходно такие конструкции указывают на движение к цели (ср. целевой инфинитив в иберо-романских языках; о связи показателя *bang* в рама с обозначением цели см. 4.1.4.3 ниже): действительно, то новое действие, просьбу об осуществлении которого представляет собой императив/гортатив, и является целью, которая ставится перед исполнителем (адресатом, говорящим и адресатом вместе, или третьим лицом). “Прототипическая” императивная ситуация предусматривает переход к новой ситуации, и этот переход представляется через пространственное перемещение к некоторой новой цели (ср. также [Craig 1991: 490]).

Императив, тем самым, по сути ориентирован на будущее: ситуация, о которой говорится в высказывании, должна иметь место после момента речи; так что общность в выражении императива и будущего времени далеко не случайна (ср. также рассуждения о “презентно-футуральной перспективе” императива в [Храковский (ред.) 1992: 32]).

Другую мотивацию имеет использование СИДЕТЬ в прохибитивных конструкциях (в австралийских языках): здесь СИДЕТЬ указывает на положение дел, которое надо сохранить вместо того, чтобы осуществить другое действия (‘не Р, сиди!’), см. 3.5.2.3.

4.1.3.2. *Возможность и необходимость*

Значения возможности и необходимости выражаются в основном при помощи конструкций с основными глаголами движения ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ (2.2.7, 2.3.5; единичные примеры должностовательного значения имеются также у ВЫХОДИТЬ и глаголов позиции, см. 2.6.2.3 и 3.5.2.6).

Конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ обычно выражают внутреннюю возможность субъекта (‘способен, в состоянии’), или, редко, необходимость (‘необходимо сделать’).

⁵⁶ Интересной типологической особенностью основных глаголов движения является также то, что именно у них часто имеется особая (часто супплетивная) форма императива или специальная, отсутствующая для других глаголов, гортативная форма (‘пойдем!’).

Конструкции с ПРИХОДИТЬ часто выражают внутреннюю возможность субъекта, внешнюю возможность ('можно, разрешено'), а также необходимость и долженствование ('должен, нужно, следует'); конструкции со значением возможности в ряде языков могут обозначать и эпистемическую возможность ('возможно, ситуация имеет место'). Как ИДТИ/УХОДИТЬ, так и ПРИХОДИТЬ (реже) встречаются в качестве показателей условного наклонения ('если бы Р, ...'), а также ирреальности ('Р не имеет места; могло бы быть Р, (если бы...)').

Типологически эволюция показателей возможности в эпистемические показатели и далее в показатели условного наклонения стандартна [Bybee et al. 1994: 195 et pass.]. Нередкая полисемия показателей возможности и необходимости также отмечалась в литературе, см. [Auwera, Plungian 1998: 100-104]. Приобретение модальных значений типологически характерно, помимо всего прочего, для форм будущего времени; в нашем материале также встретились случаи, когда формы со значением будущего времени описывались как показатели более общей категории "ирреалиса". Тем не менее, в большинстве случаев модальные конструкции с глаголами движения с будущим временем не связаны.

В основе использования конструкций с глаголами движения для выражения возможности, необходимости, ирреальности лежит довольно своеобразное переосмысление ситуации приближения и удаления в пространстве. Имеется несколько типов исходных конструкций. Так, речь может идти о движении субъекта к некоторой ситуации как к цели: используются, обычно при обозначении внутренней возможности, целевые конструкции с инфинитивом наподобие тех, что служат также источниками форм будущего времени (см. 4.1.1.1). Здесь приближение к ситуации рассматривается как способность к ее осуществлению: 'субъект приближается к ситуации Р' > 'субъект может, в состоянии (иногда также: должен, хочет) совершить Р'.

С другой стороны, конструкции со значением возможности и необходимости с ПРИХОДИТЬ иногда исходно обозначают движение самой ситуации к субъекту (часто в таком случае используется неизменяемая безличная форма глагола движения; ср. также русское *приходиться* (кому, что сделать)). В данном случае приближение ситуации рассматривается как ее вероятность/необходимость: 'к субъекту приближается ситуация Р' > 'Р может/должно быть осуществлено субъектом'. Можно предположить, что в языках, где ИДТИ/УХОДИТЬ используется как показатель ирреальных ситуаций, переосмыслению подвергается идея удаления от дейктического центра (т.е. в основе лежит уже другая конструкция, 'уходить от Р'): удаленная от дейктического центра ситуация рассматривается как отсутствующая в реальности и уже не возможная.

Тем самым, основной идеей, используемой при переосмыслении конструкций с глаголами движения как модальных показателей, представляется идея близости/удаленности от дейктического центра. Дейктический центр является в данном случае не столько пространственным или даже временным, сколько центром своеобразной "шкалы реальности". Приближение некоторой ситуации к этому центру расценивается как ее близость к реальной, т.е. как потенциальная возможность. Нахождение вдали от центра реальности говорит о том, что ситуация не только не имеет места, но и невозможна в принципе.

Одна и та же идея приближения/удаления используется, как мы видим, и в чисто темпоральном измерении (приближение к ситуации как ее скорое осуществление vs. удаление от ситуации, уже имевшей место, см. 4.1.1), так и в измерении по шкале реальности.

На аналогичное явление обратила в свое время внимание С. Флейшман, которая систематизировала случаи использования показателей временной близости/удаленности в широком

круге контекстов (для передачи модальных и эвиденциальных значений, степени ассертивности и субъективности говорящего, социального расстояния и пр.); так, прошедшее и будущее время, обозначающие ситуации, имеющие место не в момент речи, имеют тенденцию использоваться как показатели ирреальных наклонений, и т.п. По мнению исследовательницы, в таких случаях можно говорить о переходе от пространственной и временной близости/удаленности к более общим и абстрактным понятиям когнитивной близости/удаленности: связано это с тем, что “близким” (в самых различных измерениях) говорящий оценивает в первую очередь то, что близко ему в пространстве и времени, т.е. то, что имеет место “здесь и сейчас” [Fleischman 1989]. Как показывает наш материал, не меньшую роль при концептуализации различных абстрактных областей играет и идея приближения/удаления, а не только нахождения близко/далеко от дейктического центра.

4.1.3.3. Другие модальные значения

Прочие, более частные модальные значения встретились в качестве итоговых в нашем материале в единичных случаях, поэтому мы не будем их характеризовать здесь подробно.

Дезидеративное значение отмечается у конструкций с ПРИХОДИТЬ в тюркских языках и с ИДТИ/УХОДИТЬ в кетском; есть основания предполагать, что исходным явилось значение движения к цели (2.2.11.5, 2.3.11.3).

ИДТИ/УХОДИТЬ может использоваться в вопросах, а также как показатель эмфатического выделения (2.2.11.3).

ВЫХОДИТЬ встречается как показатель со значением ‘наверное, по-видимому’, т.е. указывает на предположение говорящего. Ср. русское вводное слово *выходит* (например, *Выходит, я был прав*), которое указывает на “наличие цепочки умозаключений, конечным выводом которых является суждение Р” [Апресян 1990: 501]: ситуация логического умозаключения по поводу существования некоторого положения дел мыслится как “выход на поверхность” [Зализняк 1999: 317].

ВОЗВРАЩАТЬСЯ используется в некоторых языках как показатель ‘делать вопреки ожидаемому’, а также показатель отрицания ‘(все еще) не’. Конструкция с ПРИХОДИТЬ (в отрицательной форме) в ряде языков означает ‘еще не, пока не’, а конструкция с СИДЕТЬ в одном из языков может значить и ‘все еще’, и ‘еще не’. Общим свойством таких показателей является указание на несоответствие ожиданиям говорящего по поводу осуществления ситуации (категория “*counterexpectation*” в терминах [Heine et al. 1991b: 192 et pass.], распространен также термин “фазовая полярность”). Значение ‘еще не’, или ‘ситуация так и не началась’, близко к фазовым (в качестве четвертого фазового значения оно рассматривается в [Плунгян 2000а: 306-308], где для него предлагается термин “кунктатив”, используемый и нами в главах 2-3).

Ситуация возвращения связана с “ожиданиями”, по-видимому, постольку, поскольку при пространственном перемещении в качестве “нормального” оценивается последовательное и поступательное движение из одной точки пространства в другую. Возвращение же назад, в исходный пункт движения, рассматривается как несоответствие нормальной ситуации движения (при возвращении результат перемещения в пространстве оказывается фактически аннулированным, субъект вновь находится в том же месте). Аналогичная идея играет определенную роль и в случае превращения ВОЗВРАЩАТЬСЯ в рефлексивный показатель, см. ниже.

По крайней мере в тибетском языке глаголы ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ используются для кодирования значений категории эвиденциальности, т.е. указания на источник информации о сообщаемой ситуации. Не исключена диахроническая связь таких форм с аспектуальными формами результата/перфекта (см. 4.1.1.3). В целом эвиденциальность часто рассматривают как самостоятельную область значений, однако

можно говорить и о том, что отчасти она примыкает к модальной зоне [Auwera, Plungian 1998: 85-86; Плунгян 2000а: 321].

Отметим также, что иногда у аспектуальных конструкций в глаголами движения и позиции отмечаются дополнительные оценочные оттенки: так, дуративная конструкция с ЛЕЖАТЬ (и иногда СИДЕТЬ) может иметь оттенок негативной оценки ситуации со стороны говорящего, перфективные конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ и САДИТЬСЯ могут указывать на “нежелательность”, “неуместность” действия или изменение к худшему.

Представляется, что для глаголов позиции отрицательное отношение говорящего может быть мотивировано тем, что СИДЕТЬ и ЛЕЖАТЬ (в отличие от СТОЯТЬ) исходно обозначают нефункциональные, “расслабленные” позиции субъекта. Ср. характеристику лежачего положения как знака “расслабленности, нерабочего состояния” [Кравченко 1998: 65], “демобилизированности, пассивности, отключенности от внешних импульсов” [Топоров 1996: 43] (в последней работе приводятся также примеры разведения в русском языке выражений с *стоять* ~ *лежать* по разным полюсам оценочного пространства “хорошо” ~ “плохо”). СИДЕТЬ как полнозначный глагол часто означает “потерять силу, напряжение, ослабеть, перестать должным образом функционировать”, ср. в русском *голос сел, батарейка села* [Лопатин 1996: 250].

4.1.4. Синтаксические показатели

Данный раздел посвящен результатам грамматикализации глаголов движения и позиции, которые можно охарактеризовать в синтаксических терминах: прежде всего это конструкции, маркирующие определенные типы ролевых отношений, а также некоторые типы зависимых предложений; кроме того, сюда отнесены и случаи превращения в модификаторы именной группы. Отметим сразу, что данная группа результатов грамматикализации практически целиком ограничена исходными конструкциями с глаголами движения.

4.1.4.1. Ролевые отношения

Среди результатов грамматикализации конструкций с глаголами движения нередко встречаются конструкции, маркирующие определенные типы ролевых отношений — а именно, залоговые конструкции и показатели различных типов актантажной деривации.

В нашем материале имеется довольно много случаев превращения конструкций с основными глаголами движения ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ в **пассивные** конструкции. Интересно, что все эти случаи ограничены лишь определенными группами языков: прежде всего пассивные конструкции с глаголами движения распространены в индоиранских языках (индоарийских, иранских, дардских, нуристанских), известны и две аналогичные конструкции в итальянском (из других романских языков лишь в ретороманских диалектах), а также мальтийском (возможно, под итальянским влиянием?) и одном из диалектов кечуа.

В перечисленных языках встречается или пассивная конструкция с одним из названных глаголов, или сосуществуют две конструкции (в итальянском, индоарийских), причем, видимо, без существенной разницы в значении. Интересно, что в итальянском конструкция с ИДТИ выражает также дополнительное значение необходимости осуществления действия (“должно быть сделано”), а в индоарийских языках “пассивная” конструкция возможна и от непереходных глаголов (и описывает возможность, способность агенса совершить действие).

Кроме того, во многих (если не всех) из перечисленных языков пассивные конструкции с глаголом движения сосуществуют с пассивными конструкциями с глаголом “быть”, имеющими стивное или результативное значение (‘сделано’); в этом смысле конструкции с глаголом движения выражают “акциональный пассив”, т.е. “пассив действия” (‘делается’, а не ‘сделано’).

Некоторые случаи грамматикализации конструкций с глаголами движения в качестве показателей пассива упоминаются в типологической работе [Haspelmath 1990: 38] (наряду с использованием других непереходных вспомогательных глаголов типа ‘быть’, ‘стать’, ‘остаться’). Как справедливо указывает автор, вспомогательный глагол сам по себе в таких конструкциях не может считаться показателем пассива, поскольку пассивное значение содержится во многом в самом “пассивном” причастии. Это причастие, которое может иногда образовываться и от предельных непереходных глаголов (ср. англ. *fallen capital* ‘павший город’), фактически обозначает результирующее состояние, так что его правильнее было бы называть не “пассивным”, а “результативным” [Haspelmath 1990: 40]. О грамматикализации пассива см. также [Серебренников 1974: 209-224].

По-видимому, при употреблении конструкций с глаголами движения как средства выражения пассива изменение состояния пациенса осмысливается как его движение; в этом смысле “акциональный” (а не “статальный”) характер таких пассивов вполне закономерен. Смысловый глагол в таких конструкциях принимает форму причастия предшествования (“прошедшего времени”) или совершенного вида.

Одним из путей грамматикализации ВОЗВРАЩАТЬСЯ является превращение в показатель **рефлексива** (2.10.3.1), а удвоенная конструкция с парой глаголов ПРИХОДИТЬ ~ УХОДИТЬ может выразить **реципрок** (“взаимное действие”), см. 2.12.2.

Использование удвоенных конструкций с противоположными дейктическими глаголами движения для выражения реципрока развивается на основе значения двунаправленного действия (‘туда-сюда’): ситуация, в которой каждый из участников играет одновременно и роль агенса, и роль пациенса, представляется как движение в одну, а затем в противоположную сторону. Более интересен случай с рефлексивом. Вообще, источник воздействия часто метафорически переосмысливается как исходный пункт движения (ср. переход ‘от X-а’ > ‘X-ом, посредством X-а’), в то время как объект, на который направлено воздействие — как цель движения [Lichtenberk 1991: 504]. Рефлексивная ситуация предполагает, что источник воздействия (агенс) и его цель (пациенс) совпадают в одном лице; глагол же ВОЗВРАЩАТЬСЯ как раз и указывает на совпадение конечной точки движения с ее начальной точкой, т.е. на прибытие в то же самое место, откуда до этого было совершено удаление. Ср. также характеристику повторных средств номинации как средств указания “на некоторый неожиданный «откат» в процессе дискурса, возвращение к тем референтам, тем точкам, через которые коммуниканты уже «проходили»” [Лютикова 1997: 71]; как мы видим, эта характеристика использует как раз ту аналогию дискурса с путем перемещения, к которой нам уже также неоднократно приходилось обращаться.

Имеется несколько редких примеров использования ПРИХОДИТЬ как показателя повышающей актантажной деривации, маркирующего введение в ситуацию, обозначенную смысловым глаголом, дополнительного участника: в некоторых языках этот глагол маркирует **каузатив** (2.3.11.7), а в одном из языков **бенефактив** (2.3.11.2).

4.1.4.2. Сравнительная конструкция

Образование **сравнительной** конструкции является наиболее частым путем использования глаголов ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ; такие конструкции имеют вид: «А большой превосходит (переходит/проходит через) Б» = ‘А больше Б’ (2.9.1). Иногда

ИДТИ/УХОДИТЬ дополнительно участвует в образовании подобной конструкции (2.2.11.4), а в некоторых случаях аналогичная конструкция образуется при помощи ВОЗВРАЩАТЬСЯ (2.10.3.4).

В некоторых языках к ПОДНИМАТЬСЯ восходит показатель сравнения ‘более, чем’, а к СПУСКАТЬСЯ показатель ‘менее, чем’ (2.7.2.5, 2.8.2.2).

Отметим также случаи использования ИДТИ/УХОДИТЬ с наречиями и прилагательными как показатель превышения нормы ‘очень, слишком’ (2.2.11.4). Конструкция с ПРИХОДИТЬ иногда используется для обозначения приблизительной оценки ‘примерно, около’ (2.3.11.6). ПРИХОДИТЬ как показатель источника движения может использоваться и для маркирования источника сравнения ‘(больше,) чем X’ (2.3.10).

Итак, сравнение и сопоставление сущностей часто осмысливается в языке как движение.⁵⁷ Факт связи идеи сравнения с пространственными категориями отмечался в литературе: достаточно вспомнить разбор метафор типа “БОЛЬШЕ” — ВЕРХ и, соответственно, “МЕНЬШЕ” — НИЗ в [Лакофф, Джонсон 1990: 398 и сл.], ср. англ. *go up* ‘увеличиться’ ~ *go down* ‘уменьшиться’. Именно с такой метафорой связано и упомянутое нами использование пары ПОДНИМАТЬСЯ ~ СПУСКАТЬСЯ (‘более, чем’ ~ ‘менее, чем’).

При использовании глаголов ПРОХОДИТЬ и ПЕРЕХОДИТЬ эталон для сравнения (Б) осмысливается как ориентир, за который, по другую сторону которого происходит перемещение субъекта А. Тем самым, указывается, что А в своем свойстве “заходит дальше”, нежели Б, т.е. обладает этим свойством в большей степени. По мнению Э. Свитсер, в данном случае при помощи пространственной метафоры происходит указание на относительное расположение объектов на некоторой мыслимой шкале градации признака [Sweetser 1988: 395-396].

Л. Стассен, автор типологического исследования сравнительных конструкций в языках мира, конструкции с глаголами движения не рассматривает, однако в качестве одного из пяти наиболее распространенных типа выделяет тип с глаголом ‘превосходить’ (*exceed-comparison*); он отмечает, что функционально-семантически данный тип можно сблизить с наиболее частотной в языках мира компаративной структурой, в которой основание сравнения маркируется показателем удаления (‘в сравнении с X-ом’ = ‘от X-а’): в обоих случаях подразумевается пространственное перемещение объекта за или дальше другого объекта [Stassen 1985: 42].

Использование ПРИХОДИТЬ для обозначения приблизительной оценки имеет вполне прозрачную мотивацию (ср. само слово *приблизительный* < *приближаться*): сущность, о которой идет речь, характеризуется как приближающаяся в своих релевантных аспектах к некоторому заданному ориентиру — числу (ср. “что-то близкое к 80”), объекту или положению дел (“что-то близкое к Р // наподобие Р”).

4.1.4.3. Целевое зависимое и другие показатели цели

Основные глаголы движения достаточно часто служат показателями целевых отношений: ИДТИ/УХОДИТЬ может выступать в функции показателя целевого зависимого предложения, показателя аппликатива, а также в функции модификатора целевой именной группы (2.2.8); ПРИХОДИТЬ также довольно часто является обязательным показателем в целевом придаточном предложении (2.3.8).

⁵⁷ Интересно, что в тамильском языке, например, существительное *aatṭam* ‘движение’ выступает в качестве эквативного послелoga ‘как X’ [T. Lehmann 1993: 123]

Удобно продемонстрировать все многообразие использования показателей, восходящих к ИДТИ и использующихся при указании на цель, на примере языка рама (в котором имеются также и другие пути грамматикализации этого глагола, см. подробное описание в [Craig 1991]). К глаголу *bang* ‘идти’ в рама, во-первых, восходит послелог цели *ba(ng)*, см. (4.9а); во-вторых, уже к этому послелогу восходит глагольный суффикс *-bang* — показатель нефинитного целевого зависимого предложения, см. (4.9б); наконец, тот же послелог явился источником одного из глагольных превербов, указывающих, что у данного глагола имеется аргумент с определенной семантической ролью⁵⁸: в данном случае это преверб *ba-*, указывающий на наличие аргумента с ролью цели (при этом сама именная группа, обозначающая данный аргумент, может быть опущена), см. (4.9в-г):

- (4.9) рама [Craig 1991: 456-7, 466, 472]
- а. paas sii **ba** aa taak-iikar.
я [вода **для**] NEG идти-хочу
Я не хочу идти за водой.
- б. tiiskama ni-sung-**bang** taak-i.
[ребенок 1-видеть]-**SUB** идти-PRS
Я иду (чтобы) увидеть ребенка.
- в. ni-tanang **ba-n-taak-i**.
1-смотреть **PRV-1-идти-PRS**
Я иду посмотреть (на него).
- г. ngulkang **ba-an-alpi-u**.
дикая.свинья **PRV-3PL-искать-PST**
Они искали дикую свинью.

О грамматикализации исходных конструкций со значением движения к цели уже не раз упоминалось (прежде всего в связи с развитием будущего времени). В данном же случае мы имеем дело с наиболее непосредственным использованием исходного целевого значения: конструкция со значением движения к цели используется для указания на наличие цели у некоторой ситуации. Связано это, по всей видимости, с тем, что прототипически достижение некоторой цели предусматривает движение, перемещение в пространстве.

Интересно, что глагол движения в качестве показателя цели иногда “дублирует” тот же глагол, который используется в главном предложении (т.е. ‘он идет, чтобы сделать’ передается примерно как “он идет идти сделать”, а ‘он приходит, чтобы сделать’ как “он приходит придти сделать”), см. 2.2.8, 2.3.8. Это употребление можно сравнить с “плеонастическим использованием глаголов движения” при обозначении следования во времени, см. 4.1.1.4. Ср. также любопытный пример из гайанского креола: *wi go go go fine am* ‘мы собираемся пойти и (чтобы) найти его’, в котором *go* используется как показатель будущего времени, как смысловый глагол и показатель следования/цели [Washabaugh 1981: 92].

Развитие исходной пространственной структуры со значением приближения к цели в форму с целевым значением (уже не обязательно с пространственными коннотациями) и далее в форму инфинитива (ср. некоторые китайские диалекты, 2.2.8) является универсальным; именно такое развитие прошли, в частности, инфинитивы многих индоевро-

⁵⁸ Подобные показатели фактически относятся к области актантной деривации (“апликатив”); кстати, показатели сравнения иногда также рассматриваются в рамках актантной деривации (“компаратив”), поскольку они указывают на введение аргумента с ролью основания для сравнения, ср. [Плунгян 2000а: 211-212]. Мы, однако, решили следовать в большей степени семантическому принципу и рассмотреть все, что связано со сравнением и с целевыми отношениями, в отдельных разделах.

пейских, алтайских, дравидийских и др. языков, восходящие к падежным формам отглагольного имени (см. подробнее [Haspelmath 1989]).

4.1.4.4. Модификаторы именной группы

Глаголы движения и позиции крайней редко становятся модификаторами других классов слов, нежели глаголов. Видимо, единственным массовым путем грамматикализации этих глаголов как именных модификаторов является их превращение в **предлоги/послелог** (все это касается в основном глаголов движения). (Вообще же, типологически глагольные лексемы являются периферийным источником предлогов/послелогов, гораздо более часто они развиваются из существительных — прежде всего названий частей тела типа *рука, голова, сердце, спина*, а также слов более абстрактной пространственной семантики типа *середина, край* и пр.)

В главе 2 уже приводились примеры превращения некоторых глаголов (прежде всего ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ, но также ВХОДИТЬ, ВЫХОДИТЬ, ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ) в модификаторы именной группы. Как правило, такие модификаторы сохраняют исходное ориентационное значение глагола движения (например, ‘в, к’ для ВХОДИТЬ, ‘из, от’ для ВЫХОДИТЬ), однако они могут развивать и более абстрактные значения (временные, причинные и пр.).⁵⁹ Интересно, что основные глаголы движения ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ могут превращаться как в модификаторы приближения, так и удаления; выше мы уже сталкивались со случаями, когда в исходных структурах с участием этих глаголов внимание акцентировалось то на приближении к цели (ср. будущее время, целевое значение), то на удалении от ориентира (ср. перфект/прошедшее время, перфектив).

Помимо приведенных в главе 2 случаев, отметим еще несколько. Превращение некоторых глаголов движения (‘идти мимо’, ‘идти за чем-либо’, ‘залезать’ и др.) в послелог отмечено в нивхском языке [Панфилов 1962: 152-156]. Глаголы движения функционируют в качестве предлогов во многих языках Юго-Восточной Азии; любитель лингвистических неологизмов Дж. Матисофф предложил для обозначения глаголов, выступающих в роли предлогов, термин *verpositions* (< *verbs* + *prepositions*) [Matisoff 1991: 433-4], т.е. примерно “глагологи”. Такие примеры имеются, например, в аустроазиатских языках ксингмул [Погибенко, Буй Кхань Тхе 1990: 76], кхмерском [Горгониев 1966: 215-216], вьетнамском [Lord 1993: 147], мыонг [Соколовская, Нгуен Ван Тай 1987: 60], в тайском языке сэк [Морев 1988: 45] и пр. Аналогичные, хотя не очень многочисленные случаи имеются в малайском языке [Алиева и др. 1972: 247].

Использование отглагольных имен/инфинитивов в качестве предлогов характерно для языков банту, например, ганда [Яковлева 1961: 43] или суахили [Мячина 1960: 38; Громова, Охотина 1995: 311]. В изолирующих языках группы ква глаголы часто являются едва ли не основным средством выражения падежных значений, ср. примеры из эве [Westermann 1954: 129-132; Lord 1993: 146], идома [Abraham 1967: 90 et pass.], тви [Lord 1993: 10]. В эве, например, при помощи конструкций с глаголами движения выражаются следующие значения: ‘идти’ > ‘к’, ‘приходить из’ > ‘из’, ‘приходить’ > ‘к’, ‘проходить через’ > ‘через’, ‘достигать’ > ‘к’, ‘спускаться, ложиться’ > ‘вниз; заранее’, ‘возвращаться’ > ‘тем временем’, ‘пересечь’ > ‘над’, ‘окружить’ > ‘вокруг’ и пр.

⁵⁹ Для ПРИХОДИТЬ, на основе конструкции со значением удаления от ориентира, зафиксировано также превращение в показатели посессива (“от X-а” > ‘X-ов, принадлежащий X-у’), агентивного дополнения в пассивной конструкции (“от X-а” > ‘X-ом, посредством X-а’), источника сравнения (“от X-а” > ‘чем X’), см. 2.3.10.

В хакасском языке среди послелогов упоминаются, в частности, исходно деепричастные глагольные формы от глаголов ‘переходить’, ‘обходить’, ‘выходить’, ‘входить’, ‘достигать’ и др. [ГХЯ 1975: 254-261].

Превращение глаголов в предлоги берет свое начало в конструкциях сериализации: со временем происходит процесс “синтаксического переразложения” (*reanalysis*), в результате чего переинтерпретируются границы составляющих — один из компонентов сериальной конструкции (глагол + зависимая именная группа) начинает интерпретироваться как предложная группа (предлог + именная группа), см. о данном механизме подробнее [Heine, Reh 1984: 108, 253-256; Lord 1993].

Видимо, как раз промежуточный случай представлен в языке фула. Согласно [Sylla 1982: 139-40], глагол *fay-* ‘идти к’ и некоторые другие в особых конструкциях способны выражать падежные значения, ср. прототипическую сериальную конструкцию в (4.10а) и ограниченную по регулярности образования конструкцию в (4.10б), где вспомогательный глагол стоит в инфинитиве, однако не после глагола, а после прямого дополнения:

(4.10) фула [Sylla 1982: 139-40]

- а. Aali dog-ii **fay-i** wuro.
Али бежать-РФ **идти.к-РФ** деревня
Али побежал к деревне.
- б. Aali winnd-ii leeteer **fay-de** e Takko.
Али писать-РФ письмо **идти.к-ИНФк** Такко
Али написал письмо Такко.

Использование глаголов ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ в сравнительной конструкции (исходно с сериализацией) также часто приводит к превращению их в именные модификаторы, подобные предлогу (‘больше, чем’), см. разбор некоторых случаев в [Lord 1993: 142-146].

Упомянем и более редкие случаи эволюции глаголов движения. В океанийских языках ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ используются в качестве модификатора существительных типа *край, сторона, конец* и пр. при указании на дальнейшее/близкое к говорящему расположение объекта (2.2.10, 2.3.10). Использование глаголов движения помогает в данном случае обозначить ориентацию объекта по параметру “перед” / “зад”: “уходящий” от человека объект обращен “лицом” в противоположную сторону от говорящего и, напротив, когда объект “приходит”, он повернут “лицом” к говорящему (ср. также [Lakoff, Johnson 1980: 41-42]).

Об использовании ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ в качестве модификаторов имен, обозначающих **временные отрезки**, уже говорилось выше; это использование непосредственно связано с моделью “движения времени” — одной из основных “динамических” моделей временных отношений (4.1.1.5). ИДТИ/УХОДИТЬ может обозначать также большую временную дистанцию относительно некоторой точки на временной оси (2.2.11.1).

ИДТИ встречается в качестве словообразовательного суффикса **имени деятеля** (2.2.10), а также в качестве показателя порядковых **числительных** (2.2.11.6).

В языках мира имеются и любопытные примеры превращения глаголов движения в собственно числительные: так, в языке азиатских эскимосов *малг’ук* ‘2’ восходит к *мал-* ‘следовать’, *стамат* ‘4’ восходит к *ста-* ‘скатываться, скользить вниз’, а *аг’виныл* ‘6’ к *аг’ви-* ‘переходить’ [Меновщиков 1962: 285-288]. Счет передается в этом случае через идею перемещения при загибании пальцев: второй палец, загибаясь, “следует” за первым; четвертый палец “скатывается” от наиболее высокого третьего; после пятого пальца счет “переходит” на другую руку (объяснение Г. А. Меновщикова). В америндском языке камаюра форма глагола *аһар* ‘проходить, переходить’ содержится в числительных от 6 до 9, от 11 до 14 и от 16 до 19,

которые восходят к выражениям вида “пройти по руке (или ноге) столько-то раз” (например, “пройти 3 пальца ноги” для числа 13) [Seki 2000: 79-80].

Отметим, что превращение в числительные можно в известном смысле также рассматривать как случай грамматикализации, поскольку числительные представляют собой особый закрытый класс модификаторов (бесконечность числовых групп создается уже за счет рекурсии). Закономерно, что в указатель [Heine et al. 1993] вошло несколько случаев превращения в числительные (в основном лексем, обозначающих части тела): в частности, отмечается превращение в латыни *secundus* ‘следующий’ в порядковое числительное ‘второй’ — модель, аналогичная упомянутой выше эскимосской.

4.1.5. Прочие случаи

Выше не было охарактеризовано еще несколько типов результатов грамматикализации, которые достаточно маргинальны и с трудом поддаются классификации.

Имеются случаи превращения глаголов движения (ХОДИТЬ, ПОДНИМАТЬСЯ, СПУСКАТЬСЯ, ВОЗВРАЩАТЬСЯ) и позиции (СТОЯТЬ, СИДЕТЬ) в пространственные показатели различного статуса: не только предлоги/послелого, о чем уже говорилось выше, но и адвербиальные модификаторы, провербы и пр.; иногда морфосинтаксический статус таких показателей по описаниям не вполне ясен.

Отмечаются случаи использования ИДТИ/УХОДИТЬ, а также СТОЯТЬ и ЛЕЖАТЬ в качестве словообразовательных суффиксов глагола (2.2.10, 3.4.2.3, 3.6.2.2).

ПРИХОДИТЬ засвидетельствован в функции предикатного анафорического слова (2.3.11.8), а также в функции сочинительного союза, оформляющего связь между актантами (2.3.11.9); случаи превращения ИДТИ/УХОДИТЬ в сочинительный союз, связывающие предикаты, рассматриваются в разделе по следованию во времени (2.2.9).

В заключение остановимся на уникальном примере использования глаголов движения и позиции в австралийских языках реки Дейли. В этих языках обязательным компонентом глагольной словоформы (так называемый *affix unit*) является один из вспомогательных глаголов, несущих грамматические показатели; с каждым из смысловых глаголов (которые сами по себе грамматических показателей не несут) употребляется такой вспомогательный глагол, и притом только один. В набор таких вспомогательных глаголов (их бывает от 5 до 20) иногда входят и единицы, не встречающиеся в языке в качестве самостоятельных лексем; если же вспомогательные глаголы имеют соответствия среди обычных глаголов, это почти всегда СТОЯТЬ, СИДЕТЬ, ЛЕЖАТЬ, а также ИДТИ [Tryon 1974: 298-299; Dixon 1980: 428-429]. Поскольку каждый смысловой глагол комбинируется только с определенным вспомогательным, глагольная лексика фактически делится на классы — любое действие представляется как осуществляемое “сидя”, “стоя”, “лежа”, “в движении” и т.п. (среди более экзотических — действия класса “ловить”, “резать”, “говорить” и пр.), ср.:

- (4.11) муллукмуллук [Tryon 1974: 8, 12]
- а. pent^yi ŋawa weŋk-ma a-nu-wa.
 вчера плакать-STAT 1SG-сидеть-COMPL
 Вчера я плакал.
- б. t^yɯn t^yalk wu-ta.
 дерево падать 3SG-идти
 Дерево упало.

Данная ситуация может быть квалифицирована как своеобразное использование глаголов-классификаторов; она имеет очевидные параллели с использованием перфективных (“телисизирующих”) вспомогательных глаголов, см. 4.1.2.2. В данном случае роль вспомогательных глаголов является более формальной, нежели в случае с глаголами-перфективаторами (которые указывают на наличие у ситуации результата определенного типа): они просто указывают на определенный тип ситуации. Вместе с тем, это явление представляет собой более близкую параллель классической именной классификации (как указанию на тип объекта).

Широкое понимание классификаторов в специальной работе отстаивает М. Сильверстейн, который указывает на возможность существования “глагольных классификаторов”: в отличие от классификаторов имени, указывающих на “сорт” объекта, глагольные классификаторы указывают на аспектуальные или актантные свойства предиката. В качестве примера таких классификаторов автор указывает (к сожалению, без подробностей) на существование в австралийском языке ворора системы, близкой к охарактеризованной выше для языков семьи реки Дейли: для каждого смыслового глагола обязателен один вспомогательный, причем глагол может сочетаться не более чем с 1-3 вспомогательными глаголами [Silverstein 1986: 497, 511-512]. Функциональная параллель между подобными глаголами-классификаторами и именными классификаторами отмечается также в [Aikhenvald 2000: 9]. Сам по себе термин “глагольные классификаторы” (“*verbal classifiers*”) используется, правда, еще и в другом значении, связанном с маркированием в самом глагольном корне типа объекта (см. о “классифицирующих” глаголах движения и позиции 1.3).

Интересно, что при достаточно широкой распространенности средств именной классификации в языках мира (развитые системы классификаторов существуют во многих языках Азии, Африки, Америки и Океании, но и во многих языках “без классификаторов” встречаются периферийные средства типа счетных слов, ср. русск. *сто голов скота* или англ. *two loops of rope* ‘две свернутые веревки’), грамматические средства глагольной классификации (как указания на тип ситуации, например, при счете) в языках мира практически не представлены.

4.2. Выводы и обобщения

Пути грамматикализации глаголов движения и позиции были подробно охарактеризованы в главах 2-3 и разделе 4.1 с двух точек зрения: с точки зрения конкретных глаголов и с точки зрения итоговых грамматических категорий. В данном, заключительном, разделе формулируются полученные в работе ответы на те вопросы, которые были поставлены в начале. Ниже рассматриваются такие проблемы, как степень распространенности грамматикализации выбранных глаголов в языках мира (4.2.1), сравнительная частотность случаев грамматикализации для разных групп глаголов и частота конкретных путей грамматикализации (4.2.2), нетривиальные соотношения между источниками и результатами грамматикализации (4.2.3), возможность объяснения путей грамматикализации выбранных глаголов в языках мира и в конкретном языке (4.2.4), возможность обнаружения других путей грамматикализации этих глаголов или путей грамматикализации других глаголов движения и позиции (4.2.5).

4.2.1. Распространенность явления в языках мира

В задачу нашего исследования входило, в числе прочего, выяснение того, насколько грамматикализация глаголов движения и глаголов позиции распространена в языках мира. Как выяснилось в ходе работы, распространенность данного явления в языках мира чрезвычайно широка; априорного ожидания о количестве языков с грамматикализацией глаголов движения или позиции не имелось, но результат вряд ли мог быть предсказуем на чисто теоретическом основании. Оказалось, что достаточно сложно обнаружить язык, в котором не существовало бы никакого использования хотя бы одного из глаголов движения или позиции в конструкции, релевантной для выражения какой-либо грамматической функции. Иногда даже если описание не упоминало о подобных случаях, в более частных работах некоторые интересные сведения могли содержаться. Понятно, при этом, что в разных языках статус глаголов движения или позиции “на службе у грамматики” мог сильно различаться — от “ядерного” до мало значимого и “периферийного”.

Никакого упоминания о грамматических функциях глаголов движения или позиции не было обнаружено примерно для 70 языков (т.е. порядка трети языков, по которым исследовались грамматики целиком, или порядка 18% от всех рассмотренных языков).

Перечислим эти языки; источники сведений для них указаны в Приложении 1. В их число попало порядка десятка австралийских языков, а именно калкатунгу, гумбаинггар, варгамай, коко-йимидир, битьяра, конгабула, питьянтьятьяра из семьи пама-нюнга, а также алава и тиви. Достаточно много “языков без грамматикализации глаголов движения и позиции” среди америндских языков: отметим, например, алгонкино-ритванские языки вийот, делаварский, оджибва, юрок; языки майду и мивок семьи пенути; аравакские языки гуахиро и кампа; языки карок, помо восточный и юго-восточный семьи хока, а также керес, жакару, целталь, шусвап, гуарани, некоторые из диалектов кечуа и навахо. Из австронезийских языков ничего не было обнаружено в описаниях малагасийского, тагальского языков и тонга, а из папуасских языков в описаниях языков кобон и селепет. Среди алтайских не обнаружено случаев грамматикализации в тунгусо-маньчжурских, например, эвенском, орокском, удьгейском; среди уральских в венгерском, нганасанском, мордовских и коми, а также юкагирском. Из афразийских языков не было найдено никаких примеров в кушитских и ливийско-гуанчских языках, а также в

описаниях ряда арамейских (новоассирийский, сирийский) и арабских языков/диалектов. Языки без грамматикализации среди нигеро-кордофанской семьи — гурмантче, бадьяранке, а среди нило-сахарских — мурле и диалекты нубийского. Из картвельских отметим грузинский, из северокавказских кабардинский и цахурский. Среди сино-тибетских это качинский язык; среди чукотско-камчатских ительменский, а среди эскимосско-алеутских гренландский. Среди изолированных языков не отмечаются какие-либо случаи грамматикализации в айнском, бурушаски, тараскском.

Интересно, что среди некоторых групп индоевропейской семьи — причем именно тех, в которых грамматикализация глаголов движения распространена — также есть примеры языков, в которых такие случаи не засвидетельствованы: ср. афганский, ваханский, ормури, талышский среди иранских или румынский среди романских.

Для многих из этих языков этимологии грамматических показателей в описаниях не приводятся (возможно, они неизвестны, или же авторы описаний не придают этому значения). Мы вполне допускаем (и даже убеждены), что более подробное исследование этих языков поможет обнаружить в них диахронические источники грамматических показателей, среди которых, весьма вероятно, окажутся и глаголы движения или позиции. (Ср., например, ситуацию с языками не-персе и кламат семьи пенути: в соответствующих, достаточно подробных описаниях, никакой интересующей нас информации не сохранилось, однако в работе [Rude 1991] приводятся несколько примеров этимологий направительных и некоторых других аффиксов.)

Перечисленные выше языки располагаются на одном из “полюсов” своеобразной шкалы распространенности грамматикализации глаголов движения и позиции. В этих языках случаи грамматикализации этих глаголов отсутствуют или синхронно уже не идентифицируемы. На другом конце шкалы находятся языки с многочисленными примерами грамматикализации глаголов движения или позиции (такие, как тюркские или индоарийские и др.). Глаголы движения и позиции в таких языках являются вспомогательными глаголами и, как правило, функционируют в языке также и в качестве самостоятельных лексем. Посередине между этими двумя группами расположено подавляющее большинство случаев, т.е. языки, в которых представлено несколько или один случай грамматикализации глагола движения или глагола позиции. Поскольку границы, разделяющие “ядерные” случаи грамматикализации, от “периферийных”, в целом нечетки, мы не предпринимали попытки более точного подсчета языков каждой из групп языков на указанной шкале.

Представленность в языках мира случаев грамматикализации является, конечно, различной для каждой из двух групп глаголов, а также для каждого из глаголов внутри этих групп. Индивидуальная “судьба” каждого из глаголов была рассмотрена в главах 2-3 и о ней будет также сказано ниже. Здесь же отметим, что грамматикализация глаголов движения засвидетельствована в языках мира гораздо чаще, чем глаголов позиции. Так, во всем нашем материале имеется менее 60 языков (т.е. порядка 15%) с грамматикализацией глаголов позиции, тогда как грамматикализация глаголов движения была отмечена едва ли не в 300 языках (т.е. порядка 75% рассмотренных языков). Имеются как случаи, когда в одном языке имелись примеры грамматикализации глаголов каждой из групп, так и какой-либо одной группы.

4.2.2. Некоторые закономерности грамматикализации глаголов движения и позиции

4.2.2.1. Общее число путей грамматикализации для разных глаголов

Рассмотренные пути грамматикализации глаголов движения и позиции позволяют сделать вывод о том, что в языках мира грамматикализация этих групп глаголов происходит по сравнительно небольшому набору возможных линий эволюции.

Решить, является ли число возможных путей грамматикализации для некоторого лексического источника “большим” или нет, можно, конечно, только эмпирическим путем. Из рассмотренных глаголов наибольшее число путей развития обнаружено у ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ — по 10 основных путей и чуть менее чем по 10 периферийных; у большинства же остальных глаголов набор возможных путей грамматикализации крайне ограничен, и одни и те же варианты развития отмечаются в самых различных языках. Тем самым, действительно “большим” можно признать число путей именно для двух основных глаголов движения.

Отметим, что само по себе определение “основных” и “второстепенных” путей развития может быть иным, чем в нашей работе. Второстепенными путями мы считали такие, которые были представлены в нашем материале лишь в нескольких, обычно не более чем в 5, языках. Основные пути были представлены в десятках языков; при этом напомним, что в строгом смысле наши обозначения типа “превращение ИДТИ/УХОДИТЬ в имперфективный показатель”, “превращение ПРИХОДИТЬ в имперфективный показатель” и т.п. можно считать не отдельными “путями”, а “пучками” путей грамматикализации, поскольку в качестве итоговых рассматривается некоторая тесно связанная группа (имперфективных, модальных и пр.) значений. (Более подробное представление выявленных в работе путей см. в Приложении 2.)

В целом глаголы ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ входят в число наиболее “грамматикализуемых” лексических единиц. Об этом уже неоднократно говорилось и ранее; ср. также следующие данные, полученные при анализе справочника [Heine et al. 1993]. Всего в справочнике перечислено порядка 500 лексем-источников (из них 194 глагольные лексем). По 10 и более путей грамматикализации выделяется у глаголов *arrive at, come, give, go, leave, say, take*, а также разновидностей бытийного глагола (*be, be at*, “глагол-связка” и пр.), у существительных *back, body, head, place*, у наречий *then, there* и у демонстративных и комитативных показателей (из которых вторые являются уже “вторичными” источниками). Принципы выделения путей грамматикализации в [Heine et al. 1993] отличаются от наших (кроме того, многих обнаруженных нами путей там нет; см. 1.1.4), однако в любом случае очевидно, что именно основные глаголы движения входят в 10-15 наиболее грамматикализуемых источников.

Даже для глаголов движения пределы варьирования результатов грамматикализации, впрочем, отнюдь не безграничны: если и брать лишь абсолютные цифры для основных глаголов движения (более чем по 10 путей грамматикализации), обращает на себя внимание тот факт, что далеко не все пути равно значимы: некоторые из них представлены сотнями языков, тогда как некоторые лишь единичными случаями.

* * *

Дальнейшее обсуждение распространенности тех или иных путей грамматикализации будет основано на таблицах 1-2, в которых суммированы данные по представленному в главах 2-3 материалу.

В таблицах для каждого из глаголов представлена следующая информация:

- * в скольких из рассмотренных языков имеются случаи грамматикализации данного глагола (т.е. хотя бы один случай);
- * в скольких языках (из приведенных в предыдущем пункте) имеется более одного случая грамматикализации одного источника (так наз. явление “полиграмматикализации”, см. ниже);
- * каково число основных путей грамматикализации (в скобках указано также число периферийных путей);
- * список путей грамматикализации с указанием приблизительного числа случаев для каждого (по главам 2-3).

В таблице мы старались не приводить точных цифр (с точностью до языка) по ряду причин: для некоторых языков наша интерпретация основывалась на кратких и не всегда понятных упоминаниях о значении показателя; для некоторых языков явление характеризовалось как распространенное во всей группе (т.е. при рассмотрении еще нескольких языков этой группы была бы получена еще большая цифра) и т.п. В целом, нас интересуют не точные цифры, а тенденции; при во многом условном и относительном понимании того, что является путем грамматикализации, а что нет (см. обсуждение в 1.4.1.2), оперировать абсолютными цифрами кажется излишним.

В таблице 1 не приводятся данные по превращению глаголов движения в показатели глагольной пространственной ориентации (2.1); по понятным причинам нет также сведений об удвоенных конструкциях (2.12).

В таблице 2 не приводятся данные по превращению глаголов позиции в ‘быть’ (т.е. в чисто бытийный глагол), а также их использования при обозначении “позиционной ориентации”; данные по бытийному употреблению глаголов позиции приводятся в квадратных скобках, но не учитываются при подсчетах количества языков с грамматикализацией.

Обозначения в таблицах: “ТЯ” = тюркские языки.

ТАБЛИЦА 1.

Суммарные данные по грамматикализации глаголов движения.

<i>Глагол</i>	<i>число языков</i>	<i>полиграмматикализация</i>	<i>число путей</i>	<i>Результат</i>
ИДТИ / УХОДИТЬ	>210	>50	10 (+8)	Будущее время, проспектив >60 Имперфективные значения <60 Перфектив, прошедшее время, перфект >30 Инхоативное значение >20 Императивные значения >15 Пассивная конструкция >10 Модальные значения >10 Целевое значение >10 Модификатор именной группы, аффикс существительного >10 Следование во времени <10 Простр. и врем. дистанция ≈5 Указание на временной отрезок <5 Вопросительность, эмпфаза <5 Сравнительная конструкция <5 Модификатор числительного <5 Дезидеративное значение 1 Словообр. суффикс глагола 1 Классифицирующий вспом. глагол 1
ПРИХОДИТЬ	>170	>50	10 (+9)	Будущее время, проспектив >50 Имперфективные значения >30 Перфект, прошедшее время, перфектив ≈20 Наступление нового состояния ≈20 Модальные значения: возможность, необходимость ≈20 Императивные значения >20 Пассивная конструкция >10 Целевое придаточное <10 Следование во времени <10 Модификатор именной группы >10 Рефактивное значение <5 Бенефактив <5 Дезидеративное значение ТЯ Кунктатив ('еще не') <5 Указание на временной отрезок <5 Приближенная оценка <5 Каузатив <5 Предикатная анафора 1 Сочинительный союз 1

ТАБЛИЦА 1.

Суммарные данные по грамматикализации глаголов движения.
(Продолжение)

<i>Глагол</i>	<i>число языков</i>	<i>полиграмматикализация</i>	<i>число путей</i>	<i>Результат</i>
ХОДИТЬ	≈30	<5	1 (+3)	Имперфективные значения ≈25 Проспективное значение >5 Императивные значения >5 Пространственный показатель 1
ВХОДИТЬ	>10	0	2 (+2)	Инхоативное значение >5 Модификатор именной группы >5 Видо-временной показатель 1 Следование во времени 1
ВЫХОДИТЬ	≈20	<5	1 (+6)	Перфективное значение >10 Инхоативное значение <5 Модификатор именной группы <5 Модальные значения <5 Близкое прошедшее время 1 Быстрое осуществление действия 1 Перемещение участника относительно агенса 1
ПОДНИМАТЬСЯ	>10	0	1 (+5)	Инхоативное значение ≈5 Пространственный показатель <5 Перфективное значение <5 Континуативное значение 1 Императивное значение 1 Показатель сравнения 1
СПУСКАТЬСЯ	>10	0	1 (+4)	Интенсивное, аттенуативное, континуативное значение >5 Пространственный показатель <5 Показатель сравнения <5 Интенциональное значение 1 Императивное значение 1
ПРОХОДИТЬ / ПЕРЕХОДИТЬ	≈30	≈5	5 (+2)	Сравнительная конструкция >5 Перфективное значение ≈5 Модификатор именной группы >5 Экспериенциальное значение >5 Комитативный способ действия ≈5 Трансформативное значение <5 Оптатив 1
ВОЗВРАЩАТЬСЯ	≈35	≈5	2 (+6)	Рефактивное значение <30 Пространственный показатель ≈5 Рефлексив <5 Показатель противоречия ожиданиям <5 Показатель отрицания 1 Показатель сравнения 1 Прохибитив 1 Будущее время 1

ТАБЛИЦА 2.

Суммарные данные по грамматикализации глаголов позиции.

<i>Глагол</i>	<i>число языков</i>	<i>полиграмматикализация</i>	<i>число путей</i>	<i>Результат</i>
СТОЯТЬ (* = ВСТАВАТЬ)	≈40 +ТЯ	<5	1 (+8)	Имперфективные значения, результатив ≈20(+ТЯ) Инхоативное значение <5 Проспектив <5 Словообр. модификатор глагола <5 Пространственный показатель <5 Перфективное значение * <5 Императивное значение <5 Заглазное прошедшее время 1 Следование событий 1 [Бытийное употребление ≈20]
СИДЕТЬ (* = САДИТЬСЯ)	≈55 +ТЯ	<5	1 (+8)	Имперфективные значения >35(+ТЯ) Пространственный показатель <5 Инхоативное значение <5 Императивные значения <5 Перфективный модификатор, внезапность, негативная оценка ситуации * <5 Модальные значения <5 Перфектное значение 1 Кунктатив ('еще не') 1 [Бытийное употребление ≈20]
ЛЕЖАТЬ (* = ЛОЖИТЬСЯ)	≈25 +ТЯ	0	1 (+3)	Имперфективные значения, результатив ≈20(+ТЯ) Перфективное значение * <5 Прошедшее время 1 Словообр. модификатор глагола 1 [Бытийное употребление ≈20]

4.2.2.2. Частота различных случаев грамматикализации для разных глаголов

Рассмотрим некоторые частотные характеристики грамматикализации глаголов движения и позиции.

Во-первых, по **частоте грамматикализации** в языках мира (т.е. по наличию в рассмотренных языках хотя бы одного случая грамматикализации) намного опережают другие глаголы (как движения, так и позиции) основные глаголы движения ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ. Они являются абсолютными “чемпионами” грамматикализации среди рассмотренных глаголов: грамматикализация этих глаголов отмечена более чем в 170 из учтенных нами языков, тогда как грамматикализация каждого из остальных глаголов намного меньше чем в 100 языках. Если взять за общее число рассмотренных языков 400, то оказывается, что грамматикализация ПРИХОДИТЬ представлена немногим менее, чем в половине этих языков, тогда как грамматикализация ИДТИ/УХОДИТЬ даже более, чем в половине.

Среди остальных глаголов движения относительно большим количеством языков представлены ВОЗВРАЩАТЬСЯ, ХОДИТЬ и ПРОХОДИТЬ / ПЕРЕХОДИТЬ (порядка 30-35 языков, т.е. менее 10% языков), однако количественная разница между этими гла-

голами и еще менее часто грамматикализуемыми глаголами ничтожна по сравнению с отрывом от двух основных глаголов движения.

Интересно, что глаголы позиции по частоте грамматикализации занимают примерно промежуточное положение между двумя основными глаголами движения и остальными глаголами движения (возглавляя скорее “рейтинг” последних). Наиболее удивительным оказывается факт довольно большого отрыва глагола СИДЕТЬ от прочих глаголов позиции (более 50 языков против 40 и менее языков). Точное число случаев грамматикализации глаголов позиции мы привести затруднились, поскольку эти глаголы грамматикализованы практически во всех тюркских языках (ср. помету “+ТЯ”). Интересно, что как раз в тюркских языках наиболее распространены конструкции с СТОЯТЬ (а на втором месте с ЛЕЖАТЬ, см. 3.6.1), однако во многих других языках СИДЕТЬ является единственным грамматикализованным глаголом позиции. Тем самым, обнаружение частотного отрыва СИДЕТЬ от других глаголов позиции является одним из результатов данного исследования.

Целиком “рейтинг” по частоте грамматикализации выглядит следующим образом:

ИДТИ / УХОДИТЬ	>210
ПРИХОДИТЬ	>170
СИДЕТЬ (/САДИТЬСЯ)	≈55 +ТЯ
СТОЯТЬ (/ВСТАВАТЬ)	≈40 +ТЯ
ЛЕЖАТЬ (/ЛОЖИТЬСЯ)	≈25 +ТЯ
ВОЗВРАЩАТЬСЯ	≈35
ХОДИТЬ	≈30
ПРОХОДИТЬ / ПЕРЕХОДИТЬ	≈30
ВЫХОДИТЬ	≈20
ВХОДИТЬ	>10
ПОДНИМАТЬСЯ	>10
СПУСКАТЬСЯ	>10

Данный рейтинг, как было сказано, учитывает лишь число языков, в которых имеется хотя бы один случай грамматикализации того или иного глагола. Интересно было сопоставить его с рейтингом, в котором было бы учтено **число всех случаев грамматикализации** глаголов в целом (т.е. для каждого языка все различные конструкции с одним и тем же глаголом). Отличия здесь можно ожидать, конечно, лишь для тех глаголов, для которых часто отмечается более одного случая грамматикализации в одном языке. Такими глаголами являются только ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ, однако и здесь общее соотношение не меняется: на ИДТИ/УХОДИТЬ приходится более 260 случаев грамматикализации (учитывая по несколько примеров в одном языке), на ПРИХОДИТЬ более 220.

Более одного случая грамматикализации в одном языке отмечается для многих глаголов, но лишь для ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ это число значительно (более чем по 50 языков для каждого). Для прочих глаголов число таких случаев представлено 5 и менее языками, а для глаголов ВХОДИТЬ, ПОДНИМАТЬСЯ, СПУСКАТЬСЯ, ЛЕЖАТЬ множественные пути развития не засвидетельствованы. Данная ситуация, впрочем, вполне соответствует ожиданиям: чем чаще подвергается грамматикализации некоторый источник и чем больше путей грамматикализации ему свойственно, тем больше вероятность, что даже в одном языке одна и та же исходная лексическая единица будет вовлечена более чем в одну грамматикализуемую конструкцию.

Тот факт, что в пределах одного языка тот или иной источник способен проходить по нескольким путям эволюции, в т.ч. превращаясь в показатели с различной дистрибуцией и се-

мантикой, хорошо известен; данное явление получило название полиграмматикализации (термин предложен А. Тимберлейком и утвердился после известной работы [Craig 1991], посвященной как раз грамматикализации ИДТИ в языке рама). Так, в языке рама к одному и тому же глаголу *bang* ‘идти, уходить’ восходят показатели проспектива, гортатива и целевого зависимого, а также глагольный преверб. В португальском языке глагол *ir* ‘идти, уходить’ входит в конструкцию с гортативным значением, в перспективную конструкцию и в конструкцию со значением градатива. В языке фиджи к *mai* ‘приходить’ восходит именной модификатор источника движения, агентивного дополнения и эталона сравнения, а также глагольный показатель приближения и трансформатива. Некоторые из итоговых значений являются этапами одной и той же “цепи грамматикализации” (например, показатель агенса или источника сравнения развились из показателя источника движения), но некоторые из них полностью независимы и исходно связаны с совершенно разными конструкциями (ср. проспектив и градатив).

В заключение данного раздела укажем также, что в целом верно, что если в языке грамматикализованы какие-либо из не основных двух глаголов движения, то и эти основные глаголы также грамматикализованы (т.е. случаев грамматикализации более “редкого” глагола без грамматикализации одного из основных практически не встречается). Что же касается глаголов позиции, то, как уже указывалось, имеются случаи грамматикализации в языке только СТОЯТЬ (иврит), только СИДЕТЬ (даже больше, чем для СТОЯТЬ; ср. афразийские языки), только ЛЕЖАТЬ (ср. тамильский). С точки же зрения частотности эти три глагола следует упорядочить скорее следующим образом: СИДЕТЬ > СТОЯТЬ > ЛЕЖАТЬ.

4.2.2.3. Частотность путей грамматикализации

Общая характеристика результатов грамматикализации глаголов движения и позиции с точки зрения итоговых категорий была дана в 5.1 выше. Как мы видели, прежде всего эти результаты обнаруживаются среди показателей глагольных категорий, причем довольно различных — от пространственной ориентации до модальности, но наиболее часто среди аспектуальных значений. В качестве средств выражения синтаксических отношений конструкции с глаголами движения и позиции используются значительно реже, и также не очень часто они развиваются в модификаторы других классов слов (не глагола).

Попробуем теперь кратко суммировать, на основе численных данных, приведенных в таблицах 1-2, какие пути для каких исходных глаголов типологически важны в большей, а какие в меньшей степени. Рассмотрим вначале разницу в результатах у двух групп глаголов (движения и позиции), затем у конкретных глаголов внутри этих групп, а также попытаемся определить, имеются ли генетические или ареальные “предпочтения” тех или иных путей грамматикализации.

4.2.2.3.1. Глаголы движения и позиции как две группы источников

Сравнение путей грамматикализации глаголов движения и путей грамматикализации глаголов позиции позволяет сделать следующие выводы.

Глаголы движения отличаются большим разнообразием путей грамматикализации и, по всей видимости, не образуют особой группы источников (т.е. группы лексем, сходным образом себя ведущих с точки зрения путей грамматикализации). Напротив, глаголы позиции образуют достаточно однородную группу: у всех из них имеется лишь по одному основному пути грамматикализации, причем это для всех глаголов превращение в аспектуальный имперфективный показатель (с прогрессивным, дуративным, континуативным, хабитуальным значением; иногда также встречается результативное). Такое

различие между двумя группами неудивительно: глаголы движения очень сильно различаются по исходной дейктической (ориентационной) семантике, так что каждый из них может подвергаться достаточно сильно различающимся переосмыслениям исходной ситуации движения. Напротив, все глаголы позиции обозначают именно состояние; что же касается компонента способа нахождения в состоянии (т.е. собственно “позиционной ориентации”), то он, как наиболее конкретный элемент значения, наиболее быстро “нейтрализуется” и сказывается в лучшем случае лишь на оттенках значения грамматикализуемых форм.

Глаголы движения и позиции как две группы источников демонстрируют две существенные точки пересечения.

Во-первых, глагол движения ХОДИТЬ с точки зрения путей грамматикализации ведет себя практически как глагол позиции: по частоте случаев грамматикализации он вполне соответствует этой группе, и что более важно, его основным путем грамматикализации также является приобретение аспектуального имперфективного значения. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что по своим акциональным свойствам ХОДИТЬ гораздо ближе к глаголам позиции: он обозначает ненаправленное (и/или неоднократное) перемещение, т.е. неопредельный процесс. В каком-то смысле ХОДИТЬ можно даже также рассматривать как глагол позиции, хотя и особого рода: “позиция” в данном случае заключается в постоянном перемещении без определенного пункта назначения.

Во-вторых, глаголы вхождения в состояние (ВСТАВАТЬ и др.) как источники грамматикализации, напротив, сближаются по своим свойствам с глаголами направленного перемещения: для них (но не для глаголов позиции, обозначающих состояние), в частности, характерно развитие в перфективные модификаторы. Как можно видеть, по своим акциональным свойствам глаголы вхождения в состояние (обозначающие предельный процесс, т.е. процесс, завершающийся приобретением определенной позиции) сходны именно с типичными глаголами движения.

Таким образом, представляется, что как различие в поведении глаголов движения и глаголов позиции как двух групп источников, так и некоторые сходства между отдельными представителями этих групп вполне объяснимы и закономерны.

4.2.2.3.2. Разброс итоговых значений для конкретных глаголов

Как уже в общих чертах указывалось выше, по разнообразию итоговых значений не имеют себе равных два основных глагола движения ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ: у них отмечено по 10 основных и примерно по столько же периферийных путей грамматикализации. Более одного основного, т.е. достаточно частотного, пути грамматикализации, мы выделили у ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ, ВОЗВРАЩАТЬСЯ и ВХОДИТЬ. У всех глаголов, кроме ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ, число всех путей грамматикализации менее десяти.

При всей условности определения “пути грамматикализации” и разграничения основных/периферийных путей, приведенные в таблицах цифры подтверждают тот факт, что наиболее подвержены грамматикализации два наиболее базовых глагола движения; они содержат в себе наибольший потенциал для переосмысления исходного пространственного значения и для развития разнообразных грамматических функций.

Полностью “рейтинг” по количеству основных (в скобках — периферийных) путей грамматикализации выглядит следующим образом:

ПРИХОДИТЬ	10 (+9)
ИДТИ/УХОДИТЬ	10 (+8)
ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ	5 (+2)
ВОЗВРАЩАТЬСЯ	2 (+6)
ВХОДИТЬ	2 (+2)

СТОЯТЬ (/ВСТАВАТЬ)	1 (+8)
СИДЕТЬ (/САДИТЬСЯ)	1 (+8)
ВЫХОДИТЬ	1 (+6)
ПОДНИМАТЬСЯ	1 (+5)
СПУСКАТЬСЯ	1 (+4)
ХОДИТЬ	1 (+3)
ЛЕЖАТЬ (/ЛОЖИТЬСЯ)	1 (+3)

4.2.2.3.3. Частота путей грамматикализации для конкретных глаголов

В таблицах 1-2 выше приводились приблизительные, но абсолютные цифры по случаям грамматикализации тех или иных глаголов. Ниже мы обобщим эти данные, указав для каждого глагола приблизительную долю (в процентах) каждого из основных путей грамматикализации: будет указано, в каком проценте языков (из тех, в которых имеются какие-либо случаи грамматикализации, ср. вторую колонку в таблицах) зафиксирован именно конкретный путь грамматикализации.

Можно сказать, что такие условные оценки помогут приблизительно представить, каковы могут быть наши ожидания о встречаемости в языках мира тех или иных путей; хотя наличие в языке определенного пути грамматикализации в принципе предсказать нельзя (см. подробнее ниже), можно приблизительно оценить, какова вероятность того, что некоторый путь развития встретится в еще не рассмотренных языках (ср. аналогичную точку зрения в [Heine et al. 1991b: 243-244; Heine 1993: 124-125] и др.).

Глаголы движения (кроме ХОДИТЬ)

Наиболее распространенными результатами грамматикализации конструкций с глаголом ИДТИ/УХОДИТЬ являются значения будущего времени/перспектива (около 30%) и значения имперфективной аспектуальной области (менее 30%); помимо этого, отмечается приобретение значений перфектива/прошедшего времени или перфекта (порядка 15%), а также инхотатива, императивных и модальных значений, целевого значения, превращение в показатель пассива, следования во времени, именной модификатор (порядка 5-10% для каждого пути).

Наиболее распространенными результатами грамматикализации конструкций с глаголом ПРИХОДИТЬ являются значения будущего времени/перспектива (порядка 30%) и значения имперфективной аспектуальной области (около 20%); помимо этого, отмечается приобретение императивных значений, значений перфекта/ перфектива/ прошедшего времени, наступления нового состояния и модальных значений возможности и необходимости (чуть более 10% для каждого из путей), а также приобретение целевого значения, превращение в показатель пассива, следования во времени, именной модификатор (менее 10% для каждого пути).

Наиболее распространенным результатом грамматикализации конструкций с глаголом ВОЗВРАЩАТЬСЯ является значение рефактива (порядка 80%).

Наиболее распространенными результатами грамматикализации конструкций с глаголом ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ являются: использование в сравнительной конструкции (порядка 30%), а также приобретение экспериенциального значения, значения перфектива, значения комитативного способа действия, превращение в модификатор имени (менее или порядка 20% для каждого пути).

Следующие выводы касаются весьма редко грамматикализуемых глаголов — хотя в них и используются большие проценты, необходимо учесть, что эти подсчеты опираются на крайне немногочисленные случаи (по десятку или чуть более).

Наиболее распространенными результатами грамматикализации конструкций с глаголом ВХОДИТЬ является значение инхоатива (порядка 50%), а также превращение в модификатор имени (менее 40%).

Наиболее распространенным результатом грамматикализации конструкций с глаголом ВЫХОДИТЬ является перфективное значение (более 50%).

Наиболее распространенным результатом грамматикализации конструкций с глаголом ПОДНИМАТЬСЯ является инхоативное значение (порядка 50%).

Наиболее распространенными результатами грамматикализации конструкций с глаголом СПУСКАТЬСЯ являются значения, связанные с указанием на степень интенсивности осуществления ситуации (порядка 50%).

Глаголы позиции и ХОДИТЬ

Наиболее распространенными результатами грамматикализации конструкций с глаголом ХОДИТЬ и глаголами позиции (СИДЕТЬ, СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ) являются значения имперфективной аспектуальной области (порядка 90%).

Для конструкций с глаголами вхождения в состояние ВСТАВАТЬ и др. наиболее распространенным результатом грамматикализации является превращение в перфективный модификатор (хотя примеры немногочисленны).

4.2.2.3.4. Ареальные и генетические закономерности грамматикализации

Как показывает наш материал, случаи грамматикализации глаголов движения и позиции имеются в языках разных семей и ареалов и в целом не ограничены какими-либо определенными группами генетически или ареально близких языков. Некоторые генетические или ареальные предпочтения, однако, существуют.

Прежде всего, имеются языки с чрезвычайно богатым набором грамматикализованных конструкций с глаголами движения или позиции. Это в первую очередь ярко выраженные аналитические, а также изолирующие языки: отметим романские (главным образом иберо-романские), тюркские, индоарийские языки, китайский и некоторые другие языки Юго-Восточной Азии, а также языки банту в Африке. Во многих из этих языков набор вспомогательных глаголов в грамматикализованных конструкциях не ограничивается глаголами движения и позиции, но именно эти глаголы (особенно глаголы движения) играют среди служебных единиц наиболее важную роль.

Напротив, в некоторых языковых объединениях случаи грамматикализации рассмотренных нами глаголов крайне редки: например, это относится к языкам Америки и Австралии. Отчасти (особенно в том, что касается америндских языков) это может объясняться отсутствием достаточно большого числа полных описаний; с другой стороны, это может быть связано и с тем, что значительное число языков Америки (особенно Северной) представляет собой ярко выраженный синтетический тип, что — при отсутствии письменных данных об истории языка — делает практически невозможным установление происхождения грамматических показателей.

Хотя примеры многих путей грамматикализации были обнаружены нами в языках самых различных семей и ареалов, имеются и такие пути, которые представлены более ограниченно. Так, использование конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ или ПРИХОДИТЬ для выражения пассива есть в основном особенность индоиранских языков, а также итальянского; выражение дезидеративного значения при помощи конструкции с ПРИХОДИТЬ характерно, насколько нам известно, лишь для тюркских языков, а использование глагола ПЕРЕХОДИТЬ/ПРОХОДИТЬ для выражения экспериенциального значения засвидетельствовано (пока) только в некоторых языках Юго-Восточной Азии. Наличие систем аналитических перфективаторов свойственно также почти исключительно языкам Азии (Центральной, Южной и Юго-Восточной).

Подобные случаи конкретной генетической или ареальной “привязки”, однако, не очень многочисленны и в большей степени свойственны периферийным путям развития, нежели основным.

Отметим также, что на уровне двух рассмотренных нами групп источников (глаголы движения vs. позиции) практически все языки мира отдают предпочтение первой из них. Имеется достаточно много языков, в которых есть только случаи грамматикализации глаголов движения (романские, большинство иранских, австронезийские, многие америндские, контактные языки, многие языки Юго-Восточной Азии и пр.). С другой стороны, нам практически не встретилось языков, которые имели бы склонность только к грамматикализации глаголов позиции: среди немногочисленных исключений можно назвать некоторые австралийские и африканские языки (которые, как видно по разделу 3.5, из всех глаголов позиции часто предпочитают СИДЕТЬ).

4.2.3. Соотношение источников и результатов грамматикализации

Перечисление возможных путей грамматикализации глаголов движения и позиции показывает, что:

- * во-первых, каждому глаголу свойственно по несколько путей развития (от менее 5 до около 20),
- * во-вторых, многие результаты грамматикализации повторяются у разных глаголов.

Данная ситуация характерна, конечно, не только для глаголов движения и позиции, но и для других источников грамматикализации (см., в частности, [Heine et al. 1991b: 37; Heine 1993: 46]). Она показывает, что соотношение “источник ~ результат грамматикализации” обычно является не взаимно-однозначным, как на рис. 2.А, а гораздо более сложным, скорее как на рис. 2.Б (кружками обозначены источники, квадратами результаты):

Рис. 2.А.

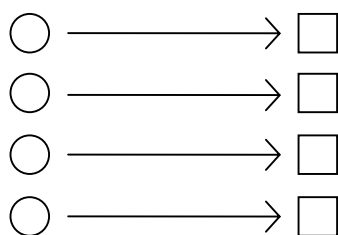
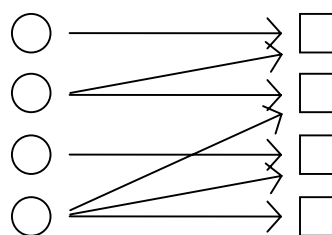

Рис. 2.Б.

Среди исходных лексем есть те, которые обладают большим “потенциалом грамматикализуемости”: такие глаголы, как ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ, выступают во многих исходных конструкциях, которые используются для выражения многих значений, производных от исходного пространственного. С другой стороны, и среди итоговых категорий некоторые представляют собой весьма мощные “точки схождения” значений показателей, восходящих к различным источникам (ср., например, перфективное или инхоативное значение).

Наибольший теоретический интерес представляют, по-видимому, два следующих крайних случая:

а) различные единицы-источники грамматикализации дают в качестве результата (в разных языках или в пределах одного языка) показатели с близким или тождественным значением;

б) одна единица-источник грамматикализации дает в качестве результата (в разных языках или даже в пределах одного языка) показатели с едва ли не противоположным значением.

Мы кратко остановимся на подобных случаях, проиллюстрировав их примерами из нашего материала.

4.2.3.1. Разные источники — одинаковые результаты

Итак, часто некоторое значение (или очень близкие значения) может приобретаться в результате грамматикализации двумя и более разными исходными лексическими единицами. Среди встретившихся случаев наиболее распространены следующие:

1. Источниками форм со значением будущего времени или проспектива могут являться конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ, а также с ВОЗВРАЩАТЬСЯ, ХОДИТЬ, СТОЯТЬ; отметим также интенциональное значение у конструкции с СПУСКАТЬСЯ (см. 4.1.1.1).

2. Источниками форм с имперфективным значением могут являться конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ, ПРИХОДИТЬ, ХОДИТЬ, всеми глаголами позиции; отметим также континуативное значение у конструкций с ПОДНИМАТЬСЯ, СПУСКАТЬСЯ (см. 4.1.2.1).

3. Источниками форм с перфективным значением могут являться конструкции чуть ли не со всеми из рассмотренных глаголов движения (кроме ВОЗВРАЩАТЬСЯ и ХОДИТЬ), а также с позиционными глаголами вхождения в состояние (см. 4.1.2.2).

4. Источниками форм с инхоативным значением могут являться конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ, ВХОДИТЬ, ВЫХОДИТЬ, ПОДНИМАТЬСЯ, а также некоторыми глаголами позиции (см. 4.1.2.3).

5. Источниками форм с императивными значениями могут являться конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ, а также, реже, ХОДИТЬ, ПОДНИМАТЬСЯ, СПУСКАТЬСЯ, некоторыми глаголами позиции (см. 4.1.3.1).

6. Источниками форм с целевым значением, со значением следования, а также пассивных форм могут являться конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ (см. 4.1.4.3, 4.1.1.4, 4.1.4.1).

Тот факт, что “обычно язык располагает несколькими способами создать некоторую грамматическую категорию или заменить уже существующую” [Heine, Reh 1984: 113], достаточно хорошо известен. Возникает вопрос, каким образом может появляться такая ситуация: в том ли дело, что лексические источники на самом деле в значительной степени похожи по значению, или в чем-либо другом? Здесь можно выделить две основные ситуации.

Во-первых, даже при различии лексической семантики источников, определяющим для пути грамматикализации является обычно **значение всей конструкции** в целом, так что в составе конструкции определенные стороны значения глаголов могут “уйти в тень” и не играть существенной роли. Так, мы уже говорили о том, что именно особая конструкция с глаголом движения и смысловым глаголом в форме инфинитива (часто с целевым маркированием при помощи предлога), т.е. конструкция со значением перемещения к цели, является исходной для форм будущего времени/ проспектива, а видимо также и для целевых форм и форм следования во времени. В качестве вспомогательных глаголов в таких формах могут выступать разные глаголы движения; исходное различие в характере пространственной ориентации оказывается не столь существенно.

Так, достаточно неожиданно выглядит сравнение результатов грамматикализации глаголов ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ: практически все из основных путей грамматикализации, выделенные для каждого из этих глаголов, совпадают. Исходно эти глаголы, как уже говорилось, представляют собой своеобразные “дейктические антонимы”: они описывают противоположные по дейктической ориентации ситуации (удаление vs. приближение к дейктическому центру), и это противопоставление сохраняется у показателей пространственной ориентации, восходящих к этим глаголам (2.1). Для более абстрактных и менее “буквальных” значений характерна скорее нейтрализация этого дейктического противопоставления, лишь “следы” которого продолжают ощущаться в ряде употреблений (ср. выбор одного из двух глаголов в зависимости от различной “перспективы” рассмотрения ситуации в имперфективных контекстах, см. 4.1.1.5).

Во-вторых, исходное лексическое значение каждого из источников может оставаться определяющим, но при этом каждая из различных исходных структур может каким-то своим способом “дойти” до одного и того же результирующего значения. Дело здесь в том, что описать некоторую ситуацию можно многими разными способами, и очень разные лексические источники могут служить **разными “подходами”** к одному и тому же. (Из наиболее известных примеров отметим пути грамматикализации будущего времени: среди “подходов” к указанию на ситуацию в будущем отмечаются обозначение приближения к ситуации как к цели, указание на наличие желания или обязанности субъекта по осуществлению действия, указание на начало ситуации и т.п.)

Из рассмотренных путей грамматикализации особенно интересны в этом отношении значения перфектива и инхотатива (в последнем случае имеются в виду прежде всего случаи, независимые от перфектива, т.е. инхотатив как чисто фазовое значение, а не как одна из интерпретаций перфективных форм).

Инхотативное значение может выражаться при помощи конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ, ПРИХОДИТЬ, ВХОДИТЬ, ВЫХОДИТЬ, ПОДНИМАТЬСЯ, ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ, СТОЯТЬ и СИДЕТЬ (в последних двух случаях скорее всего речь должна идти о ‘вставать’ и ‘садиться’). Выше мы предположили, что развитие инхотативного значения происходит во всех этих случаях за счет переосмысления исходной

структуры ‘переместиться/ занять позицию с целью совершения действия’ (вариант более общей структуры ‘резкое изменение состояния с целью совершения действия’), см. 4.1.2.3. Однако в ряде ситуаций путь от исходного пространственного значения к инхоативному является более непосредственным: так, для конструкций с ПРИХОДИТЬ и ВХОДИТЬ появление инхоативного значения объясняется, скорее всего, осмыслением “вхождение в состояние как достижение местоположения” (‘прийти куда-либо’, ‘войти во что-либо’). Для конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ и ВЫХОДИТЬ, напротив, не исключено, что происходит осмысление “удаления со сцены” при совершении действия как начала этого действия. Что же касается ПОДНИМАТЬСЯ, то скорее можно говорить о существовании особой метафоры “движение вверх как начало”.

Ситуация с перфективными модификаторами еще более сложна, поскольку их набор типологически весьма разнороден⁶⁰, а кроме того, их может быть по несколько даже в одном языке. Здесь, как нам кажется, выбор служебного глагола-модификатора происходит на уровне конкретной глагольной лексемы или небольшого класса лексем и зависит прежде всего от семантики смыслового глагола. Для каких-то глаголов, например, достижение предела осмысляется как удаление, для каких-то как вхождение внутрь или спуск вниз (поскольку, в самом общем виде, результат ситуации прямо или опосредованно связан с определенным типом перемещения какого-либо из участников). Тем самым, здесь мы имеем дело с проявлением “мини-метафор” не на уровне всех глаголов языка, а на уровне конкретных типов ситуаций.

Итак, “одно и то же” может получаться из различных лексических источников либо в случае их использования в конструкциях с определенным значением, в которых специфические стороны значения лексемы отходят на второй план, либо в случае разных метафорических переосмыслений исходных структур, при которых целевые области метафор (так наз. “*target domains*”), тем не менее, совпадают.⁶¹

4.2.3.2. Один источник — противоположные результаты

Встречаются и случаи, когда одна и та же единица-источник грамматикализации дает в качестве результатов показатели с едва ли не противоположным значением. Примеры такого рода обнаруживаются прежде всего у глаголов, которым свойственны многочисленные пути грамматикализации. Так, среди результатов грамматикализации ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ имеются:

- как показатели будущего времени/ проспектива, так и показатели прошедшего времени/перфекта;
- как показатели значений перфективной аспектуальной области, так и показатели с имперфективными значениями.

Что касается ПРИХОДИТЬ, то восходящие к нему показатели могут обозначать как близость, так и удаленность от дейктического центра, а кроме того, как источник, так и цель движения.

⁶⁰ Так, еще Э. Траугот отмечает, что среди пространственных источников перфективного (“терминативного”, в ее терминологии) значения встречаются как показатели удаления, так и приближения и пути, а также движения вверх/вниз [Traugott 1978: 391-393].

⁶¹ Ср. также классический пример “использования разных мотивирующих признаков при обозначении одних и тех же предметов и явлений действительности” в лексике (по [Маслов 1998: 111]): в разных русских говорах растение, именуемое в литературном языке *одуванчик* (т.к. его семена сдуваются потоком воздуха), называется *пухлянкой* (т.к. его созревшие семена окружены “пухом”), *летучкой* (т.к. его семена разлетаются от дуновения воздуха), *молочником* (т.к. на разломе его стебля выделяется белая жидкость). Таких примеров существует множество как в лексике, так и в грамматике.

Объяснение подобным фактам предоставляет также рассмотрение **конструкций** как первичных исходных единиц, подвергаемых грамматикализации. Можно сказать наверняка, что если удастся идентифицировать в показателях с сильно различающимися значениями одну и ту же лексическую единицу-источник, то показатели эти развились из различных конструкций (с участием данной единицы).

Для ситуации движения в целом важны такие параметры, как конечная и начальная точка перемещения в пространстве, маршрут перемещения и т.п. В разных контекстах быть более важным (и получить эксплицитное выражение) может один из этих параметров. Так, исходные структуры со значением движения к цели ‘идти к’, ‘приходить к’ — и именно они — являются источниками для форм будущего времени/перспектива или модификаторов приближения. Напротив, конструкции со значением удаления из исходного пункта или перемещения после осуществления действия (‘приходить из’, ‘уйти, сделав’ и пр.) используются для указания на завершившуюся до точки отсчета ситуацию, а также собственно для маркирования источника. Что же касается конструкций, в которых ни начальная, ни конечная точка не специфицируются (а обозначается “просто перемещение” при совершении некоторого действия), то именно они обычно и являются источниками имперфективных показателей.⁶²

Подобные закономерности охватывают значительное число случаев, хотя исключения также отмечаются — ср. перфективную конструкцию в каталанском, “перспективную” по внутренней форме (2.2.3), использование в имперфективных конструкциях как описанных только что структур, так и сочетаний с “целевым” инфинитивом (3.4.1) и пр. Такие случаи показывают, что возможные пути грамматикализации конкретных исходных конструкций могут быть предсказаны далеко не всегда.

Теоретически, само построение базы данных по возможным путям грамматикализации (наподобие справочника [Heine et al. 1993]) правильнее было бы организовать не по принципу “от лексического источника к результату”, а “от исходной конструкции к результату”. К сожалению, это часто невозможно сделать, поскольку вся исходная конструкция бывает неизвестна, хотя определить этимологию грамматического показателя с точностью до корневой леммы скорее удастся. Именно поэтому у нас (в главах 2-3), как и в справочнике [Heine et al. 1993], изложение велось “от леммы к путям грамматикализации” (хотя внутренняя форма конструкций везде, где это возможно, специально отмечалась).

4.2.4. Объяснимы ли пути грамматикализации глаголов движения и позиции?

Проблема объяснения путей грамматикализации глаголов движения и позиции может быть рассмотрена на разных уровнях. Во-первых, интересен вопрос, почему именно эти глаголы (особенно глаголы движения) так часто грамматикализуются в разных языках мира? Во-вторых, можно искать объяснения того, почему в языках мира конструкции с конкретными глаголами приобретают в ходе грамматикализации именно такие значения (эта проблематика на многих примерах подробно рассмотрена в 4.1)? Наконец, в-третьих, возможна постановка вопроса о том, почему некоторая конструкция грамматикализовалась (и приобрела такое-то значение) в конкретном языке? И можно

⁶² На “судьбу” грамматикализуемой конструкции во многом влияет и грамматическая форма вспомогательного глагола: так, в перспективных конструкциях и конструкциях “акциональной модификации дуративного типа” вспомогательные глаголы почти всегда стоят в имперфективных формах (типа презенса или имперфекта), тогда как в инхоативных конструкциях и конструкциях “акциональной модификации предельного типа” — в перфективных (типа прошедшего времени совершенного вида).

ли делать какие-либо предсказания о грамматикализации — как в “языках мира в целом”, так и в конкретном языке? Эти различные подходы к объяснению рассмотрены ниже по порядку.

4.2.4.1. Почему грамматикализуются глаголы движения и позиции

Вопрос о том, почему в языках мира некоторые исходные единицы грамматикализуются очень часто, а некоторые крайне редко или никогда, не раз ставился в работах по теории грамматикализации (см. 1.1). Наиболее близким приближением к ответу на данный вопрос применительно к рассматриваемым нами глаголам можно, по-видимому, считать следующие соображения.

Глаголы движения и позиции грамматикализуются очень часто постольку, поскольку они обозначают достаточно базовые и релевантные для человеческого опыта ситуации. И что даже более важно, именно в терминах этих ситуаций человеку оказывается легче описать какие-то другие ситуации и явления — например, представить приближение к ситуации в будущем как “процесс пути”, перемещение к ней или представить длительное или постоянное действие как действие, совершаемое в устойчивом неподвижном состоянии (например, сидя). Именно в этом смысле мы считаем возможным говорить о “потенциале грамматикализации” лексемы — это фактически потенциал, позволяющий использовать выражение с данной лексемой для описания различных ситуаций, а не только в “буквальном” контексте.

Наличие такого потенциала не является специфичным для процесса грамматикализации; он может проявляться и без грамматикализации, а на уровне самой лексемы при наличии у нее нескольких значений, т.е. в структуре ее полисемии. Как очевидно при взгляде даже только на глаголы движения и позиции, те лексемы, которые часто грамматикализуются, обычно относятся к многозначным, так что имеющийся в них потенциал реализуется в языках без грамматикализации просто на уровне полисемии лексемы, без превращения ее в модификатор (это мы пытались показать, в частности, приводя в 4.1 параллели метафорического использования русских глаголов как аналоги грамматикализованных глаголов в других языках).

Конечно, утверждать, что именно глаголы типа ИДТИ или СИДЕТЬ наиболее “подходят” для метафоризации и грамматикализации, легко постфактум: ведь мы заранее хорошо знаем, что эти глаголы часто грамматикализуются, так что в данном случае не предсказываем возможность их грамматикализации, а пытаемся понять и объяснить, почему они действительно грамматикализировались. Предсказания здесь могут носить скорее отрицательный характер: про те лексемы, относительно которых не общеизвестно, грамматикализуются они или нет, можно предположить, насколько вероятно, что это будет когда-либо обнаружено. Конечно, не удивительно, что для глаголов типа *согнуться*, *открыть*, *жечь* или *плакать* случаи грамматикализации неизвестны; но принципиальной невозможности для их грамматикализации в каком-либо языке мира, мы уверены, нет (см. также далее, 4.2.5.3). В целом эти глаголы являются менее базовыми хотя бы в том отношении, что они описывают ситуации, не столь частые и не столь существенные для жизни человека (куда-либо *идет* или где-либо *сидит*, что-нибудь кому-нибудь *дает* или *говорит* человек, конечно, гораздо чаще, чем *жжет* что-нибудь или о чем-то *плачет*). С другой стороны, трудно (хотя не невозможно в принципе) представить себе, чтобы именно эти более редкие глаголы (а не какие-либо более базовые) были использованы говорящими для сообщения о чем-то из другой области, например для выражения определенного способа протекания ситуации, отношения говорящего к ситуации и т.п.

Итак, по нашему мнению, исследователь может “задним числом” понять, почему именно глаголы движения и позиции так часто грамматикализуются в языках мира, но предсказания можно сделать лишь достаточно слабые и отрицательные, в терминах большей/меньшей вероятности некоторого пути развития.

4.2.4.2. Почему глаголам движения и позиции свойственны именно такие пути грамматикализации

В 4.1 выше было показано, каковы, на наш взгляд, причины того, что глаголы движения и позиции развиваются именно таким образом, как это было описано в главах 2-3, т.е. как можно объяснить/мотивировать выявленные пути грамматикализации этих глаголов.

Как кажется, нам удалось показать, что результаты грамматикализации глаголов движения и позиции в целом являются м о т и в и р о в а н н ы м и , и могут быть объяснены обычно на основе определенных метафорических переносов и переосмысления пространственных ситуаций в терминах пространственных категорий. Правильнее было бы, возможно, даже сказать, что мы изначально исходили из постулата о мотивированности семантического развития⁶³: раз конструкции с глаголами движения и позиции во многих языках начали использоваться для выражения многих различных, в т.ч. весьма абстрактных, значений, то произошло это, по нашему мнению, благодаря способности человеческого мышления представить одни ситуации или одну область опыта через другие ситуации или другие области. Т.е. мы изначально исходили из предположения о мотивированности возникновения и развития таких конструкций, и пытались понять, в чем именно состоит эта мотивация. Во многих случаях это удалось, но для некоторых случаев, впрочем, причины именно такого развития продолжают оставаться не вполне понятными.

Нельзя забывать и о том, насколько возможно подтверждение выдвигаемых гипотез о развитии того или иного значения (например, об осмыслении достижения цели как начала ситуации, возвращения к исходному пункту как повтора ситуации и т.п.). Выше при формулировании таких гипотез использовался типологический подход, т.е. для подтверждения того, что имеет место именно такой путь семантического развития, привлекались данные нескольких языков: раз в одних языках развитие прошло таким образом, то скорее всего и в других языках его мотивация должна быть аналогичной. Можно ли, однако, подтвердить, что некоторый путь развития имеет место, не выходя за рамки одного языка (ведь в принципе нельзя исключить, что если в каких-то языках достижение цели осмысливается как начало, то в другом языке связь между этими двумя значениями может быть основана на чем-то другом)? Одним из направлений такого подтверждения может служить поиск “устойчивых метафор” (так наз. *invariance hypothesis* Дж. Лакоффа; см. [Lakoff 1990], а также краткий обзор в [Рахилина 2000: 144-145, 369-370]): если для какого-то языкового примера постулируется существование некоторой метафорической модели, то она должна проявляться и в других случаях (применительно к настоящему исследованию это значит, что, например, если ВХОДИТЬ превратился в показатель инхотатива, то должны иметься и другие контексты, в которых в данном языке достижение цели используется для указания на начало). Проверка по принципу “устойчивости метафоры” в процессе грамматикализации (и самой релевантности этого принципа) остается пока делом будущего.

⁶³ Ср. “постулат о мотивированности соотношения между смыслом и формой” у А. Е. Кибрика: устройство грамматической формы всегда тем или иным образом отражает ее значение, хотя с течением времени исходная связь между ними затемняется; поэтому в задачу лингвиста входит обнаружение исходного, мотивированного состояния [Кибрик 1992: 25].

Возникает вопрос о том, насколько подобные объяснения следует считать объяснениями в полном смысле слова. Согласно одному из пониманий, подлинное объяснение всегда влечет возможность предсказания объясняемого явления. При этом, по словам Р. Ласса, между объяснением и предсказанием имеется следующая асимметрия: если наличие объяснения всегда влечет возможность предсказания (т.е. если мы понимаем, что представляет собой некоторое явление, мы можем предсказать, когда оно произойдет), то обратное не имеет места, т.е. возможно “предсказание без объяснения” (так, можно предсказать восход солнца, не имея представления о физических законах природы) [Lass 1980: 13-14]. В этом смысле объяснения, данные выше и даваемые обычно в работах по грамматикализации и метафоризации, можно считать случаями “объяснения без предсказания”: исследователь может попытаться понять, почему то или иное явление имело место, однако не может предсказать, при каких условиях произойдет это явление. “Вероятностные” же объяснения (и предсказания), по мнению Р. Ласса, по сути объяснениями не являются, а являются не более чем статистическими обобщениями; они не могут предсказать наличие конкретного случая изменения и не могут быть фальсифицированы конкретными контрпримерами [Lass 1980: 12-13, 19-21].

Действительно, мы не можем предсказать, будет ли грамматикализован, например, глагол ВХОДИТЬ в произвольно взятом языке, и если да, то по какому из путей пойдет его развитие — в лучшем случае мы можем указать, что наиболее вероятно, а что нет, но нельзя исключить и возможности того, что путь развития ВХОДИТЬ во взятом языке будет уникальным и еще не отмечавшимся в языках мира.

Важное уточнение в связи с критическим подходом Р. Ласса сделал, однако, Р. Келлер: по его мнению, вероятностные объяснения исторических изменений не являются “псевдообъяснениями”, — просто объясняют они не отдельные случаи, а тенденции. Так, переход фонетической последовательности /nb/ в /mb/ связан с меньшими затратами на артикуляцию, но обычно не вредит коммуникативным намерениям говорящих; при этом люди выбирают те действия, которые наиболее “выигрышны” для них, а если от существующей конвенции отклонится большая часть языкового сообщества, то произойдет сдвиг от этой конвенции. В результате верно, что “обычно возникает сдвиг конвенции от /nb/ к /mb/” [Келлер 1997: 213-214]. Это утверждение обладает объяснительной силой, хотя и не предсказывает, превратится ли, например, англ. *in between* ‘между’ в *imbetween*.

По нашему мнению, подобная ситуация не является катастрофичной для исследований по грамматикализации, а является совершенно закономерной. Грамматикализация во многих случаях связана с определенной субъективной интерпретацией действительности говорящими (что отражается в использовании старых форм в новых контекстах и постепенным изменением значений этих форм), и предсказать, какую форму примет эта интерпретация, практически невозможно.

Ограниченность предсказаний о ходе языковых изменений не раз обсуждалась типологами. Так, Т. Кутева пишет, что, конечно, “теория грамматики проясняет природу исторических изменений, однако не следует требовать слишком многого. Это правда, что языки изменяются не произвольным образом и что многие изменения и способы их возникновения могут быть объяснены: однако, все такие объяснения делаются апостериори скорее, нежели априори. На основе огромного массива сведений об изменениях, засвидетельствованных в естественных языках, лингвисты могут предсказать, какие из изменений наиболее вероятны типологически; однако, они не могут гарантировать, произойдут ли, и когда, эти изменения в действительности. Работа лингвистов в этом смысле гораздо труднее, чем прогноз погоды” [Kuteva 1999: 211]. По мнению Дж. Матисофа, “достаточно банальным представляется тот факт, что путь семантического развития является в принципе непредсказуемым, отчасти в силу того, что он находится во власти

экстралингвистических факторов. Мы живем в мире, в котором слово со значением ‘нашпигованный инжиром’ (нар. лат. **fīcātu*) стало означать ‘печень’ (итал. *fegato*, исп. *higado*, франц. *foie*), благодаря средиземноморскому обычаю откармливать гусей инжиром для того, чтобы из их увеличившейся печени приготовить деликатес *foie gras*” [Matisoff 1991: 445] (ср. также др. цитату ниже). Тем самым, “мы должны удовлетвориться тем, что будем лишь сидеть и наблюдать, как языки меняются семантически и синтаксически по своим внутренним и непостижимым законам” [Matisoff 1991: 446-447]. Пессимизм по поводу возможности предсказания путей развития грамматики выражается также в [Серебрянников 1974: 39-41, 63].

Невозможность предсказать ход языкового развития характерна не только для изменения значений, но и для изменений формы слов; ср. рассуждения Б. Джозефа по поводу диахронической морфологии: “Вполне может статься, что для морфологических изменений общая теория — это значит, предсказательная теория — вообще невозможна, и единственное, что можно сделать, это каталогизировать тенденции, которые, как бы они ни были ценны, сами по себе не представляют однозначных предсказаний того, какие изменения непременно произойдут в конкретной ситуации. В этом смысле объяснения морфологических изменений являются в целом лишь ретроспективными, это “взгляд назад” на произошедшее изменение и попытка понять его” [Joseph 1998: 366].

Тем самым, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что говорить о “возможных” и “невозможных” путях грамматикализации можно лишь условно⁶⁴, а более правильно было бы рассуждать в терминах ядерных и частотных vs. периферийных и редких путей. Делать некоторые слабые, отрицательные предсказания по поводу невозможных путей грамматикализации в принципе можно: как указывает Ф. Лихтенберг, поскольку семантическая связь между источником и результатом развития не произвольна, то можно в общем виде представить себе, в каких случаях эта связь скорее всего не будет установлена: так, глагол ИДТИ вряд ли может сразу превратиться в показатель движения назад, а рефактивный показатель — приобрести значение источника движения [Lichtenberk 1991: 504-505]. Нельзя, однако, исключать возможности и таких путей развития, хотя бы в единичных случаях и, возможно, лишь при определенных специфических условиях.

Отметим, например, что одним из кандидатов на пример “невозможного пути грамматикализации” могло бы быть развитие глагола ВОЗВРАЩАТЬСЯ в показатель будущего времени: из типологических работ обычно следует, что источниками будущего времени среди глаголов движения являются исключительно ИДТИ и ПРИХОДИТЬ (в конструкциях со значением приближения к цели), да и в самом ВОЗВРАЩАТЬСЯ не видно того “потенциала”, который мог бы подвинуть говорящих использовать именно его для указания на ситуацию в будущем. Тем не менее, предположение о принципиальной невозможности такого развития неверно: ср. данные о языке тохолабаль в 2.10.3.6.

Вывод, который может быть сделан на основе изучения путей грамматикализации глаголов движения и позиции, заключается в том, что пути эти (как и вообще пути семантических изменений) являются мотивированными, но скорее не предсказуемыми. Постулат о мотивированности языковых изменений принимается большинством исследователей, однако важно понимать, что мотивация эта может быть установлена лишь “задним числом”. Мотивированность, но непредсказуемость семантической системы языка подчеркнул в свое время Дж. Лакофф, который, в частности, отметил:

⁶⁴ Ср. также близкую точку зрения (высказанную в связи с непредсказуемостью семантических изменений) в [Томмола 2000: 519]: “Языком ничто не предусмотрено... Все зависит от говорящих и слушающих” и далее: “...лишь о мертвых языках можно сказать, что в них то или другое «невозможно»”.

“Существует огромное различие между принципами, которые *мотивируют* или *позволяют осмыслить* систему, и принципами, которые *порождают* или *позволяют прогнозировать* систему [Лакофф 1988: 17].

Попытка предсказать, какие пути грамматикализации будут возможны у произвольно взятого источника, теоретически не невозможна — хотя, насколько нам известно, такие попытки обычно не предпринимаются. Трудно сказать, на чем могли бы основываться такого рода предсказания: возможно, для начала следует изучить возможные второстепенные значения у данного источника в разных языках (т.е. его полисемию как лексемы).

Позволим себе процитировать в связи со сказанным высказывание Дж. Матисоффа по данной проблеме: “Встает вопрос, не являются ли семантические изменения при грамматикализации более предсказуемыми, чем семантические изменения вообще? Джозеф Гринберг высказал точку зрения (на Симпозиуме по грамматикализации в мае 1988 г.), что это именно так и есть и что смело можно предсказать, что например глагол со значением ‘чихать’ или ‘покупать рыбу’ никогда не перейдет на службу грамматике. При том, что мы полностью согласны с тем, что такое развитие гораздо менее вероятно, чем превращение глагола со значением ‘давать’ в показатель бенефактива, пожалуй никогда не стоит говорить “никогда” о гипотетических путях семантического развития. Бесспорно, ничто не мешает тому, чтобы в каком-либо языке глагол со значением ‘чихать’ приобрел бы переносное значение ‘обращаться небрежно, пренебрежительно’ (ср. англ. *That’s nothing to sneeze at* ‘с этим нельзя не считаться’, букв. “не стоит чихать на это”) и с ним возникли бы грамматические сочетания типа “чихать-говорить” (т.е. ‘говорить небрежно’) или “чихать-ходить” (т.е. ‘ходить с пренебрежающим, напыщенным видом’)!” [Matisoff 1991: 445].

Для примера рассмотрим менее неординарный, чем у Дж. Матисоффа, случай — а именно, глагол ЕСТЬ (‘питаться’). Это глагол скорее можно отнести к базовым, по крайней мере в том смысле, о котором шла речь выше. Но насколько он может быть использован для передачи других идей, не связанных непосредственно с поглощением пищи, заранее судить трудно. Можно предположить, что если он и будет грамматикализован, то не очень часто (хотя, конечно, исследователь, которому придет в голову делать такое предположение, уже должен представлять себе, что такое грамматикализация и какие единицы в языках мира обычно грамматикализуются — так что такой исследователь уже заранее наверняка будет знать, что ЕСТЬ не относится к (часто) грамматикализуемым глаголам). Как теперь можно было бы попытаться “предсказать” возможные пути грамматикализации этого глагола, если они и есть? Глагол описывает постепенное поглощение объекта; не исключено, что его можно использовать для указания на полное завершение действия над объектом (т.е. для передачи перфективного значения: ‘закончил делать’ как “сделал-съел”) или для указания на постепенное развертывание ситуации (‘долго/регулярно делает’ как “делает-ест”). Судя по нашим данным в 2.11.1.7, а также по краткому обзору [Naess 2001], превращение ЕСТЬ в перфективный показатель в паре языков имеется, превращения в имперфективный не зафиксировано, а больше всего случаев использования ЕСТЬ в пассивной конструкции (что мы не предполагали встретить). Возьмем теперь глагол ПИТЬ (вроде бы степень его “базовости” не должна быть меньше, чем у ЕСТЬ): ни случаев его использования в пассиве, ни использования его как перфективного модификатора, по-видимому, не имеется — хотя предположить такое, исходя из семантики источника, вполне можно было бы.

4.2.4.3. Почему глагол движения или позиции (не)грамматикализовался в данном языке

Наконец, рассмотрим вопрос о том, можно ли объяснить и/или предсказать наличие/отсутствие в конкретном языке конкретного случая грамматикализации. По нашему мнению, возможность какого-либо объяснения или предсказания в данном случае близка к нулевой; пока трудно утверждать, какие параметры могли бы способствовать грамматикализации или сдерживать ее.

Для примера можно рассмотреть русский язык. “Хороших”, классических случаев грамматикализации глаголов движения или позиции в русском языке скорее нет, однако в качестве близких к грамматикализации случаев выше приводились: конструкция *пойти* + *инф.* с “экспрессивным” инхоативным значением (*а он как пошел ругаться!*), конструкция *приходиться* + *инф.* со значением долженствования/вынужденности (*мне пришлось уйти*) а также экспериенциальным значением (*мне не раз приходилось туда ездить*), сериальные конструкции с *сидеть/стоять/лежать/ходить* (подчеркивающие длительность, однако обычно сохраняющие позиционную семантику: *сидит* *думает* и т.п.). Естественно, что все из значений, передаваемых этими конструкциями, уже как-то выражались и выражаются в русском языке другими средствами — начинательность при помощи конструкции с *начать* и другими фазовыми глаголами (*начал ругаться, принялся ругаться*), а также многочисленными приставками; долженствование при помощи соответствующих модальных предикатов (*я был вынужден уйти*); экспериенциальность при помощи формы НСВ (*я туда ездил*) и т.п. Можно предположить, что новые конструкции возникли для усиления некоторого значения, для того, чтобы подчеркнуть именно его (тогда как прежние формы могли быть неоднозначными и допускали разные интерпретации). Такое предположение звучит весьма привлекательно (хотя непонятно, как его проверить) — но и оно не “объясняет”, почему в русском языке: во-первых, для передачи этих значений стали использоваться именно эти глаголы (а, например, не глагол *входить* для выражения начала, как во многих других языках: ср. **он вошел ругаться*), и, во-вторых, специальные конструкции возникли именно для этих значений — а, например, не для значения проспектива, которое вообще довольно трудно передать по-русски (ср. **он идет упасть* ‘он вот-вот упадет’, **Петя идет жениться на Маше* ‘собирается жениться’ и пр.). “Почему в русском языке не возникла проспективная конструкция с глаголом *идти*?” — каким образом можно ответить на данный вопрос, в настоящее время установить не представляется возможным.

Возможно, ответ на поставленный вопрос кроется в неких “системных принципах” грамматического устройства конкретного языка: однако никаких убедительных примеров возникновения тех или иных грамматических форм под давлением “системы” пока приведено не было. Напротив, для языков в целом верно, что:

а) любое содержание можно выразить какими-либо средствами в любом языке (т.е. неверно, что новая форма возникает для выражения некоторого значения, поскольку оно до этого “никак не могло быть выражено”, т.е. имелся “пробел” в системе), и

б) более одной формы с некоторым значением может сосуществовать в языке без четких принципов распределения (т.е. “позиция” в системе может быть заполнена функционально пересекающимися или даже тождественно формами).

Системные требования, возможно, относятся не к грамматике, а к устройству лексического поля грамматикализуемых глаголов (например, русский глагол *идти* не грамматикализуется, поскольку особенности его лексической семантики не таковы, как у англ. *go*, франц. *aller* или глаголов движения в языках банту) — однако такие закономерности (как и вообще лексическая семантика источников грамматикализации) еще сами нуждаются в изучении.

Если какие-то системные требования и существуют, они, по-видимому, являются достаточно “тонкими”, иначе можно было бы ожидать абсолютно тождественных моделей грамматикализации в близкородственных языках. Хотя и такие случаи имеются (ср. пассив в индоиранских языках, результативные глаголы в Юго-Восточной Азии и пр.), имеются и случаи другого рода. Так, в близких друг другу романских языках имеются как случаи активной грамматикализации глаголов движения, так и случаи отсутствия таких примеров (ср. испанский vs. румынский), а для одинаковых конструкций возможны различные пути грамматикализации (ср. проспектив vs. перфектив в испанском и каталанском). Среди лезгинских языков, в цахурском случае грамматикализации глаголов движения или позиции отсутствуют, а в арчинском и агульском имеются, однако в каждом из двух последних представлены пути, которых нет в другом.

В данной работе, как указывалось выше, мы исходили из принципа, в каком-то смысле противоположного “системному”: а именно, из принципа “определяющей роли семантики источника” (*source determination*), в наиболее отчетливом виде сформулированном в [Bybee et al. 1994]. Этот принцип предполагает, что, каковы бы ни были причины возникновения грамматикализуемой конструкции, путь ее развития определяется исходным значением, а не “системой языка”: лишь конкретное исходное значение предопределяет возможные пути развития конструкции. Тем самым, в данной работе принят исключительно функционально-типологический подход к объяснению языковых явлений (в отличие от “системного” или “структурного” подхода): это объяснение на уровне частотных межъязыковых моделей, а не на уровне внутриязыковых структур (ср. также противопоставление “внутриязыкового” и “межъязыкового” типа объяснений в [Croft 1990: 249-252]).

В итоге, приходится констатировать, что случаи грамматикализации на уровне конкретного языка предсказать скорее всего нельзя вообще, а понять, почему они имеются или нет, может быть и можно, но крайней трудно (и в настоящее время неизвестно, каким образом).

Возвращаясь к тезису Дж. Лакоффа о мотивированности, но не предсказуемости семантической классификации, приведем еще одно высказывание этого исследователя. Рассматривая, вслед за Р. Диксоном, систему классификаторов в языке дирбал, он приходит к выводу о том, что “*предсказуемой* является лишь тенденция системы классификации быть структурированной определенным образом... Теория категоризации позволяет предсказывать, какими могут и какими не могут быть системы классификации, но не позволяет точно прогнозировать состав какой-либо категории определенного языка или культуры” [Лакофф 1988: 17]. Применительно же к предмету нашего исследования можно сказать, что предсказуемой (вероятностно) является развитие определенных конструкций с глаголами движения и позиции в показателях с определенным значением, но не само наличие конкретного пути грамматикализации в конкретном языке.

4.2.5. Полнота решения поставленной задачи

Наконец, мы бы хотели обсудить вопрос о том, насколько исчерпывающим образом нам удалось охарактеризовать пути грамматикализации выбранных для рассмотрения глаголов и можно ли в принципе ожидать в этой области дальнейших открытий.

Часто считается, что для предварительного типологического исследования некоторого явления достаточна представительная выборка в 40-100 языков; дальнейшее добавление языков скорее позволит уточнить какие-то параметры, но вряд ли радикально изменит полученные выводы [Croft 1990: 19-20]. Отчасти данный факт подтверждается и нашим опытом. Так, первоначальное исследование путей грамматикализации глаголов

движения [Майсак 2000] основывалось на материале чуть более 100 языков (при этом практически отсутствовали языки Америки, Австралии, Папуа–Новой Гвинеи). Настоящее же исследование грамматикализации глаголов движения, результаты которого представлены в главе 2, во многом подтвердило полученные тогда выводы и обобщения. Можно сказать, что радикальным образом картина возможных путей развития глаголов движения при рассмотрении значительно большего числа языков не изменилась. При этом были обнаружены некоторые неизвестные (нам) ранее пути грамматикализации, про некоторые пути грамматикализации, относимые нами ранее к периферийным, стало понятно, что они гораздо более распространены в языках мира, но огромное число новых случаев грамматикализации в основном “укладывалось” в установленные ранее пути развития.

В этом обстоятельстве есть, как кажется, нечто обнадеживающее: становится очевидно, что разница между языками различных семей и ареалов не так велика и что “языки как бы заново открывают одни и те же элементы смысла” [Кибрик 1992: 12-13], выбирая в данном случае конструкции с глаголами движения и позиции для выражения некоторых грамматических функций.

Мы вполне допускаем, что дальнейшие исследования языков мира (а даже 400 языков есть лишь ничтожно малая их часть, максимум 5%) расширят наши представления о пределах варьирования путей грамматикализации глаголов движения и позиции. В целом же картина, как представляется, определена достаточно полно и все возможные уточнения и добавления будут относиться скорее к периферийной части путей грамматикализации, но не к их ядерной части.

4.2.5.1. Существуют ли другие пути грамматикализации глаголов движения и позиции?

После перечисления путей грамматикализации, обнаруженных нами (или в предшествующих работах) имеет смысл поставить вопрос о том, возможно ли и в каком масштабе существование других путей грамматикализации глаголов движения и позиции?

Давать отрицательный ответ на этот вопрос, как уже говорилось, не представляется возможным: теоретически, в любом из языков, не рассмотренных в данной работе, можно обнаружить какое-либо интересное развитие глаголов движения и позиции, которое не совпадет ни с одним из выделенных нами типов. Так, если бы мы не располагали данными по языку тохолабаль, мы бы (неверно) считали невозможным превращение конструкции с ВОЗВРАЩАТЬСЯ в будущее время, а не имея сведений о языке хинди мы бы считали, что развитие СПУСКАТЬСЯ в показатель намерения совершить действие также невозможно. В целом, говорить в строгом смысле о возможности/невозможности некоторого явления в языке (по крайней мере в области семантических изменений) вряд ли разумно.

Мы, однако, утверждаем, что дальнейшее обнаружение путей грамматикализации глаголов движения и позиции могут быть подчинены лишь следующей закономерности: каждый новый случай будет с большой вероятностью соотноситься с одним из выделенных нами путей (более или менее пропорционально частотности этого пути), а число отмеченных нами путей будет минимальным. Иначе говоря, по нашему мнению, добавление к нашему материалу, скажем, данных о еще 100 языках (разной генетической и ареальной принадлежности), в которых представлена грамматикализация какого-либо глагола позиции, покажет, что порядка 90% случаев будут относиться к превращению этих глаголов в имперфективные показатели, а среди прочих случаев будут некоторые отмеченные нами периферийные пути развития, а также — возможно — единичные принципиально новые пути.

Надеяться на это позволяет сравнительно большой объем выборки и достаточно полное представление в ней языков различных семей и ареалов (1.4.2.2). Хотя типологи часто принимают в качестве условного критерия “невозможности” явления его незасвидетельствованность в значительной и репрезентативной выборке языков, важнее не столько однозначная оценка явления как возможного/невозможного, а скорее оценка его как более распространенного (и тем самым более значимого для общей теории языка) и менее распространенного, ср. [Croft 1990: 44-45]. Оценки степени распространенности исследованных в данной работе явлений были даны выше.

4.2.5.2. Каких путей грамматикализации глаголов движения и позиции не существует?

На основе данных, обобщенных в 4.1, можно утверждать, что результаты грамматикализации глаголов движения и позиции связаны прежде всего с показателями грамматических категорий глагола: в первую очередь такими категориями, как вид, время и модальность, а помимо этого также с показателями, маркирующими аргументные отношения в глаголе. Можно ли в связи с этим утверждать, что при грамматикализации глаголов движения и позиции строгих закономерностей не существует и “всё переходит во всё”?

Во-первых, предположение о превращении глаголов движения и позиции “во всё”, т.е. в любые показатели, далеко от истины. Мы не обнаружили, например, этих глаголов в качестве источников показателей числа существительных, рода или согласовательного класса (а также среди источников именных классификаторов, не считая так наз. “классифицирующих глаголов”), детерминации, в принципе также и падежа (хотя имеются случаи превращения в предлоги/послелого), изафета, почти не встречается превращение в словообразовательные именные аффиксы.

Разнообразие показателей, восходящих к глаголам движения, в области глагола, действительно поражает, однако и здесь засвидетельствованы не все мыслимые возможности. Так, не происходит превращения глаголов движения и позиции в лично-числовые показатели глагола⁶⁵.

Более важно здесь, однако, следующее обстоятельство. Эволюция лексических источников не произвольна не только в одну сторону (т.е. происходит превращение не во что угодно), но и в другую. Показатели каждого типа практически всегда (когда исходную внутреннюю форму можно проследить) соотносятся лишь с определенным типом исходной конструкции: так, будущее время не формируется на основе глагола ВЫХОДИТЬ, а показатели рефлексива не восходят к ИДТИ. Источники каждой из категорий ограничены определенными структурами: так, то же будущее время допускает в качестве исходных прежде всего конструкции со значением ‘двигаться по направлению к ситуации’, тогда как имперфективные показатели предпочитают конструкции ‘двигаться при осуществлении ситуации’.

В связи с этим, тезис о взаимном соотношении источников и результатов в процессе грамматикализации может быть сформулирован более строго: для каждого типа исходной конструкции набор основных типов результатов ограничен (хотя в типологиче-

⁶⁵ Правда, в [Stoпа 1972: 93] утверждается, что в бушменских языках встречается отглагольное происхождение личных местоимений: *я* восходит к глаголу ‘говорить, видеть’, *ты* к ‘слушать, слышать’, *он* к ‘идти, приходиться’, *они* к ‘уходить’. Если эти данные надежны, они говорят о том, что принципиальной невозможности обозначения ролевого дейксиса при помощи глаголов движения не существует.

ском плане, вероятно, не закрыт в области редких путей развития); для каждого типа грамматического значения набор основных возможных источников также ограничен.

4.2.5.3. *Возможна ли грамматикализация других глаголов движения и позиции?*

В главе 1.3 отмечается, что в настоящей работе рассматриваются лишь пути грамматикализации основных глаголов движения и позиции, т.е. тех глаголов, которые обозначают основные, наиболее базовые ситуации перемещения и расположения в пространстве. Естественно, сами по себе классы глаголов движения и позиции как возможных в разных языках лексических единиц мы не исчерпали полностью. Можно ли говорить о том, что грамматикализация других глаголов движения и позиции невозможна или по крайней мере не представлена в языках мира?

В целом это не так. Грамматикализация других глаголов также может иметь место, однако встречается она крайне редко; отметим некоторые случаи, не претендуя на систематичность охвата материала.

Среди **глаголов движения**, не рассматривавшихся нами специально, встречается грамматикализация СЛЕДОВАТЬ (обозначающего движение за ориентиром по тому же пути). Конструкция с таким глаголом отмечается в иберо-романских языках: ср. *seguir* + *ger.* в каталанском [Badia Margarit 1962: 396] и испанском [Левинтова, Вольф 1964: 92; Васильева-Шведе, Степанов 1981: 98-99] и *seguir* + *ger.* / *seguir a inf.* в португальском [Вольф, Никонов 1965: 105] и галисийском [Rojo 1974: 109, 119]; см. также упоминание в [Bybee et al. 1994: 133]. Эти конструкции имеют континуативное значение и обозначают продолжение ситуации: исп. **Seguirón luchando** ‘они будут продолжать борьбу’ (= “будут следовать, сражаясь”); галис. **Pola macan seguna chovendo** ‘утром продолжал идти дождь’ (= “следовало, дождя”). В языке сонгай глагол с аналогичным значением используется как вспомогательный в конструкции *kokor* + *ka* ‘и’ + *V*, обозначающей собственно следование во времени (‘затем, потом *V*’) [Prost 1956: 115]. Имеются случаи превращения данного глагола в предлог/послелог типа ‘вдоль’, ‘в течение’, ‘согласно’, а также в комитативный показатель [Heine et al. 1993: 91].

В языках мира представлена также грамматикализация таких глаголов, как ПАДАТЬ и ДОСТИГАТЬ; они упоминались в 2.11 в качестве возможных вспомогательных глаголов-перфективаторов; см. также дополнительные примеры в [Heine et al. 1993: 85, 180-181].

Имеются и случаи грамматикализации глаголов с более специфическим исходным значением. Так, в шона *-potu* ‘вращаться (*go round*)’ используется как показатель континуатива [Fortune 1955: 357]; в кетском языке дезидеративность выражается не только при помощи конструкции с ИДТИ, но и при помощи конструкции с *ditobyq* ‘лезть’ и инфинитивом [Успенский 1968: 208]. Глагол со значением ‘лететь’ может превращаться в пространственный показатель [Heine et al. 1993: 91]. Глагол со значением ‘бежать’ в языке ягуа превратился в один из суффиксов глагольной ориентации со значением ‘сделать непосредственно по прибытии’ [Payne 1990: 223-224], в языке сапотек используется как вспомогательный при обозначении поспешного действия [Briggs 1961: 13], в английском может считаться вспомогательным глаголом изменения состояния (ср. *run dry* ‘высохнуть’, *run hot* ‘нагреться’), а в португальском образует редкую конструкцию со значением ‘быть готовым сделать; сделать сразу’ [Heine et al. 1993: 189].

Последние примеры наиболее интересны в связи с проблемой ограничения возможных источников грамматикализации. В теоретических работах по грамматикализации общим местом является указание на то, что грамматикализации подвергаются лишь исходные единицы с наиболее общим значением (см. 1.1.2). Наличие же случаев грамматикализации таких глаголов движения, как БЕЖАТЬ или ЛЕТЕТЬ, обозначающих

специфические способы перемещения в пространстве, довольно сильно ослабевает это ограничение. Приходится признать, что в строгом смысле говорить о невозможности какой-то лексической единицы быть подвергнутой грамматикализации нельзя (хотя, бесспорно, если грамматикализация БЕЖАТЬ или ЛЕТЕТЬ будет встречаться в единичных случаях, то грамматикализация ПРИХОДИТЬ представлена в сотнях языках мира); см. также выше рассуждения на данную тему.

Случаев грамматикализации других **глаголов позиции** практически не встречается. К группе глаголов позиции иногда относят ВИСЕТЬ: глагол с таким значением используется (наряду с тремя основными глаголами позиции), например, в нидерландском языке в конструкции с дуративным/хабитуальным значением, см. 3.2 выше. В языке непере глагольный локативный суффикс со значением ‘на, через (верх)’, указывающий на пространственные координаты воздействия на объект, также вероятно восходит к глаголу ‘висеть’ [Rude 1991: 189]. Какие-либо другие примеры нам неизвестны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе были сделаны типологические обобщения о возможных в языках мира путях развития определенной группы лексических источников в грамматические показатели. Функционально-типологический подход к исследованию языковых явлений, которым мы руководствовались, позволил обнаружить важные закономерности в данном частном явлении, которое может быть отнесено к более общей проблематике возникновения и эволюции грамматики.

Ниже суммируются основные результаты работы.

Объектом исследования в работе являлись конструкции с глаголами движения и позиции, находящиеся в процессе грамматикализации в тех или иных языках мира. К рассмотрению принимались те конструкции, в которых вспомогательный глагол выражал один из набора основных смыслов, связанных с перемещением ('идти', 'уходить', 'приходить', 'входить' и др.) или расположением в пространстве ('стоять', 'сидеть' и др.).

Выявленные в обследованной языковой выборке случаи грамматикализации этих конструкций были систематизированы для каждого из исходных глаголов по семантическому основанию — а именно, по результирующему грамматическому значению, приобретенному конструкцией.

Было обнаружено, что частотность случаев грамматикализации весьма сильно различалась для разных исходных глаголов. Так, два основных глагола движения, обозначающие приближение к дейктическому центру или удаление от него (а также "просто" перемещение), т.е. глаголы ПРИХОДИТЬ и ИДТИ/УХОДИТЬ, грамматикализуются чрезвычайно часто: случаи их эволюции в грамматические показатели зафиксированы в большинстве рассмотренных нами языков, в т.ч. нередки случаи, когда в одном языке имеется более одной грамматикализованной конструкции с каким-либо из этих глаголов. Остальные глаголы движения подвергаются грамматикализации с различной частотностью, однако все они очень сильно уступают по данному параметру двум базовым глаголам. Основные глаголы позиции (СТОЯТЬ, СИДЕТЬ, ЛЕЖАТЬ) грамматикализуются также существенно реже, чем базовые глаголы движения; при этом в ходе исследования было установлено, что первенство по частотности грамматикализации принадлежит среди этих глаголов глаголу СИДЕТЬ.

В результате исследования было также показано, что рассмотренные исходные глаголы сильно различаются и с точки зрения того, сколько и каких путей развития в грамматические показатели им свойственно. Даже при том, что конкретные случаи грамматикализации объединялись нами в некоторые группы, "пучки" путей с близкими итоговыми значениями, у разных глаголов число таких групп путей сильно различается. Было показано, что многие глаголы (особенно два основных глагола движения, но в принципе не только они) обладают способностью выступать в конструкциях различного типа и в качестве результата давать, соответственно, показатели нескольких различных типов. С другой стороны, оказалось, что некоторые глаголы, относящиеся к числу достаточно часто грамматикализуемых (а именно, ХОДИТЬ и все глаголы позиции), имеют весьма четкую "специализацию" в том отношении, что они, как правило, становятся показателями лишь какого-то одного типа (в данном случае — акциональными или аспектуальными модификаторами глагола).

Нам удалось показать, для каких грамматических категорий в целом конструкции с глаголами движения и позиции являются распространенными и важными источниками. Так, конструкции со значением перемещения к цели (главным образом с глаголами ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ) типологически являются наиболее рас-

пространенными источниками форм проспектива и будущего времени. Преобладают в качестве результатов грамматикализации рассмотренных нами глаголов аспектуальные показатели самых различных типов (имперфективного типа, перфективного типа, инхотивные и пр.). В этом ряду выделяется явление, которое было рассмотрено подробно под рубрикой “системы аналитической перфективации”: как было показано, это явление, находящееся на грани словообразования и словоизменения, акциональности и аспектуальности, имеет ряд важных сходств с системами аффиксальной перфективации, достаточно хорошо изученными на материале некоторых европейских языков. Конструкции с глаголами движения и позиции, неизменно играющие важную (если не ведущую) роль в таких системах, регулярно выступают в качестве средства акциональной/аспектуальной модификации смыслового глагола, указывая на определенный тип результата обозначаемого данным глаголом действия.

В целом же, как было показано в работе, среди результатов грамматикализации конструкций с глаголами движения и позиции встречаются показатели самых различных категорий (пространственной ориентации, времени, вида, модальности, ролевых отношений и др.) и различных классов слов (главным образом глагола, но также и имени). Это указывает, прежде всего, на то, что такие исходные лексические единицы, как глаголы движения и позиции, содержат в себе чрезвычайно большой смысловой потенциал, который позволяет использовать эти языковые выражения, обозначающие достаточно простые и конкретные пространственные ситуации, для выражения гораздо более сложных и абстрактных грамматических понятий.

При обсуждении языкового материала была также проанализирована такая существенная проблема в рамках грамматикализации, которую условно можно назвать “множественным соотношением между источниками и результатами”. Как оказалось, на уровне исходной лексемы (т.е. конкретного глагола движения и позиции как такового) распространена ситуация, когда среди результатов грамматикализации встречаются чрезвычайно различные и едва ли не противоположные по значению показатели. С другой стороны, при рассмотрении возможных источников с точки зрения конкретного итогового значения также может оказаться, что среди таких источников есть единицы со значительно различающейся лексической семантикой. Как было показано, такая ситуация, несмотря на ее парадоксальность, не является необъяснимой. Прежде всего, в качестве источника грамматикализации необходимо рассматривать не уровень лексической единицы, а уровень всей конструкции с данной единицей: конструкция включает в себя ряд составляющих, и в рамках целого какие-то конкретные стороны лексической семантики исходного слова могут подчеркиваться или, наоборот, отходить на второй план. В связи с этим, на протяжении всей работы была сделана попытка анализа источников грамматикализации на уровне конструкций в целом. Был рассмотрен и другой вариант того, как “из разного может получиться одно и то же, а из одного — разное”: в силу субъективной и творческой природы человеческого мышления, переосмысление одних и тех же источников может происходить различными путями, а одно и то же абстрактное понятие может быть метафорически выражено через самые различные конкретные (как разные подходы к одному и тому же).

В целом, в работе было показано, что результаты грамматикализации рассмотренных исходных единиц являются мотивированными и в большинстве случаев эту мотивацию обнаружить достаточно просто. Вместе с тем, однозначно предсказать, по какому пути пойдет развитие той или иной лексической единицы, невозможно; такие предсказания могут носить в лучшем случае вероятностный характер (примеры оценок этих вероятностей для рассмотренных источников были даны в работе). Был сформулирован следующий общий вывод: для каждого типа исходной конструкции ограничен набор основных типов результатов (хотя этот набор не является в строгом смысле за-

крытым); для каждого типа грамматического значения также ограничен набор основных возможных источников.

Таким образом, в работе был сделан ряд типологических обобщений, касающихся процесса грамматикализации конструкций с глаголами движения и позиции в языках мира. Полученные выводы являются значимыми для грамматической типологии и теории грамматикализации, а также диахронической семантической типологии в целом. Эти выводы могут найти также и практическое применение в сравнительно-историческом языкознании при формулировании гипотез о реконструкции источников тех или иных грамматических показателей.

Отметим также и возможные перспективы дальнейших исследований в русле данной работы. Эти исследования возможны как “вширь” (путем вовлечения в рассмотрение других языков и/или других исходных глаголов), так и “вглубь”, причем второе направление кажется нам особенно важным.

Прежде всего, понимание природы грамматикализации невозможно без глубокого (и семантически-ориентированного) описания языкового материала. Поэтому наиболее важной представляется дальнейшая работа с конкретными путями грамматикализации по выяснению “тонкостей” значения грамматикализуемых конкретно-языковых конструкций (включая их возможную неоднозначность, взаимодействие с другими грамматическими категориями, зависимость значения конструкции от типа смыслового глагола и т.п.). Это поможет определить специфику каждой конкретно-языковой конструкции, а поскольку в разных языках однотипные конструкции могут находиться на разных этапах грамматикализации — также наметить последовательность этих этапов, стадий развития в рамках данного пути. Наконец, только в результате углубленного изучения конкретно-языкового материала можно получить ответ на вопрос, как именно языковая единица вступает на путь грамматикализации, какими факторами определяется ее семантическое развитие, что способствует или препятствует грамматикализации данной единицы в конкретном языке (напр., специфические особенности лексической семантики исходной единицы, особенности существующей грамматической системы языка и т.п.).

Продуктивной представляется и исследования “от категории”, т.е. сравнение для конкретных итоговых значений показателей, восходящих к разным источникам. Такое сравнение предпочтительно проводить по единому набору параметров (например, по специально составленной анкете), в результате чего можно было бы установить, каковы различные “оттенки” значения показателей с общим ядерным значением (например, инхоативным), но восходящих к разным исходным единицам (в т.ч. не только глаголам движения и позиции). Для такого рода исследований необходима систематизация данных о путях грамматикализации других типологически распространенных источников.

Интересен также вопрос о том, насколько распространены семантические переходы типа тех, которые рассмотрены в данной работе, на уровне лексики (т.е. на уровне полисемии данной лексической единицы, без ее грамматикализации). Поскольку можно ожидать, что даже в языках без грамматикализации глаголов движения и позиции будут наблюдаться аналогичные случаи семантической деривации, исследование подобных случаев предоставит существенный материал для дальнейших обобщений в области семантической типологии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ГЕНЕТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ

Данный указатель включает в себя названия всех языков и групп языков, упоминаемых в тексте работы. В ряде случаев дается альтернативное название языка или группы (если оно также широко распространено в литературе). Для ряда языков указывается также диалект, на котором основано использованное в работе описание. Названия языков, как правило, приводятся по наиболее популярному справочнику [ЛЭС 1990], в случае отсутствия в нем данного названия — по словнику [Языки 1982] (в случае отсутствия русского названия в этих справочниках мы даем свою транслитерацию).

Аффiliation языков дается в большинстве случаев (особенно для языков вне Евразии) по наиболее известному справочнику “Этнолог” [Grimes (ed.) 1996] (подробнее о принципах составления выборки в данной работе, в т.ч. о случаях выделения крупных объединений не по чисто генетическому принципу, см. 1.4.2.2)⁶⁶. В соответствии с принятой в типологических работах традицией, указатель организован по крупным языковым объединениям, расположенным в алфавитном порядке; внутри каждого из них также по алфавиту указываются группы более низких уровней и языки. Чтобы не перегружать указатель, количество указываемых промежуточных уровней (групп, подгрупп и пр.) иногда дается не полностью.

В тех случаях, когда грамматика языка была учтена “полностью” (т.е. было обследовано монографическое описание языка, см. 1.4.2.2), приводится указание на такой основной источник. Дополнительные источники по частным вопросам грамматической структуры в указателе не приводятся, их можно найти в тексте работы и в списке литературы.

СЕМЬИ	<i>Группы, подгруппы</i>	языки
АВСТРАЛИЙСКИЕ		
	<i>Ворора</i>	ворора
	<i>Гунвинггу</i>	мангарай [Merlan 1982] нунггубую [Heath 1984]
	<i>Дингили-вамбья</i>	дингили [Chadwick 1975]
	<i>Ивауди</i>	маунг [Capell, Hinch 1970]
	<i>Мара</i>	алава [Sharpe 1972]
	<i>Пама-нюнга:</i>	
	<i>аранда</i>	алйаварра
	<i>галгадун</i>	калкатунгу [Blake 1967]
	<i>гумбаинггар</i>	гумбаинггар [Eades 1979]
	<i>дирбал</i>	варгамай [Dixon 1979] дирбал [Dixon 1972]
	<i>йаланди</i>	коко-йимидир [Zwaan 1969; Haviland 1979]
	<i>йидин</i>	йидин [Dixon 1977]
	<i>йулнгу</i>	ритхарнгу [Heath 1980]
	<i>карна</i>	диери [Austin 1981]

⁶⁶ Впрочем, все решения по отнесению (в спорных случаях) тех или иных языков или групп к тем или иным генетическим объединениям не являются для данной работы принципиальными, и в первую очередь принимались из соображений удобства группировки языков (а также из соображений удобства процедуры формирования выборки).

	йандруванта
	мидага
<i>мари</i>	питтапитта [Blake 1979]
	битьяра [Breen 1973]
	гунья [Breen 1979]
	конгабула [Breen 1973]
	маргань [Breen 1979]
<i>пама</i>	вик-мункан
<i>юго-западные</i>	валбири
	валмадьярри
<i>Реки Дейли</i>	питьянтьятъяра [Glass, Hackett 1970]
<i>Тиви</i>	муллукмуллук [Tryon 1974]
	тиви [Osborne 1974]

АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ

Малайско-полинезийские

восточные

океанийские

восточные

фиджи [Schultz 1985]

микронезийские

волеаи [Sohn 1975]

кусаие [Lee 1975]

Новой Гвинеи

моту

новокаледонские

хуаилу

побережья пров. Сепик

каириру

манам

полинезийские

маори

ниуэ [Полинская 1995]

таити (таитянский) [Iorss 1961]

тонга [Churchward 1953]

сев. и центр. Новых Гебридатчин

лонволвол

паама

тоабаита

сиасси

ябем

Соломоновых о-вов

вангуну

забана

мбамбатана

южнохальмахерско-западногвинейские були

западные

баритосские

малагасийский (мальгашский)
[Аракин 1963; Коршунов 1994]

малайско-яванские

малайский (индонезийский вариант)
[Алиева и др. 1972]

палау

палау [Josephs 1975]

филиппинские

тагальский [Шкарбан 1995]

АЛТАЙСКИЕ

	корейский [Sohn 1994]
	японский (литературный) [Martin 1975; Hinds 1986]
<i>Монгольские</i>	бурятский [ГБЯ 1962; Бертагаев, Цыдендамбаев 1962]
	калмыцкий [ГКЯ 1983; Очиров 1964]
<i>Тунгусо-маньчжурские</i>	монгольский [Тодаева 1951; Яхонтова 1997]
	орокский [Петрова 1967]
	удыгейский [Кормушин 1998]
	эвенский [Роббек 1989; 1992; Лебедев 1982]
<i>Тюркские</i>	
<i>булгарские</i>	чувашский
<i>кыпчакские</i>	башкирский
	казахский
	каракалпакский
	карачаево-балкарский
	киргизский
	кумыкский
	татарский [СТЛЯ 1969; 1971; Закиев (ред.) 1993]
<i>огузские</i>	саларский
	турецкий [Кононов 1956]
<i>северо-восточные</i>	алтайский, кумандинский дт.
	долганский
	тувинский
	хакасский [ГХЯ 1975]
	якутский
<i>карлукские</i>	сарыг-югурский
<i>(чагатайские)</i>	узбекский
	уйгурский

АМЕРИНДСКИЕ

<i>Аймара</i>	жакару [Hardman 1966]
<i>Алгонкино-ритванские</i>	вийот [Teeter 1964]
	делаварский [Goddard 1979]
	оджибва, дт. восточный [Bloomfield 1957]
	юрок [Robins 1958]
<i>Аравакские</i>	ашанинка (дт. языка кампа) [Payne 1981]
	гуахино [Olza Zubiri, Jusayu 1978]
<i>Гуайкуру</i>	абипон
<i>Же-пано</i>	чакобо
<i>Изолированные</i>	тараскский (пурепеча) [Foster 1969]
<i>Карибские</i>	хишкарьяна [Derbyshire 1979]
<i>Керес</i>	керес, дт. акома [Miller 1965]
<i>Кечуа</i>	кечуа, дт. аякучо [Parker 1969]
	кечуа, дт. имбабура (эквадорский дт.) [Cole 1982]
	кечуа, дт. пастаза
	кечуа, дт. тарма [Adelaar 1977]
<i>Майя</i>	тохолабаль
	целталь [Kaufman 1971]
	цоциль
<i>Ото-манго</i>	миштек, дт. чалкатонго
	сапотек, дт. митли [Briggs 1961]

Пеба-ягуа

ягуа

<i>Пенути</i>	кламат [Barker 1964] майду [Shiple 1964] мивок, дт. южный сьерра-мивок [Broadbent 1964]
<i>Салишские</i>	не-персе [Aoki 1970] сахаптин скомиш [Kuipers 1967] шусвап [Kuipers 1974]
<i>Сиу</i>	дакота мандан
<i>Тукано</i>	тукано
<i>Тупи-гуарани</i>	гуарани [Gregores, Subrez 1967] камаюра [Seki 2000] кокама
<i>Хиваро</i>	
<i>Хока</i>	диегеньо [Langdon 1970] карок [Bright 1957] помо восточный [McLendon 1975] помо юго-восточный [Moshinsky 1974]
<i>Чибча</i>	гуайми рама
<i>Юто-ацтекские</i>	ацтекский (науатль) луисеньо [Kroeber, Grace 1960] пима-альто (о'одхам)

АУСТРОАЗИАТСКИЕ

<i>Вьетмыонгские</i>	вьетнамский [Панфилов 1993] мыонг [Соколовская, Нгуен Ван Тай 1987]
<i>Мон-кхмерские</i>	ксингмул [Погибенко, Буй Кхань Тхе 1990] кхмерский [Горгониев 1966]

АФРАЗИЙСКИЕ

<i>Египетские</i>	коптский [Еланская 1991]
<i>Кушитские</i> [Долгопольский 1991]	сомали (йидду)
<i>Ливийско-гуанчские</i> [Айхенвальд, Милитарев 1991]	кабийский
<i>Семитские</i>	
<i>северно-центральные</i>	иврит
<i>арамейские</i>	восточные дт. новоассирийский [Цертели 1964] сирийский [Цертели 1979]
<i>эфioseмитские</i>	амхарский [Титов 1991]
<i>южно-центральные</i>	арабский (классический) [Гранде 1963; Чернов 1995] арабский язык побережья Персидского залива [Holes 1990] арабский, египетский дт. [Olmsted Gary, Gamal-Eldin 1982] арабский, палестинский дт. мальтийский
<i>Чадские</i>	канакуру (дера) марги [Hoffmann 1963]

мупун [Frajzyngier 1993]
хауса [Смирнова 1960; Щеглов 1970]

ДРАВИДИЙСКИЕ

Северо-западные
Юго-восточные
Южные
1993]

брауи [Андронов 1971]
телугу [Петруничева 1960]
каннада [Андронов 1962]
малаялам [Секхар, Глазов 1961; Андронов
тамильский [Asher 1985; Андронов 1987]

ЕНИСЕЙСКИЕ

кетский [Дульзон 1968]
котский

ИЗОЛИРОВАННЫЕ (Евразия)

айнский [Алпатов 1997]
баскский, наварро-лабурдинский дт.
[Lafitte 1979; Saltarelli 1988]

бурушаски [Климов, Эдельман 1970]
нивхский [Панфилов 1962; 1965]

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

Анатолийские
Балто-славянские

хеттский
болгарский [Маслов 1981]
латышский
литовский [ГЛЯ 1985]
русский (и древнерусский)

Германские

английский
готский
датский
исландский
немецкий
нидерландский
норвежский
фризский
шведский
швейцарско-немецкий яз./дт.

Греческие

древнегреческий
новогреческий [Joseph, Philippaki-
Warburton 1987]

Индоиранские

дардские [Эдельман 1965; 1978]

вотапури (катаркалаи)
гавар
кашмири [Захарьин, Эдельман 1971]
тирахи

индоарийские

ассамский [Бабакаев 1961]
бенгали [Быкова 1966]
майтхили (бихари)
маратхи [Катенина 1963]
непали [Королев 1965]
панджаби [Смирнов 1976]

иранские

хинди [Дымшиц 1986а; 1986б]
авестийский [Виноградова 2000]

<i>восточные</i>	афганский (пашто, пушту) [Грюнберг 1987] ваханский [Пахалина 1975] мунджанский [Грюнберг 1972] осетинский [ГОЯ 1963; 1969; Багаев 1965] сарыкольский [Пахалина 1966] шугнано-рушанские ягнобский язгулямский [Эдельман 1966]
<i>западные</i>	
<i>северо-зап.</i>	кохруди (дт. Центр. Ирана) курдский [Курдоев 1978] ормури [Ефимов 1986] сои (дт. Центр. Ирана) талышский [Миллер 1953]
<i>юго-зап.</i>	дари (фарси-кабули) новоперсидский таджикский татский [Грюнберг 1963] хазара (афганских хазара) [Ефимов 1965]
<i>нуристанские</i> [Эдельман 1965; 1978]	ашкун кати [Грюнберг 1980]
<i>Кельтские</i>	ирландский шотландский
<i>Романские</i>	галисийский гасконский испанский [Левинтова, Вольф 1964; Васильева-Шведе, Степанов 1980, 1981] итальянский [Алисова, Муравьева 1997] каталанский португальский [Вольф, Никонов 1965; Никонов 1981] провансальский ретороманский румынский [Mallinson 1986] сардинский французский

КАРТВЕЛЬСКИЕ

грузинский [Vogt 1971]

КОЙСАНСКИЕ

Бушменские

Южноафриканские

!ора
#кхомани
/хам
кхое [Kchler 1981]
нама

КОНТАКТНЫЕ (= пиджины и креольские)

Англ. основа

гавайский креол
гайанский креол
камерунский пиджин (вес-кос) [Todd 1984]
крио

Араб. основа
Нидерл. основа
Португ. основа

Русск. и норв. основа
Санго/нганди основа
Франц. основа

меланезийские пиджины (бислама, неосоломоник)
нигерийский пиджин [Faraclas 1996]
сранан-тонго
ток-писин (новогвинейский пиджин) [Wurm
1971; Todd 1984]
суданский креол
негерхолландс
Гвинейского залива креол, дт. фа д'амбу
зеленомысский (о-вов Зеленого Мыса) креол
руссенорск
санго [Samarin 1967]
гаитянский креол
маврикийский креол [Baker 1972]
реюньонский креол
сейшельский креол
тринидадский креол

МЯО-ЯО (ХМОНГ-МЬЕН)

ну (дуаньских яо) [Москалев 1978]

НА-ДЕНЕ

навахо [Sapir, Hoijer 1967]

КОНГО-КОРДОФАНСКИЕ

НИГЕР-КОНГО

Адамауа-восточные

гбайя [Samarin 1966; Boyd (ed.) 1995]
мбум [Нагиги 1970]
нгбака [Thomas 1963]
бака
банда
занде
нгбака ма'бо
санго

Бенуэ-конго
банту

аква
бабунго (венго) [Schaub 1985]
бемба
биса (лала-биса) [Prost 1950]
букусу
булу [Alexandre 1966]
ганда [Яковлева 1961]
гусии
дуала
зулу [Охотина 1961]
камба
квангали
кикуйю
коса
курия
лаади (конго) [Schaub 1978]
лингала [Топорова 1994]
(эси)луйана

	мбунду [Valente 1964]
	мвера [Harries 1950]
	монго
	нкоре-кига [Taylor 1985]
	ньякьюса
	ронга [Quintro 1951]
	руанда [Дубнова 1979]
	сото
	суахили [Мячина 1960; Loogman 1965; Громова, Охотина 1995]
	чагга
	ши
	шона [Fortune 1955]
	эвондо [Redden 1980]
<i>прочие (не банту)</i>	джукун, дт. вапа
	тунен [Dugast 1971]
	эфик
<i>Гур</i>	гуен (кирма)
	гурмантче [Chantoux et al. 1968]
	догон
	море [Alexandre 1953; Canu 1974]
	сенуфо (подгруппа)
<i>Западноатлантические</i>	бадьяранке [Ducos 1971]
	волоф [Diagne 1971; Никифорова 1981]
	диола, дт. фони[Sapir 1965]
	фула (пулар) [Arnott 1970; Коваль, Зубко 1986; Sylla 1982]
<i>Ква (в т.ч. кру)</i>	гбари
	годье
	гребо [Innes 1966]
	игбо [Green, Igwe 1963]
	идома [Abraham 1967]
	йоруба [Ward 1952; Яковлева 1963]
	кран, дт. тчиен
	кру (подгруппа)
	нконья
	сапо
	тви (в т.ч. его дт. акан)
	эве [Westermann 1954]
	ятъе
	клао
	ньябо
<i>Манде</i>	бамана (бамбара)
	ваи
	диула
	коно
	коранко
	лоома [Выдрин 1987]
	малинке [Токарская 1964]
	мандинка
КОРДОФАНСКИЕ	кронго

НИЛО-САХАРСКИЕ

<i>Сахарские</i>	канури	
<i>Сонгай-зарма</i>	сонгай	[Prost 1956]
<i>Шари-нильские</i>		
<i>восточносуданские</i>		
<i>восточные</i>	мурле	[Arensen 1982]
<i>кулиак</i>	со (тепес)	
<i>нилотские</i>	ачоли	
	бари	
	динка	[Nebel 1948]
	ланго	
	лотуко	
	луо	[Tucker 1994]
	масаи	[Tucker, Mpaayei 1955]
	нанди	[Creider, Creider 1989]
	тесо	
<i>нубийские</i>	нобиин	
	нубийский (в т.ч. дт. донгола)	[Armbruster 1960; Завадовский, Смагина 1986]
<i>центральносуданские</i>	нгити	[Kutsch Lojenda 1994]
	мамву	
	нгамбай	

ПАПУАССКИЕ

<i>Сепик-раму</i>	майо-йессан	
<i>Трансновогвинейские</i>		
<i>Восточного Нагорья</i>	гахуку (алекано)	
	голин	[Bunn 1974]
	кева	
	кобон	[Davies 1981]
	таирора	[Vincent 1973]
	усаруфа	[Bee 1973]
	хуа (дт. яз. ягариа)	[Haiman 1980]
	ягариа	
<i>мабусу</i>	амеле	[Roberts 1987]
<i>пограничная ветвь</i>	имонда	
<i>финистерре-хьюон</i>	селепет	[McElhanon 1972]
<i>центрально-юго-восточные</i>	дага	[Murane 1974]

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ

<i>Абхазо-адыгские</i>	абхазский	[ГАЯ 1968; Hewitt 1979]
	адыгские	
	кабардинский (кабардино-черкесский)	
[ГКЧЯ 1957]		
<i>Нахско-дагестанские</i>	агульский	[Магометов 1970]
	арчинский	[Кибрик и др. 1977]
	багвалинский, кванадинский дт.	[Кибрик (ред.) 1999]
	цахурский	[Кибрик (ред.) 2001]

СИНО-ТИБЕТСКИЕ

<i>Китайские</i>	китайский (путунхуа) (и древнекитайский) [Драгунов 1952; Горелов 1989; Старостин 1994]
<i>Тибето-бирманские</i>	бирманский [Маун Маун Ньун и др. 1963] качинский (чжингпхо, цзинпо) [Пузицкий 1968] лаху [Matisoff 1973] неварский [Королев 1989] нунг (анунг) тибетский (в т.ч. дт. лхаса) [Рерих 1961]

ТАЙСКИЕ [Морев 1991]

<i>Тайские (собственно)</i>	ахом кхамти лаосский (лао) [Морев и др. 1972] лы мулам суй сэк [Морев 1988] тайский [Морев и др. 1961; Плам 1965] чжуан
<i>Кадайские</i>	лаха [Солнцева, Хоанг Ван Ма 1986]
<i>Кам-суйские</i>	

УРАЛЬСКИЕ

<i>Самодийские</i>	нганасанский [Терещенко 1979] ненецкий
<i>Финно-угорские</i>	
<i>волжские</i>	марийский [СМЯ 1961; Серебренников 1960] мордовские [ГМЯ 1980; Серебренников 1967]
<i>пермские</i> [Серебренников 1963]	коми [Жилина, Бараксанов 1971; Жилина 1975] удмуртский [ГУЯ 1962; Серебренников 1960]
<i>прибалт.-финские</i>	финский
<i>угорские</i>	венгерский [Майтинская 1955; 1959] хантыйский, обдорский дт. [Николаева 1995]
<i>Юкагирский (?)</i>	юкагирский [Крейнович 1982]

ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИЕ

корякский	[Жукова 1972]
чукотский	[Скорик 1961; 1977]
ительменский	[Володин 1976]

ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКИЕ

	гренландский [Fortescue 1984] азиатских эскимосов, чаплинский дт. [Меновщиков 1962; 1967]
--	---

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ

Данный указатель предназначен для удобства поиска разбираемых в работе конкретно-языковых явлений по названию языка; он включает ссылки на все те разделы, в которых упоминаются и/или подробно комментируются конкретно-языковые конструкции.

Ссылки приводятся на разделы самого нижнего уровня (основное внимание уделено главам 2-3, для которых все ссылки даются максимально подробно).

Ссылки на русский и английский язык сведены к минимуму и не охватывают введение и главу 1, в которых русские и английские примеры многократно приводятся в качестве иллюстрации при обсуждении общих вопросов. Ссылки на языковые объединения (группы) обычно не приводятся.

абипон 2.2.1.1	бамана (бамбара) 2.3.1
абхазский 2.1, 2.3.6	банда 2.10.1
авестийский 2.2.2, 3.5.2.2	бари 2.2.1.1
агульский 1.4.1.3, 2.3.6, 3.5.1, 4.2.4.3	баскский, наварро-лабурдинский дт. 1.4.2.2, 2.1, 2.2.1.1, 2.2.2, 2.2.5, 2.4.1
адыгские 2.2.10, 3.4.2.4	башкирский 2.2.2, 2.2.3, 2.3.2, 2.3.11.3, 2.4.1, 2.4.2.2, 2.6.1, 2.8.1, 3.2, 3.5.1, 3.6.1
айнский 4.2.1	бемба 2.2.11.1, 2.3.1
аква 2.3.11.1	бенгали 2.11.1.1
алава 4.2.1	бирманский 2.10.1
алйаварра 2.2.3, 3.5.1, 3.6.1	биса (лала-биса) 2.2.1.1, 2.3.1, 2.3.9
алтайский, кумандинский дт. 2.5.1, 3.5.1	битьяра 4.2.1
амеле 2.1, 3.1.1, 3.1.3, 3.5.1, 3.6.1	болгарский 1.3.2.3, 3.1.1, 3.1.4, 3.2, 4.1.2.1
амхарский 2.2.2	брауи 2.2.2, 2.2.3, 2.3.2
английский 2.2.1.1, 2.2.2, 2.2.4, 2.3.4, 2.3.6, 2.9.1, 3.1, 4.1.1.1, 4.1.1.5, 4.1.2.1.1, 4.1.2.2, 4.1.2.3, 4.1.3.1, 4.2.5.3	букусу 2.2.1.1, 2.3.3
арабский (классический) 2.2.2, 2.10.1	були 3.5.2.6
арабский язык побережья Персидского залива 2.3.4, 2.7.1, 3.5.1	булу 2.2.1.1, 2.3.11.4, 3.4.2.4, 3.5.2.1
арабский, египетский дт. 4.2.1	бурушаски 4.2.1
арабский, палестинский дт. 2.2.7	бурятский 2.2.2, 2.2.3, 2.3.4, 2.4.1, 2.5.1, 2.6.1, 3.2, 3.6.1
арамейский, восточные дт. 3.4.1	бушменские 4.2.5.2
арамейский, новоассирийский дт. 4.2.1	ваи 2.3.1
арамейский, сирийский дт. 4.2.1	валбири 3.1.1, 3.5.2.3
арчинский 2.11.1.7, 3.5.2.5, 4.2.4.3	валмадьярри 3.1.1-3.1.3
ассамский 2.2.6, 2.11.1.1	вангуну 2.1, 2.2.10, 2.2.11.1, 2.2.11.2, 2.3.4, 2.3.11.5, 2.10.1, 2.10.3.1
атчин 2.2.1.1., 2.3.3	варгамай 4.2.1
афганский (пашто, пушту) 4.2.1	ваханский 4.2.1
ахом 2.2.3	венгерский 4.1.2.2, 4.1.2.4, 4.2.1
ацтекский (науатль) 2.1, 2.6.2.5	вийот 2.1, 4.2.1
ачоли 2.3.1	вик-мункан 3.1.3
ашанинка (дт. языка кампа) 4.1.2.2, 4.2.1	волеаи 2.2.3, 2.2.4, 2.2.11.2, 2.2.11.3, 2.3.11.5, 4.1.2.2
ашкун 2.2.3	волоф 2.3.11.4
бабунго (венго) 2.9.1	ворора 4.1.5
багвалинский, кванадинский дт. 1.1.4, 2.2.1.1, 2.2.11.6, 2.11.1.7	вотапури (катаркалай) 2.3.7
бадьаранке 4.2.1	
бака 2.2.5, 2.2.11.3, 2.3.6, 2.3.10, 2.9.1	

вьетнамский 2.2.5, 2.3.5, 2.3.11.1, 2.5.2, 2.7.1, 2.9.2, 2.11.1.6, 2.12.1, 4.1.4.4
 гавайский 2.2.1.1
 гавар 2.2.6
 гаитянский креол 2.2.1.1, 2.2.5
 гайанский 2.2.1.1, 4.1.4.3
 галисийский 2.2.1.1, 2.2.2, 2.3.2, 2.3.3, 2.3.4, 2.4.1, 2.4.2.1, 2.9.5.2, 4.1.1.1.2, 4.2.5.3
 ганда 2.3.2, 4.1.4.4
 гасконский 4.1.2.2
 гахуку (алекано) 2.2.2, 2.7.2.3
 гбайя 2.2.1.1-2.2.1.2, 2.2.7, 2.3.3, 2.3.5, 3.5.1
 гбари 2.2.2, 2.3.1
 Гвинейского залива креол, дт. фа д'амбу 2.2.8, 2.2.10, 2.3.4, 2.3.9, 2.9.4, 2.10.1
 годье 2.3.9
 голин 2.2.2
 готский 4.1.2.2
 гребо 2.2.1.1, 2.2.8
 гренландский 4.2.1
 грузинский 4.1.2.2, 4.2.1
 гуайми 2.2.2, 2.3.2, 2.3.5, 4.1.2.1.1
 гуарани 4.2.1
 гуахиро 4.2.1
 гуен (кирма) 2.2.2
 гумбаингар 4.2.1
 гунья 3.5.1
 гурмантче 4.2.1
 гусии 2.2.4, 2.3.1, 2.3.4
 дага 2.2.2, 2.3.2
 дакота 3.4.1, 3.5.1
 дардские
 дари (фарси-кабули) 2.2.2, 2.2.4, 2.2.6
 датский 2.3.1, 3.1.1, 3.1.4, 3.2
 Дейли, реки (группа) 2.2.11.8, 3.3, 3.4.2.3, 4.1.1.3, 4.1.5
 делаварский 2.1, 4.2.1
 джукун, дт. вапа 2.3.1
 диегеньо 3.1.3, 3.5.1
 диери 1.3.2.2., 2.2.3, 2.5.3.1, 3.1.1, 3.1.3, 3.3, 3.6.2.1, 4.1.1.3
 дингили 2.1
 динка 2.3.11.1
 диола, дт. фони 2.1, 2.10.1, 3.5.1
 дирбал 2.3.6, 3.1.1, 3.1.3, 4.2.4.3
 диула 2.3.1
 догон 2.3.1
 долганский 2.2.2, 2.2.4, 2.4.1, 2.8.1
 древнегреческий 3.1.1
 дуала 2.2.1.1, 2.3.1
 жакару 4.2.1
 забана 2.2.7
 занде 2.3.1

зеленомысский (о-вов Зеленого Мыса)
 креол 2.2.1.1
 зулу 2.2.1.1, 2.2.3, 2.10.1, 3.5.1
 иврит 2.2.1.1, 2.2.2, 2.2.3, 2.2.5, 2.2.7, 2.3.6, 3.4.2.2, 3.4.2.7, 4.2.2.2
 игбо 2.2.1.1
 идома 4.1.4.4
 имонда 1.3.2.3, 3.1.1, 3.1.4, 3.4.1
 ирландский В.2, 3.1.2
 исландский 2.2.4, 2.3.11.7
 испанский 1.1.3, 1.3.2.1, 1.3.2.3, 1.4.1.2, 2.2.1.1, 2.2.2-2.2.5, 2.3.2, 2.3.4, 2.3.5, 2.3.11.6, 2.4.1, 2.10.1, 3.1.2, 4.1.2.1.2, 4.1.2.3, 4.2.4.3, 4.2.5.3
 итальянский 2.2.2, 2.2.6, 2.3.2, 2.3.7, 2.10.1, 3.1.2, 3.2, 3.4.2.2, 4.1.2.1.2, 4.1.4.1, 4.2.2.3.4
 ительменский 4.2.1
 йандруванта 3.5.1
 йидин 2.1, 3.1.1, 3.1.3, 3.5.2.3
 йоруба 2.2.2, 2.2.8, 2.2.11.4, 2.3.8, 2.3.10, 2.5.2
 кабардинский (кабардино-черкесский) 4.2.1
 кабилский 1.3.2.3, 3.1.2-3.1.4, 3.5.1
 казахский 2.2.3, 3.5.1, 3.6.1
 каириу 2.2.10, 2.3.10
 калкатунгу 4.2.1
 калмыцкий 2.2.2, 3.2
 камаюра 2.2.2, 2.3.2, 2.9.1, 3.2, 4.1.4.4
 камба 2.3.10
 камерунский пиджин (вес-кос) 1.4.1.2, 2.2.1.1
 кам-суйские 2.2.3, 2.9.1, 2.9.3
 канакуру (дера) 3.5.1
 каннада 2.2.1.1, 2.2.2, 2.2.3, 2.3.2, 2.3.5
 канури 2.3.3
 каракалпакский 2.1, 2.3.2, 2.4.1, 2.6.1, 2.6.2.3, 2.8.1, 2.9.2, 2.9.5.1, 3.6.1
 карачаево-балкарский 2.2.2, 2.3.11.3, 2.4.1, 3.4.1
 карок 4.2.1
 каталанский 2.2.1.1, 2.2.2, 2.2.3, 2.3.2, 2.3.4, 2.3.11.6, 4.1.1.1.2, 4.1.2.2, 4.2.3.2, 4.2.4.3, 4.2.5.3
 кати 2.2.6
 качинский (чжингпхо, цзинпо) 4.2.1
 кашмири 2.2.7, 2.3.5, 2.3.7
 квангали 2.1
 кева 3.1.1, 3.1.3
 керес, дт. акома 2.1, 4.2.1
 кетский 2.1, 2.2.2, 2.2.11.5, 4.1.3.3, 4.2.5.3
 кечуа, дт. аякучо 4.2.1

кечуа, дт. имбабура (эквадорский дт.) 2.1, 2.2.1.1, 2.2.4, 2.2.6, 2.3.5, 4.1.2.3, 4.1.4.1
кечуа, дт. пастаза 2.2.6
кечуа, дт. тарма 4.2.1
кикуйю 2.3.10, 2.6.2.2-2.6.2.4, 2.10.1, 2.10.2
киргизский 2.8.1, 3.4.1, 3.5.1, 3.6.1
китайский (путунхуа) (и древнекитайский) 2.2.8, 2.3.3, 2.3.8, 2.3.11.6, 2.3.11.8, 2.3.11.9, 2.7.1, 2.8.1, 2.9.3, 2.11, 2.11.1.4, 2.12.1, 2.12.2, 4.1.2.2, 4.1.4.3, 4.2.2.3.4
кламат 2.1, 4.2.1
клао 2.2.1.1, 2.3.3
кобон 4.2.1
кокама 2.2.1.1, 2.2.3
коко-йимидир 4.2.1
коми 4.2.1
конгабула 4.2.1
коно 2.3.1
коптский 2.1, 2.2.1.1
коранко 2.3.5
корейский 1.4.2.2, 2.1, 2.2.2, 2.3.2
корякский 2.2.10, 2.3.10
коса 2.2.9, 2.2.11.3, 2.3.9, 4.1.1.4
кохруди (дт. Центр. Ирана) 2.2.6
кран, дт. тчиен 2.3.1
крио 2.2.1.1
кронго 2.2.1.1, 2.3.1
кру 2.2.1.1, 2.2.8, 2.3.1, 2.3.3, 2.3.5
ксингмул 2.2.4, 4.1.4.4
кумыкский 2.2.2, 2.3.2, 2.3.4, 2.4.1, 2.6.1, 3.4.1, 3.4.2.2, 3.5.2.4
курдский 2.3.7
курия 2.2.1.1, 2.2.2, 2.3.1
кусаие 2.2.3, 4.1.2.2
кушитские 4.2.1
кхамти 2.2.3
кхмерский 2.1, 2.2.5, 2.3.11.1, 2.3.11.2, 2.7.1, 2.8.2.4, 2.10.1, 2.12.1, 4.1.4.4
кхое (дт. языка хун) 1.3.2.2, 1.3.2.3, 3.1.1, 3.1.3, 3.1.4, 3.2, 3.3, 3.4.1, 4.1.1.2
лаади (конго) 2.2.2, 2.2.4, 2.3.1
ланго 2.3.1
лаосский (лао) 2.7.1, 2.8.2.2, 2.10.1, 2.11.1.5
латышский 2.3.5
лаха 2.5.2
лаху 2.2.2, 2.2.4, 2.3.1, 2.3.5, 2.3.11.2, 2.9.4, 2.11.1.7
ливийско-гуанчские 4.2.1
лингала 2.2.4, 2.3.1, 2.3.4, 2.3.10
литовский 2.2.4, 4.1.2.2
лонволвол 2.2.1.1, 2.10.1, 2.10.2
лоома 2.2.1.1
лотуко 2.2.1.1, 2.3.1

луисеньо 2.1, 2.2.5
(эси)луйана 3.5.1
луо 2.2.1.1, 2.3.1, 2.3.5
лы 2.11.1.5
маврикийский креол 2.2.1.1-2.2.1.2, 2.2.7
майду 4.2.1
майо-йессан 2.2.2
майтхили (бихари) 2.2.3
малагасийский (мальгашский) 4.2.1
малайский (индонезийский вариант) 4.1.4.4
малаялам 2.2.3, 2.3.2, 2.7.2.4, 2.9.5.1, 2.11.1.2, 3.1.1, 3.4.1, 3.5.2.4, 3.6.1
малинке 2.3.1
мальтийский 2.2.1.1, 2.3.7, 3.5.1, 4.1.4.1
мамву 3.5.1
манам 2.2.2, 2.2.11.1
мангарай 3.1.1, 3.1.3
мандан 1.3.2.3, 3.1.1, 3.1.4, 3.2
мандинка 2.3.1
маори 2.2.5, 2.3.2, 2.10.1
маратхи 2.2.2, 2.2.6, 2.3.5, 2.3.7, 2.11.1.1, 3.5.1, 3.5.2.4, 4.1.2.2
маргань 2.1
марги 2.1, 2.2.1.1, 2.2.9, 2.3.1, 2.3.3, 2.3.6, 2.3.9, 2.3.10, 2.5.3.2, 2.6.1, 2.7.2.2, 4.1.1.4, 4.1.2.2
марийский 2.2.3, 2.2.4, 2.3.2, 2.4.1, 2.6.1, 3.2, 3.4.2.6, 3.5.2.4, 3.6.2.3
масаи 2.3.1, 2.10.3.3, 3.5.1
маунг 2.2.1.1, 3.4.2.3
мбамбатана 2.2.11.2, 2.3.11.5
мбум 2.3.1, 2.10.1
мбунду 2.2.8
мвера 2.3.1
меланезийские пиджины (бислама, не-осоломоник) 2.2.9, 2.3.9, 4.1.1.4
мивок, дт. южный сьерра-мивок 2.1, 4.2.1
мидага 3.5.1
миштек, дт. чалкатонго 2.2.5
монго 2.3.1
монгольский 2.1, 2.2.2, 2.3.2, 2.4.1, 2.6.2.1, 3.2, 3.5.1, 3.6.1
мордовские 4.2.1
море 2.2.2, 2.2.9, 2.3.1, 2.10.1
моту 2.3.2, 4.1.2.1.1
мулам 2.11.1.5, 4.1.2.2
мулукмулук 4.1.5
мунджанский 2.2.6
мупун 2.1, 2.2.3, 2.2.4, 2.2.11.1, 2.3.4
мурле 2.4.1
мыонг 2.3.11.1, 2.10.2, 4.1.4.4
навахо 4.2.1

нама 2.2.10, 2.2.11.1, 2.3.6, 2.5.3.1,
 3.4.2.4
 нанди 2.9.1
 нгамбай 3.4.1, 3.5.1
 нганасанский 4.2.1
 нгбака 2.2.1.1, 2.10.1
 нгбака ма'бо 2.2.8, 2.3.6, 2.10.1
 нгити 2.1, 2.4.1, 3.4.2.7
 неварский 2.2.2, 2.3.2, 3.5.1
 негерхолландс 2.2.1.1, 2.2.2
 немецкий 1.1.3, 1.3.2.2, 2.3.6, 3.1,
 4.1.2.2, 4.1.3.1
 ненецкий 2.1
 непали 2.2.2, 3.4.2.6
 не-персе 2.6.2.6, 4.2.1, 4.2.5.3
 нивхский 4.1.4.4
 нигерийский пиджин 2.2.1.1-2.2.1.2,
 2.2.7, 2.3.4, 2.3.5, 2.9.1
 нидерландский 1.3.2.2, 2.2.1.1, 2.2.2,
 2.2.4, 2.3.4, 3.1.1, 3.2, 4.2.5.3
 ниуэ 2.10.1
 нконья 2.2.4, 2.3.1
 нкоре-кига 2.3.1
 нобиин 3.5.1
 новогреческий 2.3.6
 новоперсидский 2.2.6, 2.3.7
 норвежский 1.3.2.2, 2.3.1, 3.1.1, 3.1.4,
 3.2
 ну (дуаньских яо) 2.9.3
 нубийский (в т.ч. дт. донгола) 2.2.4, 3.1.1,
 3.2, 3.3, 3.4.1, 3.4.2.2, 3.5.1, 3.6.1, 4.2.1
 нунг (анунг) 2.2.1.1
 нунггубую 2.1, 2.3.6
 ньябо 2.3.3
 ньякьюса 2.2.4, 2.3.1
 оджибва, дт. восточный 4.2.1
 ормури 4.2.1
 орокский 4.2.1
 осетинский 2.2.6, 4.1.2.2
 паама 2.10.3.1
 палау 2.2.1.1, 2.2.4, 2.2.8, 2.2.11.2,
 2.3.1, 2.3.3, 2.3.8, 2.3.11.5, 2.10.1
 панджаби 2.2.1.1, 2.2.2, 2.2.6, 2.2.7,
 2.3.2, 2.3.5, 2.6.1, 2.11.1.1, 3.4.2.6, 3.5.2.4
 пермские 1.1.2, 2.1, 2.5.2
 пима-альто (о'одхам) 3.5.1
 питтапитта 3.1.1, 3.4.2.3, 3.5.2.3.
 питьантьятъяра 4.2.1
 помо восточный 4.2.1
 помо юго-восточный 4.2.1
 португальский 1.1.1, 1.3.1.1, 1.4.1.3,
 2.2.1.1, 2.2.1.2, 2.2.2, 2.2.4, 2.2.5, 2.2.8,
 2.2.11.2, 2.3.2-2.3.4, 2.3.11.5, 2.4.1, 2.4.2.1,
 2.5.1, 2.9.5.2, 2.10.1, 3.1.2, 3.4.2.2, 4.1.2.3,
 4.2.2.2, 4.2.5.3

провансальский 2.2.3, 4.1.2.2
 рама 1.3.1, 2.2.1.1, 2.2.5, 2.2.8, 2.2.10,
 4.1.3.1, 4.1.4.3, 4.2.2.2
 ретороманский 2.3.1, 2.3.7, 4.1.4.1
 реюньонский креол 2.2.1.1
 ритхарнгу 2.1, 2.2.2, 3.4.2.3,
 3.6.2.2
 ронга 2.3.1, 2.3.8, 2.10.1
 руанда 2.2.1.1, 2.3.1
 румынский 4.2.1, 4.2.4.3
 руссенорск 3.1.1, 3.1.3
 русский (и древнерусский) 2.2.7,
 2.2.11.6, 2.3.3, 2.3.5, 3.1.1-3.1.4, 3.2, 3.4.2.1,
 4.1.1.5, 4.1.2.1.1, 4.1.2.1, 4.1.2.2, 4.1.2.3,
 4.1.3.1-4.1.3.3, 4.2.4.3
 саларский 2.2.2, 2.3.2, 2.4.1
 санго (адамауа-вост.) 2.3.2, 2.10.1
 санго (креол) 2.10.1
 сапо 2.3.8
 сапотек, дт. митли 4.2.5.3
 сардинский 2.10.1
 сарыг-югурский 2.2.2, 2.3.2, 2.4.1
 сарыкольский 2.2.4
 сахаптин 2.2.1.1
 сейшельский креол 2.2.1.1
 селепет 4.2.1
 сенуфо (группа) 2.3.11.2
 скомиш 2.1
 со (тепес) 1.1.3, 2.3.1
 сои (дт. Центрального Ирана) 2.3.7
 сомали (йидду) 2.3.3
 сонгай 2.3.1, 2.3.9, 2.3.11.7, 2.10.1,
 4.2.5.3
 сото 2.2.1.1, 2.3.3, 2.10.1
 сранан-тонго 2.2.1.1
 суахили 2.2.2, 2.2.7, 2.2.9, 2.3.1, 2.3.8-
 2.3.10, 2.3.11.4, 4.1.1.4, 4.1.4.4
 суданский креол 3.5.1
 суй 2.11.1.5
 сэк 2.11.1.5, 4.1.4.4
 тагальский 4.2.1
 таджикский 2.2.2, 2.2.3, 2.3.2, 2.4.1,
 2.6.1, 2.9.2, 2.9.5.1, 2.11, 3.4.1, 3.5.1
 таирора 2.2.4
 таити (таитянский) 2.12.1
 тайские, северные (группа) 2.6.2.3, 2.9.3
 тайские, юго-западные (группа) 2.6.2.3
 тайский 2.1, 2.2.11.4, 2.6.2.3, 2.9.3,
 2.10.3.2, 2.11, 2.11.1.5, 4.1.1.5
 талышский 4.2.1
 тамильский 2.2.1.1, 2.2.2, 2.2.3, 2.3.1,
 2.3.2, 2.3.5, 2.9.5.3, 2.11.1.2, 3.6.1, 4.1.2.2,
 4.2.2.2
 тараский (пурепеча) 4.2.1

татарский 1.4.1.3, 2.1, 2.2.2, 2.2.4,
 2.3.2, 2.3.11.3, 2.4.1, 2.6.1, 2.8.1, 2.9.2,
 2.9.5.1, 2.11.1.3, 4.1.2.2
 татский 2.3.7, 3.4.2.1, 3.5.2.2
 тви (в т.ч. его дт. акан) 2.3.1, 2.9.1,
 4.1.4.4
 телугу 2.2.1.1-2.2.1.2, 2.2.3, 2.2.5, 2.2.7,
 2.3.2, 2.3.5, 2.11.1.2
 тесо 2.3.3
 тибетский (в т.ч. дт. лхаса) 2.2.3,
 2.3.1, 2.3.3, 2.3.6, 2.4.2.1, 3.5.1, 4.1.3.3
 тиви 4.2.1
 тирахи 2.2.3
 тоабаита 2.1, 2.2.7, 2.2.9, 2.3.2, 2.3.4
 ток-писин 2.1, 2.2.2, 2.2.9, 2.4.1,
 4.1.1.1
 тонга 4.2.1
 тохолабаль 2.10.3.6, 4.1.2.1.1, 4.2.4.2,
 4.2.5.1
 тринидадский креол 2.2.1.1
 тувинский 2.2.3, 2.3.4, 2.4.1, 2.5.1,
 2.6.2.1, 2.8.1, 3.6.1
 тукано 2.2.3, 2.3.1
 тунен 2.2.1.1, 2.3.2
 турецкий 2.2.3, 2.3.2, 2.3.5, 2.3.11.3,
 2.9.4
 удмуртский 2.3.4, 2.6.1
 удьгейский 4.2.1
 узбекский 2.2.2, 2.2.3, 2.3.2, 2.4.1,
 2.6.1, 2.9.2, 3.4.1
 уйгурский 2.4.1
 усаруфа 3.6.1
 фиджи 2.3.4, 2.3.10, 2.7.2.5, 2.8.2.2,
 3.1.1, 3.1.3, 3.4.1, 3.6.1, 4.2.2.2
 французский 1.1.1-1.1.3, 1.3.1.1, 2.2.1.1,
 2.2.2, 2.2.3, 2.2.7, 2.3.3, 2.3.5, 3.1, 3.1.2,
 4.1.1.1, 4.1.1.3, 4.1.2.3, 4.1.3.1
 фризский 3.2
 фула (пулар) 4.1.4.4
 хазара (афганских хазара) 2.2.2, 2.2.3,
 2.3.3, 2.4.1, 3.5.1
 хакасский 2.2.2, 2.2.3, 2.4.1, 2.4.2.1,
 2.6.2.1, 2.8.1, 2.11.1.3, 2.11.2, 3.4.1, 3.4.2.5,
 3.5.1, 3.5.2.4, 3.5.2.6, 3.6.1, 4.1.1.1.2, 4.1.2.2,
 4.1.4.4
 хантыйский, обдорский дт. 2.3.4
 хауса 2.1, 2.2.1.1-2.2.1.2, 2.2.5, 2.2.7,
 2.5.1, 2.10.2, 4.1.1.1.1
 хеттский 1.3.2.3, 3.1.1
 хиваро (группа) 3.5.1
 хинди 2.2.1.1, 2.2.2, 2.2.3, 2.2.5-2.2.7,
 2.2.11.3, 2.3.1, 2.3.2, 2.3.5-2.3.7, 2.4.1, 2.6.1,
 2.8.2.3, 2.11.1.1, 3.1.2, 3.4.2.6, 3.5.2.4, 3.6.1,
 4.1.1.1.2, 4.1.2.2, 4.2.5.1
 хишкарьяна 2.3.6

хуа (дт. яз. ягариа) 2.2.2, 2.2.11.7
 хуаилу 2.1, 2.2.2
 цахурский 4.2.1, 4.2.4.3
 целталь 4.2.1
 цоциль 2.2.1.1
 чагга 2.2.1.1, 2.3.1, 2.3.4
 чакобо 2.2.10
 чжуан 2.2.3, 2.9.3, 2.11.1.5
 чувашский 2.11.1.3
 чукотский 1.4.1.2, 2.2.10, 2.3.10
 шведский 1.3.2.2, 2.2.7, 2.3.1, 2.3.4,
 2.3.11.7, 3.1.1, 3.1.4, 3.2
 швейцарско-немецкий 2.3.1
 ши 2.2.1.1, 2.3.1
 шона 2.1, 2.2.8, 2.3.1, 2.3.6, 2.3.8, 2.3.9,
 2.10.3.2, 3.5.1, 3.5.2.7, 4.2.5.3
 шотландский 3.1.2
 шугнано-рушанские 2.2.6
 шусвап 4.2.1
 эве 1.1.2, 1.3.2.1, 2.2.9, 2.2.10, 2.3.1,
 2.3.2, 2.3.6, 2.3.10, 2.8.2.1, 2.9.4, 2.10.1,
 2.10.3.4, 2.10.3.5, 4.1.4.4
 эвенский 4.2.1
 эвондо 2.9.1, 2.10.1
 эскимосов азиатских, чаплинский дт.
 4.1.4.4
 эфик 2.3.1
 юкагирский 1.4.2.2, 4.2.1
 юрок 2.1, 4.2.1
 ябем 2.3.11.2
 ягариа 2.3.3
 ягнобский 2.2.3, 2.3.6
 ягуа 2.1, 4.1.2.2, 4.2.5.3
 язгулямский 2.3.6, 2.4.2.2
 якутский 2.2.2, 2.2.4, 2.3.4, 2.4.1,
 2.5.1, 2.6.2.1, 2.8.1
 японский (литературный) 1.3.2.1, 1.4.2.2,
 2.1, 2.2.2, 2.3.2, 2.3.4, 2.9.4, 3.1.2, 3.1.3, 3.2,
 3.3, 4.1.1.5
 ятье 2.4.1
 !ора 2.3.6
 †кхомани 2.2.4, 2.3.11.4
 /хам 2.2.4, 2.2.10, 2.3.1, 2.7.2.2

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. КАТАЛОГ ПУТЕЙ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ И ПОЗИЦИИ

В данном приложении выявленные в работе пути грамматикализации глаголов движения и позиции приводятся в алфавитном порядке. Если в главах 2-3 некоторые частные пути грамматикализации объединялись по группам близких итоговых значений, то здесь они перечислены более подробно (всего более 130 путей); опущены только некоторые периферийные пути, данные о которых наиболее фрагментарны.

Пути грамматикализации представлены в следующем общем виде:

ГЛАГОЛ (конструкция, модифицируемый класс слов // другие ограничения) > результирующие значения // пояснения и уточнения

Входом служит глагол движения или позиции (для наиболее частотных путей выделен полужирным), затем в скобках может уточняться возможный вид конструкции для данного пути (либо указывается только класс слов, модификатором которого является итоговый показатель: V = глагол, N = существительное, A = прилагательное), иногда приводятся также указания относительно того, в какой грамматической форме обычно стоит вспомогательный глагол в данной конструкции. После стрелки “>” приводится итоговое значение (или группа часто совмещаемых близких значений), иногда после “//” дается пояснение или уточнение по поводу итогового значения. (В скобках после знака “±” может указываться возможное дополнительное значение, а после знака “<” — более раннее итоговое значение.) Периферийные пути комментируются менее подробно.

ВОЗВРАЩАТЬСЯ (+N) > модификатор именной группы (предлог/послелог; ‘к’, ‘о ком’ и др.)

ВОЗВРАЩАТЬСЯ (+V) > будущее время

ВОЗВРАЩАТЬСЯ (+V) > показатель противоречия ожиданиям (или нормальному ходу событий), отрицание

ВОЗВРАЩАТЬСЯ (+V) > пространственный показатель (‘движение обратно’)

ВОЗВРАЩАТЬСЯ (+V) > прохибитив

ВОЗВРАЩАТЬСЯ (+V) > рефлексив

ВОЗВРАЩАТЬСЯ (обычно ‘вернуться к V’) > рефактив (± присоединительный маркер ‘тоже’)

ВОЗВРАЩАТЬСЯ > сравнительная конструкция

ВСТАВАТЬ (‘встал (чтобы) V’) > инхоатив

ВСТАВАТЬ (+V) > горгатив, императив (1-го лица ед.ч.)

ВСТАВАТЬ (как глагол-связка в именном сказуемом) > ‘становиться (кем-л., каким-л.)’

ВСТАВАТЬ, ВСТАВАТЬ/ПОДНИМАТЬСЯ (‘встал, сделал V’ // обычно в прошедшем (перфективном) времени) > перфектив // акциональный модификатор “предельного” типа

ВСТАВАТЬ/ПОДНИМАТЬСЯ (+V) > следование (‘и вот, и тогда V’)

ВХОДИТЬ (‘вошел (чтобы) V’, ‘вошел, делая/сделав V’ // обычно в прошедшем (перфективном) времени) > инхоатив

ВХОДИТЬ (+N) > модификатор именной группы (предлог/послелог, падежный аффикс), обычно с пространственным значением (‘внутри, внутрь’, ‘к’ и др.)

ВХОДИТЬ (+V) > близкое прошедшее (временная дистанция “вчерашнего дня”)

ВХОДИТЬ (+V) > показатель глагольной ориентации (‘движение внутрь ориентира’)

ВХОДИТЬ (+V) > следование во времени

ВЫХОДИТЬ (‘вышел, делая/сделав V’ // обычно в прошедшем (перфективном) времени) > инхоатив

ВЫХОДИТЬ (+N) > модификатор именной группы (предлог/послелог), обычно с пространственным значением (‘из’, ‘с тех пор’ и др.)

ВЫХОДИТЬ (+V) > близкое прошедшее (“только что”)

ВЫХОДИТЬ (+V) > быстрое осуществление действия

ВЫХОДИТЬ (+V) > модальная частица предположения (‘наверное’, ‘по-видимому’) или долженствования

ВЫХОДИТЬ (+V) > перемещение участника относительно агенса (“мимо”) в ходе осуществления действия

ВЫХОДИТЬ (+V) > показатель глагольной ориентации (‘движение изнутри ориентира’)

ВЫХОДИТЬ (обычно ‘вышел, делая/делая V’ // обычно в прошедшем (перфективном) времени) > перфектив // акциональный модификатор “предельного” типа (± дистрибутивный, тоталитативный оттенок)

ИДТИ/УХОДИТЬ (‘идёт (чтобы) V’ // в настоящем времени) > перфектив “лимитативного” типа (< следование событий при использовании “нарративного настоящего”)

ИДТИ/УХОДИТЬ (‘идёт к (ситуации) V’, ‘идёт (чтобы) сделать V’ // обычно в имперфективной форме) > проспектив/“проксиматив”, будущее время (интенциональное, “близкое” будущее)

ИДТИ/УХОДИТЬ (‘идёт, делая/сделав V’, ‘идёт (и) делает V’, ‘идёт (чтобы) V’ // обычно в имперфективной форме) > градатив, прогрессив, дуратив, хабитуалис, континуатив // акциональный модификатор дуративного типа (± “проспективная” перспектива)

ИДТИ/УХОДИТЬ (‘идти (чтобы) V’) > дезидератив

ИДТИ/УХОДИТЬ (‘идуший (чтобы) V’) > словообразовательный суффикс деятеля (‘тот, кто V’)

ИДТИ/УХОДИТЬ (‘пошел (чтобы) V’, ‘пошел, сделал V’ // обычно в прошедшем (перфективном) времени) > инхоатив (иногда = проспектив в имперфективных контекстах)

ИДТИ/УХОДИТЬ (‘пошел/ушел, сделал V’ // обычно в прошедшем (перфективном) времени) > перфектив (± неожиданность, отрицательная оценка, эмфаза) // акциональный модификатор “предельного” типа

ИДТИ/УХОДИТЬ (‘пошел и сделал V’ // обычно в прошедшем (перфективном) времени) > неожиданное, неодобряемое говорящим действие (часто совершенное участником без колебаний, ≈ ‘взял и сделал’)

ИДТИ/УХОДИТЬ (+A) > показатель превышения нормы (‘очень, слишком’)

ИДТИ/УХОДИТЬ (+A, +N // обычно в прошедшем (перфективном) времени) > трансформатив

ИДТИ/УХОДИТЬ (+N типа *завтра*) > большая временная дистанция ('через более длительное время, чем N')

ИДТИ/УХОДИТЬ (+N типа *край, сторона, конец*) > более далекое от говорящего расположение объекта ('тот, дальний N')

ИДТИ/УХОДИТЬ (+N типа *неделя, месяц, год*) > отнесенность в прошлое ('прошлый N')

ИДТИ/УХОДИТЬ (+N) > модификатор именной группы (предлог/послелог, падежный аффикс), обычно с пространственным значением ('к', 'из' и др.); целевой модификатор (предлог/послелог, аппликативный аффикс)

ИДТИ/УХОДИТЬ (+V) > настоящее время (= имперфектив настоящего времени)

ИДТИ/УХОДИТЬ (+V) > перфект, близкое прошедшее (\pm прямая засвидетельствованность)

ИДТИ/УХОДИТЬ (+V) > показатель глагольной ориентации ('движение от действительного центра', 'ситуация V осуществляется вдалеке' и пр.)

ИДТИ/УХОДИТЬ (+V) > показатель итива ('пойти куда-либо с целью совершить V')

ИДТИ/УХОДИТЬ (+V) > прошедшее время (временная дистанция "1-2 месяца")

ИДТИ/УХОДИТЬ (+V) > следование во времени, смена событий в повествовании

ИДТИ/УХОДИТЬ (+V) > словообразовательный показатель глагола

ИДТИ/УХОДИТЬ (+V) > эмфатический показатель ('именно V')

ИДТИ/УХОДИТЬ (обычно 'идём/иди (чтобы) V', 'иди делай V') > гортатив, императив

ИДТИ/УХОДИТЬ (обычно 'идти (чтобы) V') > показатель целевого придаточного предложения, инфинитива

ИДТИ/УХОДИТЬ (обычно 'идти/уходить, сделав V', 'идти/уходить сделанным') > пассив, "детранзитивизация" (\pm возможность/долженствование, в т.ч. с непереходными глаголами)

ИДТИ/УХОДИТЬ (обычно 'субъект идёт (чтобы) V' или безличное 'V идёт осуществиться') > внутренняя возможность, внешняя необходимость, условное предложение, "ирреалис"

ИДТИ/УХОДИТЬ > показатель числительного (напр., порядкового)

ИДТИ/УХОДИТЬ > сравнительная конструкция

ЛЕЖАТЬ ('лежит, делая/сделав V', 'лежит (и) делает V' // обычно в имперфективной форме) > прогрессив, дуратив, хабитуалис, континуатив (\pm замедленность, затрудненность) // акциональный модификатор дуративного типа

ЛЕЖАТЬ ('лежит, сделав V') > статив, результатив (\pm неодобрительное отношение)

ЛЕЖАТЬ (+V) > настоящее время (= имперфектив настоящего времени)

ЛЕЖАТЬ (+V) > прошедшее время (временная дистанция "1-2 недели")

ЛЕЖАТЬ (+V) > словообразовательный показатель глагола

ЛЕЖАТЬ (+V) > 'делать Р лежа' ("позиционная ориентация")

ЛЕЖАТЬ (в локативном предложении) > 'быть, находиться (где-л.)'

ЛОЖИТЬСЯ ('лег, сделал V' // обычно в прошедшем (перфективном) времени) > перфектив // акциональный модификатор "предельного" типа

ПОДНИМАТЬСЯ (+V) > императив

ПОДНИМАТЬСЯ (+V) > континуатив

ПОДНИМАТЬСЯ (+V) > перфективный модификатор // акциональный модификатор "предельного" типа

ПОДНИМАТЬСЯ (+V) > показатель глагольной ориентации ('движение вверх')

ПОДНИМАТЬСЯ (+V, +A) > инхоатив, трансформатив

ПОДНИМАТЬСЯ > показатель сравнения 'более, чем'

ПОДНИМАТЬСЯ > пространственный показатель ('вверх', 'сверху' и др.)

ПРИХОДИТЬ ('V приходит к участнику') > дезидератив

ПРИХОДИТЬ ('приходит к (ситуации) V', 'приходит (чтобы) сделать V' // обычно в имперфективной форме) > проспектив/"проксиматив", будущее время (интенциональное, "близкое" будущее, иногда предиктивное будущее)

ПРИХОДИТЬ ('пришел к (ситуации) V', 'пришел (чтобы) сделать V' // обычно в прошедшем (перфективном) времени) > инхоатив, наступление нового состояния (в т.ч. 'в конце концов V') (± внезапность, неконтролируемость)

ПРИХОДИТЬ ('приходит, делая/сделав V', 'приходит (и) делает V', 'приходит (чтобы) V' // обычно в имперфективной форме) > градатив, прогрессив, дуратив, хаби-туалис, континуатив // акциональный модификатор дуративного типа (± "ретроспективная" перспектива)

ПРИХОДИТЬ (+ обычно конструкция с числительным) > приблизительное количество, сравнение

ПРИХОДИТЬ (+ V) > заглазное прошедшее

ПРИХОДИТЬ (+A) > трансформатив

ПРИХОДИТЬ (+N типа *край, сторона, конец*) > более близкое к говорящему расположение объекта ('этот, ближний N')

ПРИХОДИТЬ (+N типа *неделя, месяц, год*) > отнесенность в будущее ('следующий N')

ПРИХОДИТЬ (+N) > модификатор именной группы (предлог/послелог, падежный аффикс), обычно с пространственным значением ('из, начиная с', 'в, к, до тех пор' и др.); в т.ч. показатель посессива, агенса, эталона сравнения (< значение источника движения 'из, от')

ПРИХОДИТЬ (+V) + УХОДИТЬ (+V) > разнонаправленное движение; итеративность; длительное и безуспешное действие

ПРИХОДИТЬ (+V) + УХОДИТЬ (+V) > реципрок (< итеративность)

ПРИХОДИТЬ (+V) > каузатив

ПРИХОДИТЬ (+V) > кунктатив ('еще не')

ПРИХОДИТЬ (+V) > показатель вентива ('прийти куда-либо с целью совершить V')

ПРИХОДИТЬ (+V) > показатель глагольной ориентации ('движение к дейктическому центру', 'ситуация V осуществляется вблизи' и пр.)

ПРИХОДИТЬ (+V) > рефактив, ответное действие

ПРИХОДИТЬ (+V) > следование во времени, смена событий в повествовании

ПРИХОДИТЬ (+V, +N) > бенефактив

ПРИХОДИТЬ (обычно ‘приходи делай V’) > императив, гортатив

ПРИХОДИТЬ (обычно ‘приходить (чтобы) V’) > показатель целевого придаточного предложения

ПРИХОДИТЬ (обычно ‘приходить, сделал V’, ‘приходить сделанным’) > пассив (± возможность/долженствование, в т.ч. с непереходными глаголами)

ПРИХОДИТЬ (обычно ‘пришел, сделал V’ // обычно в прошедшем (перфективном) времени) > перфектив // акциональный модификатор “предельного” типа

ПРИХОДИТЬ (обычно ‘субъект приходит (чтобы) V’ или безличное ‘V приходит осуществиться’) > внутренняя и внешняя возможность, эпистемическая возможность, внешняя необходимость/вынужденность, условное предложение

ПРИХОДИТЬ (обычно ‘субъект приходит от V’) > “иммедиатный” перфект, близкое прошедшее; общефактическое (экспериментальное) значение

ПРИХОДИТЬ > именной сочинительный союз

ПРИХОДИТЬ > предикатное анафорическое слово

ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ (‘перешел к V’) > трансформатив

ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ (‘перешел, сделал/делая V’) > перфективный модификатор // акциональный модификатор “предельного” типа

ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ (‘проходить, сделал/делая V’) > комитативный (сопутствующий) способ действия (± недостаточная тщательность)

ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ (“А большой переходит/проходит Б”) > сравнительная конструкция

ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ (+N) > модификатор именной группы (предлог/послелог; ‘через, сквозь, мимо’, ‘по причине, благодаря’ и др.)

ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ (+V // в будущем времени) > оптатив

ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ (+V) > экспериментальное значение

САДИТЬСЯ (‘сел, сделал V’ // обычно в прошедшем (перфективном) времени) > перфектив (± внезапность, моментальность, неуместность/неодобрение) // акциональный модификатор “предельного” типа

САДИТЬСЯ (‘сел, сделал V’ // обычно в прошедшем (перфективном) времени; с непереходными глаголами) > перфект

СИДЕТЬ (‘не делай V, сиди!’) > прохибитивная конструкция

СИДЕТЬ (‘сидит, делая/сделав V’, ‘сидит (и) делает V’, ‘сидит (чтобы) V’ // обычно в имперфективной форме) > прогрессив, дуратив, хабитуалис, континуатив // акциональный модификатор дуративного типа

СИДЕТЬ (+V) > долженствование

СИДЕТЬ (+V) > императив (1-го, 3-го лица)

СИДЕТЬ (+V) > инхоатив

СИДЕТЬ (+V) > модальное значение ‘кажется, как видно; оказывается’ (< результатив?)

СИДЕТЬ (+V) > настоящее время (= имперфектив настоящего времени)

СИДЕТЬ (+V) > противоречие ожиданиям (‘всё также, тем не менее’, ‘ещё не’)

СИДЕТЬ (+V) > ‘делать Р сидя’ (“позиционная ориентация”)

СИДЕТЬ (+V, +N) > пространственный показатель (наречие/ предлог/ преверб; ‘наверх, сверху’, ‘внутри’, ‘возле, рядом’)

СИДЕТЬ (в локативном предложении) > ‘быть, находиться (где-л.)’

СПУСКАТЬСЯ (‘подниматься, сделаю/делаю V’) > интенсивность, аттенуатив, континуатив, внезапность

СПУСКАТЬСЯ (+V) > императив

СПУСКАТЬСЯ (+V) > интенциональность

СПУСКАТЬСЯ (+V) > перфективный модификатор // акциональный модификатор “предельного” типа

СПУСКАТЬСЯ (+V) > показатель глагольной ориентации (‘движение вниз’)

СПУСКАТЬСЯ > показатель сравнения ‘менее, чем’

СПУСКАТЬСЯ > пространственный показатель (‘вниз, внизу, под’)

СТОЯТЬ (‘стоит (чтобы) V’) > проспектив, интенциональность

СТОЯТЬ (‘стоит, делаю/сделаю V’, ‘стоит (и) делает V’, ‘стоит (чтобы) V’ // обычно в имперфективной форме) > прогрессив, дуратив, хабитуалис // акциональный модификатор дуративного типа

СТОЯТЬ (‘стоит, сделаю V’) > результатив, перфект (> заглазное прошедшее время)

СТОЯТЬ (+V) > ‘делать Р стоя’ (“позиционная ориентация”)

СТОЯТЬ (+V) > настоящее время (= имперфектив настоящего времени)

СТОЯТЬ (+V) > словообразовательный показатель глагола

СТОЯТЬ (+V, +N) > пространственный показатель (наречие/ предлог/ преверб; ‘поблизости; возле, рядом’, ‘на поверхности’)

СТОЯТЬ (в локативном предложении) > ‘быть, находиться (где-л.)’

ХОДИТЬ (‘ходи делай V’) > императив

ХОДИТЬ (+V // в отрицательной форме) > прохибитив

ХОДИТЬ (+V) > настоящее время (= имперфектив настоящего времени)

ХОДИТЬ (обычно ‘ходит, делаю/сделаю V’, ‘ходит (и) делает V’ // обычно в имперфективной форме) > прогрессив, дуратив, хабитуалис // акциональный модификатор дуративного типа

ХОДИТЬ > проспектив

ХОДИТЬ > пространственный показатель

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айхенвальд А. Ю. Современный иврит. М., 1990.
- Айхенвальд А. Ю., Милитарев А. Ю. Ливийско-гуанчские языки // Языки Азии и Африки: Кушитские языки. Ливийско-гуанчские языки. Египетский язык. Чадские языки. (IV, книга 2.) М., 1991.
- Аксенова И. С. Категории вида, времени и наклонения в языках банту. М., 1997.
- Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1973.
- Алиева Н. Ф., Аракин В. Д., Оглоблин А. К., Сирк Ю. Х. Грамматика индонезийского языка. М., 1972.
- Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию. М., 1987.
- Алисова Т. Б., Муравьева Г. Д. Итальянский язык. Грамматика. Хрестоматия. М., 1997.
- Алпатов В. М. Айнский язык // Языки мира: Палеоазиатские языки. М., 1997.
- Алпатов В. М. Вспомогательные глаголы приближения и удаления [в японском языке]. Рукопись.
- Андронов М. С. Тамильский язык. М., 1960.
- Андронов М. С. Язык каннада. М., 1962.
- Андронов М. С. Язык брауи. М., 1971.
- Андронов М. С. Грамматика тамильского языка. М., 1987.
- Андронов М. С. Язык малайлам. М., 1993.
- Андронов М. С., Дашко М. А., Макаренко В. А. Каннада-русский словарь. М., 1979.
- Антонян К. В. Семантика глагольного дополнительного элемента *shang*: от лексических значений к грамматическим // Глагольная префиксация в русском языке: Сборник статей. М., 1997.
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка (1974) // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том I: Лексическая семантика. (2-е изд.) М., 1995.
- Апресян Ю. Д. Лексикографический портрет глагола ВЫЙТИ (1990) // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Аракин В. Д. Мальгашский язык. М., 1963.
- Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Арутюнова Н. Д., Янко Т. Е. (ред.). Логический анализ языка: язык и время. М., 1997.
- Бабакаев В. Д. Ассамский язык. М., 1961.
- Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Часть 1: Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1965.
- Баранников А. П., Баранников П. А. Хиндустани: хинди и урду. М., 1956.
- Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Том 2. Фонетика и морфология. Часть 1. М., 1952.
- Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). М., 1972.
- Берков В. П. Исландский язык // Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. М., 2000.
- Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматика бурятского языка: Синтаксис. М., 1962.
- Блумфильд Л. Язык. М., 1968.
- Бондарко А. В. (ред.). Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Бондарко А. В. (ред.). Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
- Бородина М. А. Современный литературный ретороманский язык Швейцарии. Л., 1969.
- Братусь И. Б., Рубцова С. Ю. Инфинитивная конструкция с видовым значением в нидерландском языке // Храковский В. С. (ред.). Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.

- Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. [Также в: Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.]
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация времени (парадоксы темпоральной ориентации) // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Быкова Е. М. Бенгальский язык. М., 1966.
- Вайс Д. Русские двойные глаголы: кто хозяин, а кто слуга? // Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.). Слово в тексте и в словаре: Сборник статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
- Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. М., 1980.
- Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. Синтаксис простого предложения. М., 1981.
- Виноградова С. П. Авесты язык // Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. М., 2000.
- Володин А. П. Ительменский язык. Л., 1976.
- Вольф Е. М., Никонов Б. А. Португальский язык. М., 1965.
- ВРС = Вьетнамско-русский словарь. М., 1961.
- Вострикова Н. В. Грамматикализация вспомогательных глаголов в марийском языке. Экспедиционный отчет, 2001.
- Выдрин В. Ф. Язык лоома. М., 1987.
- Гаджихмедов Н. Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке. Автореф. ... докт. филол. наук. Махачкала, 1998.
- Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.
- Ганиев Ф. А. Видовая характеристика глаголов татарского языка. Казань, 1963.
- Ганиев Ф. А. Образование сложных слов в татарском языке. М., 1982.
- ГАЯ = Грамматика абхазского языка. Сухуми, 1968.
- ГБЯ = Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М., 1962.
- Гецова О. Г. Глагол *образоваться* в русском диалекте // Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.). Слово в тексте и в словаре: Сборник статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
- ГКЧЯ = Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1957.
- ГКЯ = Грамматика калмыцкого языка: Фонетика и морфология. Элиста, 1983.
- ГЛЯ = Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
- ГМЯ = Грамматика мордовских языков: Фонетика, графика, орфография, морфология. Саранск, 1980.
- Горгониев Ю. А. Грамматика кхмерского языка. М., 1966.
- Горгониев Ю. А. Кхмерско-русский словарь. М., 1984.
- Горелов В. И. Лексикология китайского языка. М., 1984.
- Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. М., 1989.
- ГОЯ = Грамматика осетинского языка. Т. 1: Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1963; Т. 2: Синтаксис. Орджоникидзе, 1969.
- Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI. М., 1985.
- Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963.
- Громова Н. В., Охотина Н. В. Теоретическая грамматика языка суахили. М., 1995.
- Грюнберг А. Л. Язык азербайджанских татов. Л., 1963.
- Грюнберг А. Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Л., 1972.
- Грюнберг А. Л. Языки Восточного Гиндукуша. Язык кати. М., 1980.
- Грюнберг А. Л. Очерк грамматики афганского языка (пашто). Л., 1987.
- ГСБЯ = Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
- Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.
- ГУЯ = Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

- ГХЯ = Грамматика хакасского языка. М., 1975.
- Даль, Э. Динамика грамматических моделей // Вторая зимняя типологическая школа. Международная школа-семинар молодых ученых по лингвистической типологии и антропологии. М., 2000.
- Джанмавов Ю. Д. Деепричастия в кумыкском литературном языке. М., 1967.
- Дзенит С. Я., Гуров Н. В. Краткий грамматический очерк языка телугу // Телугу-русский словарь. М., 1972.
- Долгопольский А. Б. Кушитские языки // Языки Азии и Африки: Кушитские языки. Ливийско-гуанчские языки. Египетский язык. Чадские языки. (IV, книга 2.) М., 1991.
- Дорофеева Л. Н. Язык фарси-кабули. М., 1960.
- Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Том 1. Части речи. М.–Л., 1952.
- Дубнова Е. З. Язык руанда. М., 1979.
- Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968.
- Дымшиц З. М. Грамматика языка хинди. Том 1: Письменность. Фонетика. Морфология (знаменательные части речи). М., 1986а; Том 2: Морфология (служебные части речи). Синтаксис. М., 1986б.
- Дьячков М. В. Креольские языки. М., 1987.
- Егоров В. Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть 1. Морфология. Чебоксары, 1957.
- Еланская А. П. Коптский язык // Языки Азии и Африки: Кушитские языки. Ливийско-гуанчские языки. Египетский язык. Чадские языки. (IV, книга 2.) М., 1991.
- Еловков Д. И. Очерки по лексикологии языков Юго-Восточной Азии. Л., 1977.
- Ефимов В. А. Язык афганских хазара. М., 1965.
- Ефимов В. А. Язык ормури в синхронном и историческом освещении. М., 1986.
- Жилина Т. И. Верхнесыольский диалект коми языка. М., 1975.
- Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.
- Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях // Жирмунский В. М., Суник О. П. (ред.) 1965, сс. 5-57.
- Жирмунский В. М., Суник О. П. (ред.). Аналитические конструкции в языках различных типов. М.–Л., 1965.
- Жукова А. Н. Грамматика корякского языка: Фонетика. Морфология. Л., 1972.
- Завадовский Ю. Н., Смагина Е. Б. Нубийский язык. М., 1986.
- Закиев М. З. (ред.). Татарская грамматика. Том 2: Морфология. Казань, 1993.
- Зализняк Анна А. Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности // Арутюнова Н.Д., Шатуновский И.Б. (ред.). Логический анализ языка: языки динамического мира. Дубна, 1999.
- Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект “Каталога семантических переходов” // Вопросы языкознания. №2, 2001.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Захарьин Б. А., Эдельман Д. И. Язык кашмири. М., 1971.
- ИРС = Испанско-русский словарь. М., 1988.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. М., 1961.
- Канонич С. И. Справочник по грамматике испанского языка. М., 1991.
- Караванов А. А. Употребление формы будущего времени глаголов совершенного вида в значении настоящего времени // Черткова М.Ю. (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Том 1. М., 1997.
- Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 1996.
- Катенина Т. Е. Очерк грамматики языка маратхи. М., 1963.
- Келлер, Руди. Языковые изменения: О невидимой руке в языке. (Пер. с нем.) Самара, 1997.
- Кепинг К. Б. Тангутский язык. Морфология. М., 1985.
- Кибрик А. А., Плунгян В. А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сборник обзоров. М., 1997.
- Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянникова И. П., Самедов Д. С. Опыт структурного описания арчинского языка. Том 1. М., 1977.
- Кибрик А. Е. (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.
- Кибрик А. Е. (ред.). Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари. М., 2001.
- Климов Г. А., Эдельман Д. И. Язык бурушаски. М., 1970.
- Коваль А. И., Зубко Г. В. Язык фула. М., 1986.
- Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.–Л., 1956.
- Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.–Л., 1960.
- Копорская Е. С. “Семантический архетип” глаголов физического движения в его отношении к строению глагольного класса // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Кормушин И. В. Удэхэйский (удыгейский) язык. М., 1998.
- Королев Н. И. Язык непали. М., 1965.
- Королев Н. И. Неварский язык. М., 1989.
- Коршунов В. С. Грамматика малагасийского языка. М., 1994.
- Кошелев А. Д. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. Вып. 1: Спорное в лингвистике. М., 1996.
- Кравченко Н. А. Когнитивно-семантический анализ глаголов *сидеть*, *стоять* и *лежать* // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. №5, 1998.
- Красухин К. Г. Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики // Арутюнова Н. Д., Янко Т. Е. (ред.). Логический анализ языка: язык и время. М., 1997.
- Крейнович Е. А. О явлениях развития кетского языка от форм аналитических к формам синтетическим // Жирмунский В. М., Суник О. П. (ред.) 1965, сс. 285-308.
- Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982.
- Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Крючкова Е. Р. Некоторые проблемы южноазиатского языкового союза // Этнические контакты и языковые изменения. СПб., 1995.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- Кумахов М. А. Морфология адыгских языков. I: Введение, структура слова, словообразование частей речи. Нальчик, 1964.
- Курдоев К. К. Грамматика курдского языка: на материале диалектов курманжди и сорани. М., 1978.
- Курилович Е. О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике, вып. IV. М., 1965.
- Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXIII. М., 1988.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем (главы I-VI) // Теория метафоры. М., 1990.
- Лебедев В. Д. Охотский диалект эвенского языка. Л., 1982.
- Левинтова Э. И., Вольф Е. М. Испанский язык. М., 1964.
- Липеровский В. П. Глагол в языке хинди. М., 1984.
- Липеровский В. П. Синтаксис современного хинди. М., 1987.
- Липеровский В. П. Очерк грамматики современного браджа. М., 1988.
- Липеровский В. П. Очерк грамматики современного авадхи. М., 1997.
- Литвинов В. П. Свойства “эnumerативных предикатов” // Прагматика и семантика синтаксических единиц. Калинин, 1984.
- Лопатин В. В. Глаголы пространственного расположения предмета, их словообразовательные и семантические связи // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Лютикова Е. А. Рефлективы и эмфаза // Вопросы языкознания. №6, 1997.
- Магомедов А. А. Агульский язык. Тбилиси, 1970.
- Майсак Т. А. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // Вопросы языкознания. №1, 2000.
- Майтинская К. Е. Венгерский язык. Часть I: Введение. Фонетика. Морфология. М., 1955; Часть II: Грамматическое словообразование. М., 1959.

- Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М., 1981.
- Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Маслов Ю. С. Будущее время // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Маслов Ю. С. Введение в языкознание. (3-е издание.) М., 1998.
- Маслова-Лашанская С. С., Чекалина Е. М. Шведский язык // Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. М., 2000.
- Маун Маун Ньун, Орлова И. А., Пузицкий Е. В., Тагунова И. М. Бирманский язык. М., 1963.
- Маянц В. А. Лексическое выражение некоторых грамматических значений в языке йоруба // Теоретические проблемы восточного языкознания. Часть 3. М., 1982.
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том I. Часть 1: Слово. М.–Вена, 1997.
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том II. Часть 2: Морфологические значения. М.–Вена, 1998.
- Меновщиков Г. А. Грамматика языка азиатских эскимосов. Часть 1: Фонетика. Морфология именных частей речи. М.–Л., 1962; Часть 2: Глагол, причастие, наречия, служебные слова. М.–Л., 1967.
- Мещерский Н. А. (ред.). Русская диалектология. М., 1972.
- Миллер Б. В. Тальшский язык. М., 1953.
- Миронов С. А., Зеленецкий А. Л., Иванова Н. В. Нидерландский язык // Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. М., 2000а.
- Миронов С. А., Зеленецкий А. Л., Парамонова Н. Г., Плоткин В. Я. Историческая грамматика нидерландского языка. Книга 1: Фонология. Морфология. М., 2000б.
- Михайлов М. С. Исследования по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола. М., 1965.
- Морев Л. Н. Язык сэк. М., 1988.
- Морев Л. Н. Сопоставительная грамматика тайских языков. М., 1991.
- Морев Л. Н., Москалев А. А., Плам Ю. Я. Лаосский язык. М., 1972.
- Морев Л. Н., Плам Ю. А., Фомичева М. Ф. Тайский язык. М., 1961.
- Москалев А. А. Грамматика языка чжуан. М., 1971.
- Москалев А. А. Язык дуаньских яо (язык ну). М., 1978.
- Мячина Е. Н. Язык суахили. М., 1960.
- Наджиб Э. Н. Современный уйгурский язык. М., 1960.
- Недялков В. П. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Бондарко А. В. (ред.). Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Недялков В. П. (ред.). Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Недялков И. В., Недялков В. П. Карачаево-балкарские глагольные формы на *-б/-н тур-а* со значениями настоящего и прошедшего времени (в сравнении с формами на *-б тур-а/тур-иб* в узбекском языке) // Лингвистические исследования 1987: Функционально-семантические аспекты грамматики. М., 1987.
- Нехендзи Б. Д., Благовещенский В. В. Грамматика современного французского языка. Морфология. М., 1964.
- Никифорова Л. А. Язык волоф. М., 1981.
- Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. (Унифицированное описание диалектов уральских языков: V.) М.–Гамбург, 1995.
- Никонов Б. А. Грамматика португальского языка. М., 1981.
- ОИТИИЯ = Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Том 1. Фонология. Эволюция морфологического типа. М., 1975а; Том 2. Эволюция грамматических категорий. М., 1975б.
- ОИЯ = Основы иранского языкознания. Книга 3. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982; Книга 4. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987; Книга 5. Новоиранские языки: северо-западная группа. Часть 1. М., 1991.
- Осипов Ю. М. Вопросы словообразования в современном тайском языке. М., 1969.
- Охотина Н. В. Язык зулу. М., 1961.
- Очиров У. У. Грамматика калмыцкого языка: Синтаксис. Элиста, 1964.

- Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.
- Падучева Е. В. Глаголы движения и их стативные дериваты (в связи с так называемым движением времени) // Арутюнова Н. Д., Шатуновский И. Б. (ред.). Логический анализ языка: языки динамического мира. Дубна, 1999.
- Панфилов В. З. Грамматика нивхского языка. Часть 1: Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.–Л., 1962; Часть 2: Глагол, наречие, образные слова, междометия, служебные слова. М.–Л., 1965.
- Панфилов В. С. Грамматический строй вьетнамского языка. СПб., 1993.
- Пахалина Т. Н. Сарыкольский язык. М., 1966.
- Пахалина Т. Н. Ваханский язык. М., 1975.
- Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л., 1967.
- Петруничева З. Н. Язык телугу. М., 1960.
- Пильщикова, Нина. Глагольная система языка хауса. Warszawa, 1957.
- Плам Ю. Я. Морфологические категории в тайском языке. М., 1965.
- Плунгян В. А. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // Черткова М. Ю. (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998а.
- Плунгян В. А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях: обзор // Семиотика и информатика, вып. 36, 1998б.
- Плунгян В. А. К типологии глагольной ориентации // Арутюнова Н. Д., Шатуновский И. Б. (ред.). Логический анализ языка: языки динамического мира. Дубна, 1999.
- Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000а.
- Плунгян В. А. 'Быстро' в грамматике русского и других языков // Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.). Слово в тексте и в словаре: Сборник статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000б.
- Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // Плунгян В. А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001.
- Погибенко Т. Г., Буй Кхань Тхе. Язык ксингмул // Язык ксингмул. Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. М., 1990.
- Подлеская В. И. Сложное предложение в современном японском языке. Материалы к типологии полипредикативности. М., 1993.
- Полинская М. С. Язык ниуэ. М., 1995.
- Пузицкий Е. В. Качинский язык (язык чжингпхо). М., 1968.
- Расторгуева В. С., Керимова А. А. Система таджикского глагола. М., 1964.
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Рерих Ю. Н. Тибетский язык. М., 1961.
- Роббек В. А. Язык эвенов Березовки. Л., 1989.
- Роббек В. А. Грамматические категории эвенского глагола. СПб., 1992.
- Рудин С. Г. Специализированные глагольные сочетания тамильского языка // Вопросы языкознания. №4, 1975.
- Секхар Ч., Глазов Ю. Я. Язык малаялам. М., 1961.
- Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках. М., 1960.
- Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М., 1967.
- Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Серебренников Б. А. (ред.). Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972.
- СИГТЯ = Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.
- Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка. Часть 1: Фонетика и морфология именных частей речи. М.–Л., 1961; Часть 2: Глагол, наречие, служебные слова. Л., 1977.
- Смирнов Ю. А. Грамматика языка панджаби. М., 1976.
- Смирнова М. А. Язык хауса М., 1960.
- СМЯ = Современный марийский язык: Морфология. Йошкар-Ола, 1961.

- Соколовская Н. К., Нгуен Ван Тай. Язык мьонг // Язык мьонг. Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. М., 1987.
- Солнцев В. М., Лекомцев Ю. К., Мхитарян Т. Т., Глебова И. И. Вьетнамский язык. М., 1960.
- Солнцева Н. В., Хоанг Ван Ма. Язык лаха // Язык лаха. Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. М., 1986.
- Старостин С. А. Заметки о древнекитайском языке // Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н.Журина. М., 1994.
- СТЛЯ = Современный татарский литературный язык: Лексикология. Фонетика. Морфология. М., 1969; Современный татарский литературный язык: Синтаксис. М., 1971.
- Сумбатова Н. Р. Грамматикализация глагольного синтаксиса. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Супрун А. Е. (ред.). Общее языкознание. Минск, 1983.
- Сыромятников Н. А. Развитие новояпонского языка. М., 1978.
- Талми, Леонард. Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. №1, 1999а; №4, 1999б; №6, 1999в.
- Тенишев Э. Р. Строй саларского языка. М., 1976а.
- Тенишев Э. Р. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976б.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
- Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. Л., 1973.
- Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л., 1979.
- Титов Е. Г. Грамматика амхарского языка. М., 1991.
- Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951.
- Токарская В. П. Язык малинке (мандинго). М., 1964.
- Томмола Х.-Т. Лингвистика на службе права: что предусмотрено языком? // Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.). Слово в тексте и в словаре: Сборник статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
- Топоров В. Н. Об одном из парадоксов движения: несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола “стоять”, преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- Топорова И. Н. Грамматика языка лингала. М., 1994.
- ТРС = Тайско-русский словарь. М., 1964.
- Убрятова Е. И. Язык норильских долган. Новосибирск, 1985.
- Успенский Б. А. О системе кетского глагола // Кетский сборник: Лингвистика. М., 1968.
- Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Якутск, 1947.
- Харитонов Л. Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.–Л., 1960.
- Храковский В. С. Семантика фазовости и средства ее выражения // Бондарко А. В. (ред.). Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Храковский В. С. (ред.). Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
- Храковский В. С. (ред.). Типология императивных конструкций. Л., 1992.
- Церетели К. Г. Современный ассирийский язык. М., 1964.
- Церетели К. Г. Сирийский язык. М., 1979.
- Ченки, Алан. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997.
- Чернов П. В. Справочник по грамматике арабского литературного языка. М., 1995.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Русская грамматика. Том 2: Синтаксис. М., 1980.
- Шевернина З. В. К характеристике деепричастно-глагольных сочетаний в монгольском языке // Теоретические проблемы восточного языкознания. Часть 5. М., 1982.
- Шкарбан Л. И. Грамматический строй тагальского языка. М., 1995.
- Щеглов Ю. К. Очерк грамматики языка хауса. М., 1970.
- Эдельман Д. И. Дардские языки. М., 1965.
- Эдельман Д. И. Язгулямский язык. М., 1966.
- Эдельман Д. И. Дардские языки // Языки Азии и Африки: Индоевропейские языки: иранские языки, дардские языки. Дравидийские языки. (Т. II.) М., 1978.

- Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.
 Языки = Языки и диалекты мира. Проспект и словарь. М., 1982.
 Яковлева В. К. Язык йоруба. М., 1963.
 Яковлева И. П. Язык ганда (луганда). М., 1961.
 Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке. Л., 1957.
 Яхонтова Н. С. Монгольский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997.
- Abraham, R. C. The Idoma language. University of London Press, 1967.
 Adelaar, W. F. H. Tarma Quechua: grammar, texts, dictionary. Lisse: The Peter Ridder Press, 1977.
 Agha, Asif. The semantics and pragmatics of verb classifiers in Urdu-Hindi // Proceedings of the 20th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: General Session dedicated to the contributions of Charles J. Fillmore. Berkeley: Berkeley Linguistic Society, 1994.
 Aikhenvald, A.Y. Classifiers: a typology of noun categorization devices. Oxford: Oxford University Press, 2000.
 Alexandre, (R.P.) Gustave. La langue мң:рй (tome I). Dakar: IFAN, 1953.
 Alexandre, Pierre. Systeme verbal et predicatif du bulu. Paris, 1966.
 Allan, Keith. Classifiers // Language 53-2: 285-311, 1977.
 Aoki, Haruo. Nez Perce Grammar. (University of California Publications in Linguistics, vol. 62.) University of California Press, 1970.
 Arensen, Jon. Murle Grammar. (Occasional Papers in the Study of Sudanese languages, No. 2.), S.I.L., 1982.
 Armbruster, Charles Hubert. Dongolese Nubian: a grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.
 Arnott, D.W. The nominal and verbal systems of Fula. Oxford, 1970.
 Asher, R. E. Tamil. (Croom Helm Descriptive Grammars.) London: Croom Helm, 1985.
 Austin, Peter. A Grammar of Diyari, South Australia. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
 Auwera, Johan van der; Plungian, Vladimir. Modality's semantic map // Linguistic Typology 2-1: 79-124, 1998.
 Badia Margarit, A. M. Gramática catalana. Tomo 1. Madrid, 1962.
 Baker, Philip. Kreol: A description of Mauritian Creole. London, 1972.
 Baker, Philip; Corne, Chris. Isle de France Creole: Affinities and origins. Ann Arbor: Karoma, 1982.
 Barker, M. A. R. Klamath Grammar. (University of California Publications in Linguistics, vol. 32.) University of California Press, 1964.
 Bee, Darlene. Usarufa: a descriptive grammar // McKaughan, Howard (ed.) 1973, pp. 225-323.
 Belikov, Vladimir. Some Fragments of Russenorsk Grammar. Manuscript, 1993.
 Benveniste, Emile. Mutations of linguistic categories // Lehmann, W. P.; Malkiel, Yakov (eds.). Directions for historical linguistics. Austin & London: University of Texas Press, 1968.
 Bertinetto, Pier Marco. The progressive in Romance, as compared with English // Dahl (ed.) 2000, pp. 559-604.
 Bertinetto, Pier Marco; Delfitto, Denis. Aspect vs. Actionality: Why should they be kept apart // Dahl (ed.) 2000, pp. 189-225.
 Bertinetto, Pier Marco; Ebert, Karen H.; Groot, Casper de. The progressive in Europe // Dahl (ed.) 2000, pp. 517-558.
 Bilmes, Leela. The grammaticalization of Thai 'come' and 'go' // Proceedings of the 21st Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: Special Session on discourse in Southeastern Asian languages. Berkeley: Berkeley Linguistic Society, 1995.
 Bisang, Walter. Verb serialization and converbs — differences and similarities // Haspelmath, Martin; König, Ekkehard (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective: structure and meaning of adverbial verb forms, adverbial participles, gerunds. (Empirical Approaches to Language Typology, 13.) Berlin: Mouton de Gruyter, 1995.
 Blake, Barry J. A brief description of the Kalkatungu language. Manuscript, 1967(?).
 Blake, Barry J. Pitta-Pitta // Dixon, R.M.W.; Blake, Barry J. (eds.) 1979, vol. 1: 182-242.
 Bloomfield, Leonard. Eastern Ojibwa. Ann Arbor, 1957.

- Borg, Albert J. A study of aspect in Maltese. Ann Arbor: Karoma, 1981.
- Bourdin, Philippe. Constance et inconstances de la diïicticitï: la resïmantisation des marqueurs an-datifs et ventifs // Morel, Maie-Annick; Danon-Boileau, Laurent (eds.). La Deixis. Paris, 1992.
- Boyd, R. (ed.). Le systïme verbale dans les langues oubanguiennes. Mïnchen– Newcastle, 1995.
- Breen, J. G. Bidyara and Gungabula: Grammar and vocabulary. Melbourne, 1973.
- Breen, J. G. Margany and Gunya // Dixon, R.M.W.; Blake, Barry J. (eds.) 1979, vol. 2: 275-393.
- Briggs, Elinor. Mitla Zapotec Grammar. Mexico, 1961.
- Bright, William. The Karok Language. (University of California Publications in Linguistics, vol. 13.) University of California Press, 1957.
- Brinton, Laurel J. The development of English aspectual systems. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Broadbent, Sylvia M. The Southern Sierra Miwok Language. (University of California Publications in Linguistics, vol. 38.) University of California Press, 1964.
- Bunn, Gordon. Golin Grammar. S.I.L., Ukaruma, 1974.
- Bybee, Joan L. "Irrealis" as a grammatical category // Anthropological Linguistics 40-2: 257-271, 1998.
- Bybee, Joan L.; Dahl, ïsten. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies in Language 13-1: 51-103, 1989.
- Bybee, Joan L.; Pagliuca, William; Perkins, Revere. Back to the future // Traugott, Heine (eds.) 1991, vol. 1: 17-58.
- Bybee, Joan L.; Perkins, Revere; Pagliuca, William. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Campbell, Lyle. Some grammaticalization changes in Estonian and their implications // Traugott, Heine (eds.) 1991, vol. 1: 285-299.
- Canu, Gaston. Description synchronique de la langue mr:re (dialecte de Ougadougou). Universitï de Lille, 1974.
- Capell, A.; Hinch, H. E. Maung Grammar, texts and vocabulary. Mouton, 1970.
- Carlson, Robert. Grammaticalization of postpositions and word order in Senufo languages // Traugott, Heine (eds.) 1991, vol. 2: 201-223.
- Caron, Bernard. Le haoussa de l'Ader. Berlin: Reimer, 1991.
- Chadwick, Neil. A descriptive study of the Djungili language. Canberra, 1975.
- Chantoux, Alphonse; Gontier, Alexandre; Prost, Andrï. Grammaire gourmantchï. Dakar: IFAN, 1968.
- Chatterjee, Ranjit. Aspect and meaning in Slavic and Indic. Amsterdam: John Benjamins, 1988.
- Churchward, C. Maxwell. Tongan grammar. Oxford University Press, 1953.
- Cole, Peter. Imbabura Quechua. (Lingua Descriptive Studies, vol. 5.) Amsterdam, 1982.
- Colon, Germa. A propos du parfait pïrïphrastique VADO + INFINITIF en catalan, en provençal et en franïais // Travaux de linguistique et de littïrature XIII, 1. Strasbourg, 1975.
- Comrie, Bernard. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Comrie, Bernard. Tense. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Costa, Albano Dias da. Periphrastic verbal expressions in Portuguese // Schmidt-Radefeldt, Jïrgen (ed.). Readings in Portuguese linguistics. Amsterdam etc.: North-Holland Publishing Company, 1976.
- Craig, Colette. Ways to go in Rama: a case study in polygrammaticalization // Traugott, Heine (eds.) 1991, vol. 2: 455-492.
- Craig, Colette. Classifiers in a functional perspective // Fortescue, M.; Harder, P.; Kristoffresen, L. (eds.). Layered structure and reference in a functional perspective. Amsterdam: Benjamins, 1992.
- Creider, Chet; Creider, Jane Tapsubei. A grammar of Nandi. (Nilo-Saharan: Linguistic analyses and documentation, vol. 4.) Hamburg: Buske, 1989.
- Croft, William. Typology and universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Dahl, ïsten. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dahl, ïsten. The marking of the episodic/generic distinction in tense-aspect systems // Carlson, Gregory N.; Pelletier, Francis Jeffry (eds.). The Generic Book. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1995.

- Dahl, Østen. Grammaticalization and the life-cycles of constructions. Keynote lecture at the 17th Scandinavian Conference of Linguistics (August 20-22, 1998). Funen, Denmark, 1998. (To be published in a volume in the series RASK Supplement Volumes.) [Версия в интернете: <http://www.ling.su.se/staff/oesten/papers/dlpapers.htm>; Updated 24 February 2000.]
- Dahl, Østen. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective // Dahl (ed.) 2000a, pp. 3-25.
- Dahl, Østen. The grammar of future time reference in European languages // Dahl (ed.) 2000b, pp. 309-328.
- Dahl, Østen (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe: Empirical Approaches to Language Typology. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.
- Dalby, David. The Linguasphere Register of the World's Languages and Speech Communities. (2 vols.) Linguasphere Press, 2000.
- Dasgupta P. The internal grammar of compound verbs in Bangla // Indian Linguistics 38-2, 1977.
- Davies, John. Kobon. (Lingua Descriptive Studies, vol. 3.) Amsterdam, 1981.
- Deibler, Ellis W. Semantic relationships of the Gahuku verbs. Norman: S.I.L., 1976.
- Derbyshire, Desmond C. Hixkaryana. (Lingua Descriptive Studies, vol. 1.) Amsterdam, 1974.
- Devitt, Dan. The diachronic development of semantics in copulas // Proceedings of the 16th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley: Berkeley Linguistic Society, 1990.
- Diagne, Pathé. Grammaire de wolof moderne. Paris, 1971.
- Dik, Simon. Copula Auxiliation: how and why? // Working papers in functional grammar 2. Amsterdam, 1985.
- Dixon, R.M.W. The Dyirbal Language of North Queensland. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Dixon, R.M.W. A Grammar of Yidj. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Dixon, R.M.W. Wargamay // Dixon, R.M.W.; Blake, Barry J. (eds.) 1979, vol. 2: 1-144.
- Dixon, R.M.W. The languages of Australia. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- Dixon, R.M.W.; Blake, Barry J. (eds.). Handbook of Australian languages. Amsterdam: Benamins, 1979.
- Ducos, Gisèle. Structure du Badiaranke de Guinée at du Sɔ́nɔ́gal. (Bibliothèque de la S.E.L.A.F., 27-28.) Paris, 1971.
- Dugast, Idelette. Grammaire du tūnen. Paris, 1971.
- Eades, Diana. Gumbaynggir // Dixon, R.M.W.; Blake, Barry J. (eds.) 1979, vol. 1: 244-361.
- Ebert, Karen H. Progressive markers in Germanic languages // Dahl (ed.) 2000a, pp. 605-653.
- Ebert, Karen H. Aspect in Maltese // Dahl (ed.) 2000b, pp. 753-785.
- Emanatian, Michele. Chagga 'come' and 'go': metaphor and the development of tense-aspect // Studies in language 16-1: 1-33, 1992.
- Emeneau, Murray Barnson. Brahui and Dravidian comparative grammar. University of California Press, 1962.
- Faraclas, Nicholas G. Nigerian Pidgin. (Descriptive Grammars.) London etc.: Routledge, 1996.
- Fillmore, Charles. Deictic categories in the semantics of *come* // Foundations of language 2: 219-227, 1966.
- Fillmore, Charles. How to know whether you're *coming* or *going* // Rauh, G. (ed.). Essays on deixis. Tübingen: Narr, 1983.
- Fleischman, Suzanne. The future in thought and language: diachronic evidence from Romance. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Fleischman, Suzanne. Temporal distance: a basic linguistic metaphor // Studies in Language 13.1: 51-103, 1989.
- Fortescue, Michael. West Greenlandic. (Croom Helm Descriptive Grammars.) London: Croom Helm, 1984.
- Fortune, G. An analytical grammar of Shona. London, 1955.
- Foster, Mary LeCron. The Tarascan Language. (University of California Publications in Linguistics, vol. 56.) University of California Press, 1969.
- Frajzyngier, Zygmunt. A grammar of Mupun. Berlin: Reimer, 1993.
- Franckel, Jean-Jacques. Futur "simple" et futur "proche" // Le Français dans le monde 182: 65-70, 1984.

- Franklin, K. J. A grammar of Kewa, New Guinea. The Australian National University, 1971.
- Gandour, Jack. On the deictic use of verbs of motion COME and GO in Thai // *Anthropological Linguistics* 20.8: 381-394, 1978.
- Giacalone Ramat, Anna; Hopper, Paul J. (eds.). *The Limits of grammaticalization*. (Typological studies in language, 37.) Amsterdam: John Benjamins, 1998.
- Givyn, Talmy. *On understanding grammar*. New York: Academic Press, 1979.
- Givyn, Talmy. *Tense-Aspect-Mood: the Creole prototype and beyond* // Hopper, Paul (ed.). *Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics*. Amsterdam: Benjamins, 1982.
- Givyn, Talmy. Serial verbs and the mental reality of event: grammatical vs. cognitive packaging // Traugott, Heine (eds.) 1991, vol. 1: 81-127.
- Glass, Anee; Hackett, Dorothy. *Pitjantjatjara Grammar: a tagmemic view of the Ngaanyatjara (Warburton Ranges) dialect*. Canberra, 1970.
- Goddard, Ives. *Delaware Verbal Morphology*. Garland Publishing, Inc. 1979.
- Green, M. M.; Igwe, G. E. *A descriptive grammar of Igbo*. Oxford University Press, 1963.
- Greenberg J. H. The last stages of grammatical elements: contractive and expansive desemantization // Traugott, Heine (eds.) 1991, vol. 1: 301-314.
- Greenberg J. H. (ed.). *Universals of human language*. Vol. 3: Word structure. Stanford: Stanford University Press, 1978.
- Gregores, Emma; Subrez, Jorge A. *A description of colloquial Guaraní*. Mouton & Co., 1967.
- Grimes, Barbara (ed.). *Ethnologue: Languages of the world*. 13th edition. S.I.L., 1996. [Версия в интернете: www.ethnologue.com; www.sil.org]
- Haighe, Claud. *La langue Mbum de Nganha (Cameroon)*. (Bibliothèque de la S.E.L.A.F., 18-19.) Paris, 1970.
- Haiman, John. *Hua: A Papuan language of the Eastern Highlands of New Guinea*. (Studies in Language Companion Series, vol. 5.) Amsterdam: Benjamins, 1980.
- Hardman, M. J. *Jaqaru: outline of phonological and morphological structure*. Mouton & Co., 1966.
- Harries, Lyndon. *A grammar of Mwera*. Johannesburg, 1950.
- Haspelmath, Martin. From purposive to infinitive: a universal path of grammaticization // *Folia Linguistica Historica* 10.1-2: 287-310, 1989.
- Haspelmath, Martin. The grammaticization of passive morphology // *Studies in Language* 14-1: 25-71, 1990.
- Haspelmath, Martin. The semantic development of old presents: New futures and subjunctives without grammaticalization // *Diachronica* 15-1: 29-62, 1998.
- Haspelmath, Martin. Why is grammaticalization irreversible? // *Linguistics* 37-6: 1043-1068, 1999.
- Haviland, John. *Guugu Yimidhirr* // Dixon, R.M.W.; Blake, Barry J. (eds.) 1979, vol. 1: 26-180.
- Heath, Jeffrey. *Basic materials in Ritharungu: Grammar, texts and dictionary*. Canberra: The Australian National University, 1980.
- Heath, Jeffrey. *Functional Grammar of Nunggubuyu*. Canberra, 1984.
- Heine, Bernd. *Auxiliaries: Cognitive forces and grammaticalization*. New York & Oxford: Oxford University Press, 1993.
- Heine, Bernd. On the genesis of aspect in African languages: The Proximative // *Proceedings of the 20th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: Special Session on historical issues in African linguistics*. Berkeley: Berkeley Linguistic Society, 1994.
- Heine, Bernd; Claudi, Ulrike; Hahnemeyer, Friederike. From cognition to grammar — evidence from African languages // Traugott, Heine (eds.) 1991a, vol. 2: 150-187.
- Heine, Bernd; Claudi, Ulrike; Hahnemeyer, Friederike. *Grammaticalization: a conceptual framework*. Chicago: University of Chicago Press, 1991b.
- Heine, Bernd; Gldemann, Tom; Kilian-Hatz, Christa; Lessau, Donald A.; Roberg, Heinz; Schladt, Mathias; Stolz, Thomas. *Conceptual Shift: A Lexicon of Grammaticalization Processes in African Languages*. (=Afrikanistische Arbeitspapiere 34-35.) Köln: Institut für Afrikanistik, 1993.
- Heine, Bernd; Kuteva, Tania. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. (To appear)
- Heine, Bernd; Reh, Mechthild. *Grammaticalization and reanalysis in African languages*. Hamburg: Helmut Buske, 1984.
- Hewitt, B. G. *Abkhaz*. (Lingua Descriptive Studies, vol. 2.) Amsterdam, 1979.

- Himmelmann, Nikolaus. Grammaticalization and grammar. (Institut für Sprachwissenschaft, Arbeitspapier Nr. 16.) Universität zu Köln, 1992.
- Hinds, John. Japanese. (Croom Helm Descriptive Grammars.) London: Croom Helm, 1986.
- Hoffmann, Carl. A grammar of the Margi language. London: Oxford University Press, 1963.
- Holes, Clive. Gulf Arabic. (Descriptive Grammars.) London etc.: Routledge, 1990.
- Hook, Peter Edwin. The compound verb in Hindi. Ann Arbor: University of Michigan, 1974.
- Hook, Peter Edwin. The emergence of perfective aspect in Indo-Aryan languages // Traugott, Heine (eds.) 1991, vol. 2: 59-89.
- Hopper, Paul J. On Some Principles of Grammaticization // Traugott, Heine (eds.) 1991, vol. 1: 17-35.
- Hopper, Paul J. Phonogenesis // Pagliuca, William (ed.). Perspectives on grammaticalization. Amsterdam: John Benjamins, 1994.
- Hopper, Paul J.; Traugott, Elizabeth C. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Innes, Gordon. An introduction to Grebo. University of London, 1966.
- Iorss, Martial T. Grammaire tahitienne. Tahiti: Papeete, 1961.
- Johanson, Lars. Viewpoint operators in European languages // Dahl (ed.) 2000, pp. 27-187.
- Joseph, Brian D. Diachronic morphology // Spencer, Andrew; Zwicky, Arnold M. (eds.). The handbook of morphology. Blackwell Publishers, 1998.
- Joseph, Brian D.; Philippaki-Warbuton, Irene. Modern Greek. (Croom Helm Descriptive Grammars.) London: Croom Helm, 1987.
- Josephs, Lewis. Palauan reference grammar. Honolulu, 1975.
- Kühler, Oswin. La langue kxoe // Manessy, Gabriel (ed.). Les langues dans le monde ancien et moderne. Première Partie: Les langues de l'Afrique subsaharienne. Paris, 1981.
- Kaufman, Terence. Tzeltal phonology and morphology. (University of California Publications in Linguistics, vol. 61.) University of California Press, 1971.
- Keesing, Roger M. Substrates, calquing and grammaticalization in Melanesian pidgin // Traugott, Heine (eds.) 1991, vol. 1: 315-342.
- Krishnamurti, Bhadriraju; Gwynn J. P. L. A grammar of modern Telugu. Delhi etc.: Oxford University Press, 1985.
- Kroeber A. L.; Grace, George William. The Sparkman grammar of Luiseco. (University of California Publications in Linguistics, vol. 16.) University of California Press, 1960.
- Kuipers, Aert H. The Squamish Language. Mouton & Co., 1967.
- Kuipers, Aert H. The Shuswap Language. Mouton & Co., 1974.
- Kurylowicz, Jerzy. The evolution of grammatical categories // Diogenes 51: 55-71, 1965.
- Kuteva, Tania. On identifying an evasive gram: Action narrowly averted // Studies in Language 22-1: 113-160, 1998.
- Kuteva, Tania. On 'sit'/'stand'/'lie' auxiliaries // Linguistics 37-2: 191-213, 1999.
- Kutsch Lojenda, Constance. Ngiti: A Central-Sudanic language of Zaire. (Nilo-Saharan: Linguistic analyses and documentation, vol. 9.) Köln: Köppe, 1994.
- Lafitte, Pierre. Grammaire Basque. Zarauz, 1979.
- Lakoff, George. The invariance hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive linguistics 1: 39-74, 1990.
- Lakoff, George; Johnson, Mark. Metaphors we live by. The University of Chicago Press, 1980.
- Langacker, Ronald W. Abstract motion // Proceedings of the 12th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society (February 15-17, 1986). Berkeley: Berkeley Linguistic Society, 1986.
- Langdon, Margaret. A Grammar of Diegueco. The Mesa Grande Dialect. (University of California Publications in Linguistics, vol. 66.) University of California Press, 1970.
- Lass, Roger. On explaining language change. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1980.
- Lee, Kee-dong. Kusaian reference grammar. Honolulu, 1975.
- Lehmann, Christian. Grammaticalization: synchronic variation and diachronic change // Lingua e Stile 20-3: 203-218, 1985.
- Lehmann, Christian. Grammaticalization and linguistic typology // General linguistics 26-1: 3-22, 1986.

- Lehmann, Christian. *Thoughts on Grammaticalization: A Programmatic Sketch*. (Revised edition.) Munich: Lincom Europa, 1995. [First edition: Lehmann, Christian. *Thoughts on Grammaticalization: A Programmatic Sketch*. (Arbeiten des K lnner Universalien-Projekts 48). Cologne: Universit t zu K ln, Institut f r Sprachwissenschaft, 1982.]
- Lehmann, Thomas. *A grammar of Modern Tamil*. Pondicherry: Pondicherry Institute of Linguistics and Culture, 1993.
- Lessau, Donald A. *A dictionary of grammaticalization*. Bochum: Brockmeyer (Bochum – Essener Beitr ge zur Sprachwandelforschung; Bd. 21), 1994.
- Li, Jen-i Jelina. Information compatibility and resultative verb compounds in Mandarin // *Proceedings of the 20th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: General Session dedicated to the contributions of Charles J. Fillmore*. Berkeley: Berkeley Linguistic Society, 1994.
- Lichtenberk, Frantisek. Semantic change and heterosemy in grammaticalization // *Language* 67-3: 475-509, 1991.
- Liu, Meichun. Reciprocal marking with deictic verbs COME and GO in Mandarin // *Frajzyngier, Zygmunt; Curl, Traci S. (eds.). Reciprocals: Forms and functions*. Amsterdam: Benjamins, 1999.
- Loogman, Alfons. *Swahili grammar and syntax*. Pittsburgh: Duquesne University Press, 1965.
- Lord, Carol. Historical change in serial verb constructions. [Typological Studies in Language, v. 26.] Amsterdam: Benjamins, 1993.
- Lyons, John. *Semantics*. Vol.2. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Macaulay, M. *A grammar of Chalcatongo Mixtec*. University of California Press, 1996.
- Maisak, Timur. Multiple periphrastic perfectives: another case of “boulder perfectivization” // *Language Typology: Proceedings of electronic conference (May 15-25, 1999)*. Web Journal of Formal, Computational & Cognitive Linguistics. CD Edition, 2000. [Версия в интернете: http://fccl.ksu.ru/winter.99/lang_typ/ogl.htm].
- Mallinson, Graham. *Rumanian*. (Croom Helm Descriptive Grammars.) London: Croom Helm, 1986.
- Martin, Samuel E. *A reference grammar of Japanese*. New Haven & London: Yale University Press, 1975.
- Masica C. *Defining a linguistic area: South Asia*. Chicago: Chicago University Press, 1976.
- Matisoff, James A. *The grammar of Lahu*. (University of California Publications in Linguistics, vol. 75.) University of California Press, 1973.
- Matisoff, James A. Areal and universal dimensions of grammatization in Lahu // *Traugott, Heine (eds.) 1991, vol. 2: 383-453*.
- McElhanon, K.A. *Selepet grammar. Part 1: From root to phrase*. The Australian National University, 1972.
- McKaughan, Howard (ed.). *The languages of the Eastern family of the east New Guinea Highlands stock*. Seattle and London: University of Washington Press, 1973.
- McLendon, Sally. *A Grammar of Eastern Pomo*. (University of California Publications in Linguistics, vol. 74.) University of California Press, 1975.
- Meillet, Antoine. *L' volution des formes grammaticales (1912)* // Meillet, Antoine. *Linguistique historique et linguistique g n rale*. Paris, 1965.
- Merlan, Francesca. *Mangarayi*. (Lingua Descriptive Studies, vol. 4.) Amsterdam, 1982.
- Miller, Wick R. *Acoma Grammar and Texts*. (University of California Publications in Linguistics, vol. 40.) University of California Press, 1965.
- Miller, George Armitage; Johnson-Laird, Philip Nicholas. *Language and perception*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Moshinsky, Julius. *A Grammar of Southeastern Pomo*. (University of California Publications in Linguistics, vol. 72.) University of California Press, 1974.
- Murane, Elizabeth. *Daga grammar: From morpheme to discourse*. Norman: SIL, 1974.
- Naess, Ashild. “Eat” as auxiliary // *LINGUIST List* 12.1631, Wed Jun 20 2001. [Версия в интернете: <http://www.linguistlist.org/issues/12/12-1631.html>]
- Nebel, P. A. *Dinka grammar (Rer-Malual Dialect)*. Verona, 1948.
- Newman, John (ed.). *The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying*. [Typological Studies in Language], Amsterdam: Benjamins. To appear.
- Olmsted Gary, Judith; Gamal-Eldin, Saad. *Cairene Egyptian Colloquial Arabic*. (Lingua Descriptive Studies, vol. 6.) Amsterdam, 1982.

- Olza Zubiri, Jesus; Jusayn, Miguel Angel. Gramatica de la lengua Guajira. Caracas, 1978.
- Osborne, C. R. The Tiwi language. Canberra, 1974.
- Pagliuca, William (ed.). Perspectives on grammaticalization. Amsterdam: John Benjamins, 1994.
- Palmer, F. R. Mood and modality. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Parker, Gary John. Ayacucho Quechua Grammar and Dictionary. Mouton, 1969.
- Payne, David L. The Phonology and Morphology of Axininca Campa. S.I.L., 1981.
- Payne, Doris L. Morphological characteristics of Lowland South American Languages // Payne, Doris L. (ed.). Amazonian Linguistics: Studies in Lowland South American Languages. Austin: University of Texas Press, 1990.
- Perkins, Revere D. Statistical techniques for determining language sample size // Studies in language 13-2: 293-315, 1989.
- Рошнзка V. On the perfective verbal aspect in Hindi // Архивъ Ориенталии, vols. 35-37, 1967-1969.
- Pountain, Christopher. ESSERE/STARE as a Romance phenomenon // Vincent, Nigel; Harris, Martin (eds.). Studies in the Romance Verb. Croom Helm, 1982.
- Prost, Andrĳ. La langue Bisa: grammaire et dictionnaire. Ougadougou: IFAN, 1950.
- Prost, Andrĳ. La langue soŋay et ses dialectes. Dakar: IFAN, 1956.
- Quintro, Josĳ Luhs. Gramática de Xironga (Landim). Lisboa, 1951.
- Radden, Gŷnter. Motion metaphorized: the case of *coming* and *going* // Casad, Eugene H. (ed.). Cognitive Linguistics in the Redwoods: The Expansion of a New Paradigm. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1996.
- Radden, Gŷnter. Time is space // Smieja, Birgit; Tasch, Meike (eds.). Human Contact through Language and Linguistics. Frankfurt/Main: Peter Lang, 1997.
- Ramat, Paolo. Thoughts on degrammaticalization // Linguistics 30: 549-560, 1992.
- Redden, James E. A descriptive grammar of Ewondo. Carbondale, 1980.
- Reineke, Brigitte. The structure of the Nkonya language. Leipzig, 1972.
- Rijkhoff, Jan; Bakker, Dik. Language sampling // Linguistic Typology 2-3: 263-314, 1998.
- Rijkhoff, Jan; Bakker, Dik; Hengeveld, Kees; Kahrel, Peter. A method of language sampling // Studies in language 17-1: 169-203, 1993.
- Roberts, John R. Amele. (Croom Helm Descriptive Grammars.) London etc.: Croom Helm, 1987.
- Robins, R. H. The Yurok Language. (University of California Publications in Linguistics, vol. 15.) University of California Press, 1958.
- Rojo, Guillermo. Perŷfrasis verbales en el gallego actual. Universidad de Santiago de Compostela, 1974.
- Romaine, Suzanne. The grammaticalization of the proximative in Tok Pisin // Language 75-2: 322-346, 1999.
- Rude, Noel. Verbs to promotional suffixes in Sahaptian and Klamath // Traugott, Heine (eds.) 1991, vol. 2: 158-199.
- Ruhlen, Merritt. A guide to the world's languages, Vol. 1: Classification. Stanford: Stanford University Press, 1987.
- Saltarelli, M. Basque. (Croom Helm Descriptive Grammars.) London: Croom Helm, 1988.
- Samarin, William J. The Gbeya Language. (University of California Publications in Linguistics, vol. 44.) University of California Press, 1966.
- Samarin, William J. A Grammar of Sango. Mouton & Co., 1967.
- Sapir, Edward; Hoijer, Harry. The Phonology and Morphology of the Navaho Language. (University of California Publications in Linguistics, vol. 50.) University of California Press, 1967.
- Sapir, J. David. A grammar of Diola-Fogny. Cambridge: Cambridge University Press, 1965.
- Schŷtz, Albert J. The Fijian language. Honolulu, 1985.
- Schaub, Gaston. Grammaire Lari. Brazzaville, 1978.
- Schaub, Willi. Babungo. (Croom Helm Descriptive Grammars.) London: Croom Helm, 1985.
- Seki, Lucy. Gramática do Kamaiurŷ: Lingua Tupi-Guarani do Alto Xingu. Campinas: Editora de Unicamp, 2000.
- Sharpe, Margaret C. Alawa phonology and grammar. Canberra, 1972.
- Shipley, William F. Maidu Grammar. (University of California Publications in Linguistics, vol. 41.) University of California Press, 1964.

- Silverstein, Michael. Classifiers, verb classifiers, and verbal categories // Proceedings of the 12th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society (February 15-17, 1986). Berkeley: Berkeley Linguistic Society, 1986.
- Singh, Udaya Narayana. Compound verbs in selected South Asian languages // Proceedings of the International Conference on South Asian languages. Moscow, 1998.
- Singh, Udaya Narayana; Subbarao K. V.; Bandyopadhyay S. K. Classification of polar verbs in selected South Asian languages // Krishnamurti, Bh. (ed.). South Asian languages: structure, convergence and diglossia. Delhi etc.: Motilal Banarsidass, 1986.
- Sohn, Ho-min. Woleaian reference grammar. Honolulu, 1975.
- Sohn, Ho-min. Korean. (Descriptive Grammars.) London etc.: Routledge, 1994.
- Spencer, H. A Kanarese grammar. Mysore City, 1950.
- Squartini, Mario. Verbal periphrases in Romance: Aspect, actionality, and grammaticalization. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.
- Stassen, Leon. Comparison and Universal grammar. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Steever, S. B. A study in auxiliation: the grammar of the indicative auxiliary verb system of Tamil. (Ph.D. Dissertation.) Chicago, Illinois, 1983.
- Stefanowitsch, Anatol. The *GO-AND-VERB* construction in a cross-linguistic perspective: Image-schema blending and the construal of events. Paper presented at the 6th International Cognitive Linguistics Conference (July 10-16, Stockholm, Sweden), 1999.
- Stopa, Roman. Structure of Bushman and its traces in Indo-European. London, 1972.
- Svorou, Soteria. The Grammar of space. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Sweetser, Eve E. Grammaticalization and Semantic Bleaching // Proceedings of the 14th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: General Session and Parasession on Grammaticalization. Berkeley: Berkeley Linguistic Society, 1988.
- Sylla, Yoro. Grammaire moderne du pulaar. Dakar etc.: Les Nouvelles Éditions Africaines, 1982.
- Talmy, Leonard. Semantics and syntax of motion // Kimball, J. (ed.). Syntax and semantics. Vol. 4. New York: Academic Press, 1975.
- Talmy, Leonard. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Shopen, Timothy (ed.). Language typology and syntactic description. Vol. III: Grammatical categories and the lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Taylor, Charles. Nkore-Kiga. (Croom Helm Descriptive Grammars.) London: Croom Helm, 1985.
- Teeter, Karl V. The Wiyot Language. (University of California Publications in Linguistics, vol. 37.) University of California Press, 1964.
- Thomas, Jacqueline M. C. Le parler Ngbaka de Bokanga. Paris: Mouton & Co., 1963.
- Todd, Loreto. Modern Englishes: pidgins and creoles. Basil Blackwell, 1984.
- Traugott, Elizabeth Closs. On the expression of spatio-temporal relations in language // Greenberg J. H. (ed.) 1978, pp. 367-400.
- Traugott, Elizabeth Closs; Heine, Bernd. Introduction // Traugott, Heine (eds.) 1991, vol.1: 1-14.
- Traugott, Elizabeth Closs; Heine, Bernd (eds). Approaches to grammaticalization. (Typological studies in language, 19.) Amsterdam: John Benjamins, 1991.
- Tryon, D. T. Daly family languages, Australia. The Australian National University, 1974.
- Tucker, A. N. A grammar of Kenya Luo (Dholuo). (Nilo-Saharan: Linguistic analyses and documentation, vols. 8.1-8.2.) Köln: Kuppe, 1994.
- Tucker, A. N.; Mpaayei, J. Tompo ole. A Maasai grammar with vocabulary. London etc., 1955.
- Ultan, Russel. The nature of future tenses // Greenberg J. H. (ed.) 1978, pp. 83-123.
- Vale R. N. Verbal composition in Indo-Aryan. Poona, 1948.
- Valente, José Francisco. Gramática umbundu. Lisboa, 1964.
- Van Oosten, Jeanne. Sitting, standing, and lying in Dutch: A cognitive approach to the distribution of the verbs *zitten*, *staan*, and *liggen* // Van Oosten, Jeanne; Snapper, Johan P. (eds.). Dutch linguistics in Berkeley. Berkeley: University of California at Berkeley, 1986.
- Verhaar, W. M. (ed.). The verb 'be' and its synonyms: Philosophical and grammatical studies. Dordrecht: D. Reidel, 1968 (Part 2); 1973 (Part 6).
- Vincent, Alex. Tairora verb structure // McKaughan, Howard (ed.) 1973, pp. 561-587.
- Vogt, Hans. Grammaire de la langue gǎorgienne. Oslo: Universitets Forlaget, 1971.
- Ward, Ida C. An introduction to the Yoruba language. Cambridge, 1952.

- Washabaugh, William. Pursuing Creole roots // Muyskan, Pieter (ed.). Generative studies on Creole languages. Dordrecht: Foris Publications, 1981.
- Westermann, Diedrich. A study of the Ewe language. Oxford University Press, 1954. [First edition: 1930.]
- Westphal, E. O. J. Kwangari: an index of lexical types. London: S.O.A.S., 1958.
- Wilkins, David P.; Hill, Deborah. When “go” means “come”: Questioning the basicness of basic motion verbs // *Cognitive Linguistics* 6-2/3, 1995.
- Willett, Thomas. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality // *Studies in Language* 12-1: 57-91, 1988.
- Williams, Adger. Summary of posture verb grammaticalization // LINGUIST List 5.943, Fri 02 Sep 1994. [Версия в интернете: <http://linguist.emich.edu/issues/5/5-1169.html>]
- Wurm, S. A. New Guinea Highlands Pidgin: Course materials. The Australian National University, 1971.
- Zwaan, Jan Daniel de. A preliminary analysis of Gogo-Yimidjir. Canberra, 1969.